

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2016 № 1 (65)

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.

Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Барбараи Л. С. – д-р мед. наук, профессор, академик РАМН, Председатель КНЦ СО РАМН (г. Кемерово, Россия).

Бибилко В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Минск, Беларусь).

Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).

Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (Потсдам, Германия).

Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).

Милошевич Х. – д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).

Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).

Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).

Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).

Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).

Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Просеков А. Ю. – д-р техн. наук, профессор, профессор РАН, и. о. ректора КемГУ, гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).

Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Клочко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).

Лушикова Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).

Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2016 № 1 (65)

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Acting Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.

A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

L. S. Barbarash – Dr. med. Sciences, professor, academician of the Academy of Medical Sciences, the President of KSC SB RAMS (Kemerovo, Russia).

V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Minsk, Belarus).

Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).

R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of *WeltTrends Journal* (Potsdam, Germany).

O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).

V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).

V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).

Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

A. Y. Prosekov – Dr. of Technical Science, Prof., RAS Prof., Editor-in-Chief, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).

V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).

G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).

V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Борисова М. В.** Анализ формирования дискурса интернационализма в среде большевиков в начале XX века
- 11 **Гузаров В. Н.** Томский филиал ВЧК-ГПУ (1920 – 1925 гг.)
- 16 **Докучаева И. Г.** Образование системы государственных трудовых резервов СССР и начало ее деятельности в Сибири (1940 – 1942 гг.)
- 19 **Маменкова Е. С.** Красноярский ИТЛ НКВД СССР в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.)
- 24 **Нам Е. В.** Противопоставление света и тьмы и его значение в шаманской системе представлений народов Сибири
- 29 **Нам Е. В.** Роль числовой символики в шаманской космологии и в процессе коммуникации между мирами (на материалах сибирского региона)
- 34 **Орлов Д. С.** Животноводство Кемеровской области во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг.: основные тенденции и итоги развития
- 39 **Савельева А. С., Герман П. В., Боброва Л. Ю.** Бронзы кургана Алчедат I в контексте металлургии тесинского этапа тагарской культуры в Мариинской лесостепи
- 49 **Самбур Б. Н.** Трудовые лагеря в системе борьбы с подростковой беспризорностью накануне и в годы Великой Отечественной войны
- 53 **Ултурсгашева Н. Д., Новиков Д. В.** К проблеме бытования этнокультурных маркеров в среде чувашей (на примере д. Терехино Топкинского района Кемеровской области)
- 56 **Утубаев Ж. Р., Болелов С. Б.** Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи
- 63 **Фризен Д. Я.** Положение крестьянских хозяйств Западного Казахстана в XIX – начале XX вв.
- 66 **Хайрединова З. З.** Роль первых Таврических муфтиев и проблемы интеграции мусульманского населения Крыма в состав России (1783 – 1830 гг.)

ПСИХОЛОГИЯ

- 72 **Андронникова О. О., Ветерок Е. В.** Психологическое благополучие и здоровье как актуальная потребность современного человека в рамках девиктимизации
- 77 **Басов Д. А.** Семантика манипуляционного поведения у студентов-педагогов
- 82 **Блинова Н. М.** Имиджевая специфика интернет-коммуникации

HISTORY AND ARCHEOLOGY

- 7 **M. V. Borisova.** Analysis of how the international discourse was formed in Bolshevik milieu at the beginning of the 20th century
- 11 **V. N. Guzarov.** Tomsk branch office of the Cheka-GPU (1920 – 1925)
- 16 **I. G. Dokuchaeva.** Formation of the system of the USSR State Manpower Reserves and the beginning of its activity in Siberia (1940 – 1942)
- 19 **E. S. Mamenkova.** Krasnoyarsk forced labour camp of the USSR National Commissariat of Military Affairs during the Great Patriotic War (1941 – 1945)
- 24 **E. V. Nam.** The opposition of light and darkness and its meaning in the shamanic worldview system of the peoples of Siberia
- 29 **E. V. Nam.** Numeric symbols in shamanic cosmology and in communication between the worlds (the case of Siberia)
- 34 **D. S. Orlov.** Animal breeding in Kemerovo Region in the second half of the 1960s – first half of the 1980s: Main tendencies and results
- 39 **A. S. Savelieva, P. V. German, L. Yu. Bobrova.** The Alchedat I barrow's bronzes and the Tesin stage of the Tagar culture metallurgy in the Mariinsk forest-steppe
- 49 **B. N. Sambur.** Labour camps in the fight against teenage homelessness before and during the Great Patriotic War
- 53 **N. D. Ulturgasheva, D. V. Novikov.** On the problem of existence of ethnic and cultural markers among the Chuvash (the example of Terekhino Village in Topkinsky District of Kemerovo Region)
- 56 **Zh. R. Utubaev, S. B. Bolelov.** New discoveries in the lower reaches of the Syr Darya
- 63 **D. Ya. Frizen.** The position of peasant farms in Western Kazakhstan in the 19th – early 20th century
- 66 **Z. Z. Khairidinova.** The first Taurida muftis' role and the problems of integration of the Crimean Muslim population to Russia (1783 – 1830)

PSYCHOLOGY

- 72 **O. O. Andronnikova, E. V. Veterok.** Psychological well-being and health as the actual needs of modern people in the context of reduction of victimization
- 77 **D. A. Basov.** The semantics of the future teachers' manipulative behavior
- 82 **N. M. Blinova.** Image specifics of Internet communication

- 89 **Бринько И. И., Паромонова М. В.** Роль педагогического взаимодействия в формировании у школьников модели делового общения
- 93 **Гольдшмидт Е. С., Поддубиков В. В.** Интенциональные факторы этнопсихологического своеобразия и адаптивных возможностей малочисленных коренных народов Сибири
- 100 **Каминская Н. А.** Отчуждение физического «я» на материале исследования пациентов с физическими дефектами и субъектов без дефектов внешности
- 106 **Кранзеева Е. А., Богомаз С. А.** Гендерные различия оценки возможностей реализации личностного потенциала вузовской молодежи в условиях городской среды
- 111 **Красненкова С. А., Суслов Ю. Е., Федоров А. Ф.** К вопросу об изучении творческого потенциала и готовности к инновациям реформирования
- 115 **Рябова М. А.** Специфика ценностных ориентаций представителей коренных малочисленных народов Севера
- 121 **Самойлик Н. А.** Содержательные характеристики феномена профессионально-ценностных ориентаций личности
- 126 **Сафронова М. В., Сахарова Е. В.** Факторы учебной мотивации школьников в условиях дифференцированного образования
- 130 **Силантьева Т. А.** Особенности использования социальной поддержки в ситуации ограниченных возможностей здоровья
- 134 **Трифонова Ю. А.** Особенности реализации психолого-образовательной технологии рефлексивного сопровождения профессиональной подготовки педагога
- 139 **Хакимова Н. Р., Синяткина А. С.** Самореализация молодежи в волонтерском движении как приоритетном направлении социальной и молодежной политики
- 145 **Яницкий М. С., Аришинова Е. В., Иванов М. С., Пфетцер С. А., Харченко Е. В.** Ценностно-смысловые аспекты социальной работы со студентами вуза, оказавшимися в кризисной ситуации
- ФИЛОЛОГИЯ**
- 152 **Акиншина Ю. М.** К вопросу о конфликтности медиатекста
- 156 **Бажалкина Н. С.** К проблеме различных подходов к пониманию дискурса в современном языкознании
- 160 **Булгакова О. А., Красноборова О. А.** Зоофраzeологизмы и зоолексемы как экспликативные языковой картины мира русского и китайского языков
- 167 **Владимиров О. Н.** Противоречия в отношении к творчеству в поздней лирике И. А. Бунина
- 89 **I. I. Brinko, M. V. Paromonova.** The role of pedagogical interaction in the formation of schoolchildren's formal communication model
- 93 **E. S. Goldschmidt, V. V. Poddubikov.** Intentional factors of ethno-psychological originality and adaptive capacity of small-numbered indigenous peoples of Siberia
- 100 **N. A. Kaminskaya.** The alienation of the physical Self: the study of patients with physical defects and subjects with normal appearance
- 106 **E. A. Kranzeeva, S. A. Bogomaz.** Gender differences in the assessment of opportunities for realization of the university youth's personal potential in the urban environment
- 111 **S. A. Krasnenkova, Yu. E. Suslov, A. F. Fedorov.** To the question of studying the creative potential and willingness to innovate reformation
- 115 **M. A. Ryabova.** The specifics of value orientations of the native peoples of the North
- 121 **N. A. Samoylik.** Meaningful characteristics of the phenomenon of professional-value orientations of the person
- 126 **M. V. Safronova, E. V. Sakharova.** Factors of learning motivation in students in the conditions of differentiated education
- 130 **T. A. Silantjeva.** Features of using social support in disability life situations
- 134 **Yu. A. Trifonova.** Features of the implementation of psycho-educational technology by the reflexive support of the pedagogical professional education
- 139 **N. R. Khakimova, A. S. Sinyatkina.** Self-realization of young people in volunteer movement as a priority direction of the social and youth policy
- 145 **M. S. Yanitskiy, E. V. Arshinova, M. S. Ivanov, S. A. Pfetser, E. V. Kharchenko.** Value-semantic aspects of social work with the higher education students encountering a crisis situation
- PHILOLOGY**
- 152 **Yu. M. Akinshina.** To the question of conflict in the mediatext
- 156 **N. S. Bazhalkina.** To the problem of different approaches to the discourse analysis in modern linguistics
- 160 **O. A. Bulgakova, O. A. Krasnoborova.** Zoophrazeologisms and zoolexes as explicators of the linguistic world picture of the Russian and the Chinese languages
- 167 **O. N. Vladimirov.** Contradictions in Ivan Bunin's attitude to creative work (as expressed in the author's late lyrics)

171	Жаворонкова М. Ю. Брачный мотив в драматургии Н. В. Гоголя	171	M. Yu. Zhavoronkova. Marriage motif in the drama of N. V. Gogol
175	Ким Л. Г., Стеванович С. В. Русский язык как фактор укрепления международных связей	175	L. G. Kim, S. V. Stevanovich. The Russian language as a factor in strengthening international relations
179	Корюкина Е. А. Жанроид «поэтическое послание» в творчестве наивного автора (на материале текстов естественной письменной речи)	179	E. A. Koryukina. Genroid “poetic message” in the works of the naive author
184	Кудрявцева А. Ю. Диалог истории и литературы: Франческо Ферручи в монографии В. К. Пискорского и романе Ф. Д. Гверрацци	184	A. Yu. Kudriavtseva. Dialog of history and literature: Francesco Ferrucci in the study by V. K. Piskorsky and the novel by F. D. Guerrazzi
188	Микалаускайте Е. Ю. Дискурсивная обработка культурной чужеродности в литературном нарративе (на материале романа I. Brezna “Die undankbare Fremde” (2012))	188	E. Yu. Mikalauskayte. Discursive treatment of cultural otherness in the literary narrative (the material of the novel “Die undankbare Fremde” (2012) by I. Brezna)
192	Оленев С. В., Ширкина Н. А. Об исследовании жанра бизнес-презентации в свете актуальных проблем бизнес-лингвистики	192	S. V. Olenev, N. A. Shirkina. On researching the genre of business presentation in the light of actual problems of business linguistics
195	Шейхи Д. Н., Замани И. Инновационное обучение русскому языку как иностранному (РКИ) студентов высших учебных заведений Ирана (на примерах семантики и средств выражения вежливости в русском и персидском языках)	195	J. N. Sheikhi, I. Zamani. New methods of teaching the Russian language to Iranian students
201	Правила для авторов журнала	201	Information and instructions for authors
203	Подписка на «Вестник КемГУ»	203	Subscribe to Bulletin of KemSU

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47)

АНАЛИЗ ФОРМИРОВАНИЯ ДИСКУРСА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА
В СРЕДЕ БОЛЬШЕВИКОВ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. В. Борисова

ANALYSIS OF HOW THE INTERNATIONAL DISCOURSE WAS FORMED
IN BOLSHEVIK MILIEU AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

M. V. Borisova

Статья выполнена при поддержке гранта РНФ № 14-50-00036.

В процессе утверждения в обществе новых идей значительная роль принадлежит дискурсу интеллектуальных и политических элит. Зачастую в нем используются термины, выражающие абстрактный концепт. В советской России одним из таких терминов был «интернационализм».

Целью данной статьи является анализ формирования дискурса интернационализма в среде большевиков в начале XX века. В качестве метода исследования автором был применен дискурс-анализ, базирующийся на социально-конструктивистской методологии, согласно которой дискурс конструирует социальную реальность и социальные феномены.

Автор приходит к выводу, что термин «интернационализм» появился в дискурсе интеллектуальной партийной элиты РСДРП(б) до прихода большевиков к власти и заложил основы идеологии и практики советского государства как в «национальной политике» внутри страны, так и во внешней политике. Двойная направленность применения лозунга «интернационализма» (дословно означающего «между нациями») была связана с признанием большевиками двойного значения термина «нация» – как национального меньшинства, с одной стороны, как национального государства – с другой.

The intellectual and political elite discourse, which plays an important role in adopting new ideas in the society, often use the terms expressing abstract concepts. “Internationalism” in the Soviet Russia was one of these terms.

The goal of this paper is to analyze the origins of the international discourse in the Bolshevik milieu at the beginning of the 20th century. This research is based on discourse analysis drawing on the methodology of social constructivism, which considers discourse as a constitutive of the social reality and a social phenomenon.

The author concludes that the word “internationalism” had appeared in RSDLP(b) intellectual party elite discourse before Bolsheviks coming to power and laid the foundations for the Soviet Union ideology and policies towards nationalities inside the country, as well as foreign policy. Double orientation of “internationalism” motto (which literally means “between nations”) was linked to Bolsheviks’ recognition of double meaning of the term of “nation” – national minority on the one hand, national state on the other.

Ключевые слова: нации, национализм, интернационализм, национальный вопрос, большевизм, политический дискурс, идеология.

Keywords: nation, nationalism, internationalism, national question, Bolsheviks, political discourse, ideology.

В эпоху модерна сложилось два принципиальных смысла наций – «как отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, и отношение, известное как этничность, в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общие язык, история или культурная идентичность в более широком понимании» [2, с. 298]. С рубежа XVIII – XIX вв. первое отношение было тождественно национальному государству или «государству-нации», второе – национальным движениям, имевшим своей конечной целью политическую независимость.

Классики марксизма отождествляли нацию с государством, а «неисторические нации», или «национальности» воспринимались иной раз как «контрреволюционные» и не имели, по мнению Маркса и Энгельса, естественного права быть признанными как

нации [4, с. 325 – 327]. Маркс и Энгельс исходили из безусловного примата классовой солидарности, считая национальные солидарности несущественными или вторичными. Отсюда допущение о том, что «у пролетариата нет отечества», и что мировоззрением, отвечающим интересам рабочего движения, будет международное пролетарское братство, позже получит название «пролетарский интернационализм». Национализм, соответственно, воспринимался как «идеология, продуцируемая господствующими классами для удержания власти и для блокирования процессов классовой солидарности» [12, с. 90 – 91].

Однако «национальный вопрос», возникший в таких полиэтнических государствах, как Австро-Венгрия и Российская империя на рубеже XIX – XX вв., требовал от представителей местных социал-демократических движений пересмотра положений классиче-

ского марксизма с учетом этнополитических реалий этих государств.

Принцип признания права наций на самоопределение как одной из задач социалистического движения впервые был сформулирован в 1896 г. в Резолюции Лондонского конгресса 2-го Интернационала [4, с. 331]. Право наций на самоопределение было закреплено Российской социал-демократической партией в своей программе, принятой в 1903 г. [23, с. 421]. В отличие от австромарксистов, видевших решение национального вопроса в создании национально-культурных автономий [1, с. 119], российским рабочим движением отстаивалась областная автономия, а «пролетарский интернационализм» рассматривался как объединительная идеология, призванная консолидировать нации, разделенные территориально. Цель данной статьи – проанализировать развитие большевиками дискурса интернационализма в начале XX в., а также дать определение категории пролетарского интернационализма в том виде, в котором ее понимали носители этого дискурса.

Существует множество определений понятия «дискурс». Мы придерживаемся определения, данного А. И. Миллером, согласно которому дискурс представляет собой «отложившийся и закреплённый в языке способ упорядочения действительности и видения мира. Выражается в разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражает мир, но проектирует и сотворяет его» [15, с. 141]. Исследователи выделяют два вида политического дискурса: институциональный (узкое понимание) и неинституциональный (широкое понимание). Политический дискурс в узком смысле – «это дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, речей политиков» [20]. Институциональный характер политического дискурса определяется тем, что он ограничен деятельностью политиков, т. е. профессиональными рамками. Неинституциональный политический дискурс является политическим дискурсом реагирования, распространяющимся через средства массовой информации и оказывающим влияние на формирование общественного сознания [20]. В данной работе анализу подвергается институциональный тип политического дискурса.

Как показывает анализ литературы по проблеме интернационализма, до настоящего момента этот вопрос должным образом не изучался. На сегодняшний день в исторической и политической литературе нет четкого и обоснованного понятийного аппарата. В официальных документах советского времени определение того, что такое интернационализм также отсутствует. В советской литературе В. И. Ленин повсеместно именуется теоретиком «интернационализма», развившим идеи «пролетарского интернационализма» К. Маркса и Ф. Энгельса, впервые высказанных в «Манифесте Коммунистической партии» (1848 г.) [14]. Однако анализ работ К. Маркса и Ф. Энгельса показывает, что термин «интернационализм» вошел в лексикон теоретиков марксизма лишь с 1870-х гг. после употребления его французским социалистом Огюстом Даниелем Серраи в своем письме К. Марксу, излагавшем настроения рабочей партии

Франции в условиях начавшейся франко-прусской войны [13]. В самом же «Манифесте Коммунистической партии» термин «интернационализм» отсутствует. До 1870-х гг. в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса речь шла о «братстве наций» [27, с. 290] и о международном (интернациональном) сотрудничестве трудящихся разных стран.

Разработка «национального вопроса», наряду с другими вопросами общественно-политического развития, занимала важное место в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина. Анализ работ В. И. Ленина и И. В. Сталина с 1893 и 1901 гг. соответственно, обнаруживает, что слово «интернационализм» появляется в их трудах синхронно в 1913 г. В том же году в статье И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос» большевиками впервые давалось определение нации: «нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» [25, с. 10]. Сталинское определение, не содержащее такого признака нации, как государство, на долгие годы закрепило за термином «нация» выражение «отношения этничности». При этом не отрицалось существование классических наций-государств: им присваивался эпитет «буржуазных» и «угнетающих», а нациям, не имеющим своей государственности – «угнетаемых» или «угнетенных» [25, с. 63]. Государственный российский национализм был отброшен большевиками как враждебная сила и идеология, поддерживаемая социальными группами, негативно настроенными к социал-демократическому течению. Идеология гражданского национализма в большевистской риторике получила название «буржуазного национализма». В этом же типе национализма большевики обвиняли и «буржуазию» нерусских народов, мобилизующую национальный пролетариат и крестьянство на национально-освободительную борьбу против «правящей национальности» [25, с. 16 – 24].

Именно в контексте противопоставления «буржуазному национализму» слово «интернационализм» используется в работах В. И. Ленина и И. В. Сталина в 1913 г. [8; 9; 11].

Первое обстоятельное заявление партии по вопросу о национализме содержалось в резолюции, принятой на совещании Центрального Комитета партии, состоявшемся в Поронино осенью 1913 г. [4, с. 336]. Резолюция совещания определила принципы большевистской программы по «национальному вопросу», обозначив этнополитический вектор развития дискурса интернационализма, т. е. «стратегию управления многоэтничным государством, направленную на формирование государства в условиях полиэтнического общества и обеспечение межэтнического согласия» [26, с. 13]. Резолюция совещания декларировала равноправие всех наций и языков, право наций на самоопределение, недопустимость национально-культурной автономии [24, с. 57 – 59]. По мнению большевиков, реализация равноправия всех «наций» и языков должна была обеспечить развитие «демократических и социалистических элементов» «национальных культур» из которых в будущем должна была сложиться «интернациональная культура» [11,

с. 318]. Что касается права нации на самоопределение, то в реализации этого принципа, большевики видели залог дальнейшей консолидации наций [7; 10].

Второй вектор развития дискурса интернационализма был направлен на удержание мировой солидарности пролетариата в условиях Первой мировой войны. Призыв национальных государств к патриотизму и защите родины трактовался большевиками как попытки буржуазии национальных западноевропейских государств «подорвать и ослабить единство и солидарность пролетариата». Факт перехода большей части партий и профсоюзов на точку зрения защиты отечества был расценен большевиками как «отказ от классовой борьбы» в пользу защиты «империалистической политики своих буржуазных правительств» [10, с. 18].

Через партийную программу и политические речи интернационалистская терминология закрепились в институциональном политическом дискурсе большевиков. Анализ материалов общепартийных конференций (наиболее значительными из которых были Пражская 1912 г. и последовавшая за ней Апрельская 1917 г.) позволяет говорить о том, что интернационалистская терминология приобрела в дискурсе большевиков регулярный характер лишь с 1917 г., прочно войдя с того времени в их лексикон. Если в протоколах Пражской конференции слово «интернационализм» встречается лишь единожды [5, с. 426], то в материалах Апрельской конференции мы находим этот термин, обозначающий братскую солидарность «рабочих всех стран в борьбе против ига капитала» [17, с. 242], 18 раз. О международной направленности «интернационализма» свидетельствует также появление слова «интернационалист», которым обозначались представители любых политических течений, стоящие на позициях интернационализма. В качестве прилагательного в словосочетаниях используется «интернационалистская/ий/ое», относящаяся/ийся/ее-ся к таким словам как «группа», «блок», «линия», «организация», «течение», «партия». Слово «интернационализм» фигурирует и в резолюциях конференции. В трех различных резолюциях, принятых партийной конференцией, слово интернационализм встречается 4 раза [16; 17; 21]. Одна из резолюций конференции – «Положение в Интернационале и задачи РСДРП(б)» также отмечала необходимость создания III Интернационала [21]. Интересно отметить,

что Апрельской конференцией обсуждался и «национальный вопрос» и была принята резолюция по «Национальному вопросу». Однако связи «интернационализма» с «национальным вопросом» в материалах конференции не прослеживается.

Идеи интернационализма относительно международного коммунистического движения получили свое развитие на VI съезде РСДРП(б) в августе 1917 г. Так, в резолюции «Предвыборная кампания в Учредительное собрание», допускалось вступать в блоки «лишь с партиями, стоящими на почве интернационализма, не на словах, а на деле порвавшими с оборонцами» [22, с. 261]. В резолюции «Партия и профессиональные союзы» отмечалось: «В историческом споре между интернационализмом и “оборончеством” профессиональное движение определено и решительно должно стать на сторону революционного интернационализма» [18, с. 264]. Всего в прениях и резолюциях слово интернационализм встречается 14 раз; 3 раза – «революционный долг»; 4 раза «солидарность» без эпитетов; интернационалистские элементы, силы, организации, газеты, партия, меньшинство, профсоюзы, точка зрения, крыло, пролетариат – 18 раз; интернационалисты (приверженцы идеям интернационализма) – около 100 раз.

Таким образом, анализ статей и партийных документов большевиков позволяет говорить о том, что интернационалистская терминология появляется в сочинениях В. И. Ленина и И. В. Сталина в 1913 г. одновременно с разработкой большевистской «теории нации». Эта теория носила дуалистический характер. С одной стороны, она закрепляла определение «нация» за «национальными меньшинствами» и предопределяла этническую политику Советского Союза и этнополитические процессы в России в XX – начале XXI вв. С другой стороны, не отрицалось существование «буржуазных наций», т. е. национальных государств, сложившихся в эпоху развития капитализма. К моменту прихода большевиков к власти в 1917 г. «интернационализм» прочно вошел в их политический дискурс. «Пролетарский интернационализм» рассматривался как объединительная идеология, призванная консолидировать нации, разделенные территориально – как внутри страны с целью консолидации общества, так и в мировом масштабе с целью развития мировой социалистической революции и установления социализма во всем мире.

Литература

1. Бауэр О. Национальный вопрос и социал-демократия (впервые напечатано в 1907 г.) // Нации и национализм; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 52 – 120.
2. Вердери К. Куда идут «нации» и «национализм»? // Нации и национализм; пер с англ. и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 297 – 307.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М., 1989.
4. Карр Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1, 2. Большевистская революция. 1917 – 1923 / пер. с англ.; предисл. А. П. Ненарокова. М.: Прогресс, 1990. 771 с. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_2267.html
5. Конференция РСДРП 1912 года. Документы и материалы. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.
6. Ленин В. И. Война и российская социал-демократия (написано в сентябре 1914 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 26. С. 15 – 23. Режим доступа: <http://leninism.su/works/65-tom-26/2090-vojna-i-rossijskaya-soczial-demokratiya.html>

7. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении (написано в июле 1916 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 30. С. 17 – 58. Режим доступа: <http://leninism.su/works/69-tom-30/1985-itogi-diskussii-o-samoopredelenii.html>
8. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу (написано в октябре – декабре 1913 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 115 – 150. Режим доступа: <http://leninism.su/works/62-tom-24/2227-kriticheskie-zametki-po-naczionalnomu-voprosu.html>
9. Ленин В. И. Проект платформы к IV съезду социал-демократии Латышского края» (написано в мае 1913 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 208 – 211. Режим доступа: <http://leninism.su/works/61-tom-23/2361-proekt-platformy-k-iv-sezdu-soczial-demokratii-latyshskogo-kрая.html>
10. Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение (написано не ранее 16(29) октября 1915 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. С. 61 – 68. Режим доступа: <http://leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html?limitstart&showall=1>
11. Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу (написано в июне 1913 г.) // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 23. С. 315 – 322. Режим доступа: <http://leninism.su/works/61-tom-23/2389-tezisy-po-naczionalnomu-voprosu.html>
12. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: учебное пособие. М.: КДУ, 2005. 320 с.
13. Маркс К. – Сезарю Де Папу (написано 14 сентября 1870 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 33. Изд. 2. М.: Политиздат, 1964. С. 128.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии (напечатано в 1848 г.). Режим доступа: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto.htm>
15. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 4. С. 141 – 152.
16. Об объединении интернационалистов против мелкобуржуазного оборонческого блока // Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 252.
17. О войне // Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 241 – 242.
18. Партия и профессиональные союзы // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 264.
19. Первый съезд РСДРП. Март 1898 года. Документы и материалы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 319.
20. Перельгут Н. М., Сухоцкая Е. Б. О структуре понятия «политический дискурс» // Вестник Нижегородского государственного университета. 2013. № 2. С. 35 – 41. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs>
21. Положение в Интернационале и задачи РСДРП(б) // Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 254.
22. Предвыборная кампания в Учредительное собрание // Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958. С. 261.
23. Программа РСДРП, принятая на II съезде партии // Второй съезд РСДРП (июль – август 1903 года): Протоколы. М.: Политиздат, 1955. С. 418 – 424.
24. Резолюции летнего 1913 г. совещания ЦК РСДРП с партийными работниками // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 24. С. 49 – 60. Режим доступа: <http://leninism.su/works/62-tom-24/2214-rezolyuczii-letnego-1913-goda-soveshhaniya-czk-rsdrp-s-partijnymi-rabotnikami.html>
25. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос (написано в 1912 – 1913 гг.) // Сталин И. В. О национальном вопросе: сборник статей. М.: Центрполиграф, 2012. С. 5 – 66.
26. Тишков В. А., Шабаетов Ю. П. Этнополитология: политические функции этничности. М.: Наука, 2011.
27. Энгельс Ф. Празднество наций в Лондоне (написано в 1845 г.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. Изд. 2. М.: Политиздат, 1955. 590 с.

Информация об авторе:

Борисова Мария Владимировна – аспирант отдела этнографии Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, ponomarenko.mari@hotmail.com.

Mariya V. Borisova – post-graduate student at Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.

(Научный руководитель: **Октябрская Ирина Вячеславовна** – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом Этнографии Института Археологии и Этнографии СО РАН, г. Новосибирск, siem405@yandex.ru.)

Irina V. Oktyabrskaya – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk).

Статья поступила в редколлегию 11.11.2015 г.

УДК 94-3(571. 16)

ТОМСКИЙ ФИЛИАЛ ВЧК-ГПУ (1920 – 1925 гг.)

В. Н. Гузаров

TOMSK BRANCH OFFICE OF THE CHEKA-GPU (1920 – 1925)

V. N. Guzarov

Рассматривается становление губернской ЧК и пополнение ее кадрами коммунистов за счет мобилизации из центральных районов страны, а также из местных товарищей. Показано преследование чекистами бывших офицеров, эсеров, социал-демократов, кооператоров, студентов. Исследуется взаимоотношения партийных и советских структур со спецслужбой. Все начальники томской спецслужбы были людьми приезжими, не связанными с местной партийной организацией и городским обществом. Чекисты добились от партийных комитетов запрета коммунистам ручаться за своих арестованных товарищей. В 1920 г. лишь половина сотрудников ЧК состояла в коммунистической партии.

The paper considers the establishment of the guberniya's Cheka and its completion by communists using mobilization among the communists of the central regions of the country, as well as from the local comrades. The paper discovers the chekists' prosecution of former officers, the Socialist-Revolutionaries, Social Democrats, cooperators and students. We study the relations of the Communist party and the Soviet structures with Special Emergency Service. All chiefs of the Tomsk Emergency Committee were not native citizens, unrelated with the local party organizations and city community. Chekists forced the party committees into barring Communists vouch for their arrested comrades. In 1920, only half of the officials of the Cheka were members of the Communist Party.

Ключевые слова: ЧК (Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем), террор, коммунисты, враги, офицеры, оппозиционные партии, трибунал, доноительство.

Keywords: Cheka (The All-Russian Emergency Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage), terror, communists, enemies, officers, oppositional parties, tribunal, denunciation.

Становлению силовых структур советского государства посвящена довольно обширная литература. Коммунистические авторы изображали деятельность ВЧК-ГПУ исключительно позитивно, героически. Советские историки однозначно приветствовали репрессивные меры новой власти против побежденных соотечественников. Падение КПСС способствовало появлению объективных публикаций о чекистах. На основе сибирского материала, Г. Л. Олех первым обратился к проблеме тесной связи ЧК и Российской коммунистической партии большевиков (РКП(б)), и высказал предположение о доминировании партийных комитетов над структурами спецслужбы [8]. А. Г. Тепляков дал критическую оценку публикациям историков так или иначе связанных со спецслужбами и подверг сомнению существование в 1920 г. белогвардейских заговоров в Томске [9]. В. И. Голоскоков и В. Н. Уйманов опубликовали краткие биографии начальников томской ЧК-ГПУ [1]. Отдельные сюжеты деятельности ЧК в 1920 г. освещены Н. С. Ларьковым [7]. Несомненный интерес представляет сборник документов «Из истории земли томской», подготовленный А. А. Бондаренко, В. А. Демешкиным, Е. Н. Косых, Н. С. Ларьковым, Б. П. Трениным [5]. Тем не менее интересующая нас проблема остается недостаточно разработанной. В имеющихся публикациях не затронуты многие вопросы: мобилизации в ЧК, размера жалования сотрудников, характера льгот, практики перевода чекистов из Сибири в центр страны, опыта привлечения коммунистов к роли осведомителей. Выяснение этих сюжетов позволит объективно оценить роль силовых структур в становлении советской власти.

В начале 1920 г. руководство Томской губернией по линии ЧК осуществлялось из Новониколаевска. Это вносило путаницу в процесс управления, поскольку до мая 1920 г. Томск рассматривался Сибир-

ским революционным комитетом (Сибревкомом) как уездный, а не губернский центр. В декабре 1919 г. Томскую уездную ЧК возглавил Матвей Давыдович Берман. Обязанности председателя Томской (Новониколаевской) губернской ЧК выполняла Вера Петровна Брауде. В апреле 1920 г. ее перевели в Томскую уездную ЧК. В феврале 1920 г. председателем Томской губернской ЧК назначили Александра Васильевича Шишкова.

Установление советской власти сопровождалось массовыми арестами ее противников. Уже в феврале 1920 г. в Томской тюрьме содержалось 780 заключенных, в том числе 320 так называемых контрреволюционеров. В январе-феврале 1920 г. Томская ЧК расстреляла не менее 42-х человек [9, с. 96, 116]. Особое подозрение у советской спецслужбы вызывали бывшие офицеры, эсеры и кооператоры. В марте 1920 г. томские чекисты разоблачены две антисоветские организации и расстреляли более 80 человек [5, с. 171]. Пospешное следствие и суровое наказание свидетельствовали о превышении чекистами своих полномочий. Сибревком и представительство ВЧК в Сибири выразили недоверие томской коллегии ВЧК и сместили ее руководителя А. В. Шишкова. 23 марта 1920 г. член коллегии томской ЧК В. П. Брауде подала заявление в губернское бюро РКП(б). Она возмущалась обвинениями в адрес чекистов, которые, по ее мнению, действовали не как убийцы и палачи, руководимые чувством мести, а как политические работники [5, с. 73 – 74]. На следующий день, 24 марта 1920 г., поступило аналогичное заявление членов коллегии губернской ЧК. Подписанты отклонили обвинения в свой адрес и переложили вину на партком и губернский ревком, санкционировавшие расстрел кооператоров. Авторы заявления подчеркивали, что на заседании коллегии ЧК, выносившей решение о расстреле

кооператоров, присутствовал Георгий Константинович Соболевский, член губернского ревкома. Силовики также утверждали, что центр не давал ясных указаний в отношении антисоветских элементов.

26 марта 1920 г. томскую губернскую ЧК возглавил М. Д. Берман. В отличие от А. В. Шишкова, он старался действовать в тесном контакте с губернским комитетом партии. 20 мая 1920 г. Матвей Давыдович обратился к городскому партийному комитету с призывом всеми силами содействовать сотрудникам ЧК. 2 июня 1920 г. М. Д. Берман вновь повторил свою просьбу на этот раз к губернскому бюро РКП(б). При этом он ссылаясь на решение VIII съезда РКП(б), согласно которому ни один коммунист не мог уклоняться от информирования ЧК. М. Д. Берман призывал посылать на работу в ЧК только старых коммунистов, поскольку служба в ЧК развращала молодых, и они нарушали законы, оправдывая свои действия защитой революции [5, с. 88 – 89].

В мае-июне 1920 г. в состав губернского бюро РКП(б) входили: А. И. Беленец, Д. И. Розенберг, А. П. Кирилов, В. Д. Вегман, К. И. Озол, П. А. Верхотуров, К. М. Молотов, Я. М. Познанский, Ф. Е. Орлов, И. М. Линецкий, М. И. Берман, Б. А. Бак, С. О. Челядин. Трое последних были чекистами. Летом 1920 г. антисоветские крестьянские восстания резко изменили политическую обстановку в Сибири. Угроза утраты власти РКП(б) была реальной. 16 июня 1920 г. общее собрание коммунистов Томска обсудило доклад М. Д. Бермана о борьбе с контрреволюцией. Заручившись поддержкой правящей партии, чекисты произвели массовые аресты. Коммунисты опасались объединения сил городских подпольных организаций с крестьянскими восстаниями. 27 июня 1920 г. на совместном заседании губревкома, губбюро РКП(б) и президиума городского парткома Матвей Давыдович доложил руководителям губернии о раскрытии и ликвидации белогвардейской и эсеровской подпольных организаций, готовивших на 11 июля антисоветское восстание в Томске. Руководитель ЧК информировал собравшихся, что 50 наиболее активных белогвардейцев уже расстреляны. М. Д. Берман заверил партийный актив, что связь белогвардейцев и эсеров установлена [10, л. 134]. Губревком и губбюро РКП(б) утвердили доклад чекиста. При этом М. Д. Берман не пояснил конкретной вины подозреваемых и их поспешного расстрела. Из сообщения М. Д. Бермана было неясно на каких условиях объединялись белогвардейцы с социалистами-революционерами. 12 июля 1920 г. бюро губкома РКП(б) заслушало информацию М. Д. Бермана о ходе следствия и одобрило действия чекистов. На следующий день чекисты расстреляли 88 человек. Кроме того, 118 человек получили различные сроки заключения [11, л. 26 – 30]. В августе 1920 г. губернский ревком и ЧК открыли лагерь принудительных работ. Даже в ноябре 1921 г. половина заключенных лагеря не имела приговоров и фиксированных сроков заключения. В лагерном журнале помечалось: «до особого распоряжения», «военный дезертир», «трудовой дезертир» [2, л. 253].

Коммунисты были полны решимости продолжать гражданскую войну. 11 августа 1920 г. центр предоставил дополнительные полномочия губернским ЧК и трибуналам. Разрешалось заключать в лагерь на 5 лет даже тех, «в отношении коих дознанием не добыто

достаточно данных для преследования их судебным порядком» [5, с. 100]. В духе этих рекомендаций, выдержано заключение губернской ЧК по делу бывшего офицера П. Н. Далингера. За первые девять месяцев 1920 г. томские чекисты арестовали 6138 человек, в том числе 4087 за «контрреволюционную деятельность», 1376 – за бандитизм и другие преступления. При этом 330 человек было расстреляно [9, с. 152]. Заслуги товарищей по активной борьбе с противниками советского режима были оценены по достоинству. 10 августа 1920 г. Сибирское бюро ЦК РКП(б) (Сиббюро) откомандировало председателя губисполкома Совета А. И. Беленца в Москву. Через три дня руководитель губернской ЧК М. Д. Берман сдал дела Борису Аркадьевичу Баку и отбыл на Дальний Восток. Томские коммунисты высоко оценили его заслуги и наградили серебряным револьвером системы «Браунинг» [12, л. 278.]. 16 сентября 1920 г. президиум губкома сообщил в Сиббюро ЦК об отзыве из губернии М. Д. Бермана и назначении временным председателем ЧК Б. А. Бака [13, л. 29].

Новый начальник ЧК оказался недостаточно «твердым». Уже через месяц после его назначения партийные товарищи критиковали Б. А. Бака за ходатайства об освобождении арестованных, за попытку содействия своему брату Соломону Аркадьевичу в переводе из Мариинска в Иркутск. 4 августа 1920 г. губернский комитет запретил коммунистам просить ЧК об освобождении арестованных. В сентябре 1920 г. Б. А. Баку «поставили на вид», что он допустил обсуждение вопроса на общегородском собрании о ходатайстве ответственных работников за арестованных людей. 28 декабря 1920 г. губком РКП(б) объявил выговор Б. А. Баку и просил отозвать его из Томска ввиду утраты авторитета [13, л. 31]. 24 сентября 1920 г. в Томск поступила телеграмма от начальника ЧК Сибири И. П. Павлуновского о назначении руководителем томской ЧК Самуила Гдальевича Чудновского, принимавшего участие в допросе А. В. Колчака в Иркутске. 14 сентября 1920 г. собрание коммунистов-чекистов просило вернуть М. Д. Бермана, не имея ничего против С. Г. Чудновского.

25 октября 1920 г., на первом губернском съезде Советов, глава Сибревкома И. Н. Смирнов обсудил с местным активом телеграмму Ф. Э. Дзержинского по предотвращению антисоветских восстаний в воинских частях, размещенных в пределах губернии. Рекомендовалось обратить особое внимание на отдельных лиц, способных играть видную роль при возникновении угрозы восстаний. Губернская ЧК активно работала в этом направлении. 16 ноября 1920 г. губернский комитет РКП(б) одобрил доклад председателя губчека С. Г. Чудновского по выявлению так называемых белогвардейских организаций. Губком признал политическую линию ЧК правильной. На работу в силовую структуру дополнительно направили: Штранфельда, Кучковского, Яна Цеберга и других. Это были в основном молодые люди: от 19 до 33 лет. В октябре 1920 г. начальник Томской ЧК получал в месяц по 9 разряду 6800 рублей (26,5 долларов), а его помощник – 6200 рублей. Председатель губернского исполкома имел меньше – 4680 рублей [3, л. 340, 369].

С. Г. Чудновский менее года проработал в Томске. Во время личностного конфликта между партийными и советскими руководителями Томской губернии он по-

страдал как «сторонник председателя губернского исполкома». В мае 1921 г. большинство членов Томского губкома РКП(б) высказали недоверие председателю губисполкома и руководителю местной ЧК. Партийное руководство губернии признало ненормальным положение дел в ЧК. Полномочный представитель ЧК по Сибири И. П. Павлуновский поддержал С. Г. Чудновского, однако Сиббюро ЦК решило не обострять конфликт и обновило состав руководства Томской губернии, в том числе и ЧК. Новым начальником губернской ЧК назначили Михаила Ивановича Подгайского. 15 июня 1921 г. вместе с ним в Томск из Омска прибыла новая коллегия губернской ЧК: Василий Федорович Беляев, Иван Иванович Слепченко, Ильиных. Прибывшие товарищи провели тщательную ревизию дел, чтобы показать недоработки предшественников. В ходе проверки оказалось, что из содержащихся под следствием 410 человек, 280 ни разу не были допрошены, в заключении содержались также старики и неграмотные люди, не представлявшие опасности для власти [14, л. 88]. Новые руководители ЧК пытались устранить отмеченные недостатки. 21 июля 1921 г. Томский губком РКП(б) утвердил очередную коллессию губернской ЧК, а на следующий день аналогичное решение принял губисполком. Президиум губкома РКП(б) направил на укреплении коллессии ЧК 30 коммунистов.

Новый руководитель ЧК также тесно сотрудничал с губернным комитетом партии, но не избежал критики в свой адрес. 7 сентября 1921 г. на пленуме губкома РКП(б) секретарь организационного отдела М. Н. Рютин высказал опасения в том, что в обстановке голода и разрухи «белогвардейцы еще раз могут попытаться сорвать советскую власть». Он призывал к укреплению губернской ЧК, критиковал ее сотрудников за пьянство. 11 сентября 1921 г. чекисты направили в губернский комитет РКП(б) заявление, опровергавшее обвинения М. Н. Рютина. Пьянство, присваивание чужих вещей при обысках, незаконные аресты, – все это связывалось с прежней коллессией губернской ЧК. В заявлении подчеркивалось, что новое руководство наоборот боролось с подобными явлениями. Из заключения освободили 250 человек из 510 арестованных, сократили сроки следствия. Чекисты назвали высказывания М. Н. Рютина «незаслуженной пощечиной». Секретарь губкома РКП(б) В. А. Строганов и председатель губернского исполкома Совета Н. П. Теплов уговаривали члена Сиббюро ЦК РКП(б) Е. М. Ярославского убрать М. Н. Рютина из Томска. В конце 1921 г. Сиббюро перемело М. Н. Рютина в Дагестан. М. И. Подгайский уехал в Псковскую губернию.

15 февраля 1922 г. президиум губернского исполкома Совета принял к сведению телеграмму И. П. Павлуновского об утверждении Василия Федоровича Беляева председателем губернской ЧК. В январе 1922 г. зарплата В. Ф. Беляева составляла 1236890 рублей или 593 доллара. И. В. Богданов, И. И. Слепченко и М. Р. Матвеев получали по 1145240 рублей [4, л. 90 – 91]. По сравнению с октябрём 1920 г. жалование руководителя спецслужбы увеличилось более чем в 20 раз. Кроме того, чекисты были зачислены на все виды довольствия. 18 августа 1923 г. губернский исполком Совета освободил сотрудников ГПУ от расходов по оплате коммунальных услуг. Помимо В. Ф. Беляева в коллессию ГПУ входили: Богданов Иван Емельянович, Соболевская Екатерина Николаевна, Матвеев Михаил

Романович, А. М. Дмитриева, Н. В. Макаренко, М. И. Голубева. С февраля 1923 г. по сентябрь 1925 г. губернным отделом ГПУ руководил Михаил Алексеевич Филатов, а затем – Самуил Лазаревич Гильман. Бюро губкома РКП(б) одобрило назначение этих товарищей. Высшая партийная власть губернии не возражала против утверждения в должности других руководящих сотрудников ГПУ: Федора Авксентьевича Сова-Степняка, Михаила Митрофановича Чунтунова, Семёна Матвеевича Буда.

На службу в ЧК брали людей преданных советской власти. Таковых находили, прежде всего, среди коммунистов, поскольку, вступавшие в правящую партию проходили определенную проверку. Партийные комитеты постоянно пополняли ЧК кадрами. В январе 1920 г. в Томской губернской ЧК служило 60 сотрудников, а к началу февраля – 130 [9, с. 50]. К августу 1920 г. транспортная ЧК водников губернии насчитывала 44 сотрудника, 23 из которых были коммунистами [15, л. 76]. 28 марта 1920 г. руководство районной транспортной ЧК Томской железной дороги просило губернский комитет РКП(б) прислать 14 надежных товарищей для занятия конторских должностей в секретно-оперативном отделе. 9 мая 1920 г. ЧК запросила у губернского комитета РКП(б) уже 100 человек. На подобные запросы не было отказов. 17 сентября 1920 г. постановление Совета Труда и Оборона (СТО) приравнивало сотрудников ВЧК к военнослужащим действующей Красной армии. Эта мера ускорила комплектование губернской ЧК. Уже в начале 1922 г. в губернской ЧК служило много женщин: Брун Юлия Лукьяновна, Соболевская Екатерина Николаевна, Чередниченко Валентина. Все 12 служащих почтово-телеграфного отдела были женщинами. В мае 1921 г. в Томск прибыл отряд дорожно-транспортной ЧК в составе 200 человек с целью ускорить вывоз продовольствия из губернии в центр страны. В июле 1921 г. Томский батальон ВЧК насчитывал 877 военнослужащих, 56 из которых были коммунистами. В партийной ячейке губернской ЧК состояло 62 коммуниста.

Некоторые коммунисты считали службу в ЧК временной и пытались вернуться к своей прежней профессии. 19 февраля 1921 г. коммунист П. П. Соколов, прослужив в ЧК год, подал заявление в губернский комитет РКП(б) с просьбой направить на другую работу. Партийный комитет отказал. В июне 1921 г. просил освободить от службы в ЧК Сергей Осокин – уполномоченный по Кольчугинскому району, бывший подпольщик. А. Н. Пятницкий служил в Томской ЧК со дня ее основания. Ссылаясь на плохое здоровье, подорванное тюрьмой, он просил отпустить его в центр на литературную работу. А. Н. Пятницкий, которому было 22 года, писал: «Как старый работник на одном месте имею право на переброску в другую губернию» [16, л. 17]. В январе 1923 г. ГПУ удовлетворило просьбу Арабкина Ивана Дмитриевича о переводе его в систему торговли. Товарищ жаловался, что не имел юридического образования. В январе 1923 г. ГПУ откомандировало в Нарым Урицкого Павла Михайловича, который официально занимал должность в системе Народного комиссариата финансов. В мае 1923 г. П. М. Урицкий просил освободить его от финансовой работы, а через три месяца – перевести его в другое место, где возможно поправить пошатнувшееся здоровье.

Подчиняясь Москве, местная ЧК тем не менее информировала губернские власти о своих действиях. В августе 1920 г. Томская ЧК сообщала губернскому комитету РКП(б), об аресте члена партии, инструктора Всеобуча бывшего офицера Братина, обвиняемого в контрреволюционной деятельности. Если обвинение было достаточно серьезным, то партийный комитет спешно исключал такого человека из РКП(б). Под влиянием родственников, соседей и знакомых, коммунисты пытались ходатайствовать об освобождении людей, арестованных ЧК. Множество подобных прошений побудило губернский комитет РКП(б) 4 августа 1920 г. принять решение о недопустимости ручательств коммунистов за арестованных губернской ЧК. Троице коммунистам за подобное заступничество объявили выговор [17, л. 23]. Некоторые коммунисты воспринимали всех арестованных как врагов советской власти.

Каждая государственная структура отстаивала свои интересы. Конфликт интересов возникал обычно при аресте ЧК сотрудника партийного или советского аппарата. Иногда партийный комитет требовал от ЧК пересмотра дела. 15 сентября 1920 г. президиум губернского комитета РКП(б) постановил: «Предложить губчека в срочном порядке пересмотреть дело Бырганова в присутствии представителя губкома, каковым назначить тов. Озола» [17, л. 52]. 8 ноября 1920 г. президиум губисполкома предложил ЧК разослать циркуляр о запрещении производства арестов ответственных работников без предварительного уведомления Губернского совета народного хозяйства (ГСНХ) и коллегии губернского продовольственного комитета. 3 декабря 1920 г. на заседании губкома РКП(б) выяснилось, что в Каинском уезде слежка ЧК за ответственными партийными работниками стала обычным явлением. Губком РКП(б) обещал послать комиссию и разобраться. На этом заседании присутствовал чекист Б. А. Бак. Подобные конфликты были достаточно редкими.

Губернская партийная контрольная комиссия (КК) следила за тем, чтобы чекисты не злоупотребляли своими полномочиями. 27 мая 1921 г. губернская КК разбирала дело П. А. Бруна – секретаря губчека, который освободил Кочегурова с Валентиновского стекольного завода и извлек от этого выгоду. Партийная комиссия отстранила его на год от работы в ЧК и объявила строгий выговор с занесением в личное дело. 12 октября 1921 г. ЧК сообщила секретарю губкома РКП(б), что коммунист Дмитриев Александр Иванович спекулировал солью и расконспирировал себя как секретного осведомителя ЧК. 28 февраля 1922 г. губком получил циркуляр ЦК РКП(б) согласно которому, при возбуждении дел против коммунистов судебные учреждения обязаны поставить в известность местный партком. Силовики должны были сообщать об аресте минимум через сутки. Местному партийному комитету предоставлялась возможность ознакомиться с делом. Судебные органы благосклонно относились к сотрудникам ЧК. В июле 1922 г. ночью пьяный красноармеец войск ГПУ Лебедев обиделся на замечание женщины-сторожа и попытался ее арестовать. Сторож-мужчина заступился за женщину, а Лебедев прострелил ему голову. Редакция губернской газеты оправдала сотрудника ГПУ и сообщила о переводе

его на другую должность, не связанную с ношением оружия [6, 17 дек.].

28 марта 1924 г. заседание президиума Томского губкома РКП(б) обсуждало вопрос о плановой переброске сотрудников губернского отдела ГПУ Кобецкого Марка Самуиловича, Давыдова и Карташова в другие регионы. Во многом это была формальная процедура, поскольку партийный комитет не имел информации о деятельности этих коммунистов. В январе 1925 г. на закрытых заседаниях президиума губкома приняли в кандидаты РКП(б) секретных сотрудников ГПУ Крупина, Смирнова, Оголихина, Чекмарева, Пинегина, Кишкина. 14 сентября 1925 г. циркуляр ЦКРКП(б) разрешил принимать в партию оперативных сотрудников ГПУ как военнослужащих.

Большое внимание чекисты уделяли выявлению бывших эсеров, вступивших в коммунистическую партию. При этом они запрашивали у губернского комитета соответствующую информацию из личных дел коммунистов. 14 октября 1925 г. губернский отдел ГПУ просил губком РКП(б) прислать им списки всех бывших эсеров, как правых, так и левых, с указанием места службы или адреса. В Нарымском крае ссыльные меньшевики и эсеры критиковали советскую власть, указывали на нарушение законности. 22 марта 1922 г. циркуляр ЦК РКП(б) предписал всем местным партийным комитетам приступить к созданию Бюро содействия (БС) органам ГПУ в составе трех человек в каждом советском учреждении. Задачи новоявленного органа определялись следующим образом: «БС берет на учет выявленных членов антисоветских партий и прочего контрреволюционного элемента, заполняя на каждое лицо специальную секретную анкету» [18, л. 43]. Бюро содействия обязывались наблюдать за эсерами и меньшевиками по указанию органов ГПУ и давать необходимые справки. Тем самым коммунистов пытались превратить в осведомителей спецслужбы.

Бюро содействия ГПУ создавались с трудом и работали формально. Чтобы стимулировать их деятельность созывались совещания так называемой государственно информационной тройки. От губкома РКП(б) в тройку входил Ветошников, от губисполкома – Максимов и от ГПУ – Соколов. На заседании этой тройки 19 октября 1922 г. выяснилось, что за четыре месяца губернский комитет РКП(б) и губисполком не дали никаких сведений для ГПУ. Аналогичным образом поступили и другие советские учреждения губернского уровня, которые сообщали минимум о своей работе. Иногда на заседания тройки присылали некомпетентных беспартийных.

В условиях упрочения советской власти, далеко не все коммунисты одобряли репрессивные меры ГПУ. 4 июня 1923 г. пленум губкома РКП(б) заслушал доклад начальника губотдела ГПУ М. А. Филатова. Резкой критике были подвергнуты те товарищи, которые уклонялись от помощи спецслужбе. Решение пленума губкома предписывало партийцам бороться с взглядами на структуры ГПУ, «как на специфически карательные и органы сыска». Пленум предлагал всем секретарям парткомов «усилить связь с органами ГПУ на местах и строго оберегать их от всяческих имеющихся и могущих быть несправедливых нападков, как на органы ГПУ в целом, так и на отдельных работников» [19, л. 136]. С декабря 1923 по апрель 1924 г. бюро содействия ОГПУ работало по-прежнему слабо. Чекисты

неоднократно жаловались в губком РКП(б) на коммунистов, которые не выполняли задания спецслужбы и не умели хранить служебной тайны.

Важным направлением в деятельности ЧК было выявление офицеров, воевавших против Красной армии. При этом чекисты пользовались указанием центра о необязательности сбора всех доказательств вины подозреваемого. В январе 1921 г. ЧК выявила и осудила на сроки от трех до пяти лет бывших офицеров: Перчука Якова Николаевича, Топорского Николая Ивановича, Антоненко Ивана Лаврентьевича и других. 8 августа 1922 г. на закрытом заседании президиума губернского комитета РКП(б) начальник отдела ГПУ Рудзит Роберт Карлович отчитывался о чистке кооперативного союза от эсеров и недостойных коммунистов. В итоге уволили несколько неблагонадежных кооператоров. Против 16 бывших эсеров так и не удалось собрать компрометирующих материалов. В этом обвинили чекиста Степана Иосифовича Челядина, неопытные осведомители которого раскрыли себя. С. И. Челядин занимал также должность заместителя заведующего организационным отделом губернского комитета партии, пытался учиться на медицинском факультете университета. В январе 1925 г. был откомандирован в Москву для учебы в кооперативном вузе, где ему предоставили квартиру и стипендию.

С августа 1922 г. началась всероссийская кампания против эсеров, которая закончилась громким судебным процессом. Коммунисты стремились внушить людям, что партия эсеров полностью дискредитировала себя и распалась без всяких репрессий извне. Важную роль в этой пропагандистской кампании играли заявления бывших эсеров об окончательном разрыве со своим

руководством. Партийные комитеты в тесном контакте с ГПУ готовили подобные заявления. При этом соблюдались необходимые меры предосторожности. Секретарь губкома РКП(б) В. А. Строганов опасался каких-либо несанкционированных заявлений бывших социалистов-революционеров. 5 декабря 1922 г. закрытое заседание президиума Томского губкома РКП(б) решило провести съезд бывших эсеров, перешедших в компартию, «но в рамках, указанных директивами ГПУ» [20, л. 78]. 12 декабря 1922 г. очередное закрытое заседание президиума губкома РКП(б) приняло к сведению информацию помощника прокурора Ивана Михайловича Дорофеева о высылке в Нарымский край группы социалистов-революционеров. 4 сентября 1922 г. Томский отдел ГПУ запросил у губкома РКП(б) адреса 53-х исключенных из рядов коммунистов. Через месяц губком заслушал доклад об арестованных меньшевиках, эсерах и сионистах.

В изучаемый период руководители ВЧК-ГПУ по Томской губернии назначались сибирским центром. Тем не менее местный губернский комитет РКП(б) и губисполком утверждали их в должности. С 1922 г. эта процедура стала формальной. Начиная с 1922 г. В. Ф. Беляев, М. А. Филатов и С. Л. Гильман уже не слышали критики в свой адрес. Жесткое подавление противников советской власти в Томске способствовало карьерному росту чекистов и переводу их в центральные районы страны. Главный удар чекисты наносили по бывшим офицерам, социалистам-революционерам и социал-демократам. Спецслужба не испытывала недостатка в сотрудниках. Томские чекисты внесли важный вклад в укрепление советской власти в губернии.

Литература

1. Голоскоков И. В., Уйманов В. Н. На страже: очерки истории томских органов госбезопасности в биографиях их начальников. Томск, Красное знамя, 2008.
2. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 170.
3. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 97.
4. ГАТО. Ф.Р-173. Оп. 1. Д. 511.
5. Из истории земли Томской 1917 – 1921: народ и власть // сб. материалов и документов. Томск, 1997.
6. Красное знамя. 1922.
7. Ларьков Н. С. Гражданская война. Энциклопедия Томской области. Т. 1. Томск, 2008.
8. Олех Г. Л. Кровные узы РКП(б) и ЧК/ГПУ в первой половине 1920-х гг.: механизм взаимоотношений. Новосибирск, 1999.
9. Тепляков А. Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК-ОГПУ в Сибири. 1918 – 1929 гг. М.: АИРО-XXI, 2007.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 338.
11. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4.
12. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 166.
13. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21.
14. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13.
15. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 697.
16. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 746.
17. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19.
18. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
19. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103.
20. ЦДНИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73.

Информация об авторе:

Гузаров Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения Национального исследовательского Томского политехнического университета, vladimirguzarov@mail.ru.

Vladimir N. Guzarov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History and Region Studies, National Research Tomsk Polytechnic University.

Статья поступила в редколлегию 21.12.2015 г.

ОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ СССР И НАЧАЛО ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СИБИРИ (1940 – 1942 ГГ.)

И. Г. Докучаева

FORMATION OF THE SYSTEM OF THE USSR STATE MANPOWER RESERVES AND THE BEGINNING OF ITS ACTIVITY IN SIBERIA (1940 – 1942)

I. G. Dokuchaeva

Дается анализ возникновения и первых шагов развития института Трудовых Резервов СССР в условиях Сибири в начале Второй мировой войны. Рассмотрены особенности мобилизации молодежи в учебные заведения Трудрезервов, специфика теоретического и производственного обучения в ремесленных, железнодорожных училищах и школах ФЗО. Содержится вывод о том, что интенсивность роста системы Трудрезервов в Сибири существенно превосходила показатели других краев и областей СССР, что также отражало общее значение промышленного потенциала Сибири в период войны.

The paper provides the analysis of the emergence and the first steps of development of the institute of Manpower Reserves of the USSR in the conditions of Siberia at the beginning of World War II. Features of mobilization of youth in educational institutions of Manpower Reserves, as well as the specifics of theoretical and inservice training in vocational schools, railway schools and workschools are considered. The author drives at the conclusion that the intensity of growth of Manpower Reserves system in Siberia significantly surpassed the rates of the other regions of the USSR, which also reflected the general potential of Siberia during the War.

Ключевые слова: трудовые резервы, мобилизация, производственное обучение, ремесленные училища, школы ФЗО, рабочие кадры.

Keywords: Manpower Reserves, mobilization, inservice training, vocational schools, workschools, staff.

Система Трудовых резервов СССР возникла в условиях, когда Вторая мировая война и участие в ней Советского Союза стали для политического руководства страны очевидной неизбежностью, потребовавшей дополнительных мобилизационных усилий в сфере экономики. Это была не только реакция на нарастающую угрозу глобального военного конфликта на мировой арене, но и ответ на хронические слабости советской хозяйственной системы, выражавшейся в огромной текучести рабочих рук, массовых нарушениях трудовой дисциплины и низкой производительности вольнонаемного труда.

Система Трудрезервов была образована Указом Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г., смыслом которого являлась подготовка квалифицированных рабочих, находящихся в непосредственном подчинении правительства страны как специальный кадровый ресурс для непрерывного (от 800 тыс. до 1 млн человек ежегодно) обеспечения потребностей в рабочей силе ключевых отраслей промышленности и транспорта страны. Указ давал право призывать (мобилизовать) на учебу по рабочим специальностям молодых людей мужского пола в возрасте от 14 до 17 лет в специально создаваемых для этого школах фабрично-заводского образования (ФЗО), в ремесленных и железнодорожных училищах (РУ и ЖУ) [6, с. 774 – 775]. Исполнение плана призыва (мобилизации) на учебу возлагалось в деревне на председателей колхозов (по два человека от каждого 100 членов колхозов), а в городе – на горсоветы. Все окончившие ремесленные или железнодорожные училища и школы ФЗО признавались мобилизованными. Они обязаны были «проработать четыре года подряд на государственных предприятиях по указанию Главного управления трудовых резервов при Совете Народных

Комиссаров СССР с обеспечением им зарплаты по месту работы на общих основаниях». Для них также вводилась отсрочка от призыва в армию «на время до истечения срока, обязательного для работы в государственных предприятиях».

Поскольку новая мера сталинского правительства, как обычно, затрагивала большие группы населения, подготовка к набору в учебные заведения Трудрезервов носила характер политической кампании и имела бурное пропагандистское сопровождение. Печать публиковала одобрительные резолюции массовых собраний о «законе, подсказанном самой жизнью», распространяла благодарные отклики отдельных лиц в адрес правительства СССР [7: 6, 8, 10, 11 октября].

В течение октября – ноября 1940 г. в стране было организовано 1550 учебных заведений системы Трудрезервов, из них 900 (58 %) на базе прежних школ ФЗУ.

Важное значение в развертывании сети учебных заведений придавалось сибирскому региону. Согласно плану первого набора в РУ и ФЗО в 1940 г. в Новосибирской области (современные Новосибирская, Томская и Кемеровская области) численность учащихся составляла 8850 человек, Иркутской области – 4600 человек, Алтайского края – 1050 человек, Омской – 3800 человек, Красноярского края – 2580 человек. Еще 2800 человек предстояло мобилизовать из других областей. Всего, таким образом, набор состоял из 24680 юношей-учеников [7, 6 октября].

Широкая пропагандистская кампания и отсутствие у населения реальных представлений о новой создаваемой системе подготовки молодых рабочих позволили провести первый набор в РУ и ФЗО с очевидным успехом. Позднее, в суровых условиях войны, у системы Трудрезервов появится противоречивая

репутация и будут возникать значительные трудности при проведении наборов на учебу. Однако в начальный период многие молодые люди охотно поступали туда, где государство обещало полное материальное обеспечение и давало гарантии приобретения рабочей профессии с последующим трудоустройством. В первые дни набора 1940 г. в адрес приемных комиссий поступило большое количество заявлений от городской и сельской молодежи, значительно превосходящее численность вакантных мест. В Омской области, например, к началу ноября 1940 г. было подано 11 тыс. заявлений о приеме на учебу. В Алтайском крае на 1050 мест поступило 18 тыс. заявлений, что позволило провести набор учащихся исключительно на добровольной основе [2, с. 33]. Аналогичное положение было и в других регионах Сибири.

На 1 января 1941 г. сеть учебных заведений Трудрезервов в Сибири включала 42 ремесленных и железнодорожных училища, 39 школ ФЗО с общим числом учащихся около 25 тыс. человек [2, с. 35].

Новые учебные заведения преимущественно создавались путем преобразования школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), возникших в еще в 1920-е гг. и действовавших на предприятиях промышленности, транспорта и строительства. Однако большинство училищ и школ представляли собой совершенно новые учебные заведения. По сравнению с 1939 г. общая сеть возникших РУ и школ ФЗО в Сибири и на Дальнем Востоке увеличилась на 18 %, а численность учащихся в них – более чем в два раза.

Новая система обучения призвана была готовить квалифицированных рабочих: в РУ и ЖУ – не ниже 4 – 5 разрядов, а в школах ФЗО – не ниже 3 – 4 разрядов производственной квалификации. Процесс приобретения профессии строился на сочетании производственного и теоретического обучения, в основе которого лежал принцип овладения профессией непосредственно в труде, в условиях приближенных к реальному производству. В связи с этим производственному обучению придавалось исключительное значение: в училищах ему отводилось 75 % учебного времени, в школах ФЗО – 85 – 90 %.

Несмотря на то, что открытие новых учебных заведений произошло в соответствии с замыслом и получило одобрительный отклик у молодежи, работа большинства из них развернулась в тяжелой обстановке. Как только начались занятия, стало очевидным, что для нормального обучения не были созданы необходимые условия. Местные органы управления и предприятия, на которые были перенаправлены все государственные заботы по финансированию и материальному снабжению училищ и школ, оказались не готовы к дополнительным расходам. Процесс становления новой системы профтехобразования был пущен на самотек. Дефицит оборудования, учебных пособий, производственных и жилых помещений, одежды и даже питания учащихся принял хронический характер. Подготовка в системе Трудрезервов стала такой же жертвой экономии, как и другие сферы массового обучения.

В результате действия «остаточного принципа» в снабжении и финансировании училища и школы ФЗО погрузились в трясину неразрешимых проблем. В их

стенах развилось множество негативных явлений: низкое качество профессиональной подготовки, систематические побеги учащихся из училищ (дезертирство – на официальном языке), хулиганство, полукриминальный быт.

Повсеместная нехватка самого необходимого для обучения молодых рабочих компенсировалась «политическим воспитанием». С 1 января 1941 г. в училищах и школах ФЗО была введена должность заместителей директоров по политчасти (замполиты), которую стали исполнять низовые партийные работники. Вместе с ними заботу об учащихся разделили и воспитатели (эта должность также была учреждена в январе 1941 г.). Воспитатели и политработники занимались политическим просвещением молодых рабочих, организацией военно-спортивных соревнований, праздничных мероприятий и полезного досуга.

Наряду с этим были приняты и меры уголовной ответственности против попыток учащихся самовольно прерывать обучение и уходить домой. Согласно Указа Верховного Совета СССР от 28 декабря 1940 г. учащиеся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за самовольный уход из училища (школы), а также за систематическое и грубое нарушение школьной дисциплины, повлекшее исключение из училища (школы), подлежали по приговору суда заключению в трудовые колонии сроком до одного года [8, с. 109 – 110].

В январе 1941 г. сталинское руководство приняло решение существенно увеличить сеть учебных заведений Трудрезервов – главным образом школ ФЗО с трехмесячным сроком обучения – для подготовки рабочих лесной промышленности и строительства. Только в Западной Сибири в течение года было организовано 23 таких школ. Но дальнейшее развитие системы Трудрезервов радикально изменилось с началом войны с Германией в июне 1941 г.

Массовая эвакуация в Сибирь огромного парка промышленного оборудования, сотен тысяч рабочих и их семей из оккупированных районов, а также общие потребности в квалифицированной рабочей силе дали импульс значительному расширению сети РУ и школ ФЗО. На учебу в заведения Трудрезервов стали направлять тысячи новых молодых людей, чтобы заместить ушедших на фронт и обеспечить работу эвакуированных предприятий. Кроме того, Сибирь приняла десятки училищ и школ из Европейской части с сотнями учеников. Их также предстояло разместить в городах и поселках, обеспечить необходимыми жизненными средствами и включить в единый процесс укрепления обороны страны. В феврале 1942 г. общее количество эвакуированных учеников РУ и школ ФЗО в районах Сибири составляло 18760 человек, большинство из которых (83 %) были размещены на оборонных предприятиях Новосибирской области [1, л. 3, 4; 2, с. 56].

Всего по приблизительным оценкам за 1941 – 1942 гг. только в Западную Сибирь прибыло около 40 тыс. учащихся и работников системы Трудрезервов. Организация систематической работы этого количества людей, создание для них элементарных жилищных условий и повседневного быта стало огромным жизненным испытанием и настоящим трудовым

подвигом как для самих эвакуированных, так и для принявших их жителей Сибири. Ремесленные училища и школы ФЗО Сибири в годы войны стали одним из главных источников квалифицированных рабочих кадров для военного производства. Десятки тысяч юношей и девушек в этот напряженный период прошли здесь обучение профессиональным навыкам, чтобы затем бескорыстно отдать свои силы, труд и приобретенные навыки делу спасения страны.

Школы ФЗО и ремесленные училища, как элемент мобилизационной экономики, оказались одним из наиболее эффективных способов решения кадровой проблемы для советской промышленности в условиях войны. Организованные на принципах мобилизации, они служили адекватным инструментом в системе управления трудовым потенциалом, позволявшим правительству в экстремальных условиях вовлекать в производственный процесс большие массы трудоспособного населения. Только в первый период войны (1941 – 1942 гг.) мобилизации (призывы) молодых рабочих были проведены в СССР 16 раз [3, с. 499 – 500].

К концу 1942 г. в городах Сибири действовала уже обширная сеть учебных заведений в городах, на крупных железнодорожных узлах и при предприятиях-гигантах, обеспечивая оперативные потребности экономики в массовых профессиях. При этом именно Сибирь играла здесь исключительную роль. По данным исследователя А. В. Митрофановой на 1 января 1942 г. в СССР сеть училищ и школ по сравнению с январем 1941 г. сократилась почти на 20 % (с 1551 до 1129), а число учащихся в них – на 27,4 % [5, с. 209]. Однако только в Западной Сибири количество учебных заведений выросло с 39 до 121 единицы, или на 300 %, а число учащихся в них – с 13,7 тыс. человек до 55,8 тыс. или почти на 400 %. Осенью 1942 г. в системе Трудрезервов Сибири обучалось уже

108,6 тыс. человек, или 15 % общесоюзного контингента учащихся [4, с. 89].

В связи с тяжелой войной существенно изменилось и содержание учебного процесса в профессионально-технической школе. Все учащихся были переведены на 8-часовой рабочий день. Преподавание общетеоретических и специальных предметов временно отменялось. В ремесленных и железнодорожных училищах отменялись также переводные экзамены. Производственное обучение было максимально приближено к нуждам промышленности. Его особенностью стало то, что главным показателем сделалось исполнение учащимися государственных заказов для нужд фронта и тыла. Заводское производство фактически превратилось в сам процесс обучения, и учебные заведения теперь непрерывно поставляли работников массовых профессий.

Количественный рост училищ и школ ФЗО являлся главной характеристикой в развитии системы Трудрезервов в Сибири в период войны. Причем показатели сибирских краев и областей значительно превосходили показатели всех частей СССР. С 1940 по 1943 г. количество учебных заведений в Новосибирской области увеличилось в семь раз (с 26 до 94) – главным образом за счет угольной отрасли Кузбасса, в Омской области – в четыре раза (с 10 до 28) [9, с. 8].

Система Трудрезервов Сибири стала очень важным резервом пополнения рабочих кадров для промышленности, одним из прочных источников укрепления оборонного потенциала страны. Как элемент мобилизационной модели, она выполняла роль оперативного поставщика рабочих рук определенной квалификации, способных выполнять срочные военные заказы для сражающейся армии. Одновременно также этот институт позволял снизить созданные большевистским режимом крупные издержки и недостатки в системе организации труда и трудовой мотивации в стране.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9507. Оп. 1. Д. 196.
2. Докучаева И. Г., Чирков А. Д. Трудовые резервы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Барнаул, 1993.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1961.
4. История Сибири. Т. 5. Л.: Наука, 1969.
5. Митрофанова А. В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Наука, 1971.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917 – 1940 // Сб. док. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929 – 1940.
7. Советская Сибирь. 1940.
8. Советское право в период Великой Отечественной войны. Ч. II / под ред. И. Т. Голякова. М., 1948.
9. Сонин М., Мирошниченко Б. Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М.: Госполитиздат. 1944.

Информация об авторе:

Докучаева Ирина Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления, rapserg@ya.ru.

Irina G. Dokuchaeva – Candidate of History, Associate Professor at Novosibirsk State University of Economics and Management.

Статья поступила в редколлегию 13.11.2015 г.

УДК 94:343.814(571.51)"1941/1945"

**КРАСНОЯРСКИЙ ИТЛ НКВД СССР
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941 – 1945 гг.)
Е. С. Маменкова**

**KRASNOYARSK FORCED LABOUR CAMP OF THE USSR NATIONAL COMMISSARIAT
OF MILITARY AFFAIRS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)
E. S. Mamenkova**

Цель статьи – на основе применения конкретного историко-образовательного метода «история страны через историю регионов» раскрыть процесс создания и функционирования Красноярского ИТЛ НКВД СССР. На примере истории Краслага охарактеризовать специфику развития пенитенциарной системы в Красноярском крае в чрезвычайных условиях военного времени. Выявить особенности состава лагерного контингента и рассчитать численность заключённых.

Basing on the particular historical and educational methods of «the history of the country through regional history», the paper aims to reveal the process of creation and functioning of Krasnoyarsk Forced Labour Camp of the USSR National Commissariat of Military Affairs. The example of the history of the Kraslag (Krasnoyarsk Forced Labour Camp of National Commissariat of Military Affairs of the USSR) is used to characterize the specifics of the prison system in Krasnoyarsk Region in emergency wartime conditions. The features of the camp contingent composition are identified and the number of prisoners is calculated.

Ключевые слова: заключённые, пенитенциарная система, исправительно-трудовой лагерь, заключенные, военнопленные, немцы трудармейцы.

Keywords: prisoners, prison system, forced labour camp, POWs (prisoners of war), labour mobilized Germans.

Актуальность темы исследования обусловлена внедрением в образовательный процесс новой концепции по отечественной истории на основе применения конкретного историко-образовательного метода «история страны через историю регионов» [20]. Предложенный метод направлен на выработку единого подхода в оценке так называемых трудных исторических проблем и призван раскрыть проблему преодоления трудностей в тяжёлые периоды истории. В связи с этим задача региональных исследований состоит в том, чтобы обеспечить авторов новой концепции достоверными данными, которые позволят объективно сформулировать общие тенденции развития страны с учётом региональной специфики.

Становление и развитие советской пенитенциарной (уголовно-исполнительной) системы было обусловлено влиянием двух факторов: *исторического и экономического*. Исторически сложилось так, что со второй половины XVII в. Сибирь стала традиционным местом отбывания наказания для «узников совести». До 1917 г. среди них были старообрядцы и декабристы, участники польских восстаний 1830 – 1831 гг. и революционеры-народники, марксисты и тысячи осуждённых за уголовные преступления. В советский период – уголовники и граждане, попавшие в заключение по политическим мотивам. Пенитенциарная система Красноярского края в целом сформировалась в первые годы советской власти, с 1919 г. претерпела большие изменения. Десятки исправительно-трудовых учреждений открывались и закрывались, менялись названия, система то и дело переводилась из ведомства в ведомство. Однако задача надёжно изолировать граждан, совершивших преступные деяния, всегда оставалась неизменной.

Экономический фактор развития пенитенциарной системы проявился в рамках программы индустриального развития страны в годы третьей пятилетки (1938 – 1942 гг.). Тогда на Урале и в Сибири (в том числе и в Красноярском крае), планировалось создание нового дублирующего промышленного района, расположенного в глубоком тылу страны [16, с. 51 – 75]. Основанием послужили обширные запасы природных ресурсов и стратегически удобное расположение регионов. В это время лесная отрасль промышленности стала базовой не только для народного хозяйства СССР, но и для ГУЛАГа. Об этом свидетельствует тот факт, что в августе 1937 г. в СССР было организовано сразу семь лесозаготовительных исправительно-трудовых лагерей (далее ИТЛ): Ивдельский, Каргопольский, Кулойский, Лакчимский, Тайшетский, Томско-Асинский и Устьвымский. В 1938 г. добавилось еще шесть: Вятский, Красноярский, Онежский, Северо-Уральский, Унженский и Усольский [23, с. 41].

Следует отметить, что развитие пенитенциарной системы в Красноярском крае имело свою региональную специфику, обусловленную демографическим (низкая плотность населения региона, обострившая проблему трудовых ресурсов с началом индустриализации), географическим (место расположения) и природно-климатическим факторами. Например, большой территориальный размах лагерных управлений. Филиалы двух крупнейших ИТЛ Красноярского края (Краслаг и Норильлаг) находились не в десятках и сотнях, а в тысячах километрах друг от друга. Так, к 1945 г. отдельные лагерные пункты и лагерные отделения Норильлага раскинулись от г. Минусинск на юге края до Карского моря на севере. По данным на 1 октября 1944 г., 37 подразделений Краслага распо-

лагались от Управления лагеря и железной дороги в радиусе от 2,5 км до 200 км в пяти административных районах края [8, л. 233].

Поскольку создание системы государственного управления в СССР было неразрывно связано с борьбой с уголовной преступностью и с зарождением системы внеэкономического принуждения к труду, то историческая практика получила новый импульс для развития.

Красноярский ИТЛ (Краслаг) НКВД СССР был открыт 23 января 1938 г. на базе Управления Краслага в соответствии с генеральным соглашением между Наркомлесом СССР и ГУЛАГом от 2 января 1938 г. Краслаг напрямую подчинялся Главному управлению лагерей лесной промышленности. На основании приказа от 22 мая 1939 г. Управлению Краслага был присвоен абонентский номер почтового адреса У – 235. По данным на 23 января 1938 г., около 70 % сотрудников Управления прибыли из других подразделений ГУЛАГа. Местом дислокации Управления Краслага был г. Канск. Цель создания: развертывание лесозаготовительных работ в Красноярском крае силами 7793 заключенных; строительство Канского гидролизного завода; завершение строительства переданных из Ангарского ИТЛ лесовозных железнодорожных веток; ведение подсобных сельскохозяйственных работ [17]. Заключенные занимались заготовкой лыжных болванок, изготовлением лыж, обеспечивали мебельное, швейное, обувное и гончарное производство, а также строительством жилья, железных и автодорог. Контингент ИТЛ освоил производство кирпича, работал на тарном заводе, лесопилении, шпалопилении, дровозаготовке и осуществлял погрузочные работы

[23, с. 303]. По данным на 1 января 1939 г. общая численность заключенных составляла 1317195 человек [3, с. 11], из них в Краслаге – 15233 человек (или 1,16 % от их общего числа) [4, с. 56].

Начавшаяся Великая Отечественная война внесла свои коррективы в функционирование пенитенциарной системы. На отдельных объектах и строительствах НКВД работы были свернуты, что привело к сокращению количества ИТУ. В период с июля по декабрь 1941 г. из прифронтовой полосы было эвакуировано 210 ИТК и 27 ИТЛ, т. е. почти половина от их довоенного количества с общим числом заключенных 750 тыс. человек [22, с. 134 – 135]. Поскольку Военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. предусматривал развитие основной военно-промышленной базы на востоке страны [16, с. 233 – 237], то масштабная переброска заключенных осуществлялась с учётом будущих потребностей регионов в трудовых ресурсах. Это и стало главной причиной расширения сети ИТУ Красноярского края. После проведения массового призыва граждан на фронт все категории спецконтингента НКВД СССР (заключенные, трудмобилизованные, ссыльные, спецпереселенцы) должны были стать значимым источником пополнения трудовых ресурсов в тыловых регионах.

3 июля 1941 г. в Краслаг прибыли первые 4 тыс. заключенных [6, л. 91], увеличив численность контингента ИТЛ на 24,3 %. С 1 января 1942 г. по 1 августа 1943 г. в ИТЛ этапировали ещё 9515 человек [7, л. 32 – 33]. Как видно из таблицы, в итоге в 1942 г. общая численность заключенных Краслага за весь военный период достигла своего максимального пика и составила 22686 человек.

Таблица

Численность заключенных в ИТЛ Красноярского края в 1941 – 1945 гг.*

Год	Всего по СССР на 31 декабря (чел.)	В том числе в Красноярском крае (чел.)					
		Норильлаг ¹	Краслаг	ИТЛ завода № 169	Енисейлаг	всего (чел.)	% от общей численности
1941	1500524	20535	16441 ²	961 ³	11839	49776	3,5
1942	1415596	23779	22 686	922	...	47387	4,8
1943	983974	30757	16410	1813	...	48980	7,4
1944	663594	34570	14190	1 349	...	50109	7,0
1945	715505	31822	12982	968	...	45772	7,6

Примечания: * рассчитано и составлено по: Земсков В. Н. «Архипелаг ГУЛАГ» глазами писателя и статистика // Аргументы и факты. 1989. № 45; Норильская голгофа. Красноярск, 2002. С. 7; Бахмутов В. И. Историческая справка. Красноярский форпост ГУЛАГа – КРАСЛАГ // Закон и жизнь. Декабрь, 1997; Система исправительно-трудовых лагерей... С. 220, 303.

1. Данные на 1 января. 2. Данные на 1 июля 1941 г. 3. Данные на 1 октября 1941 г.

С 1942 г. и вплоть до конца войны наметилась устойчивая тенденция к сокращению численности заключенных в СССР, в том числе и в Краслаге. Особо отметим, что главными причинами были: освобождение (плановые и на основании «особых указов», с обязательной передачей заключенных, годных к

строевой службе в Красной армии), межлагерные переброски и смертность заключенных. Так, уже 12 июля 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» (дополненный одноимённым указом от 24 ноября

1941 г.). Осужденных за контрреволюционные преступления не освобождали [5, с. 19]. В итоге в 1941 г. в армию было призвано 420 тыс. человек, в 1942 – 1943 гг. – 157 тыс., в том числе из Краслага 724 человек [7, л. 32], 1944 г. – 398 тыс. За три года войны в ряды Красной армии ГУЛАГ передал 1092 тыс. человек, из них 975 тыс. – заключённые [22, с. 134 – 135].

Проведение плановых освобождений заключённых демонстрирует стремление руководства НКВД освободиться от заключённых – полных инвалидов, нетрудоспособных, стариков и женщин с детьми [15, с. 123]. В итоге в 1943 г. из Краслага было освобождено 1369 человек перечисленных выше категорий осуждённых, из них 100 трудармейцев [12, л. 115].

В 1942 – 1943 гг. динамика численности заключённых Краслага была вызвана и межлагерными перебросками контингента. Так, в сентябре 1943 г. в Краслаг прибыл этап заключённых из Усоляга численностью 2900 человек инвалидов [7, л. 2 об.]. В то же время имел место и обратный поток заключённых. В период с 1 января 1942 г. по 1 августа 1943 г. из Краслага в другие ИТЛ направили 3233 заключённых, годных к тяжёлому и среднему физическому труду, из них 400 человек Востокураллагу [7, л. 32; 9, л. 146 – 147]. Предпринятые межлагерные переброски заключённых в 1942 г. – начале 1943 г. из ИТЛ Сибири в другие ИТЛ страны были связаны с массовой отправкой наиболее трудоспособных заключённых на важнейшие объекты Дальстроя и дальневосточные лагеря. Взамен лагподразделения Сибири получали для восстановления работоспособности наиболее ослабленный контингент [2, с. 110].

Факт значительного снижения трудоспособности заключённых в первые годы войны признан и лагерной статистикой, и современными исследованиями. Безусловно, с экономической точки зрения, пользу приносили преимущественно заключённые группы «А» (годные к тяжёлому физическому труду), численность которых в Краслаге ИТЛ редко достигала 70 % от списочного состава. Численность этой группы сокращалась до января 1944 г. Как отмечалось выше, в период с 1942 г. по август 1943 г. в другие ИТУ убыло 3233 человек, а прибыло 9515 человек, из них – 915 относились к группе «А», 2900 были полными инвалидами, а остальные подлежали длительной госпитализации [7, л. 32]. Только в конце 1943 г. контингент Краслага почти полностью обновили за счёт прибытия 6742 человек и убытия 10320 человек [7, л. 115]. Поэтому уже в августе 1944 г. разрыв между имеющейся рабочей силой и плановой потребностью составлял 1687 человек [8, л. 188]. В условиях военного времени выполнение производственных задач имело приоритетное значение для обороноспособности страны, поэтому руководство ИТЛ было вынуждено использовать на средних и тяжёлых работах заключённых группы «В» (то есть тех, кто не должен был работать по причине болезни). Такое перераспределение рабочей силы по категориям труда позволяло искусственно увеличить численности группы «А» до 74,0 – 85,2 % [8, л. 189] и негативно сказывалось на работоспособности контингента. Подробный анализ особенностей проведения эвакуации

заключённых в тыловые регионы страны, условия их размещения и содержания в ИТУ Красноярского края на фоне сокращения централизованных фондов снабжения заключённых относительно довоенного уровня представлен в диссертационном исследовании автора статьи [19]. Тяжёлый физический труд, скученность заключённых в бараках, снижение норм продовольственного и вещевого снабжения в условиях суровых сибирских зим, привели к закономерным результатам – росту заболеваемости и смертности заключённых в 1941 – 1943 гг. Согласно архивным данным уровень смертности заключённых Краслага по годам составлял: 1941 г. – 1816 человек (или 11,04 % от среднесписочного состава контингента), в 1942 г. – 3733 человека (16,5 %), в 1943 г. – 3436 человек (20,9 %) [11, 1941 – 1943 гг.]. Пик смертности пришёлся на август 1943 г. (383 случая, из них 104 – это истощённые и больные заключённые, прибывшие из Усоляга) [7, л. 83, 116]. Из 1920 смертей в июле – декабре 1943 г. – 1204 случая (более 62 %) стали следствием таких заболеваний как пеллагра и дистрофия [7, л. 83 об.]. Столкнувшись с необходимостью снижения уровня смертности заключённых, пенитенциарная система использовала все свои очевидные преимущества, в короткие сроки реализовала комплекс широкомасштабных мероприятий соответствующего характера [18, с. 91 – 94]. В результате уровень смертности заключённых Краслага снизился и составил в 1944 г. – 1118 человек (7,9 %), а за пять месяцев 1945 г. – 691 человек [12, 1944 – 1945 гг.].

В 1944 – 1945 гг. в СССР наметился устойчивый рост численности заключённых за счёт поступления новых многочисленных этапов осуждённых (военнопленных и тех, кто не прошёл проверку в ПФЛ – проверочно-фильтрационных лагерях) [3, с. 11]. В феврале 1945 г. в Краслаг прибыло 3 тыс. человек, которых изолировали и разместили следующим образом: в Канском ОЛП – 1000 человек, в Н-Пойменском ОЛП – 1600, в Ингашском – 300 [10, л. 10]. Численность заключённых Краслага пополнялась и за счёт осуждённых из лагерей для военнопленных № 40 МВД СССР и ПФЛ МВД СССР № 525 (Австрия) [14]. В Краслаге отбывали наказание военнопленные немцы с территорий ранее входивших в состав Третьего рейха (Саксония, Бранденбург, Восточная Пруссия). Осуждённых по 58 статье (преимущественно за шпионаж) военнопленных приговаривали к 25 годам лишения свободы и направляли в ИТЛ до 1953 г. В архиве ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Красноярскому краю хранится 3500 учётных карточек и личных дел этой категории осуждённых, остальные уничтожены. На основании Указа ПВС от 28 сентября 1955 г. военнопленные немцы были репатриированы в ГДР (Германскую демократическую республику).

В архивных документах значилась особая категория заключённых, проходивших под названием «поданные иностранных государств». В Краслаге были заключённые представители таких государств, как Румыния, Иран, Польское генерал-губернаторство, Греция, Богемия и Моравия (Чехословакия), республики Китай, Кореи и др. К концу войны контингент Краслага пополнили бывшие военнослужащие РККА,

перешедшие в годы войны на сторону противника, в том числе «власовцы». Зачастую в картотеке на осуждённых иностранных подданных они проходили как русские вне гражданства к тому же старосты и полиция, оказывавшие содействие оккупационным властям, бывшие узники концентрационных лагерей, не сумевшие доказать, что попали в плен не по собственной воле. Документы, подтверждающие деятельность ПФЛ в Краслаге, не сохранились. Однако в 1990-е гг. в архив активно поступали запросы граждан с просьбой подтвердить их пребывание в ПФЛ в период с 1945 по 1946 гг. [14].

В 1941 – 1945 гг. качественно изменился состав заключённых по статейному и половозрастному признакам. Возросла численность осуждённых, имевших срок наказания более восьми лет лишения свободы. Так, в 1940 г. первое место по удельному весу занимали осуждённые на сроки от 5 до 10 лет (38,4 %), второе – от 3 до 5 лет (35,5 %), третье – до трёх лет (25,2 %), свыше 10 лет – 0,9 % [3, с. 14]. В годы Великой Отечественной войны процент заключённых, приговорённых к длительным срокам наказания в ИТЛ, увеличился с 28,7 до 41,2 %. Более чем в 1,5 раза возросла доля осуждённых за контрреволюционные преступления [3, с. 22 – 23]. Например, в 1943 г. из 16410 заключённых Краслага их было 9724 человек (59,3 %) [1].

Изменилось соотношение мужчин и женщин в ИТУ. Если в 1941 г. этот показатель в ИТЛ составлял, соответственно, 93,0 % и 7,0 %, то в июле 1944 г. – 74,0 % и 26,0 % [3, с. 23]. Отмеченная тенденция незначительно проявилась и в Краслаге. По данным на 1 октября 1943 г. из 15474 заключённых численность женщин составляла 1617 человек (10,4 %) [7, л. 115], а в 1944 г. из 12093 человек, соответственно, 1359 человек (11,2 %) [8, л. 233].

Особого внимания заслуживает вопрос о пополнении контингента Краслага в годы войны за счёт трудмобилизованных немцев. Впервые на основании Постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 7 октября 1941 г. «О выделении рабочих колонн из военнообязанных» немцы (выселенные на основании решений правительства в 1942 – 1943 гг. и местные жители) были мобилизованы военкоматами и направлены для работы в ведущие отрасли промышленности центральных областей Урала, Сибири и Крайнего Севера [21, с. 43 – 44].

1 февраля 1942 г. в Краслаг этапировали первых 6 тыс. трудмобилизованных. В соответствии с распоряжением НКВД вновь поступившие размещались изолированно от заключённых, использовались на отдельных объектах работ и организовывались в от-

ряды, колонны и бригады. Их управленческий аппарат формировался только из вольнонаёмных, опытных чекистов, знавших производство. Мобилизованные немцы были размещены в трёх лагерных отделениях Краслага: Н-Пойменском – 3500 человек, Иланском – 2000 человек, Жедорбинском – 500 человек. Прибывшие были организованы в три самостоятельных отряда и отдельную колонну: 1-й отряд – 2000 человек – состоял из пяти колонн, размещённых на командировке Озерки и на 1-м лагерном пункте 2-й очереди в Н-Пойме; 2-й отряд – 1500 человек – в составе трёх колонн размещался во 2-м лагерном пункте 2-й очереди в Н-Пойме; 3-й отряд – 1000 человек – состоял из 2-х колонн, размещённых на подкомандировках Тугуша и В-Тугуша. Отдельная колонна из 500 человек размещалась на подкомандировке 17 лесосеки Жедорбинского ОЛП [9, л. 12]. В 1942 – 1945 гг. среднемесячная численность трудмобилизованных в Краслаге не превышала 5 тыс. человек. Всего за годы войны через ИТЛ прошло около 20 тыс. немцев-трудармейцев. После войны в 1946 г. часть демобилизованных из Краслага немцев направили на строительство химического комбината № 6 в г. Ленинабад (Таджикистан) [13].

В заключение отметим, что характерной особенностью развития пенитенциарной системы Красноярского края в годы войны стал рост удельного веса заключённых региона относительно общей численности заключённых в СССР. Отмеченную тенденцию наглядно подтверждает анализ динамики численности заключённых Красноярского ИТЛ – одного из крупнейших ИТЛ региона. Чрезвычайные условия военного времени оказали прямое воздействие на все изменения, произошедшие в составе и численности контингента Краслага. Основными причинами, способствующими росту численности его контингента стали эвакуация и поступление новых контингентов (трудмобилизованных немцев, военнопленных, пособников оккупантов и бывших военнослужащих Красной армии, перешедших на сторону противника). Освобождение, межлагерные переброски и рост уровня смертности заключённых (особенно в первые годы войны), напротив, способствовали сокращению численности контингента Краслага.

Наличие обширных малозаселённых территорий, удалённых от центра страны, позволяло обеспечить надёжную изоляцию заключённых, а также регулировать потребности региона в трудовых ресурсах. В годы войны Краслаг стал типичным лесозаготовительным лагерем, контингент которого использовали для решения хозяйственной задачи, направленной на освоение природных запасов региона.

Литература

1. Бахмутов В. И. Историческая справка. Красноярский форпост ГУЛАГа – КРАСЛАГ // Закон и жизнь. Декабрь, 1997.
2. Бикметов Р. С. СИБЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(63) Т. 3. С. 110 – 115.
3. Земсков В. Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 10 – 27.
4. Земсков В. Н. Заключённые в 1930-е годы: социально-демографические проблемы // Отечественная история. 1997. № 4. С. 54 – 79.

5. Иванов Л., Емелина А. ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 14 – 24.
6. Информационно-архивная группа Федерального бюджетного учреждения «Управление по конвоированию Главного Управления Федеральной службы исполнения наказания России по Красноярскому краю» (далее ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк). Ф. 4 – Приказы по производству Управления Красноярского ИТЛ НКВД СССР (январь 1938 г. – май 1945 г.). Оп. 97. Д. 2.
7. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 6 – Совершенно секретные и секретные приказы Управления Красноярского ИТЛ НКВД СССР (январь 1938 г. – май 1945 г.). Оп. 16. Д. 2.
8. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 6. Оп. 16. Д. 3.
9. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 6. Оп. 97. Д. 4.
10. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 6. Оп. 97. Д. 7.
11. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 47 – Личные дела осуждённых, умерших в Красноярском ИТЛ. 1941 год. Оп. 1, 2, 3, 3 а, 4; 1942 год. Оп. 1, 2, 3, 4, 5; 1943 год. Оп. 1, 2, 3, 4, 5.
12. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 47. 1944 год. Оп. 1, 2, 3, 4; 1945 год. Оп. 1, 2.
13. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 65 – Учётные карточки немцев-трудармейцев.
14. ИАГ ФБУ ГУФСИН России по Кк. Ф. 67 – Учётные карточки заключённых – подданных иностранных государств.
15. Кокурин А., Петров Н. ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. № 6. С. 109 – 124.
16. Коммунистическая партия Советского Союза. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988) / КПСС; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп и испр.: в 16 т. Т. 7: 1938 – 1945. М., 1985. 574 с.
17. Курач А. И. 60 лет на службе государству // Победа. № 33. 17 марта 1998.
18. Маменкова Е. С. Лечебно-профилактические мероприятия и физическое состояние заключённых исправительно-трудовых лагерей, располагавшихся на территории Красноярского края в 1941 – 1945 гг. // Сибирский медицинский журнал. 2006. № 5. С. 91 – 94.
19. Маменкова Е. С. Продовольственное снабжение заключённых Красноярского ИТЛ в 1941 – 1945 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2011 (2). С. 258 – 263.
20. Материалы встречи с разработчиками концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Москва, 16 января 2014 г. // Опубликовано на официальном сайте Президента Российской Федерации. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru>
21. «Мобилизовать немцев в рабочие колонии... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М.: Готика, 2000. 352 с.
22. Пронько В. А., Земсков В. Н. Вклад заключённых ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 131 – 150.
23. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: справочник / Общ-во «Мемориал», ГАРФ; сост. М. Б. Смирнов; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с.

Информация об авторе:

Маменкова Елена Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, mamenkova@mail.ru.

Elena S. Mamenkova – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Philosophy, Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V. F. Voyno-Yasenetsky.

Статья поступила в редколлегию 11.09.2015 г.

**ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ СВЕТА И ТЬМЫ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ
В ШАМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ НАРОДОВ СИБИРИ***Е. В. Нам***THE OPPOSITION OF LIGHT AND DARKNESS AND ITS MEANING IN
THE SHAMANIC WORLDVIEW SYSTEM OF THE PEOPLES OF SIBERIA***E. V. Nam**Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В 25.31.0009.*

В статье предлагается рассмотрение шаманизма как семиотической системы, представляющей собой совокупность различных вариантов коммуникации человека с миром природы. Утверждается, что противопоставление света и тьмы можно отнести к базовым дуальным структурам, с помощью которых происходило формирование пространственно-временных характеристик шаманского космоса. С помощью этой бинарной оппозиции была выражена идея разделения человеческого мира и мира до(не)человеческого, каждый из которых имеет свою пространственную локализацию, а также осуществлена маркировка процессов жизни и смерти. Кроме того, первоначальный дуализм впоследствии был дополнен градуальным (трехчленным) делением вселенной, где на одном полюсе действует принцип недостачи (ущербности) света и жизни, а на другом – принцип избыточности (источник жизни и света). Шаманская традиция предложила различные варианты медиации, примиряющие светлые и темные стороны бытия, а также определила особые принципы коммуникации между мирами.

The paper offers a view of shamanism as a semiotic system that represents a set of different options for communication between man and nature. It is stated that the opposition of light and darkness can be seen as belonging to basic dual structures with the help of which the time and space characteristics of the shamanic cosmos were formed. Through this binary opposition, the idea of division between the human and the pre(non)human world, each of which has its own spacial localization, was expressed, as well as the marking of life and death processes was done. Moreover, the initial dualism was afterwards complemented by a gradual (three-term) division of the universe where at the one extreme there is the principle of shortage (inferiority) of light and life and at the other – the principle of redundancy (the source of life and light). The shamanic tradition offered various options for mediation that reconcile the light and dark sides of being and also defined special principles of communication between the worlds.

Ключевые слова: каналы коммуникации, дуальные структуры, шаманизм, жизнь, смерть, медиация.

Keywords: communication channels, dual structures, shamanism, life, death, mediation.

Рассмотрение шаманизма как семиотической системы и выделение в нем ключевых символов, позволяет раскрыть механизмы образования в культурном пространстве дуальных структур, утверждающих переход к знаковой системе взаимодействия с реальностью и описывающих основные характеристики мироздания. Бинарные оппозиции являются древнейшими ментальными структурами, заложившими фундаментальную основу мировосприятия. Если рассматривать всю культуру как семиосферу, то внешний по отношению к ней и противостоящий ей мир – это мир природы, царство хаотических и неупорядоченных стихий, несемиотическое пространство. И культура неизбежно нуждается в переводчиках, лицах, принадлежащих двум мирам, и существующим на границе [22, с. 89 – 90]. К числу социально значимых лиц, осуществляющих посредничество между миром человеческим и природным, несомненно, относятся шаманы. А вся шаманская традиция народов Сибири представляет собой совокупность различных вариантов коммуникации «человек – природа», переводящей сообщения, исходящие из природной среды, на символический язык человеческой культуры.

Одним из важнейших факторов утверждения человеческого порядка и противопоставления его природным силам явилась процедура отделения света от тьмы в ее различных вариантах. Такого рода сюжеты относятся к древнейшим пластам первобытной мифологии.

По мнению Э. Кассирера, «именно различение света и тьмы является той точкой, где начинается также всякое выделение отдельных пространственных областей, а вместе с ним и любое членение мифологического пространства как целого» [17, с. 112]. В теории В. Тэрнера черный цвет, обозначающий «смерть», «обморок», «сон» или «тьму», связывается с бессознательным состоянием, а также с опытом «помрачения», затемнения сознания [36, с. 102]. К. Г. Юнг также считал день и свет наиболее яркими мифологическими образами пробуждающегося сознания и противопоставлял их тьме бессознательного [42, с. 104]. Таким образом, до-человеческий (природный) мир маркируется в его теории тьмой (бессознательным), а человеческий мир – светом (сознанием). В мифоритуальной традиции сибирских народов есть множество подтверждений этой теории. При этом потусторонний (нечеловеческий мир) мог иметь как вертикальное положение (нижний мир), так и горизонтальное (на севере или на западе), либо эти характеристики сосуществовали в народном сознании. А в качестве противопоставления солнечному миру людей мог выступать как мир духов (чудовищ), так и мир мертвых, пространственная локализация которых варьировалась в различных системах мировоззрения.

В соответствии с фольклорными материалами хакасов «хозяева гор» называли живого человека «сол-

нечный человек», «человек Солнца» [34, с. 35]. В эпической традиции, а также в шаманской системе представлений алтайцев подземное царство Эрлика называется бессолнечным местом в противоположность земному миру, называемому солнечным [14, с. 177; 33, с. 35 и др.]. В шорском героическом эпосе «солнцем освещаемый» земной мир противопоставляется нижней земле «черного айна» [39, с. 97 – 99]. В характеристике земного мира преобладает белый цвет (белая тайга, белое море), нижнего мира – черный (черная тайга, черный ветер, черная гора и т. д.). Герой шорского сказания Кан Кес, перемещаясь в иные миры, теряет сознание («Светлый разум его ушел»). В этом состоянии он попадает в разные «земли», где солнце и луна светят иным светом, что является признаками их «инаковости»: «За пределы этого мира выйдя, другой мир пробежал. По земле, освещенной иным солнцем, по земле, освещенной чужим месяцем, он побегал... Наружу, за пределы второго света вышел; на третий свет поднялся. На землю, освещенную половинчатым месяцем, половинчатым солнцем, они вышли» [14, с. 37]. При этом подчеркивается, что переход в иные миры сопровождается уходом «светлого разума», а значит переходом в темные состояния сознания, или в тьму бессознательного.

Помимо ущербности или отсутствия света в специфике иных миров могут появляться дополнительные характеристики. Так, герой эвенкийского героического сказания Дэлэвчэн добирается до земли, где:

Деревья и травы, будто сожженные огнем.

Солнце светило как луна, –

Такой страной была та земля, оказывается.

Очень темных земель он достиг,

Куда ни ступи,

Нигде нет сухого места,

Сплошным болотом была та страна, оказывается [40, с. 259].

По сведениям Я. И. Линденау, ламуты (эвены), считали, что в царстве мертвых солнце не светит, небо как туман, а земля как пар [21, с. 68]. В якутском фольклоре на северной стороне среднего мира есть проход в нижний мир. Это сумрачная страна с небом цвета недоваренной ухи из мелких рыбешек, со щербатым солнцем и луной, там все оледенело, растут корявые деревья или чахлые травы, а обитают там однорукие и одноногие чудовища-абаасы, исконные враги людей [41, с. 191]. У бурят есть сказание о том, что на северной стороне, в стране, где небо без солнца и земля без растительности, живет народ Махешин, то есть людоеды [26, с. 323], и земля там никогда не оттаивает [23, с. 227]. В картине мира кетов подземный мир стратифицирован на семь областей – это семь пещер, которые находятся одна под другой. В этих пещерах нет солнца и звезд, там вечный мрак и нет огня. Души там вынуждены вместо костров собираться вокруг куч светящихся гнилушек [5, с. 12]. А далеко на севере находится Мертвый остров, где растет всего «несколько кривых деревьев, да немного белых травинок». На этом острове живет Хосадам – злое начало холода, мрака, болезней, моров и всего другого вредного для живущих на земле [5, с. 5]. В представлении бурят с понятием о подземном мире могла ассоциироваться северо-восточная сторона – *зууни зуг*. Здесь ничего не растет,

все пусто, а обитают лишь нечистые силы, приносящие людям беду и несчастье [37, с. 27].

Таки образом, наряду с отсутствием света к важным характеристикам потустороннего мира относится явный недостаток жизненности (чахлая растительность или ее отсутствие) или ее ущербные формы (корявые деревья, уродливые обитатели), а также холод, сырость и оледенение. По всей видимости, мысль носителей традиционного мировоззрения искала различные формы для выражения идеи света и тепла как необходимых условий жизни, существующей в человеческом мире. Противоположностью жизни выступала смерть, как состояние, в котором, прежде всего, стираются жесткие границы между светом и тьмой, что и подразумевает выход за пределы человеческого бытия, в иной мир. В одной древнетюркской эпитафии говорится: «Я не стал ощущать солнце и луну на голубом небе, от вас моих и от земли моей отделился (т. е. умер)» [34, с. 35]. А согласно до сих пор бытующих представлений у кетов, *ул'эз* (двойник, главная жизненная субстанция) тяжелобольного ищет темные места [1, с. 43].

В противоположность погружению во тьму и удалению от солнца тех, кто покидает земной мир, зарождение жизни связывается со светом: светом солнца или луны. Способ зачатия от света упоминается в бурятских культовых песнях. В легенде о происхождении бурятских родов Ихинат и Зунгар рассказывается о том, как незамужняя дочь Улаахан хана забеременела от лучей света, проникавших в юрту через небольшое отверстие [37, с. 29]. Селькупы связывали зарождение жизни с «жизненной старухой» Ылынтакота, которая утром на восходе солнца посылает на землю на кончике каждого луча душу человека, который должен в этот день родиться. Луч солнца и душа называются одним словом – *ильсам* [29, с. 57]. У нганасан существовало представление о том, что при появлении ребенка на свет, как только он открывает рот для первого вздоха, Луна-мать сбрасывает ему сверху нить *мэтэ*, которая через рот попадает в сердце и там как бы привязывается, прирастает. Нить может также связывать человека с Солнцем-матерью [11, с. 58]. По мнению Л. П. Потапова, представление о солнечном луче, посылаемом божеством для передачи зародыша жизни человека, было известно еще древним тюркам [27, с. 63].

Зарождение жизни и тепло, поддерживающее жизнь, связываются чаще всего с небесной сферой, где находятся божества Солнца и Луны. Сравнение небесного и подземного миров подчеркивает контрастность света и тьмы в традиционном мировоззрении алтайцев. Согласно данным Г. Н. Потанина, эти два мира у алтайцев назывались Алыс-дере и Дени-дере. В первом из них царит вечный полумрак. Там никогда не показывается солнце, не просыхает земля, там вечная сыкость, гниение и зловоние, и живут там лягушки, ящерицы, змеи, ночные звери и ночные птицы. В противоположность этому в Дени-дере светло и весело. Земная поверхность там чистоплотна, воздух чист и ароматен [25, с. 5]. По информации Л. Э. Каруновской, небесная область состоит из 9 сфер. В центре неба возвышается красная гора, залитая солнечным светом – резиденция высшего духа, творца неба и земли. Слева и справа от нее находятся соответственно солнце и луна [15, с. 174]. В соответствии с шаманской картиной мира телеутов на самом высоком слое неба находилась зем-

ля Ульгения, где «светилась, как месяц, золотая гора и сияла, как солнце, серебряная гора» [27, с. 140 – 141]. К самому Ульгению алтайцы в молитвах обращались со словами: «белая светлость», «светлый Хан» [3, с. 9]. Шаман ваховских хантов, долетая до седьмого неба, где живет Торум, видел «светлоту, лучше некуда. Семь солнц светит, серебро течет, как река» [38, с. 157]. В эпической традиции эвенков есть характеристика верхнего мира, как обширной страны, которую никогда не покидает свет солнца [40, с. 293].

В то же время характеристика верхнего мира в той или иной степени может быть сопоставима с миром, где живут люди. Эвенки считали, что «он ... лучше земного мира, без непроходимых мест» [8, с. 212]. Якутский шаман, пролетев 9 «олохов» (шаманские переходы и места остановок), добирался до чистой и светлой страны, похожей на нашу землю, где кругом были снег и дороги, а также жили люди высокого роста [19, с. 38]. У чукчей фактически отсутствует ценностное противопоставление миров. Обитатели верхнего мира называются у них «верхним народом», «народом рассвета», и живут они точно также как люди. Кроме того, мертвые могут попадать как в верхний, так и в нижний мир, и сумма жизни в этих мирах также одинакова: количество рыб, зверей и птиц там такое же, как и на земле [6, с. 40 – 41].

В качестве другого контрастного мотива между небесной и подземной сферами можно рассматривать возможность попадания в верхний мир посредством путешествия в сторону восхода солнца, а в нижний мир – на запад, т.е. в сторону захода солнца. Так, В. Г. Богораз описывал в качестве одного из способов попадания на небо у чукчей следующее: «идти пешком по направлению к рассвету, и после долгого и трудного подъема этот путь приведет на небо» [6, с. 41]. Тувинский шаман также начинал свое путешествие в небесные сферы с восходом солнца:

В начале пути, когда восходит солнце,

В конце пути, когда восходит луна,

Именно в этот миг начнется путешествие в небо азар,

Именно в этот миг одеваю и седлаю коня.

(Азар – земля в небесных сферах, где-то во Вселенной) [18, с. 65].

У эвенков существовало представление о двух противоположных мирах, соединенных одной рекой. *Тыманитки* (букв. «к утру») – это верхний мир, который находится на востоке, там, где восходит солнце. Там же берет свое начало *энгдекит* – большая река, которая течет сначала на запад, потом поворачивает на север и впадает в *букит* (место смерти), которое иногда называется *долбонитки* (букв. «к ночи») [9, л. 28]. Нганасаны считали, что умерший уходил не только под землю, но и в сторону захода солнца, то есть на запад [12, с. 77]. Шорский шаман, провожавший душу умершего через 40 дней после смерти, также отправлялся с родственниками умершего за улус на запад, в сторону захода солнца [14, с. 333]. Нанайцы считали, что путь шамана в буну (загробный мир) во время больших поминок также лежал на запад [32, с. 160]. Само положение покойника в пространстве жилища могло быть ориентировано на запад (или северо-запад), куда уходят все умершие [1, с. 37]. Хантыйский шаман отправлялся в сторону заходящего солнца для предугадыва-

ния результатов промысла, чтобы посоветоваться с духами [20, с. 112].

Движение солнца являлось важным ориентиром в сложном процессе коммуникации между мирами. В эвенкийском героическом сказании «Храбрый Содани-Богатырь» нижний мир находится за дверью, которая открывается против хода солнца [40, с. 207]. В одной бурятской легенде говорится о том, что медведь раньше был человеком (шаманом). Обходя против солнца вокруг одиноко стоявшей березы, он обращался в медведя, потом, обойдя посолонь, становился опять человеком [26, с. 168]. В. В. Радловым был описан обряд похорон у хакасов: после выноса покойника из юрты, какая-нибудь старуха должна была выйти с чашкой молока и произнести: «Да не уйдет вместе с ним наше счастье!». Затем она трижды обходила коня с покойником против хода солнца и плескала молоком [31, с. 354]. Возможно, что движение против солнца открывало путь (умершему, богатырю или шаману) в иной мир. Есть отдельные свидетельства того, что само движение светил в нижнем мире могло иметь обратный ход. В Трошанский упоминает о якутской сказке, в которой говорится о «тусклом опрокинутом солнце с обратным обращением» и о «щербатом тусклом месяце с обращением назад» в мире злых духов (абасы) [35, с. 142]. В то же время у хакасов бытовал обычай во время последних поминок (через год после смерти) обходить могилу 3 раза по течению солнца со словами: «Я тебя бросаю теперь». Это делали жена, если умер муж, и муж, если умерла жена [31, с. 358]. Тем самым прерывались последние связи с умершим и с потусторонним миром.

Ход против солнца или по ходу солнца был магической процедурой, которая использовалась шаманами, налаживающими контакты с миром духов. Нганасанские шаманы могли использовать для этих целей очаг. Перед началом камлания шаман обходил его против движения солнца [12, с. 82]. Нивхская шаманка во время шаманской болезни обращалась за помощью к духам, обойдя при этом четыре раза против часовой стрелки молодую ель [33, с. 170]. Очаг и дерево выступают в данных примерах в качестве универсальных каналов общения между мирами. Существенной чертой алтайского шаманизма является вращение шамана во время камлания вокруг своей оси, стоя на ногах. Преобладающим является движение по часовой стрелке, то есть по ходу солнца [27, с. 81; 4, л. 53]. Однако А. В. Анохин приводит в своих записях случай, где шаман вертится против солнца [4, л. 53]. По сведениям Каруновской, алтайский кам, возвращаясь из подземного мира, три раза поворачивался вокруг себя слева направо (то есть по ходу Солнца) и затем быстро летел вверх [15, с. 178]. Вращение шамана во время камлания по ходу солнца, как элемент танца, было отмечено у хантов В. Ф. Карьялайненом [16, с. 227]. По всей видимости, движение слева-направо и справа-налево (по солнцу и против солнца) означало пересечение границ и переход между мирами (в различных вариантах).

Основу шаманской традиции составляет осознание равной значимости, как темной, так и светлой сторон бытия. Шаман, как хранитель душ, способный добывать их в потустороннем мире (это могут быть как души нерожденных детей, так и души больных) и оберегать от различных неприятностей, несомненно, пред-

ставлял и защищал земную, «солнечную» сторону жизни. Но при этом он был посвящен и в «язык» темной, потусторонней жизненности, контакт с которой был необходимой частью существования и выживания социума. В этнографических описаниях шаманских сеансов камлания преобладает точка зрения, что чаще всего они проводились в темноте, после захода солнца. Например, у хакасов существовало представление о том, что шаман не может камлать днем. Если камлающего шамана заставал в пути рассвет, то он вынужден был, спрятавшись, переждать до темноты. Считалось, что на территории Хонгорая есть горы, где шаманы в случае наступления рассвета могли переждать опасные часы [7, с. 111]. У чукчей можно выделить два вида камлания: обрядовое, выполнявшееся членами семьи, и специализированное, собственно шаманское. Обрядовое камлание было направлено к предкам, к божествам и проводилось в наружном шатре, а шаманское назначалось для борьбы со злокозненными духами и происходило во внутреннем пологие в полной темноте [6, с. 135; 10, с. 199]. Камлание в темном чуме у селькупов (камытырко), всегда было связано с духами подземного мира, тогда как при камлании в светлом чуме, то есть при свете огня (сумпыко), шаман мог идти любой дорогой [28, с. 59]. У хантов акт камлания так же, как правило, происходил вечером, иногда днем в закрытом помещении, где разводился небольшой огонь [20, с. 108]. Несмотря на то, что известны варианты камланий, которые проводились днем и даже утром (на восходе солнца), тем не менее в традиционном мировоззрении сибирских народов доминирующей была установка, что темнота (вечер, ночь, закрытое пространство) является наиболее благоприятной для общения с духами и в то же время наиболее опасной с точки зрения неожиданных контактов с ними. У кетов осенне-зимний период, то есть время наиболее коротких, темных дней, был особенно опасен, поскольку из-за отсутствия тепла и света солнца оживлялось все вредоносное. Поэтому считалось, что главным условием благополучия *ул'вэј* (жизненная субстанция, близкая понятию «душа») является пребывание ее около человека и в поле зрения шамана [2, с. 107].

Маркировка света и тьмы могла присутствовать в одежде шамана, символике его атрибутов, и должна была подчеркивать амбивалентность его социального и ритуального статуса. У эвенов шаманский кафтан шили из двух половин: левая – темная, правая – светлая [30, с. 48]. Тыльная сторона шаманской колотушки у кетов делилась раскраской на две равные части: черная – баң (земля) и красная или синяя – ес (небо) [5, с. 34]. Н. П. Дыренкова, проанализировав изображения на бубнах тюркских народов, пришла к выводу о наличии определенной, хотя и не всегда соблюдаемой, закономерности: духи надземного мира обычно рисуются белой краской, духи подземного и земного – красной. Реже используются три цвета: белый – для надземных духов, красный – для земных и черный – для подземных [13, с. 299]. В. Г. Богоразом был опубликован чукотский рисунок, на котором некий дух предоставляет на выбор шаману два кафтана: красный и черный, олицетворяющие светлое и темное шаманство [6, с. 19 – 20]. У нганасан к рукавам шаманской одежды пришивали перчатки, раскрашенные в желтый и черный цвет. Правая перчатка была пятипалая, с ее помощью шаман

карабкался из преисподней, левая была трехпалая и нужна была для того, чтобы показывать ее духам нижнего мира, которые тоже были трехпалыми [24, с. 123]. У энцев правая пятипалая перчатка называлась солнечной, а левая – трехпалая – считалась рукой лесного духа Варочи [30, с. 13].

Изображения солнца и луны относятся к важным элементам шаманской атрибутики, определявшим сущностные характеристики вселенной, а именно – среднего мира. Они присутствовали на бубнах, на элементах одежды шамана, но также могли быть наделены смысловой амбивалентностью. Так, В. Троцанский предположил, что изображенные на костюме якутского черного шамана солнце и луна, являются не теми светилами, которые мы видим на небе, а представляют собой те тусклые и дырявые солнце и луну, которые светят в потустороннем мире [35, с. 142]. Среди металлических подвесок на плаще кетского шамана В. И. Анучин выделял 2 бляхи, изображавшие солнце. Одна бляха представляла собой солнце нашего неба, а другая (дырявая) – «шаманское» солнце, возможно, имитирующее «ущербное» солнце нижнего мира, необходимое шаману в тех случаях, когда он спускался в подземное царство, где очень темно [5, с. 78 – 79]. На шапке нанайского касаты-шамана пришивался медный кружок *дэрэпту*, который давал свет во время путешествия в загробный мир *буни*. Спереди на шапке пришивался еще нефритовый кружок *нгэригдэ* или *нэран тол*, который будто бы зажигался перед входом в буни. Возможно, что *нгэригдэ* происходит от эвенкийского *нгэри* – свет [32, с. 231 – 232]. Другим вариантом разделения света и тьмы, а также человеческого и нечеловеческого в шаманской традиции может выступать оппозиция видимости (обладания зрением) и невидимости (незрячести). В этом случае путеводителем в потустороннем мире для шамана выступало не «шаманское» солнце или мистический свет, а шаманское зрение, или особые глаза, получаемые им при посвящении.

Таким образом, противопоставление света и тьмы можно отнести к базовым дуальным структурам, с помощью которых происходило формирование пространственно-временных характеристик шаманского космоса. С помощью этой бинарной оппозиции была выражена идея разделения человеческого мира и мира до(не)человеческого, каждый из которых имеет свою пространственную локализацию. Возможно, что первичным было противопоставление человеческого мира и мира мертвых (вариант – мира духов), находившегося под землей или на севере (западе). Параллельно с этим происходило и осознание света как символа возникновения жизни (прихода человека в этот мир), а тьмы, как наступления смерти (то есть покидания человеческого мира). Поскольку для традиционного мировоззрения нехарактерно представление о небытии (то есть полном прекращении жизни) и его жестком противопоставлении бытию, то первоначальный дуализм впоследствии был дополнен градуальным (трехчленным) делением вселенной, где на одном полюсе действует принцип недостачи (ущербности) света и жизни, а на другом – принцип избыточности (источник жизни и света). В качестве возможного сценария развития данной системы представлений можно предположить движение мысли от слабой дифференциации

миров (их значительная схожесть в чукотской традиции) к постепенному усилению противопоставления по оси «свет-тьма» (например, алтайская традиция). Шаманская традиция предложила различные варианты медиации, примиряющие светлые и темные стороны бытия, а также определила особые принципы коммуникации между мирами. Среди хорошо разработанных механизмов пересечения миров особую роль играют

варианты движения, связанные с Солнцем: путешествие шамана в сторону восхода или захода солнца, вращение по ходу или против хода солнца. Своеобразное выражение дуализм света и тьмы получил в символике шаманских атрибутов, подчеркивающих причастность шамана как к человеческому (солнечному) миру, так и к «темному» (недостаточно освещенному) миру духов.

Литература

1. Алексеев Е. А. Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 30 – 50. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/
2. Алексеев Е. А. Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 90 – 128.
3. Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л.: Издательство Российской Академии Наук, 1924. 152 с.
4. Анохин А. В. СМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 22.
5. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. Т II.2. СПб.: Типография императорской академии наук, 1914. 90 с.
6. Богораз В. Г. Чукчи. Религия. Ленинград: Издательство Главсевморпути, 1939. 195 с.
7. Бутанаева И. И. Мифическое путешествие хакасских шаманов в иной мир // Памяти И. Н. Гемеева. Сборник научных статей и воспоминаний. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2007. С. 104 – 116.
8. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
9. Василевич Г. М. СМАЭ. Ф. 22. Оп. 1. Д. 37.
10. Вдовин И. С. Чукотские шаманы и их социальные функции // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 178 – 217.
11. Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – XX вв.). Л.: Наука, 1983. 174 с.
12. Грачева Г. Н. Шаманы нганасан // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 69 – 89.
13. Дыренкова Н. П. Атрибуты шаманов у тюрко-монгольских народов Сибири. Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: Наука, 2012. С. 278 – 339.
14. Дыренкова Н. П. Шорский фольклор. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 448 с.
15. Каруновская Л. Э. Представления алтайцев о вселенной (Материалы к алтайскому шаманству) // Советская этнография. 1935. № 4 – 5. С. 160 – 183.
16. Карьялайнен К. Ф. Религия югорских народов. Т. 3. Перевод с немецкого и публикация д-ра ист. наук Н. В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 247 с.
17. Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2: Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2002. 280 с.
18. Кенин-Лопсан М. Алгышы тувинских шаманов. Кызыл: Новости Тувы, 1995. 528 с.
19. Ксенофонов Г. В. Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М.: Безбожник, 1930. 123 с.
20. Кулемзин В. М. Шаманство васюгано-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томского университета, 1976. С. 3 – 155.
21. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая пол. XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
22. Лотман Ю. М. Чему учатся люди. Статьи и заметки. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. 416 с.
23. Подгорбунский В. И. Религиозные и космогонические представления бурят, якутов и тунгусов (полевые материалы 1913 – 1922 гг.) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып. 2. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. С. 221 – 242.
24. Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.
25. Потанин Г. Н. Ерке. Культ неба в Северной Азии: материалы тюрко-монгольской мифологии. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества печатного дела, 1916. 132 с.
26. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. IV. Материалы этнографические. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. 1026 с.
27. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
28. Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 42 – 69.

29. Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире // СМАЭ. Т. XX. Л., 1961. С. 54 – 74.
30. Прокофьева Е. Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Т. 27: Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – XX вв. С. 5 – 100.
31. Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб., 1907. 658 с.
32. Смоляк А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
33. Таксами Ч. М. Шаманство у нивхов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 165 – 177.
34. Львова Э. Л., Октябрьская И. В., Сагалаев А. М., Усманова М. С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 225 с.
35. Трошанский В. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1902. 204 с.
36. Тэрнер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983. 277 с.
37. Шаракшинова Н. О. Мифы бурят. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. 168 с.
38. Шатилов М. Б. Драматическое искусство ваховских остяков // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томского университета, 1976. С. 155 – 165.
39. Шорский героический эпос. Т. 1. М.: ИЭА РАН, 2010. 392 с.
40. Эвенкийские героические сказания. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1990. 392 с.
41. Эргис Г. У. Очерки по якутскому фольклору. М.: Наука, 1974. 402 с.
42. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.; К.: Совершенство – Port-Royal, 1997. 384 с.

Информация об авторе:

Нам Елена Вадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета ТГУ, n.elvad@yandex.ru.

Elena V. Nam – Candidate of History, Senior Research Associate at the Laboratory of Social and Anthropological Research, Department of History, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 19.10.2015 г.

УДК 930.85

РОЛЬ ЧИСЛОВОЙ СИМВОЛИКИ В ШАМАНСКОЙ КОСМОЛОГИИ И В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ МИРАМИ (на материалах сибирского региона) *Е. В. Нам*

NUMERIC SYMBOLS IN SHAMANIC COSMOLOGY AND IN COMMUNICATION BETWEEN THE WORLDS (the case of Siberia) *E. V. Nam*

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14 В 25.31.0009.

В статье с опорой на этнографические материалы по народам Сибири рассматривается символика, основу которой составляло противопоставление четных и нечетных чисел. Исследование проводится в рамках семиотической методологии, позволяющей выделять дуальные структуры в качестве фундамента той или иной картины мира. Доминирование нечетных чисел в осмыслении мироздания и в шаманской практике позволяет говорить о преобладающем отношении к ним, как к благоприятным, в противовес четным – неблагоприятным (несчастливым). Символика чисел 7 и 9 может служить «строительным материалом» вселенной, характеризующим ее становление и определяющим ее структурные особенности. С помощью этих чисел происходило кодирование информации, включающей в себя характеристики жителей разных миров, а также формировалась своеобразная «сакральная» география, включающая в себя шаманские дороги, речные русла, жилища со множеством дверей и т. д. Кроме того, числа (а также их дихотомия на четные и нечетные) могут рассматриваться как язык духов, посредством которого происходит передача информации в мир людей, а значит как важнейший способ коммуникации между мирами.

Drawing on ethnographic research on the peoples of Siberia, the paper deals with symbolism which is based on the opposition of odd and even numbers. The research is carried out within semiotic methodology that allows identifying dual structures as a basis for a particular view of the world. The dominance of odd numbers in understanding the universe in shamanic practices allows us to speak of the predominantly favourable attitude towards them in contrast to even (unfavourable) numbers. The symbolism of the numbers 7 and 9 can be seen as 'building blocks' of the universe which characterize the development of the latter and define its structural specificity. These numbers were used for encoding information which included characteristics of dwellers of different worlds, as well as for forming a certain 'sa-

cred' geography encompassing shamanic paths, river beds, dwellings with many doors, etc. Apart from that, numbers (along with the dichotomy of even and odd numbers) can be considered as a language of spirits by means of which information is transmitted to the human world and thus as an important way of communication between the worlds.

Ключевые слова: чет и нечет, жизнь и смерть, космогенез, коммуникация, шаманское посвящение, сакральная география.

Keywords: even and odd numbers, life and death, cosmogenesis, communication, shamanic initiation, sacred geography.

Мировосприятие традиционных обществ в значительной степени определяется бинарными оппозициями, которые относятся к древнейшим ментальным структурам. Первые попытки организовать поступающие извне данные о мире проявлялись главным образом в разделении (раздвоении реальности). Соприкосновение человека с нечеловеческим миром и необходимость налаживания коммуникации с ним породили различные варианты осмысления его характеристик. Изучение общих семантических противопоставлений, характерных для мифопоэтической традиции, проведенное В. Н. Топоровым, позволило ему говорить о достаточно ограниченном их количестве, которое «едва ли превышает 2 десятка» [21, с. 15]. Они составляют основу дальнейшего структурирования мира. Среди универсальных оппозиций он, прежде всего, выделял такие как «счастье – несчастье», «жизнь – смерть», «чет – нечет». К наиболее древним он относил семантические противопоставления, связанные с характеристикой структуры пространства (верх – низ, небо – земля, земля – подземное царство, правый – левый, восток – запад, север – юг), а также временные противопоставления (день – ночь, лето – зима, утро – вечер, весна – осень) [21, с. 15 – 16]. Ряд противопоставлений относится к стихиям и находится на стыке природно-естественного и социального начала (сухой – мокрый, вареный – сырой, огонь – вода). Существуют также противопоставления отчетливо социального толка, которые отражают структуру человеческого коллектива (мужской – женский, старший – младший, свой – чужой, близкий – далекий и т. д.). Важную роль в структуре культурного пространства традиционных обществ играет символика, основу которой составляет противопоставление четных и нечетных чисел. Возможно, что в основе данной дихотомии находятся гадательные практики, определявшие благоприятный или неблагоприятный исход предстоящего события в зависимости от того, к какому разряду (чет или нечет) относится получившееся при гадании число. В. В. Иванов предположил, что счетные знаки, которые обнаруживаются уже в произведениях палеолитического искусства, могли быть связаны с осуществлением такого рода обрядов [12, с. 89].

Особенно интересно, что древнейшая гадательная практика по-прежнему актуальна в современных шаманистических культурах. В частности, интервью с бурятской шаманкой С., проведенное в июне 2015 г., выявило значительную роль гадательной практики в ее деятельности. При этом числовая символика понималась как язык духов, посредством которого они передают информацию в мир людей. Гадание может осуществляться с помощью четок. Шаманка спрашивает мысленно духов о какой-то проблеме. Если не-

обходим ответ в категориях «да» или «нет», то четное число подразумевает ответ «нет», нечетное – «да». Кроме того, каждая цифра несет в себе информацию, где обычно нечетные цифры – положительные, а четные – отрицательные. Например, цифра 1 – это начало всему, прекрасное начало, которое может означать вещие сны и предвестие того, что сбудется. 2 – это плохой знак, например, порча, родовое проклятие, 4 – это закрытая дорога, болезнь и т. д. Но в любом случае шаман всегда должен сам понять (или почувствовать), что стоит за тем или иным числом в каждом конкретном случае, а значит, что хотят сказать духи.

Известно, что общение с духами посредством чисел может носить и иной характер. Например, в традиции кетов, при подобной же форме общения мог использоваться только нечетный числовой ряд. Во время шаманского камлания духи извещали о своем появлении стуками в котел. Духам задают вопросы, а они отвечают постукиваниями в котел: три удара = да, один удар = нет [6, с. 32]. Согласно верованиям хантов, четные и нечетные числа кодировали информацию, связанную с оппозицией «живое – мертвое». Большую роль в их системе религиозных представлений играло употребление мухоморного зелья. Существовала даже особая категория ритуальных деятелей *панкал-ку* (*панкал* – мухомор), которые выпивали настой мухомора и в бредовом состоянии передавали присутствующим содержание своих видений [13, с. 60]. Чтобы получить такое снадобье, можно было обратиться к «мухоморной женщине» – *похн ими*, которая в свою очередь могла предложить как «живое», так и «мертвое» зелье. «Живое» готовилось из выросших рядом 3,5 или 7 мухоморов, «мертвое» – из 2, 4 или 6. Человек, отведавший «мертвого» зелья, был обречен на самоубийство [10, с. 82].

В. Н. Топоров связал числовую символику с особенностями пространственного структурирования космоса в культурах «шаманского» комплекса. Схема, предложенная ученым, предполагает совмещение горизонтальных и вертикальных характеристик пространства и содержит семь основных координат: 1) верх; 2) центр; 3) низ; 4) север; 5) восток; 6) юг; 7) запад [22, с. 70]. В то же время двухмерные изображения пространства, представленные в шаманском искусстве, позволяют выделить 9 квадратов, из которых наиболее важны те пять квадратов, которые лежат непосредственно вдоль горизонтальной и вертикальной осей. То есть число значимых мест в таких схемах равно 7+2 [21, с. 17]. Изучение числовой символики в шаманской системе представлений народов Сибири также позволяет выделить числа 7 и 9 в качестве наиболее значимых, стержневых категорий для описания картины мира. У бурят большое значение в

шаманской практике имеет число 9. Оно означает шаманское покровительство. Если во время гадания выпадает это число, то это духи дают знать, что помогут. Максимальное количество шаманских посвящений – 9. Обязательно нужно проводить шаманские камлания на 9 и 19 дни месяца по лунному календарю. В эти дни шаман призывает своих онгонов, общается с ними, просит у них защиты, угощает. Духи в ответ на это наделяют шамана новой силой. У кетов священным и особо почитаемым числом считается 7 [6, с. 14]. У эвенков можно встретить оба варианта числовой символики: у западных эвенков во время камланий доминировало число 7 и кратные от него, у восточных – число 9 [9, с. 245].

Числа 7 и 9 являются важными факторами космо- и антропогенеза, как они представлены в сибирской мифологии. Нганасаны полагали, что в период, когда создавалась земля, 7 гагар поддерживали ноги земли [17, с. 87]. Согласно алтайской легенде, записанной В. Радловым, Тенгере Кайра Кан, главный среди богов, после создания земли вырастил на ней дерево с девятью ветвями. Под каждой из ветвей он создал по человеку, которые являются прародителями 9 племен, населяющих землю [19, с. 357]. В камлании алтайского кама, записанном А. В. Анохиным, слышится сходный мотив, однако фигурирует число 7: «Когда росли 7 поколений, Когда творилась земля...» [4, л. 85]. Согласно воззрениям нганасан землю населяют 7 народов, символом которых являются 7 колков (выступов) на обечайке шаманского бубна. Шаман, владеющий таким бубном, может «гнать след» любого представителя из семи народов [20, с. 176]. Есть также сведения о том, что нганасаны насчитывали 9 народов, которые были связаны 9 нитями (лучами) с Солнцем или Луной [11, с. 24]. Якуты считали, что духи верхнего и нижнего миров так же, как и люди, живут племенами. Злые духи верхнего мира разделяются на 9 племен, а злые духи нижнего мира – на 7 племен [1, с. 114].

Числовая символика является также «строительным материалом» мироздания. Особенно ярко это проявляется в космологической схеме кетов, где число 7 считается наиболее значимым и священным. Они полагали, что вселенная разделена посередине нашей землей. Над нею находятся 7 небес, под нею – 7 подземелий, а по краям расположены 7 морей [6, с. 14]. Даже полный песенный цикл кетского шамана, сопровождавший его воображаемый путь в верхний мир, включал 7 разных по мотиву частей, где каждая часть соответствовала отрезку между двумя остановками на этом пути [3, с. 117]. Ханты также «строили» свою вселенную с помощью числа 7. Считалось, что стихиями неба правят 7 братьев-Гроз (Лабат Похоль), время движут 7 братьев-Дней (Ими Хи́ли), над землей возвышается 7 сфер Торума, под землю уходят 7 черных сфер Хынь Ики, Землею владеют 7 детей Торума [10, с. 87]. По сведениям В. Радлова, собиравшего материал у тюркских народов Алтая, небо имеет 17 ярусов, а подземный мир – 7 или 9 [19, с. 356]. Согласно материалам Л. П. Потапова, алтайцы считали, что на 9 небесном слое живет Ульгень и его сыновья [18, с. 34]. Верховное божество якутов *Tangara* (небо) также «имеет свой престол в 9 небе» [14, с. 42]. У

нганасан мир мертвых находится под землей в мерзлоте. Всего таких «мерзлот» насчитывается 7 или 9. Считается, что все умершие встречаются на 7-й мерзлоте [11, с. 77]. Согласно космологическим представлениям чукчей количество миров 5, 7 или 9. Эти миры расположены в равном количестве над и под землей, и каждому верхнему миру соответствует симметричный нижний [7, с. 40]. Верхний мир у хакасов является обителью девяти творцов, каждый из которых занимает один из 9 небесных слоев. Нижний мир состоит из 7 слоев и находится под управлением 7 подземных божеств [8, с. 48, 51].

Посредством чисел могла кодироваться информация, включающая в себя характеристики носителей различных жизненных начал (или обитателей разных миров), причем тем самым подчеркивалось отличие их друг от друга. Так, кеты считали, что у каждого человека вне зависимости от пола имеется 7 душ, в то время как у животных – по 1. Считалось, что еще находясь в чреве матери, человек получал несколько душ из тех животных и растений, которые употребляла в пищу будущая мать. И только незадолго до рождения через половые органы беременной вселяется главная душа – *ултвей* [6, с. 10]. Шаман мог получать при посвящении дополнительные анатомические характеристики (вторые глаза, уши, новое горло и т. д.), отличавшие его от других людей. В описании одного из посвящений нганасанского шамана, записанного А. А. Поповым, говорится о том, что духи сделали ему 7 сердец, чтобы пользоваться ими при путях 7 болезней [17, с. 97]. Отличить лесных мифических существ *Мис-Махум* от людей манси могли по высокому росту, длинной шее и по наличию 7 пальцев на руках [15, с. 91]. Принадлежностью костюма ненецкого шамана была особая перчатка с 7 пальцами, которую шаман использовал во время камлания: он брал ею горящий хворост и раскаленное железо [23, с. 19]. Возможно, она придавала шаману особые нечеловеческие качества.

Сакральный характер чисел 7 и 9 ярко проявляется в пространственных характеристиках нечеловеческих миров, важной составляющей которых являлись дороги. Шаман должен был уметь ориентироваться в этом пространстве, поэтому во время посвящения он знакомился с его особенностями и выбирал свою заветную дорогу. Человек не посвященный, попав в иномирье, легко мог заблудиться там и пропасть, поскольку не знал, по какой дороге он должен идти. Даже души умерших нуждались в сопровождении шамана, чтобы найти дорогу в царство мертвых. В памяти стариков нганасан еще до недавнего времени сохранялась информация о том, что в мире мертвых есть 7 дорог. Одни связывали это с тем, что у каждого народа своя дорога, другие считали, что человек попадает на ту или иную дорогу в зависимости от характера смерти. Существует своя дорога для самоубийц, для утонувших, для замерзших в пургу. Существует отдельная дорога для тех, кто умер в грудном возрасте. Среди всех дорог выделяется главная, которая предназначена для умерших от старости, болезней и родов [11, с. 76]. Алтайский кам во время путешествия в подземный мир к Эрлику входит в отверстие земли и вскоре оказывается на перекрестке 7 дорог

[18, с. 143]. Нганасанский шаман во время посвящения оказывается около реки с 7 руслами. Духи объясняют ему, что каждый большой шаман имеет 7 начал, спускаясь по этим началам (руслам), можно найти начало болезни [17, с. 99]. По представлениям кетов, человек, подчинившийся зову духов, получает название – *dadij* – блаженный, одержимый. Он отличается необычным поведением (становится пугливым, заговаривается, беспричинно плачет или хохочет и т. д.). Считается, что в этот период он ищет свою шаманскую дорогу. Перед ним 7 дорог, и если он не найдет свою заветную, то или умрет, или станет безумцем [6, с. 24]. Графически дороги шамана в верхний мир можно представить в виде дерева с семью разной длины и направления ветвями, начинающегося на земле и пересекающего остальные слои [3, с. 103]. Когда будущий шаман селькупов вырастет, к нему являются духи и учат его положить жертву на 7 дорог: на дорогу в воде, на дорогу к богу, в огонь, вниз и еще на 3 дороги [16, с. 169]. Аналогом дорог или русел реки могут выступать двери, которые необходимо открыть шаману в ином мире, чтобы добиться своей цели. Посвящение нганасанского шамана сопровождается открытием 9 дверей земляного чума, находящегося на вершине высокой сопки. Каждая дверь имеет порог с очень острым верхним краем, зазубренным «как пила», за каждой дверью живут разные нго, за 9-й дверью – лысый безглазый старик Девятибог – отец и мать всех шаманов [11, с. 134].

Наряду с пространственными характеристиками число 7 имеет ярко выраженный сакральный характер во временном измерении, представляя собой некий цикл, определяющий особенности взаимодействия жизни и смерти человека (или различных вариантов жизненности). Миф о происхождении смерти у кетов повествует о том, что первый умерший человек должен был воскреснуть через 7 дней в случае соблюдения определенных правил. Люди не смогли выполнить необходимые условия, поэтому стали смертными [6, с. 11]. В связи с этим кеты верили, что умерших шаманов нельзя хоронить в течение 7 дней, так как после этого срока они могут ожить [3, с. 96]. Кеты считали, что после смерти человека его главная жизненная субстанция *ул'вэј* в течение 7 лет повторяет его жизненный путь в обратном направлении – от места захоронения (вариант – смерти) до начальной точки, где он стал восприниматься окружающими в образе человека. Целью этого 7-летнего путешествия было собрать все волосы и ногти, по небрежности оставленные в разных местах [2, с. 40]. В похоронной обрядности алтайцев большое значение играет представление о том, что в юрте, где находится умерший, 7 дней живет дух смерти *алдачи*. Через 7 дней он уходит к Эрлику, поэтому кам до 7 дней не может войти в эту юрту [5, л. 11].

Нечетные числа всегда находились в опасном соседстве с числами четными. Так, для того, чтобы достичь семиричности как воплощения некоторого «правильного» порядка, необходимо было преодолеть число 6. Например, «шаманская болезнь» у хантов обычно длилась 6 полугодий («лет») и соответствовала восхождению через шестое Небо к седьмому [10,

с. 87]. Число 6 также могло стать признаком нечеловеческих существ, несущих в себе опасность для человека. В мифологии хантов упоминается чудовище по имени Пырнэ, главным признаком которого является шестипалость. Новорожденные младенцы, имевшие 6 пальцев, рассматривались как его воплощение [10, с. 87]. Любопытно, что у эвенов была записана легенда о великом шамане, который ожил через 6 дней после смерти [14, с. 69]. А Л. П. Потапов упоминает о том, что у телеутов число 6 было сакральным [18, с. 168]. Возможно это была сакрализация того, что несло на себе отпечаток «до(не)человеческого» порядка. В качестве одного из вариантов интерпретации можно рассматривать число 6 как некий рубеж между мирской и духовной жизнью [10, с. 87], и в целом между жизнью и смертью. В наибольшей степени это получило свое отражение в шаманской идеологии: способность шамана ожить по прошествии 6 дней – на 7-й, 7 шаманских дорог, участвующих в посвящении, а значит переводящих шамана в новый «духовный» статус и т. д.

Таким образом, числовая символика (а также выделение в ней дуальной структуры «чет – нечет») играет значительную роль в системе традиционного мировоззрения, тесно связанного с шаманизмом. Числа являются строжайшими категориями, посредством которых происходит формирование определенной картины мира. Доминирование нечетных чисел в осмыслении мироздания и в шаманской практике позволяет говорить о преобладающем отношении к ним, как к благоприятным, в противовес четным – неблагоприятным (несчастливым). Совмещение горизонтальных и вертикальных характеристик пространства традиционного космоса дает в качестве наиболее значимых структурообразующих символов числа 7 и 9. Проследить бытование данных чисел в шаманистических культурах можно в нескольких смысловых сегментах.

1. Символика чисел 7 и 9 может служить «строительным материалом» вселенной, характеризующим ее становление (космо- и антропогенез) и определяющим ее структурные особенности.

2. Посредством чисел 7 и 9 происходит кодирование информации, включающей в себя характеристики жителей разных миров, являющихся носителями различных вариантов жизненности.

3. Посредством этих чисел формируется определенная география иномира, включающая в себя, прежде всего, шаманские дороги, речные русла, а также жилища со множеством дверей.

4. Число 7 представляет собой определенный временной цикл, который связывает и наоборот разделяет фазы жизни и смерти в круговороте бытия.

5. Числа (а также их дихотомия на четные и нечетные) могут рассматриваться как язык духов, посредством которого происходит передача информации в мир людей, а значит как важнейший способ коммуникации между мирами.

Информант: шаманка С., 26 лет, жительница г. Улан-Удэ.

Литература

1. Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – нач. XX вв. Новосибирск: Наука, 1975. 199 с.
2. Алексеенко Е. А. Жизнь и смерть в представлениях народов бассейна Енисея // Мифология смерти. Структура, функции и семантика погребального обряда народов Сибири. Этнографические очерки. СПб.: Наука, 2007. С. 30 – 50. Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-02-025221-9/
3. Алексеенко Е. А. Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 90 – 128.
4. Анохин А. В. СМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 10.
5. Анохин А. В. СМАЭ. Ф. 11. Оп. 1. № 23.
6. Анучин В. И. Очерк шаманства у енисейских остяков // СМАЭ. Т II. 2. СПб.: Типография императорской академии наук, 1914. 90 с.
7. Богораз В. Г. Чукчи. Религия. Ленинград: Издательство Главсевморпути, 1939. 195 с.
8. Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2006. 254 с.
9. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
10. Головнев А. В. Числовые символы хантов (от 1 до 7) // Народы Сибири: история и культура (Серия: Этнография Сибири). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 82 – 89.
11. Грачева Г. Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – XX вв.). Л.: Наука, 1983. 174 с.
12. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет: асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Сов. радио, 1978. 184 с.
13. Кулемзин В. М. Шаманство васюгано-ваховских хантов (конец XIX – начало XX вв.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Томского университета, 1976. С. 3 – 155.
14. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая пол. XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. Изд-во, 1983. 176 с.
15. Мифология манси. Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2001. 196 с.
16. Мифология селькупов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 382 с.
17. Попов А. А. Нганасаны. Социальное устройство и верования. Л.: Наука, 1984. 152 с.
18. Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
19. Радлов В. В. Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
20. Симченко Ю. Б. Традиционные верования нганасан. Ч. 1. М.: ГЕО-ТЭК, 1996. С. 216.
21. Топоров В. Н. К вопросу об универсальных знаковых комплексах. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 11 – 24.
22. Топоров В. Н. К происхождению некоторых поэтических символов. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. Т. 1. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. С. 52 – 82.
23. Хомич Л. В. Шаманы у ненцев // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам 2-й половины XIX – начала XX вв.). Л.: Наука, 1981. С. 5 – 41.

Информация об авторе:

Нам Елена Вадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории социально-антропологических исследований исторического факультета ТГУ, n.elvad@yandex.ru.

Elena V. Nam – Candidate of History, Senior Research Associate at the Laboratory of Social and Anthropological Research, Department of History, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 12.11.2015 г.

ЖИВОТНОВОДСТВО КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГГ.: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИТОГИ РАЗВИТИЯ*Д. С. Орлов***ANIMAL BREEDING IN KEMEROVO REGION IN THE SECOND HALF OF THE 1960S – FIRST HALF OF THE 1980S: MAIN TENDENCIES AND RESULTS***D. S. Orlov*

Осуществляется реконструкция развития животноводческой отрасли сельского хозяйства в Кемеровской области в 1960-е – первой половине 1980-х гг., показаны тенденции и итоги её развития. Сделан вывод, что изменения, происходившие в животноводстве региона, были связаны с изменениями аграрной политики советского государства. Значительный прирост производства продукции животноводства в области в первое десятилетие был следствием восстановления отрасли после кризиса начала 1960-х гг. и благоприятным воздействием мер, принятых на мартовском (1965 г.) пленуме партии. Замедление во второй половине 1970-х гг. и снижение производства в начале 1980-х гг. имели своей причиной разбалансировку действующего хозяйственного механизма. Позитивное воздействие Продовольственной Программы СССР стало причиной стабилизации отрасли во второй половине одиннадцатой пятилетки.

The paper reconstructs the development of stock-raising branch in the agricultural sector of Kemerovo Region in the 1960s – first half of the 1980s. The author dwells upon the main tendencies and results, drawing a conclusion that all the changes in the agricultural area of Kemerovo Region were connected with the changes in agricultural policy of the Soviet Union. The considerable stock-raising output growth in the Region during the first decade was the result of sector recovery after the crisis of the early 1960s as well as the favourable effect of the measures accepted at the March plenary assembly (in 1965). The slow-down of the second half of the 1970s and decrease in production of the 1980s were caused by the deregulation of the operating economic system. The sector stabilization in the second half of the eleventh five-year industrial plan was caused by the positive impact of the USSR Food Programme.

Ключевые слова: аграрная политика, сельское хозяйство, скотоводство, птицеводство, свиноводство, овцеводство, совхозы, колхозы, личные приусадебные хозяйства, Кемеровская область.

Keywords: agricultural policy, agriculture, cattle breeding, poultry breeding, swine rearing, sheep raising, sovkhos, kolkhoz, private gardening lot, Kemerovo Region.

Цель статьи состоит в выявлении основных тенденций и итогов развития животноводческого сектора аграрной экономики Кемеровской области. Особая роль при этом отводится исследованию базовых подотраслей животноводства (скотоводству, свиноводству, птицеводству и овцеводству), динамике производства продукции и государственных закупок, изменений организационно-производственной структуры аграрного сектора. Кемеровская область в указанный период занимала значимое место в аграрном комплексе Западной Сибири. Анализ проблемы на уровне области осуществляется в контексте развития аграрных отношений в регионе и стране в целом.

В материалах мартовского (1965 г.) пленума КПСС и ряде последующих партийно-правительственных постановлений была намечена совокупность мер, направленных на борьбу с кризисными явлениями в аграрном секторе, возникших в начале 60-х гг. XX в. Главными причинами недостатков в развитии сельского хозяйства на предыдущем этапе развития были названы нарушения экономических законов социалистического производства, принципов материального стимулирования колхозников и рабочих совхозов; неправильное сочетание общественных и личных интересов.

Основным механизмом развития сельского хозяйства считалась его индустриализация, проводимая путём механизации, химизации и электрифика-

ции. Производственный опыт предыдущего периода показал необходимость увеличения капиталовложений, расширения объёмов мелиоративного строительства, внесения минеральных удобрений, роста поставок тракторов, комбайнов и другого сельскохозяйственного оборудования.

В соответствии с принятым решением был реализован ряд мероприятий по финансированию колхозов и совхозов [28, с. 14 – 44]. С 1 мая 1965 г. были увеличены закупочные цены на мясо крупного рогатого скота (КРС), свиней, овец и коз. Также было произведено повышение цен на пшеницу, рожь, рис, гречиху, просо, семена подсолнечника, сахарную свёклу. От уплаты подоходного налога освобождались колхозы с рентабельностью менее 15 %.

Было предусмотрено выделение инвестиций в аграрную сферу в размере 41 млрд руб. для строительства объектов производственной инфраструктуры и приобретения техники, в том числе не менее 21 млрд руб. на строительно-монтажные работы. Снижались на 20 % оптовые цены на шины, электрооборудование, приборы и топливную аппаратуру, на 10 % – на запасные части к тракторам. Плановые показатели намечалось доводить до колхозов и совхозов по фиксированному количеству показателей (объём закупок, капитальные вложения, фонд заработной платы, прибыль). Планы продажи сельхозпродукции должны были оставаться неизменными в течение

пятилетки, их объёмы были ниже фактических закупок предыдущих лет. Колхозы переводились на прямое банковское кредитование [28, с. 14 – 44].

Итогом реализации документов мартовского (1965 г.) Пленума партии стало списание задолженности сельхозпредприятий и рост закупочных цен, что, в свою очередь, привело к росту экономического благосостояния колхозов и совхозов региона и увеличению объемов сельхозпроизводства. Доходы колхозов Кемеровской области в 1967 г. составили 61,9 млн руб., в 1968 г. – 53,1 млн руб. Выросли доходы совхозов [3, л. 40].

Результатом реализации решений мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС в Кемеровской области стал значительный прирост продукции сельского хозяйства (+21,8 %) за восьмую пятилетку. Среднегодовое производство основных видов сельскохозяйственной продукции в колхозах и совхозах Кемеровской области только за три года пятилетки против уровня 1961 – 1965 гг. возросло по молоку – на 45 %, мясу – на 32 %, производству яиц – почти в 2,5 раза, уровень рентабельности повысился до 32 % [2, л. 3 – 30]. Итогом стало выполнение планов государственных закупок по мясу – на 131 %, по молоку – на 105 %, яйцам – 113 %, шерсти – 175 % [5, л. 2]. В общественном секторе (в среднегодовом исчислении) производилось 60 % мяса, 64 % молока и 59 % яиц. Подворья населения лидировали по производству шерсти – 79 %. Наибольшее количество продукции животноводства, кроме шерсти, закупалось в колхозах и совхозах [21].

Вместе с тем ориентация на уменьшение количества обязательных плановых показателей, провозглашённая на мартовском (1965 г.) пленуме партии сразу же вошла в противоречие с практикой функционирования командно-административной системы, так как областная и районные партийные организации, а также хозяйственные органы в интересах оперативного управления нуждались в наличии десятков дополнительных показателей, обязательных к исполнению. Система стимулирования продажи дополнительной продукции государству в стране и регионе уже к концу восьмой пятилетки трансформировалась в политику навязывания сверхплановых заготовок.

План на девятую пятилетку для Кемеровской области по сравнению с восьмой увеличен по мясу на 70 %, молоку на 37 %, яйцам – на 200 %. В 1973 г. произошло следующее уточнение обязательств для Кемеровской области, также предусматривавшее значительный рост объёмов государственных закупок [4, л. 88], [6, л. 33 – 34]. Увеличение плановых показателей приводило к уменьшению сверхплановых закупок и осложнению экономического положения колхозов и государственных сельхозпредприятий.

В девятой пятилетке прирост среднегодового производства сельскохозяйственной продукции в области уменьшился в два раза и составил +11,3 %. Мяса (в среднегодовом исчислении) было произведено по сравнению с 1966 – 1970 гг. больше на 10 %, яиц – на 66 %, шерсти – на 19 %. Объёмы производ-

ства молока не изменились. Также имел место рост государственных закупок мяса на 23 %, молока – на 16 %, шерсти – на 24 %, яиц – на 129 %, по сравнению с восьмой пятилеткой. В производстве животноводческой продукции снизился удельный вес хозяйств населения, в них в девятой пятилетке производилась треть мяса и молока, четверть яиц. Индивидуальные подворья оставались безусловными лидерами в производстве шерсти (90 %) [20; 21].

К концу восьмой пятилетки в Кемеровской области большинство предприятий аграрного сектора перешли на выпуск одного-двух видов сельхозпродукции. Были созданы тресты колхозов и совхозов, специализировавшихся на выпуске мясомолочной продукции, яиц, шерсти, растениеводческой продукции. В 1975 г. трест «Кемеровоптицепром» давал 85 % яиц и мяса птицы, трест «Свинопром» – 45 % всей свинины, производимой в области [7, л. 6]. Наибольший экономический эффект дало создание специализированных птицеводческих хозяйств, где высокая концентрация производственных ресурсов и птицепоголовья обусловила значительное сокращение производственных затрат, снижение себестоимости продукции и повышение производительности труда. Кемеровский трест «Птицепром» в 1966 – 1980 гг. в 16 раз увеличил производство яиц, прибыль хозяйств треста выросла с 0,5 до 30,6 млн руб. [17, л. 100 – 115; 18, л. 1 – 30, 130 – 150]. Также активно в регионе развивалась и межхозяйственная кооперация. В 1977 г. в Кузбассе функционировало девять государственно-колхозных объединений по дорациванию и откорму коров и быков, а также одно районное колхозно-совхозное [16, л. 1].

Реальная хозяйственная практика по углублению специализации и межхозяйственной кооперации в области выпуска животноводческой продукции зачастую не имела своим итогом высокую результативность. В ряде случаев применение этих принципов организации сельхозпроизводства приводило к противоречивым последствиям. Экономическая эффективность осуществления мер по развитию специализации и межхозяйственной кооперации в скотоводстве Кузбасса в 1976 – 1985 гг. в целом не оправдывали ожиданий. Мясомолочные колхозы и совхозы, а также их объединения, чаще всего оказывались нерентабельными. У многих спецхозов затраты труда и кормов на единицу продукции были выше, чем в обычных многоотраслевых хозяйствах. Затраты на возведение молочного комплекса в совхозе «Зенковский» Кемеровской области составили около 1 млн руб., а ожидаемой отдачи получено не было. Ввиду неточностей в проектировании, строительстве и эксплуатации надой на 1 корову в этом предприятии в 1975 г. составил всего 1292 кг, а себестоимость 1 ц молока – 30 руб. 79 коп., что превышало средние показатели по Кемеровской области [8, л. 3 – 35]. В то же время имелся и позитивный производственный опыт некоторых объединений. Чистогорский свиноплекс за 1976 – 1980 гг. получил чистую прибыль в размере 30 млн руб., окупив затраты на своё строительство [10, л. 85].

Одной из причин низкой продуктивности сельскохозяйственных животных были их невысокие породные качества, мало было высокопородных животных. Фактором, негативно влиявшим на развитие животноводства, оставался высокий падеж скота, приносивший региону существенные убытки и так и не изжитый на протяжении всего рассматриваемого периода. Так, только в 1972 г. в хозяйствах треста «Кемеровосвинопром» пало 3,7 % крупного рогатого скота и 5 % свиней на общую сумму 440 тыс. руб. [19, л. 108 – 140].

Высокие цифры падежа сельскохозяйственных животных объясняются низкой кормообеспеченностью, неудовлетворительным уходом за животными, недостаточным уровнем зоотехнического и ветеринарного обслуживания, нехваткой теплых помещений для животных. Рост численности скота происходил в условиях отставания строительства животноводческих помещений, нехватки средств механизации труда.

В животноводстве Кемеровской области на многих сельхозпредприятиях недостаточным был уровень механизации, высоким оставался удельный вес тяжелого физического труда. Низкий уровень комплексной механизации свиноводства и коровников вынуждал колхозы и совхозы в условиях дефицита рабочей силы привлекать для работы на фермах дополнительных работников. Развитие животноводства в регионе также осложнялось несбалансированностью кормовой базы, нехваткой белка и стимулирующих добавок, неправильным кормоприготовлением.

Негативным фактором, влияющим на ухудшение ситуации в животноводстве стал рост затрат колхозов и совхозов на производство животноводческой продукции. В 1966 – 1970 гг. произошло подорожание запчастей, горюче-смазочных материалов и строительно-монтажных работ, причем повышение закупочных цен на сельхозпродукцию шло более низкими темпами. Эти факторы становились причиной значительного роста себестоимости произведенной продукции. Если в 1965 г. производство центнера мяса свиней в совхозах страны обходилось в 108,7 руб., то к 1975 г. – 139,4 руб., молока – 16,29 и 23,85 руб. соответственно [25]. В колхозах ситуация складывалась схожим образом. К концу десятой пятилетки производство большинства видов животноводческой продукции (кроме яиц и мяса птицы) было убыточно. Рентабельность производства мяса крупного рогатого скота составила – (-6 %), мяса свиней – (-12 %), также убыточным было производство молока – (-12 %) и шерсти – (-14 %) [26, с. 102].

Почти 50 % колхозов и совхозов области в десятой пятилетке стали нерентабельными. В 1976 – 1980 гг. сельхозпредприятия Кузбасса не выполнили план и недопоставили государству 44 тыс. т мяса и 105 тыс. т молока [11, л. 13]. Финансовые трудности сельскохозяйственных предприятий приводили к тому, что они в покрытие собственных финансовых прорывов стали чаще привлекать кредиты Государственного банка. К началу 1980-х гг. задолженность колхозов и совхозов Кемеровской области достигла

640 млн руб. В некоторых хозяйствах долги превышали стоимость основных фондов. Так, колхозы Промышленновского района на конец 1982 г. имели задолженность 86 млн руб. по кредитам Госбанка, что составляло 77 % от их основных средств (111 млн руб.) [13, л. 28; 15, л. 3 – 31].

Сложившаяся ситуация привела к изменению поголовья скота и снижению объемов производства. Сельскохозяйственные предприятия стали уменьшать выпуск нерентабельной продукции. Численность крупного рогатого скота в области не изменилась по сравнению с девятой пятилеткой, поголовье свиней увеличилось на треть, птицепоголовье выросло на 39 %. Количество овец и коз уменьшилось на 23 %. В десятой пятилетке прирост среднегодового производства сельхозпродукции в Кемеровской области составил отрицательное значение – (-0,6 %). Мяса (в среднем за год) было произведено по сравнению с 1971 – 1975 гг. больше на 3 %, производстве яиц выросло на 48 %. В то же время молока было произведено на 2 %, а шерсти на 39 % меньше. Снижение объемов производства отразилось на объемах государственных закупок. Колхозы и совхозы продали государству мяса меньше на 5 %. Прирост закупок молока составил 5 %. Закупки шерсти упали на 20 %. Яиц было закуплено на 68 % больше по сравнению с уровнем предыдущего пятилетия. Удельный вес колхозов и совхозов индустриального Кузбасса в производстве мяса составлял 67 %, молока – 70 %, яиц – 81 %. Основным производителем шерсти (87 %) были подворья населения [20; 21].

Замедление темпов роста в аграрном секторе осложняло продовольственную ситуацию в регионе. Вырос импорт зарубежного продовольствия. Колхозы и совхозы региона в условиях нарастания дефицита продовольствия увеличили расход продуктов питания на внутренние нужды. В 1976 г. птицефабрика «Северная» произвела 990 ц мяса, из них 377 ц было списано на внутрихозяйственные нужды. Совхоз «Анжерский» из 2560593 ц потратил на собственные нужды. В Кемеровском районе в совхозе «Ягуновский» расход мяса внутри предприятия составил 44 % всего произведенного объема [9, л. 1 – 31]. Сокращение объемов государственных закупок побудило центральную власть, с целью поддержания необходимого продовольственного баланса и стабильного снабжения рабочих промышленных предприятий и шахтеров продуктами питания, мерами административного воздействия обеспечить соблюдение установленных лимитов внутрихозяйственного потребления и снизить нерегламентированную реализацию продуктов, сохранив тем самым необходимые объемы госзакупок мясомолочной продукции [23].

В ситуации обострения продовольственной проблемы во второй половине 1970-х гг. властные органы обращают внимание на развитие животноводства в подсобных хозяйствах заводов и фабрик. В Кемеровской области успешно функционировало подсобное хозяйство на Беловской государственной районной электростанции. Здесь было начато разведение рыбы в термальных водах площадью 13 тыс. кв. м. В

1980 г. хозяйство произвело 400 т рыбы [12, л. 13 – 50]. Вклад подсобных предприятий в продовольственную корзину горожан области в 1981 г. составил всего 0,7 кг мяса в год на человека, при среднероссийском показателе 1,4 кг [24, с. 64]. В целом, не смотря на отдельные успешные примеры, подсобные хозяйства фабрик и заводов выпускали сельхозпродукцию по себестоимости в 2 – 3 раза превышавшую аналогичные показатели в колхозах и совхозах.

В начале 1980-х гг. ситуация в аграрной экономике стала кризисной. Ощутимо снизилась эффективность сельхозпроизводства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, уменьшилась производительность труда, возросла себестоимость продукции растениеводства и животноводства. В 1981 – 1982 гг. объём валового производства сельскохозяйственной продукции в Сибири сократился на 6,2 % [22, с. 150 – 151]. Ситуация была осложнена сильной засухой, нанесшей весомый урон югу Западной Сибири и Кемеровской области. В сельском хозяйстве Кузбасса значительный спад произошёл в растениеводстве, осложнилось положение в кормопроизводстве.

К одной из причин, являющихся тормозом для развития сельскохозяйственного производства, стала невысокая трудовая отдача работников сельскохозяйственных предприятий. Колхозники и рабочие совхозов, осуществляющие свою трудовую деятельность в больших и трудноуправляемых подразделениях, не были связаны с конечным результатом ни организационно, ни материально. Это становилось причиной ослабления трудовой и технологической дисциплины, неэкономного и нерачительного расходования сырья, материалов, электроэнергии.

Обстановка, сложившаяся в аграрном секторе к началу 1980-х гг. требовала принятия мер, способных преодолеть кризисные явления в аграрном производстве. В принятой майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС Продовольственной программе, намечалось воплотить в жизнь ряд мероприятий по повышению достатка колхозников и рабочих совхозов, увеличению объёмов строительства объектов социальной и бытовой инфраструктуры, совершенствованию обслуживания сельских жителей. Агропромышленный комплекс впервые выделялся как самостоятельный субъект планирования и управления. Было произведено списание задолженностей колхозов и совхозов, повышались закупочные цены [27, с. 21 – 61]. С хозяйств Кузбасса в 1982 г. были списаны кредиты в сумме 35 млн руб., пролонгирована задолженность на 64 млн руб. [1, с. 177 – 178]. Ситуация в аграрном секторе с 1983 г. начала возвращаться на докризисный уровень. В 1983 г. колхозы и совхозы Кемеровской области впервые за IX, X и XI пятилетки получили прибыль 147 млн руб. [14, л. 8].

Снижение численности крупного рогатого скота в Кемеровской области в одиннадцатой пятилетке составило 1 %, в основном за счет подворий населения. Свинопоголовье выросло на 18 % благодаря приросту в государственном секторе (+49 %). Численность овец и коз сократилась на 1,5 %. Птицы в

области стало больше на 17% из-за активного строительства птицефабрик. Вместе с тем восстановление отрасли во второй половине пятилетки привело к увеличению производства основных видов продуктов животноводства. Производство мяса в области в первой половине 1980-х гг. выросло на 25 %, молока – на 6 %, яиц – на 19 %, шерсти – на 3 %. Также произошло увеличение объёмов государственных закупок мяса (+24 %), молока (+16 %), яиц (+23 %), шерсти (+10 %) [20; 21].

Таким образом, в рассматриваемое двадцатилетие в Кузбассе увеличилось поголовье сельскохозяйственных животных, незначительно, но всё же выросла их продуктивность. Рост поголовья стал фундаментом для расширения производства животноводческой продукции.

Наибольший прирост объёмов продукции был достигнут в первой половине рассматриваемого периода, что объясняется восстановлением производства после кризиса 1962 – 1963 гг. и позитивным воздействием мер, предусмотренных документами мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС. Замедление темпов развития отрасли в 1976 – 1980 гг. и кризис рубежа 1970-х – 1980-х гг. привели к рецессии в аграрном секторе сельской экономики в целом. После принятия Продовольственной Программы СССР, допущенные в начале 1980-х гг. потери были компенсированы.

Несмотря на разнонаправленную динамику развития животноводства по пятилеткам и подотраслям, в рассматриваемый исторический период в Кузбассе был достигнут существенный прирост объёмов производства животноводческой продукции. Производство мяса выросло на 41 % и достигло 136,4 тыс. т. Почти трехкратное увеличение производства яиц (с 324 до 947 млн шт.) было обеспечено совхозами кемеровского треста «Птицепром». Иной была ситуация в молочном скотоводстве и производстве шерсти. Увеличение объёмов производства молочной продукции за четыре пятилетки составило всего 5 % (с 767 до 802 тыс. т), среднегодовое производство шерсти уменьшилось на четверть, а ее закупки – на 45 %. При этом имел место абсолютный прирост объёма государственных закупок всех видов продукции животноводства, кроме шерсти: мяса (+46 %), молока (+30 %), а яиц – почти в 5 раз. Увеличился удельный вес государственного сектора в производстве животноводческой продукции. В колхозах и совхозах к концу одиннадцатой пятилетки производилось 69 % мяса, 74 % молока, 84 % яиц и 6 % шерсти.

Литература

1. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965 – 1985 гг.) // Сборник документов; сост. и науч. ред. Д. С. Орлов. Бийск, 2011.
2. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО) Ф.П. 75. Оп. 10. Д. 272.
3. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 10. Д. 463.
4. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 11. Д. 26.
5. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 11. Д. 99.
6. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 12. Д. 2.
7. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 28. Д. 27.
8. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 29. Д. 16.
9. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 32. Д. 3.
10. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 39. Д. 10.
11. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 39. Д. 13.
12. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 42. Д. 239.
13. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 48. Д. 76.
14. ГАКО Ф.П. 75. Оп. 51. Д. 15.
15. ГАКО Ф.П. 75. Д. 75.
16. ГАКО Ф.Р. 390. Оп. 1. Д. 140.
17. ГАКО Ф.Р. 392. Оп. 1. Д. 41.
18. ГАКО Ф.Р. 392. Оп. 1. Д. 150.
19. ГАКО Ф.Р. 1180. Оп. 1. Д. 9.
20. Кемеровская область в цифрах (1965 – 1975 гг.). Кемерово, 1977. С. 56 – 57.
21. Кемеровская область в цифрах (1975 – 1985 гг.). Кемерово, 1987. С. 38, 48, 50 – 51.
22. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири (1960 – 1980-е гг.). Новосибирск, 1991.
23. Орлов Д. С. Кампания по ограничению внутреннего потребления продуктов питания в колхозах и совхозах Западной Сибири во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 94 – 97.
24. Орлов Д. С. Сельское хозяйство Томской области во второй половине 1960-х – начале 1980-х гг.: от мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. к Продовольственной программе 1982 г. Бийск, 2014.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ) Ф. 7486. Оп. 40. Д. 4406. Л. 15.
26. Назаренко В. И. Россия и зарубежные страны. Модели аграрной политики. М., 2008.
27. Продовольственная программа СССР: нормативные акты. М., 1984.
28. Решения партии и правительства по сельскому хозяйству (1965 – 1974 гг.). М., 1975.

Информация об авторе:

Орлов Дмитрий Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин Алтайской государственной академии образования им. В. М. Шукшина, orlov2010@mail.ru.

Dmitry S. Orlov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department Historical, Legal and Socio-Humanitarian Disciplines, Shukshin Altai State Academy of Education (Biysk).

Статья поступила в редколлегию 29.01.2016 г.

УДК 903-03; 903.2

БРОНЗЫ КУРГАНА АЛЧЕДАТ I В КОНТЕКСТЕ МЕТАЛЛУРГИИ ТЕСИНСКОГО ЭТАПА ТАГАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ В МАРИИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

А. С. Савельева, П. В. Герман, Л. Ю. Боброва

THE ALCHEDAT I BARROW'S BRONZES AND THE TESIN STAGE OF THE TAGAR CULTURE METALLURGY IN THE MARIINSK FOREST-STEPPE

A. S. Savelieva, P. V. German, L. Yu. Bobrova

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-06-02325 А

В статье представлены первые данные об элементном составе бронз тесинского времени северо-западного ареала тагарской археологической культуры. Выявленное соотношение металлургических групп сплавов на медной основе из одиночного кургана Алчедат I с преобладанием группы мышьяковой меди и мышьяковой меди, легированной оловом, не находит полного соответствия в материалах по элементному составу синхронных тагарских бронз Минусинской котловины, где на завершающем этапе тагарской культуры преобладают мышьяковистая и мышьяковисто-оловянистая бронзы. Специфика алчедатского металла проявилась также в наличии нескольких изделий тагарских форм, изготовленных из свинцовисто-мышьяковистой бронзы, характерной для забайкальских металлургических центров, и в постоянном присутствии концентраций олова во всех типах сплавов. Последнее обстоятельство связывается с практикой вторичной переплавки бронзовых вещей, в том числе добытых тесинцами в погребениях более раннего времени.

The paper presents the results of atomic-emission analysis of the elemental composition of the bronze originating from the northwestern Tagar culture area and dating by the Tesin stage. The mass analysis of the Tesin bronzes from this region were obtained for the first time. It has proved the predominance of arsenic copper and arsenic copper with tin addition in Alchedat I's bronzes. Alchedat I's set of bronze recipes differs from Minusinsk Tesin metal, where mainly arsenic and tin-arsenic bronzes have been discovered. Another specific feature of the Mariinsk bronzes was revealed at the presence of several Tagar knives produced from the lead-arsenic bronze which is most characteristic of the metallurgical centers in the Baikal region of the Hun time. Another attractive peculiarity of Alchedat I's copper is the constant presence of tin concentrations at metal. Perhaps it should be explained by the practice of the secondary smelting of the bronze wares that could be withdrawn from the earlier burials.

Ключевые слова: элементный состав бронз, эмиссионный анализ, типы сплавов на медной основе, тагарская культура, тесинский этап, Мариинская лесостепь.

Keywords: elemental composition of bronzes, emission analysis, types of copper based alloys, the Tagar culture, the Tesin stage, the Mariinsk forest-steppe.

Раскопки одиночного кургана Алчедат I производились в 1959 и 1972 гг. под руководством А. И. Мартынова [7, с. 52]. Курган располагался в Чебулинском районе Кемеровской области, на левом берегу р. Кии, у с. Алчедат, «на дороге в Михайловку, в 2 км от нее» [6, с. 113]. Погребение Алчедатского кургана автор раскопок связал с «началом переходного тагарско-таштыкского периода» [7, с. 67], а позднее отнес к кругу памятников шестаковского этапа (II – I вв. до н. э.) культуры послетагарского времени [9, с. 85].

Материалы памятника хранятся в Музее «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КМАЭЭ, ОФ 67/1-56, ВА 63) и опубликованы [7]. В фондах Музея сохранились большая часть бронзового инвентаря (50 экз.) и кусочки слюды (5 экз.). Часть бронзовых предметов (не менее 25 экземпляров), изделия из железа (не менее 7 экз.), стеклянная бусина и керамические сосуды (не менее 29 экз.) были утрачены или депаспартизированы (*Прим. авторов: подсчеты утраченных/ неатрибутированных предметов произведены по иллюстрациям, приведенным в рукописи А. И. Мартынова «Алчедатский курган»* [8]. Точное

количество предметов, обнаруженных при раскопках склепа в тексте не указано, опись отсутствует). Поскольку рисунки бронз в публикации 1974 г. не всегда снабжены необходимыми разрезами и профилями, а некоторые предметы не представлены, для предлагаемой статьи С. Н. Леонтьевым выполнены новые иллюстрации (рис. 1, 2).

Состав коллекции бронзовых изделий из одиночного кургана Алчедат I

Зеркала (13 экз.). 12 экз. – петельчатые без бортика (рис. 2 – 10 – 19, 22 – 23), 1 экз. – медалевидное (рис. 2 – 21). По толщине диска (5,5 мм) и высокой массивной ручке (21×17 мм) выделяется зеркало № 11 (рис. 2 – 23). На поверхности зеркала № 7 присутствуют прикипевшие окислы железа, что могло явиться следствием совместного нахождения изделия с железными предметами в склепе в момент его горения.

Ножи (13 экз.) (рис. 1 – 1 – 13). По размеру выделяются миниатюрные (рис. 1 – 6 – 10) и уменьшенные изделия (рис. 1 – 1 – 5). Во второй группе выделяются два ножа с более широкими лезвиями (рис. 1 – 2, 3) и один черешковый нож (рис. 1 – 4).

Аналогий последнему изделию в других тесинских комплексах нам не известно

Кинжалы (8 экз.) (рис. 1 – 16 – 23). Два изделия хорошей сохранности (рис. 1 – 19, 20), четыре экземпляра сильно корродированы (рис. 1 – 16 – 18, 23), еще от двух сохранились только клинки (рис. 1 – 21, 22). За счет более массивной рукояти выделяется кинжал № 28 (рис. 1 – 20), остальные изделия – миниатюры.

«Штандарты» (ажурные навершия) (5 экз.) (рис. 2 – 1 – 5) представлены целыми экземплярами и обломками. По форме и размеру все изделия целесообразно разделить на три типа: 1) целое изделие № 44 (рис. 2 – 3), состоящее из двух ободков, большого (75 мм в диаметре) и малого (28 мм), и соединяющих их четырех стержней. Судя по толщине и диаметру верхнего обода (70 мм), аналогично выглядело навершие № 36 (рис. 2 – 5). Этот тип изделий наиболее близок сарагашенским «штандартам»; 2) целое изделие № 45 (рис. 2 – 2), состоящее из двух ободков, незначительно отличающихся по диаметру (47 и 32 мм), и соединяющих их четырех стержней. К внешней и внутренней поверхности изделия повсеместно прикипели окислы железа. Так же, как и в случае с зеркалом № 7, это следует связывать с совместным нахождением навершия и железных предметов в склепе. К этому же типу, по диаметру (55 мм) и толщине верхнего обода, следует отнести фрагмент изделия № 47 (рис. 2 – 4); 3) изделие № 46 (рис. 2 – 1) по форме напоминает «штандарт», но, в отличие от других изделий коллекции, у него сплошные, а не ажурные стенки. На внутренней части предмета выделяются три вертикальных ребра (вероятно, стержни), разделяющие поверхность на три равные трапецевидные части. В одной из таких частей, у верхнего края, расположен ряд близких по величине круглых отверстий. В другой части, у нижнего края, стенка «повреждена». В результате «повреждения», четко обозначились границы нижнего обода (втулки). Аналогии подобным предметам нам не известны. Учитывая общее сходство изделия с ажурными навершиями и характер отверстий на его стенках, надо полагать, что данный предмет является литейным браком и/или не прошел надлежащую обработку после отливки.

Чеканы (4 экз.). Три экземпляра – проушные с круглым сечением бойка и обуха (рис. 1 – 25 – 27), один экземпляр – с короткой рубчатой втулкой и ромбическим сечением бойка и обуха (рис. 1 – 24). Все чеканы миниатюрные.

«Предметы неизвестного назначения» (далее – ПНН) (4 экз.) (рис. 2 – 6 – 9). За исключением незначительного обломка (№ 25) (рис. 2 – 9), отнесенного к данной категории условно, остальные изделия относятся к ПНН III, по классификации Д. Г. Савинова [14]. Здесь подробнее остановимся на разночтениях в изображении двух ПНН (№ 40 и 54) в статье 1974 г. [7, рис. 3 – 13, 16] и настоящей работе (рис. 2

– 6, 8). В публикации А. И. Мартынова на концах ПНН № 40 изображены углубления, которые также можно принять за отверстия. Над углублением с левой стороны изображена дуга, образующая с линией края сегмент. С противоположного от указанного сегмента края расположен выступ подтреугольной формы. В совокупности перечисленные элементы создают впечатление, что на этом конце предмета изображена голова животного, например, оленя [7, рис. 3 – 13]. При осмотре изделия мы обнаружили, что оба конца ПНН стилизованы в виде копыт (рис. 2 – 8). Подобные метаморфозы не могут быть связаны с утратами, возникшими в процессе хранения и неоднократных чисток предмета. Очевидно, что рисунок 1974 г. – результат вольной передачи образа художником. На рисунке ПНН № 54 в публикации 1974 г. на одном конце также изображена стилизованная голова животного [7, рис. 3 – 16]. Нам не удалось разглядеть на этом предмете каких-либо деталей данного изображения (рис. 2 – 6). Учитывая, что на ПНН изображения голов животных, если они есть, всегда представлены в паре, надо полагать, что и в данном случае образ на рисунке 1974 г. был «доработан» художником.

Изделия с кольцевым навершием (2 экз.) (рис. 1 – 14 – 15). Представляют собой изделия каплевидной формы, один конец которого уплощен, а противоположный представляет собой кольцо. А. И. Мартынов отнес подобные изделия к категории миниатюрных ножей и назвал «уродливыми миниатюрами» [7, с. 56]. Возможно, данные изделия представляют собой переработанные обломки рукоятей кольчатых ножей. Аналогий этой категории предметов в других тесинских комплексах нам не известно.

Миниатюрный сосуд (1 экз.) (рис. 2 – 20) – округлый котелок с боковыми ручками. Одна ручка сломана, вторая состоит из двух прижатых друг к другу стержней. На котелке три круглых отверстия – одно на дне, два по экватору изделия. Еще одно отверстие (литейный брак) с двух сторон заклепано металлом. Большая часть подобных находок происходит из комплексов тесинского времени Ачинско-Мариинской лесостепи и Тувы [15, рис. 2 – 12 – 24, с. 85].

Большинство алчедатских бронзовых предметов имеют аналогии среди материалов позднего (тесинского) этапа тагарской культуры как в лесостепной, так и в степной зоне. В разработанной Н. Ю. Кузьминым периодизационной схеме тесинской культуры алчедатский комплекс должен занять место между памятниками I и II этапов. Об этом говорят находки миниатюрного бронзового котелка и медалевидного зеркала, сочетание бронзовых и железных миниатюр. Данные признаки связаны с группой «позднейших из раннетесинских курганов» [5, с. 203]. На основании датировки тесинских памятников I и II этапов [5, с. 218], Алчедатский курган был сооружен не ранее середины I в. до н. э.

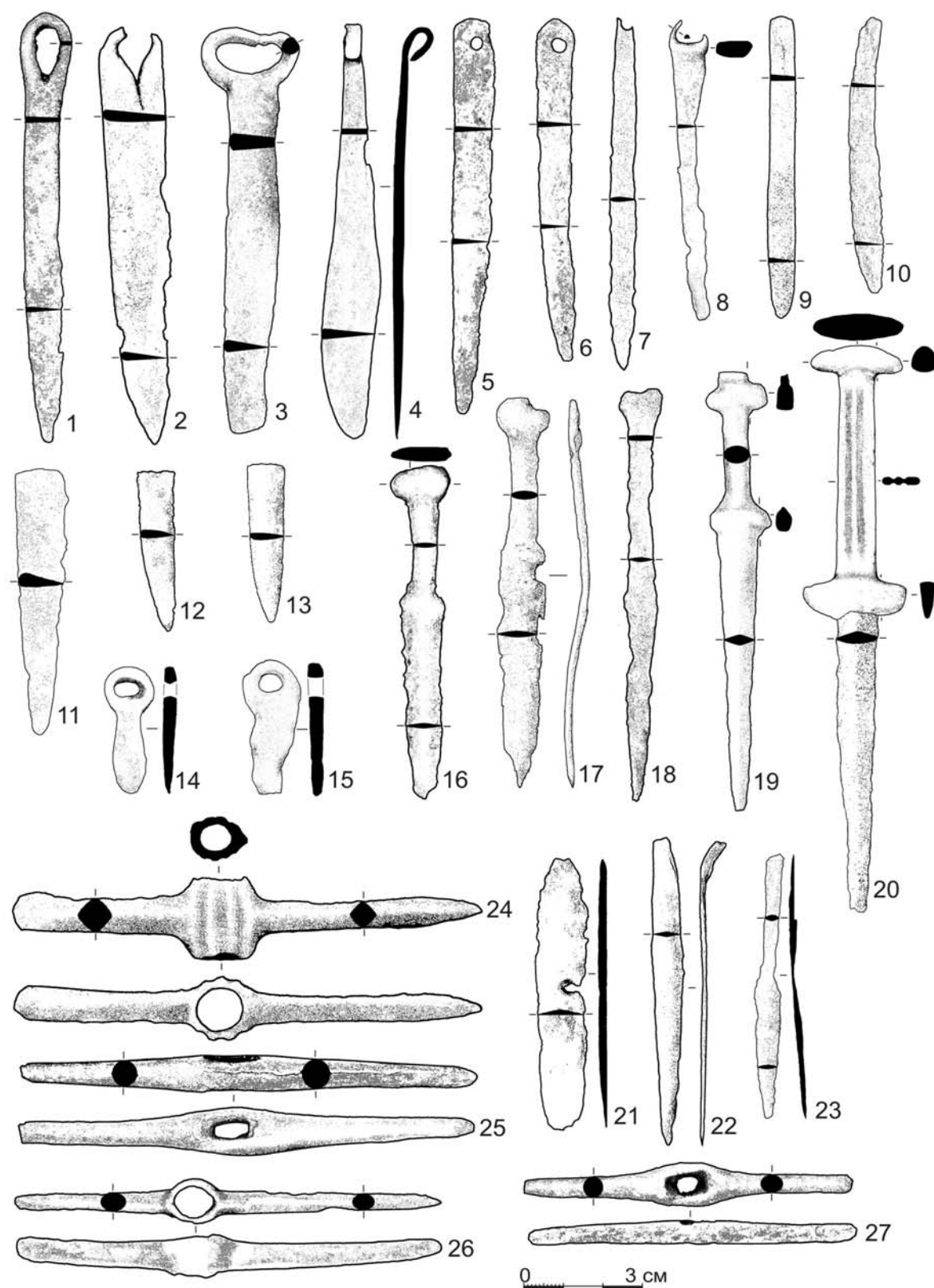

Рис. 1. Бронзовые изделия из Алчедатского кургана: 1 – № 49; 2 – № 12; 3 – № 41; 4 – № 31; 5 – № 50; 6 – № 55; 7 – № 37; 8 – № 29 [13, рис. 5 – 2 (Прим. авторов: здесь и далее даны ссылки на рисунки в статье 1974 г.); 9 – № 43 [13, рис. 5 – 3]; 10 – № 19 [13, рис. 3 – 9 (?)]; 11 – № 22 [13, рис. 3 – 1]; 12 – № 20; 13 – № 34 [13, рис. 7 – 2]; 14 – № 17 [13, рис. 3 – 24 (?)]; 15 – № 21 [13, рис. 3 – 2 (?)]; 16 – № 15 [13, рис. 5 – 1]; 17 – № 39; 18 – № 51; 19 – № 56; 20 – № 28; 21 – № 26; 22 – № 30; 23 – № 32 [13, рис. 5 – 5]; 24 – № 52 [13, рис. 7 – 1]; 25 – № 53 [13, рис. 3 – 18]; 26 – № 42 [13, рис. 3 – 20]; 27 – № 35 [13, рис. 7 – 6]

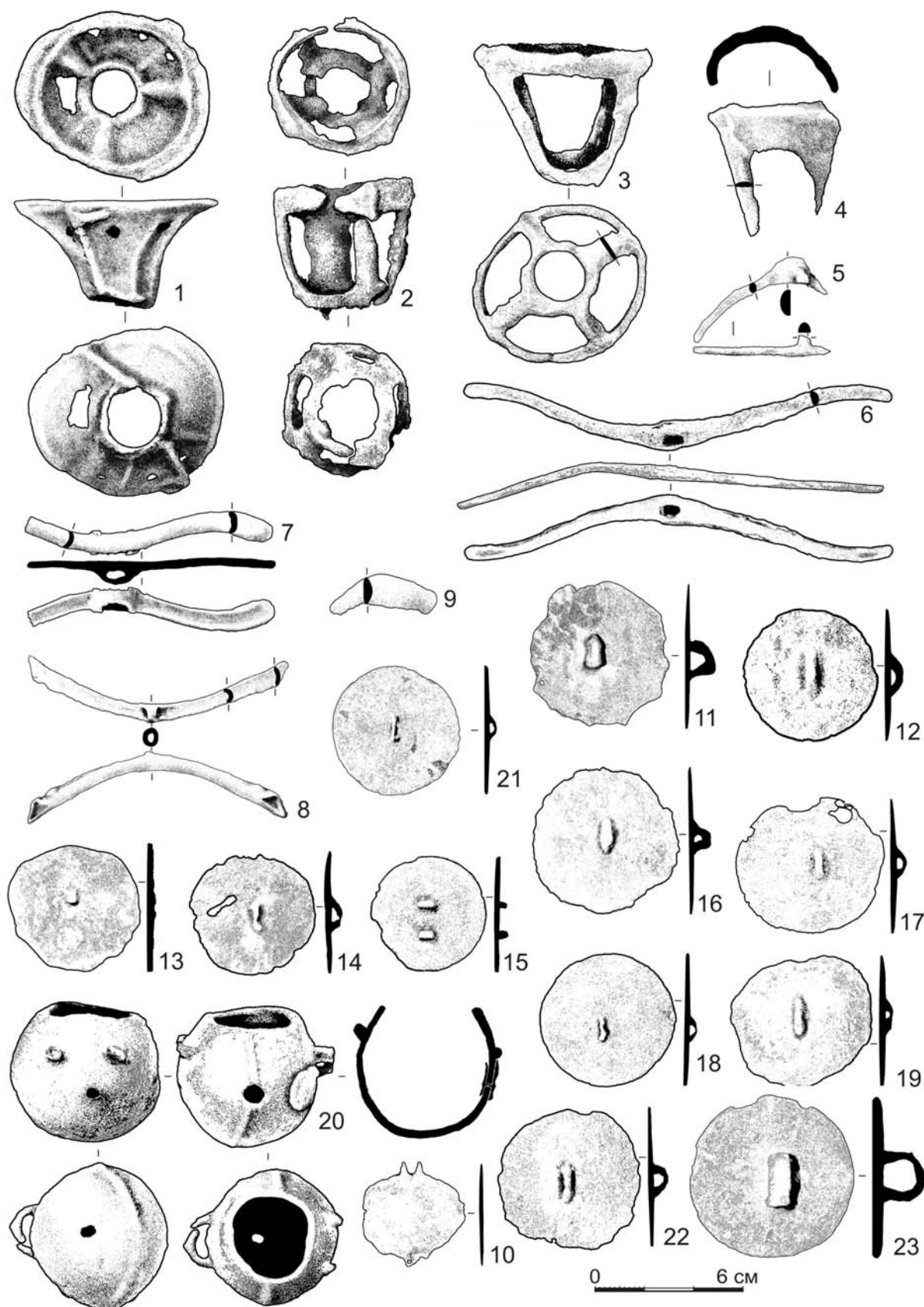

Рис. 2. Бронзовые изделия из Алчедатского кургана: 1 – № 46 [13, рис. 4 – 1]; 2 – № 45 [13, рис. 5 – 7]; 3 – № 44 [13, рис. 5 – 10]; 4 – № 47 [13, рис. 5 – 8]; 5 – № 36 [13, рис. 4 – 6]; 6 – № 54 [13, рис. 3 – 16]; 7 – № 48 [13, рис. 3 – 19]; 8 – № 40 [13, рис. 3 – 13]; 9 – № 25 [13, рис. 3 – 15]; 10 – № 7; 11 – № 11 [13, рис. 6 – 1]; 12 – № 4; 13 – № 8 [13, рис. 4 – 3]; 14 – 5; 15 – № 2 [13, рис. 4 – 8]; 16 – № 6; 17 – № 13; 18 – № 1; 19 – № 9; 20 – № 14 [13, рис. 3 – 6]; 21 – № 16 [13, рис. 7 – 12]; 22 – № 3; 23 – № 10 [13, рис. 4 – 2]

Элементный состав бронз из кургана Алчедат I

История изучения металлургии бронзы в Маринской лесостепи тесинского времени не отличается насыщенностью. К погребальному инвентарю кургана у с. Большой Барандат обращался Ю. С. Гришин. Особый интерес для исследователя представляли технические приемы отливки зеркал [2, с. 172]. С. С. Миняевым произведен спектральный анализ состава прямоугольной ажурной прорезной пластины с изображением пары противостоящих яков из кургана 5 могильника у озера Утинка [1, с. 255]. По его заключению, пластина изготовлена из оловянисто-мышьяковистой бронзы и относится к металлургическим очагам Минусинской котловины [11, с. 30].

Элементный состав коллекции бронз тесинского времени из лесостепного ареала тагарской культуры анализируется впервые. Анализ производился методом эмиссионной спектроскопии с индуктивно связанной плазмой в Центре коллективного пользования Кемеровского научного центра СО РАН на спектрометре Thermo Scientific iCAP 6500 DUO LA (аналитик – канд. хим. наук, заведующий лабораторией кафедры химии твердого тела КемГУ, научный сотрудник КемЦКП КемНЦ СО РАН Р. П. Колмыков). Образцы предоставлялись аналитику в виде металлической стружки. Методика анализа опубликована аналитиком [3; 4]. Проанализированы все сохранившиеся бронзовые изделия из кургана Алчедат I (таблица 1).

Таблица 1

Элементный состав металлических изделий на медной основе кургана Алчедат I (в вес. %)

Предмет	Номер	Рисунок	Sn	Pb	As	Sb	Bi	Fe	Zn	Ni	Co	Au	Ag
Зеркало	1	2 – 18	2,42	0,8	0,36	0,04	0,02	0,019	–	0,2	0,007	0,004	0,05
Зеркало	2	2 – 15	1,8	0,25	2,89	0,18	0,05	0,34	0,014	0,15	0,06	–	0,06
Зеркало	3	2 – 22	0,22	0,33	0,52	0,11	0,017	0,014	0,0024	0,071	0,0085	0,003	0,023
Зеркало	4	2 – 12	0,65	0,053	0,27	0,088	–	0,46	0,0008	0,074	0,012	–	0,03
Зеркало	5	2 – 14	0,20	0,15	1,57	0,19	0,06	0,132	0,004	0,085	0,04	0,004	0,05
Зеркало	6	2 – 16	1,51	0,122	0,54	0,14	0,03	0,038	0,0009	0,1	0,003	–	0,062
Зеркало	7	2 – 10	0,43	0,25	1,43	0,49	0,043	2,14	0,013	0,031	0,012	0,001	0,06
Зеркало	8	2 – 13	0,42	0,18	0,66	0,18	0,025	0,016	0,001	0,08	0,004	–	0,083
Зеркало	9	2 – 19	0,63	0,073	0,36	0,10	0,01	0,16	0,001	0,085	0,006	0,002	0,02
Зеркало	10	2 – 23	0,22	0,11	0,45	0,12	0,008	0,025	0,0014	0,075	0,0016	0,003	0,038
Зеркало	11	2 – 11	0,64	0,28	0,85	0,19	0,021	0,015	0,0007	0,08	0,005	0,004	0,036
Нож	12	1 – 2	3,21	0,39	0,69	0,16	0,045	0,038	0,005	0,09	0,012	0,007	0,07
Зеркало	13	2 – 17	0,45	0,10	1,00	0,09	0,05	0,12	0,0008	0,34	0,013	0,005	0,056
Сосуд	14	2 – 20	0,72	0,42	0,84	0,17	0,041	0,028	0,0019	0,04	0,004	0,006	0,07
Кинжал	15	1 – 16	0,78	0,15	0,46	0,15	0,017	0,02	0,001	0,0515	0,002	0,002	0,022
Зеркало	16	2 – 21	0,15	0,05	0,38	0,12	–	0,01	0,007	0,07	0,002	–	0,042
Изделие	17	1 – 14	0,11	0,046	1,28	0,11	0,02	0,007	0,001	0,58	0,012	0,001	0,02
Нож	19	1 – 10	0,50	0,062	0,731	0,201	0,05	0,004	0,0029	0,33	0,0052	0,006	0,078
Нож	20	1 – 12	4,4	0,15	0,37	0,05	0,03	0,018	0,0009	0,09	0,007	–	0,05
Изделие	21	1 – 15	5,0	0,49	1,4	0,33	0,16	0,15	0,0041	0,13	0,008	0,006	0,142
Нож	22	1 – 11	2,7	0,33	2,1	0,138	0,247	0,023	0,004	0,083	0,0107	0,009	0,15
Пнн (?)	25	2 – 9	0,39	0,18	1,0	0,30	0,071	0,002	0,0025	0,12	0,006	0,0043	0,090
Кинжал	26	1 – 21	0,013	0,009	0,112	0,033	0,005	–	0,002	0,065	0,003	0,0028	0,018
Кинжал	28	1 – 20	7,6	0,19	0,50	0,08	0,071	0,05	0,0035	0,09	0,013	0,005	0,05
Нож	29	1 – 8	0,58	0,17	0,554	0,178	0,056	–	0,0149	0,086	0,0039	0,0035	0,53
Кинжал	30	1 – 22	3,8	0,15	0,76	0,21	0,073	–	0,0031	0,127	0,0176	0,0039	0,95
Нож	31	1 – 4	2,5	0,60	1,7	0,36	0,19	0,007	0,002	0,14	0,014	0,004	0,34
Кинжал	32	1 – 23	0,89	0,14	0,64	0,17	0,05	0,037	0,0038	0,09	0,007	0,003	0,054
Нож	34	1 – 13	2,8	0,16	0,8	0,20	0,08	0,11	0,003	0,11	0,01	0,003	0,073
Чекан	35	1 – 27	1,35	0,13	0,68	0,12	0,056	0,039	0,0029	0,092	0,0053	0,013	0,058
Штандарт	36	2 – 5	1,1	0,15	1,08	0,24	0,145	0,036	0,0012	0,15	0,0036	0,005	0,09
Нож	37	1 – 7	0,49	3,0	1,8	0,6	0,09	0,004	0,0037	0,36	0,012	0,0042	0,083
Кинжал	39	1 – 17	0,037	0,005	0,04	0,019	0,013	0,024	0,003	0,02	0,0019	0,0011	0,0087
Пнн	40	2 – 8	0,58	0,13	0,67	0,25	0,054	0,019	0,003	0,07	0,005	0,003	0,077
Нож	41	1 – 3	0,36	0,087	0,90	0,093	0,039	0,011	0,006	0,1	0,017	0,006	0,073
Чекан	42	1 – 26	0,041	0,092	1,2	0,26	0,08	–	0,0027	0,15	0,006	0,003	0,044
Нож	43	1 – 9	0,44	0,14	0,59	0,17	0,047	0,023	0,002	0,12	0,006	0,003	0,05
Штандарт	44	2 – 3	1,0	0,7	2,3	0,45	0,2	0,009	0,002	0,15	0,013	0,0051	0,12
Штандарт	45	2 – 2	1,17	0,11	0,59	0,14	0,02	4,7	0,004	0,06	0,023	0,006	0,085
Штандарт	46	2 – 1	0,19	0,138	0,59	0,098	0,07	0,97	0,01	0,05	0,023	0,005	0,046

Штандарт	47	2 – 4	0,018	0,05	0,61	0,13	0,074	–	0,002	0,09	0,0023	0,0035	0,061
Пнн	48	2 – 7	2,0	0,36	1,42	0,36	0,11	0,015	0,005	0,1	0,083	0,003	0,09
Нож	49	1 – 1	1,1	0,12	0,86	0,28	0,088	0,12	0,005	0,11	0,0073	0,003	0,16
Нож	50	1 – 5	1,0	0,32	1,2	0,078	0,394	0,05	0,006	0,08	0,0065	0,0039	0,07
Кинжал	51	1 – 18	3,8	0,66	1,3	0,36	0,114	0,17	0,003	0,11	0,010	0,0044	0,10
Чекан	52	1 – 24	0,92	0,084	0,87	0,23	0,069	0,14	0,003	0,123	0,0071	0,0044	0,07
Чекан	53	1 – 25	0,19	0,0467	0,47	0,28	0,08	–	0,003	0,061	0,0007	0,13	0,16
Пнн	54	2 – 6	2,1	0,20	0,9	0,26	0,09	0,10	0,007	0,10	0,0056	0,004	0,27
Нож	55	1 – 6	0,34	3,8	2,9	0,37	0,23	0,0185	0,001	0,11	0,003	0,007	0,11
Кинжал	56	1 – 19	2,0	0,13	0,6	0,25	0,077	0,04	0,010	0,09	0,0066	0,0046	0,08

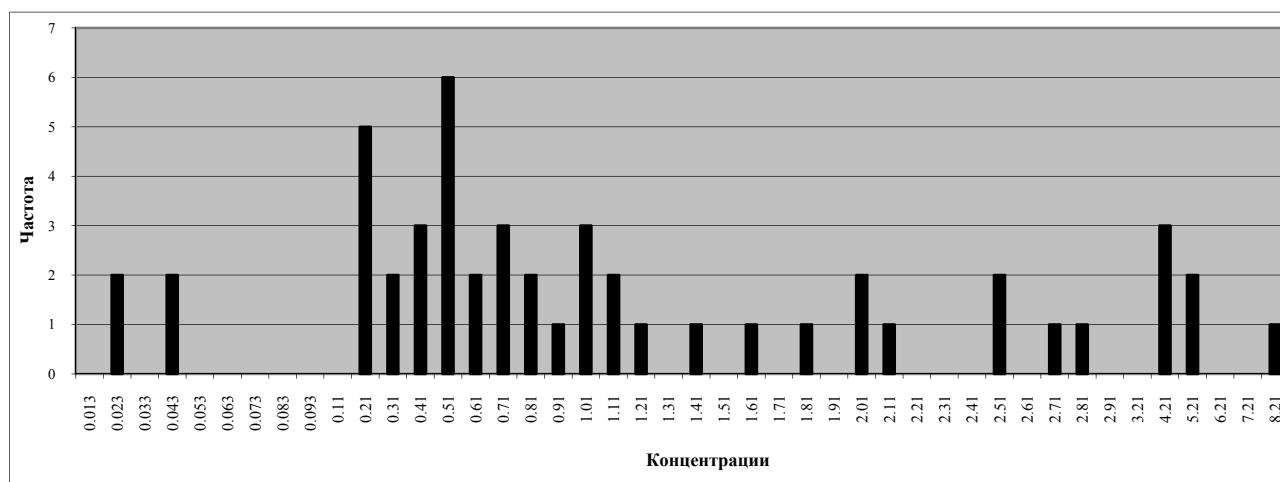

Рис. 3. Распределение концентраций примеси олова к меди кургана Алчедат I

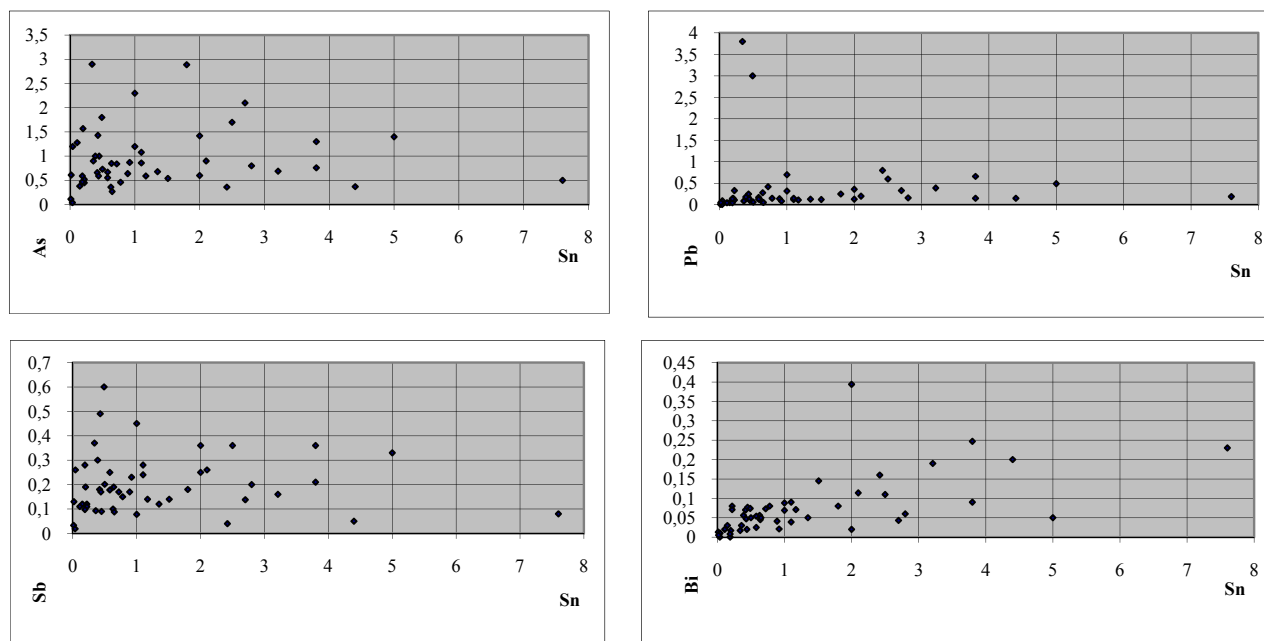

Рис. 4. Корреляция концентраций примеси олова с некоторыми компонентами металла кургана Алчедат I

Концентрации олова от 0,013 % (кинжал № 26) до 7,6 % (кинжал № 28). Граница легирования оловом фиксируется в 1,31 % (рис. 3, 4). Оловом легирован металл шестнадцати изделий (зеркала № 1, 2 и 6; изделие № 21; кинжалы № 28, 30, 51 и 56; ножи № 34, 12, 20, 22, 31; чекан № 35; пнн № 48 и 54). В четырех изделиях олово – рудная примесь (кинжалы № 26 и 39; чекан № 42; штандарт № 47). Остальные изделия

содержат олово, попавшее в сплав, по всей видимости, в результате переплавки предметов из оловянистой бронзы.

Концентрации мышьяка варьируют от 0,04 % (кинжал № 39) до 2,9 % (нож № 55). Граница легирования меди мышьяком фиксируется в 1,112 % (рис. 5, 6). Мышьяком легирован металл четырнадцати изделий (кинжал № 51; изделия № 17 и 21; ножи № 50, 31,

37, 22, 55; чекан № 42; зеркала № 5, 7, 2; пин № 48; штандарт № 44). В металле кинжала № 39 мышьяк является естественной примесью. В сплавах остальных предметов концентрации мышьяка – результат металлургического передела лома мышьяковистых

бронз, также возможно рудное происхождение примесей мышьяка в десятых долях процента. Эта наиболее многочисленная группа предметов представляет собой мышьяковую медь.

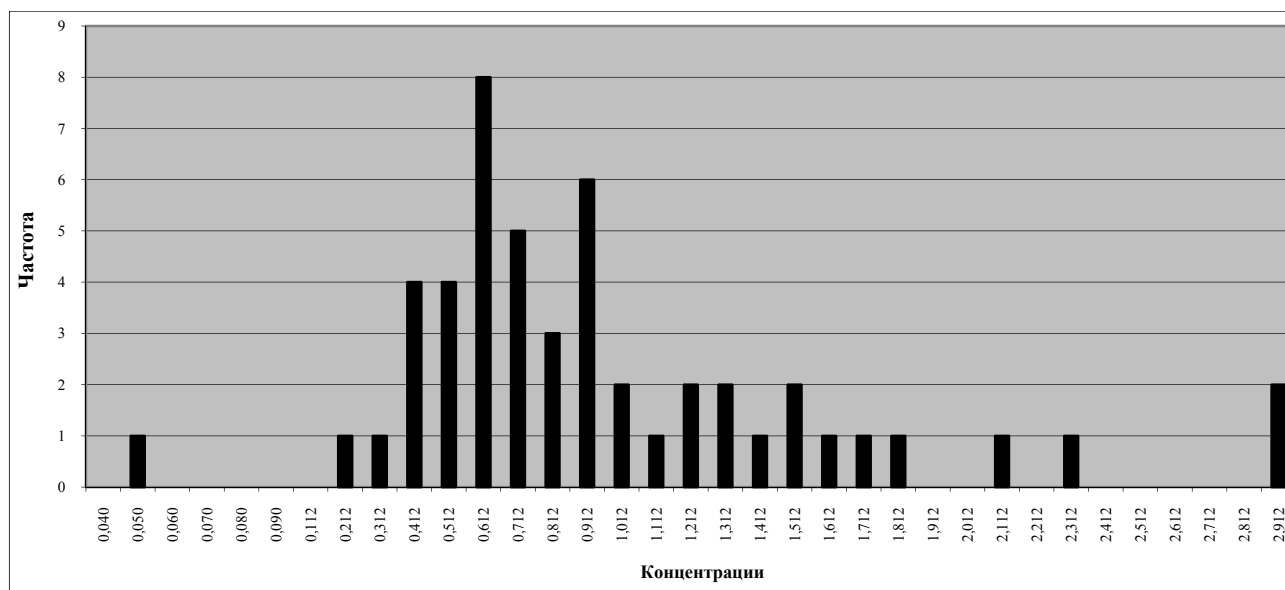

Рис. 5. Распределение концентраций примеси мышьяка к меди кургана Алчедат I

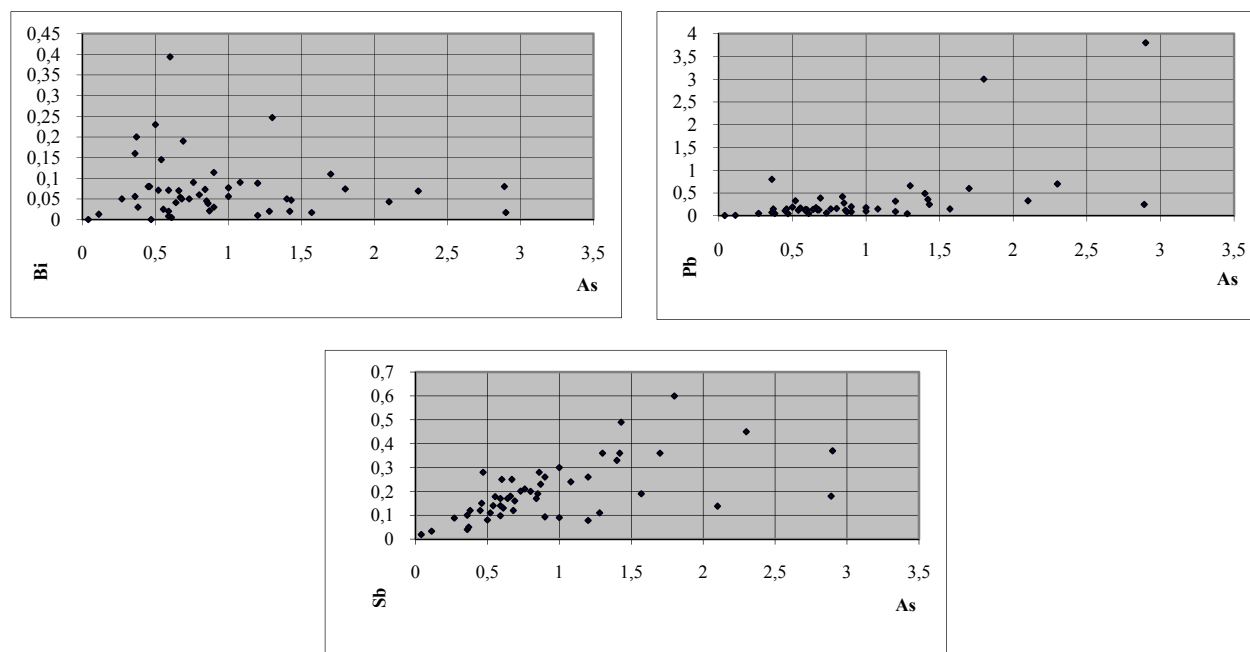

Рис. 6. Корреляция концентраций примеси мышьяка с некоторыми компонентами металла кургана Алчедат I

Концентрации свинца от 0,005 % (кинжал № 39) до 3,8 % (нож № 55). Основную группу составляют 46 предметов (или 92 % коллекции), представленных сплавами с примесями свинца от 0,01 до 1 %. Обособлены два ножа – № 37 и 55 – содержащие 3 и 3,8 % лигатуры свинца.

Рецептура бронз Алчедатского кургана и металлургия тесинского времени

В цветном металле из кургана Алчедат I выделяются следующие группы сплавов (рецепты бронз) (рис. 7):

- 1) «чистая» медь (один предмет);
- 2) мышьяковая медь (25 предметов);
- 3) мышьяковистая бронза (6 предметов);

4) мышьяковая медь, легированная оловом (10 предметов);

5) оловянисто-мышьяковистая бронза (6 предметов); сплав зеркала № 2 отнесен в эту группу условно –

в нем концентрации олова ниже, чем содержание мышьяка;

6) свинцовисто-мышьяковистая бронза (2 предмета).

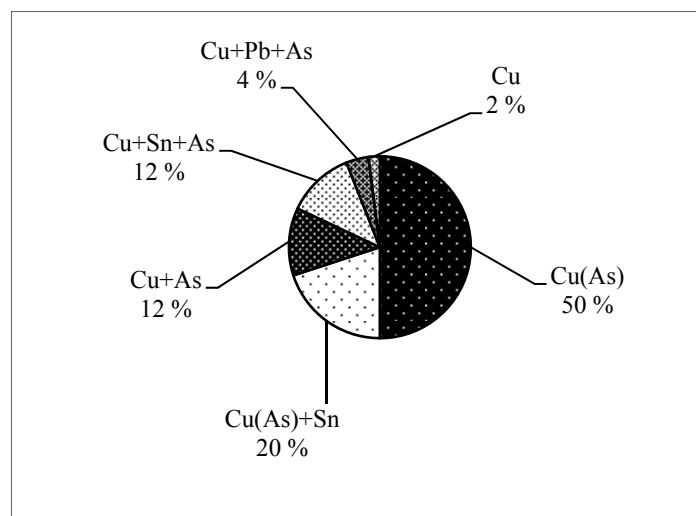

Рис. 7. Распределение металла кургана Алчедат I по типам сплавов

Распределение групп сплавов по категориям инвентаря отражено в таблице 2.

Таблица 2

Распределение инвентаря кургана Алчедат I по типам сплавов

	<i>Cu</i>	<i>Cu+Pb+As</i>	<i>Cu+Sn+As</i>	<i>Cu+As</i>	<i>Cu(As)+Sn</i>	<i>Cu(As)</i>
Кинжалы	1		1		3	3
Ножи		2	2	1	3	5
Зеркала			1	2	2	8
ПНН			1		1	2
Изделия			1	1		
Чеканы				1	1	2
Штандарты				1		4
Сосуд						1

Более 60 % зеркал изготовлены из мышьяковой меди. Многообразны сплавы ножей, преобладание мышьяковой меди в этой категории не столь значительно – таких изделий около 40 %. В числе кинжалов равны доли мышьяковой меди (№ 15, 26 и 32) и мышьяковой меди, легированной оловом (№ 28, 30 и 56). В числе четырех ПНН половина – из мышьяковой меди (№ 25 и 40), по одному экземпляру – из оловянисто-мышьяковистой бронзы (№ 48) и из мышьяковой меди, легированной оловом (№ 54). Из пяти штандартов четыре (80 %) изготовлены из мышьяковой, один – из мышьяковистой бронзы (№ 44). Из мышьяковой меди изготовлены два чекана (№ 52 и 53), по одному экземпляру – из мышьяковистой бронзы (№ 42) и мышьяковой меди, легированной оловом (№ 35). Миниатюрный сосудик – из мышьяковой меди.

Алчедатский металл характеризуется преобладанием мышьяковой меди и мышьяковой меди легиро-

ванной оловом (в совокупности порядка 70 %). Доля мышьяковистой бронзы в нем всего 12 %, тогда как по среднеиранским материалам из мышьяковой бронзы изготовлены «70 – 80 % всех изделий, найденных в памятниках этого периода или известных по отдельным находкам» [10, с. 76]. Принимая во внимание заключения по минусинскому металлу, сделанные С. С. Миняевым, можно говорить об отличиях цветного металла тесинского времени по материалам Мариинской лесостепи и Минусинской котловины. Мариинский металл характеризуется более низкими долями мышьяковистых бронз, более высокими долями сплавов, легированных оловом, более выраженным значением группы мышьяковой меди и наличием именно группы оловянисто-мышьяковистых сплавов, тогда как в минусинских материалах речь ведется о «мышьяково-оловянистых» бронзах [10, с. 76].

Данные элементного состава бронз сарагашенского времени Мариинской лесостепи (могильник Некра-

сово II [13]) позволяют заключить, что по сравнению с предшествующим этапом, в тесинское время в северо-западном районе тагарской культуры повысилась доля сплавов с лигатурой мышьяка (с 15 % до 28 %) и доля мышьяковой меди (с 3 % до 50 %), снизилось количество сплавов, легированных оловом (с 91 % до 32 %) и уменьшился показатель средних концентраций оловянных лигатур – с 5,3 % до 2,8 %.

Факторы смены оловянистых бронз сарагашенского времени мышьяковыми сплавами остаются основным вопросом тесинского металлопроизводства. При его решении, по всей видимости, следует учитывать целый комплекс причин. Не могло не сказаться прекращение интенсивной добычи олова в Восточном Казахстане около III в. до н. э. [16, с. 71; 17, с. 121]. С другой стороны, в конце I тыс. до н. э. территория Южной Сибири испытала воздействие сюннуского вторжения. По мнению С. С. Миняева, именно оно могло нарушить пути снабжения тагарских металлургов оловом [10, с. 76].

В этой связи, особое значение приобретают алчедатские сплавы меди со свинцом и мышьяком (ножи № 37 и № 55). Группа свинцово-мышьяковых бронз – одна из характерных черт забайкальских центров сюннуской металлургии II – I вв. до н. э. [10, с. 62]. В отношении среднеенисейских материалов, С. С. Миняевым этот тип бронз связывался только с изделиями хуннского типа и не выявлен для вещей тагарского облика [10, с. 76 – 77]. В нашем случае наблюдается другая ситуация – ножи типично тагарских форм демонстрируют рецептуру очага металлургии, приуроченного к Западному Забайкалью. По всей видимости, они были изготовлены с использованием лома забайкальских бронз из свинцово-мышьякового типа.

Относительно присутствия олова в алчедатских бронзах, следует отметить, что вопрос о его «источниках», возможно, лежит и в контексте известных фактов устройства тесинских захоронений в насыпи кургана, ограде или могиле предыдущих культур [5, с. 57, 58, 233, 234; 12]. Подобная практика не обходилась без «посещения» могил предшественников. В особенности это коснулось сарагашенских склепов, содержащих большое количество изделий из оловянистых бронз. Надо полагать, что бронзовые предметы, в результате таких «посещений», изымали из могил, в том числе и с целью дальнейшей переплавки. Кроме этого, добытые вещи могли напрямую использовать в качестве сопроводительного инвентаря в тесинских захоронениях. О последнем, вероятно, свиде-

тельствуют два кинжала из Алчедатского кургана. Один из них – № 28 – содержит 7,6 % олова (максимальная концентрация в исследуемой коллекции). Второй кинжал утрачен и известен только по рисунку из рукописи «Алчедатский курган» [8, рис. 93 – 4], морфологически он схож с первым. Это не полноразмерные изделия раннетагарского времени, но и не тесинские миниатюры, а предметы аналогичные изделиям из сарагашенских комплексов. Кинжал № 28 выделяется на фоне аналогичных предметов алчедатской коллекции более массивной рукоятью. Для тесинских комплексов подобные кинжалы не характерны. Учитывая указанное типологическое и химическое своеобразие кинжала № 28, вполне уместно предположить связь его обнаружения в алчедатском склепе с практикой «посещения» тесинцами сарагашенских могил.

Заключение

Химические характеристики металла, наряду с отсутствием достоверных свидетельств горного дела в Мариинской лесостепи или в северных предгорьях Кузнецкого Алатау тагарского времени, позволяют предварительно говорить о происхождении алчедатского металла из Минусинского горно-металлургического центра Саяно-Алтайской горно-металлургической области. По материалам одиночного кургана Алчедат I, ведущим типом сплава на медной основе в тесинское время Мариинской лесостепи являлась мышьяковая медь. Полученные данные плохо согласуются с выводами С. С. Миняева по тесинскому металлу Минусинской котловины. В северо-западном районе тагарской культуры бронзы, легированные оловом, традиционные для сарагашенского периода, в тесинское время сменились мышьяковой медью. В Минусинском же металле гораздо более существенно проявился процесс замены лигатуры олова на лигатуру мышьяка.

Публикуемые результаты пока единственный пример исследования коллекции тесинских бронз, происходящих из лесостепного комплекса. Незначительный корпус источников по тагарской цветной металлургии тесинского времени не позволяет однозначно истолковать выявленную группу мышьяковой меди и объяснить постоянное присутствие олова в концентрациях ниже порога легирования. Для ответов на эти и другие вопросы необходимы новые данные о составе тагарских бронз Минусинской котловины и Ачинско-Мариинской лесостепи.

Литература

1. Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана // Советская археология. 1979. № 1. С. 254 – 256.
2. Гришин Ю. С., Тихонов Б. Г. Производство в тагарскую эпоху // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Материалы и исследования по археологии СССР. № 90. С. 116 – 206.
3. Колмыков Р. П. Оптико-эмиссионная спектроскопия с индуктивно связанной плазмой в исследовании артефактов бронзовой эпохи Кемеровской области // Бутлеровские сообщения. 2015. Т. 42. № 6. С. 158 – 161.
4. Колмыков Р. П. Оптико-эмиссионный спектральный анализ бронзовых артефактов Кемеровской области // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2(62). Т. 5. С. 165 – 168.
5. Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Изд-во Айсинг, 2011. 456 с.

6. Кулемзин А. М., Бородкин Ю. М. Археологические памятники Кемеровской области: материалы к Своду памятников истории и культуры СССР. Вып. I. Кемерово: Кемеровское книжное изд-во, 1989. 158 с.
7. Мартынов А. И. Алчедатский курган // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1974. Вып. 5. С. 52 – 67.
8. Мартынов А. И. Алчедатский курган // Научный архив Музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Единица хранения № 372.
9. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.
10. Миняев С. С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 47 – 84.
11. Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (по данным спектрального анализа) // Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. М.: Наука, 1980. Археология СССР. Свод археологических источников. Д. 4. С. 29 – 34.
12. Пшеницына М. Н. Третий тип памятников тесинского этапа // Первобытная археология Сибири. Л.: 1975. С. 150 – 162.
13. Савельева А. С., Герман П. В. Бронзы из курганного могильника тагарской культуры Некрасово II (по материалам раскопок 1970 г.) // Вестник ТГУ. 2015. № 6. С. 108 – 118.
14. Савинов Д. Г. ПНН: новые материалы и наблюдения // Южная Сибирь в Древности. СПб., 1995. С. 57 – 66.
15. Тетерин Ю. В., Митько О. А., Журавлева Е. А. Бронзовые миниатюрные подвески-сосуды Южной Сибири // Вестник НГУ. (Серия: история, филология). 2010. Т. 9. Вып. 7: Археология и этнография. С. 80 – 94.
16. Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1949. 112 с.
17. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы: материалы и исследования по археологии. М.-Л., 1960. № 88. 272 с.

Информация об авторах:

Савельева Анна Сергеевна – младший научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, antverpen@mail.ru.

Anna S. Saveliyeva – Junior Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Герман Павел Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук, lithos@mail.ru.

Pavel V. German – Candidate of History, Senior Research Associate at the Laboratory of Archaeology, Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Боброва Лариса Юрьевна – магистрант кафедры археологии КемГУ, руководитель отдела археологии Музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, chaika@kemsu.ru.

Larisa Yu. Bobrova – Master's Degree student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Китова Людмила Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyudmila.kitova@mail.ru).

Academic advisor: Lyudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 17.12.2015 г.

УДК 9.93/94

ТРУДОВЫЕ ЛАГЕРЯ В СИСТЕМЕ БОРЬБЫ С ПОДРОСТКОВОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Б. Н. Самбур

LABOUR CAMPS IN THE FIGHT AGAINST TEENAGE HOMELESSNESS BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

B. N. Sambur

В статье показан процесс становления и динамика развития системы трудовых лагерей для беспризорных подростков на различных этапах исследуемого периода. Автор акцентирует внимание на выводе о том, что труд беспризорных подростков активно использовался в воспитательных целях, а трудовые колонии для несовершеннолетних в годы войны были включены в структуру трудовых ресурсов страны.

The paper shows the process of formation and dynamics of the system of labour camps for homeless teenagers at various stages of the study period. The author focuses on the finding that the work of homeless teenagers was actively used for educational purposes, and labour colonies for minors during the War were included in the structure of the labour force of the country.

Ключевые слова: беспризорные подростки, трудовой лагерь, приемник-распределитель, рабочий ресурс, профессиональное обучение, производственный процесс.

Keywords: homeless teenagers, labour camp, detention center, endurance, training, production process.

С первых дней после установления советской власти большевики продекларировали цель заботиться о подрастающем поколении. Революция и последовавшая за ней Гражданская война выплеснули на улицу большое количество детей и подростков, оставшихся без попечения родителей. В поисках жилья и пропитания большая часть из них пошла по пути совершения преступлений. Воровство, кражи, грабежи стали в те годы общественно опасным явлением, на борьбу с которым встали комиссии для несовершеннолетних, учрежденные соответствующим декретом в начале 1918 г. Сами комиссии подчинялись Наркомату общественного призрения, но тесно сотрудничали с наркоматами просвещения и юстиции. В их ведение передавались материалы на подростков до 17 лет, уличенных в совершении противоправных деяний. При этом советская власть полностью отказалась от уголовного и судебного преследования подростков. Самым суровым наказанием для них являлось определение в так называемые «убежища» НКОП [12, ст. 227].

Еще через год Совет народных комиссаров создал Совет защиты детей, который обязан был обеспечивать беспризорных подростков жильем, питанием, медицинским обслуживанием и т. п. Совету были даны права устраивать детей на постоянное жительство в «хлеборобных губерниях», где сохранялась благоприятная обстановка с продовольствием [15, ст. 32]. Однако уже в марте 1920 г. правительственное постановление вновь разрешило передавать материалы на подростков в народные суды, если по заключению комиссии о несовершеннолетних они не поддаются «медико-педагогическому воздействию» [1, л. 346 об.].

К этому же году относятся первые упоминания в архивных документах о детских трудовых колониях, которые начали создаваться для размещения малолетних преступников. Причем решения об учреждении таких колоний принимались отнюдь не правительством, а на уровне губернских и даже уездных советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Кроме

того, на этом же уровне принимались решения о создании детских приютов, коммун и т. п. Чтобы упорядочить работу с беспризорными детьми, в феврале 1921 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об улучшении жизни детей» и образовал в своем составе специальную комиссию, имевшую сеть уполномоченных на местах. Им поручалось взять под свою опеку все имевшиеся в губерниях и уездах разрозненные детские учреждения [2, л. 125].

Эта мера была направлена на то, чтобы подчинить работу с подростками единым целям, создать необходимые условия для их физического и умственного развития. Но одних организационных мер оказалось недостаточно. Потоки беспризорных подростков свободно перемещались по стране, не помогали ни заграждения, ни профилактические мероприятия, которые проводились сотрудниками многочисленных приемников-распределителей, приютов, женсоветов и других ведомственных и общественных структур. Соответственно, повышался и уровень подростковой преступности. Положение усугублялось нехваткой или отсутствием помещений для содержания задержанных подростков. В такой ситуации территориальные комиссии нередко помещали их в лагеря и тюрьмы вместе с уголовниками, подвергая тем самым негативному воздействию со стороны последних. На основании информации с мест Президиум ВЦИК дал указание выделить для приемников-распределителей необходимые помещения, оборудовать их спальными местами, открыть столовые для беспризорников на вокзалах, организовать круглосуточное дежурство представителей общественности и правоохранительных органов.

В 1924 г. был принят Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, ст. 174 предусматривала помещение несовершеннолетних подростков в возрасте от 14 до 16 лет в трудовые дома для получения ими профессионального образования и приобретения навыков самостоятельной жизни. Одновременно подростки проходили курс обучения в начальной школе. В трудовых

домах они находились под надзором воспитателей и наставников до совершеннолетнего возраста, а в отдельных случаях по решению суда срок их пребывания в трудовых домах мог быть продлен до достижения 20 лет (ст. 187).

В советском государстве считалось, что труд является едва ли не единственным действенным средством перевоспитания преступников и правонарушителей. Это относилось и к подросткам, оставшимся без попечения родителей, поскольку все они входили в группу риска и представляли собой потенциально опасную среду. Вплоть до конца 1940-х гг. власти ставили в один ряд несовершеннолетних правонарушителей и беспризорников. На борьбу с этими явлениями были брошены большие силы общественности, в том числе комсомольские организации. Несмотря на это, в начале 1930-х гг., как отмечалось на Третьем Всероссийском съезде по охране детства, беспризорность приняла угрожающие размеры, в том числе и на Северном Кавказе. В своей резолюции съезд также указал на необходимость усиления трудового воспитания подростков [3, л. 22 – 24].

В середине 1930-х гг. в структуре Наркомата внутренних дел был создан отдел трудовых колоний, функции которого распространялись в том числе и на беспризорных подростков. После соблюдения всех формальностей в приемниках-распределителях юношей направляли в колонии обучаться навыкам обработки дерева или металла, а также основам обувного производства. Девушки осваивали, как правило, профессию ткачих. Часть подростков готовилась для работы в сельском хозяйстве. Кроме того, в колониях создавались кружки и секции по интересам. В производственных помещениях подростки работали не более четырех часов, столько же времени было предусмотрено для получения ими неполного среднего образования. Накануне Великой Отечественной войны в стране в системе ГУЛАГа действовало уже 50 трудовых колоний для несовершеннолетних подростков [11, с. 23].

Трудовые колонии располагались практически в каждом регионе, в частности в Орджоникидзевском крае работала Ворошиловская колония. Первоначально она относилась к колониям общего типа, но в начале 1940 г. в соответствии с приказом Народного комиссара внутренних дел была реорганизована в колонию закрытого типа. Это означало, что с этого времени в Ворошиловскую колонию будут направляться несовершеннолетние в возрасте 16 – 18 лет, осужденные за конкретные преступления и трудно поддающиеся перевоспитанию. На реорганизацию трудовой колонии Управлению НКВД Орджоникидзевского края было выделено 62 тысячи рублей [6, л. 10].

Условия жизни в трудовых колониях обоего типа были тяжелыми. Спальные помещения располагались в основном в неотапливаемых бараках, рацион питания не отличался разнообразием. Беспризорные подростки нередко содержались вместе с несовершеннолетними преступниками. После окончания профессиональной подготовки выпускники направлялись на работу в заранее определенные предприятия и хозяйства, где за ними осуществлялся контроль со стороны территориальных органов НКВД [8, л. 51].

Несмотря на принимавшиеся государством меры, число беспризорников подросткового возраста неуклонно росло. В течение второй половины 1930-х гг. в разных российских регионах оно увеличилось на 10 – 15 %, при этом преступность в рассматриваемой среде за этот же период удвоилась. Причина виделась в нехватке детских домов, в слабом уровне вовлечения подростков в общественную жизнь коллектива, в отсутствии нормальных условий для жизни и развития беспризорных подростков, в недостаточном внимании учителей и воспитателей политико-воспитательной работе. По-иному обстояло дело в трудовых лагерях, где не было недостатка в педагогических кадрах, организовывались клубы, создавались кружки. В колониях лучше была поставлена работа пионерских и комсомольских организаций. В начале 1940-х гг. во всех трудовых колониях в общественных организациях значилось около 1,5 тысяч воспитанников [10, л. 39].

Вполне вероятно, что этот опыт послужил основанием для подготовки нового положения о трудовых колониях для несовершеннолетних, утвержденного в конце мая 1940 г. В соответствии с этим документом ужесточался режим содержания, повышались требования к дисциплине подростков. Злостных нарушителей внутреннего распорядка наказывали направлением в штрафной изолятор сроком на пять или десять суток в зависимости от возраста. Проверки соблюдения законности в трудовых колониях проводились регулярно, но только руководством центральных и региональных органов НКВД и прокуратуры [5, л. 50 – 51], представители других ведомств, а также общественности, к этим мероприятиям не допускались.

В октябре 1940 г. все трудовые колонии для несовершеннолетних были переданы в ведение управлений исправительно-трудовых лагерей и колоний по территориальности. Одновременно ужесточились требования к ответственности учащихся профессионально-технических и ремесленных училищ, фабрично-заводских школ. За прогулы, несоблюдение дисциплины и недостойное поведение, в соответствии с указом Президиума Верховного совета, они подвергались судебному преследованию с последующим направлением в трудовые колонии. Для этого дополнительно было создано еще 15 трудовых колоний [4, л. 151]. По нашему мнению, эта мера была продиктована повышенной потребностью промышленных предприятий в рабочих руках, в цифровом выражении эта потребность составляла до одного миллиона человек.

Чтобы стимулировать подростков к овладению профессиями, для успевающих воспитанников трудовых колоний устанавливались дополнительные нормы продовольственного обеспечения. Для нарушителей дисциплины и неуспевающих эти нормы, наоборот, снижались практически вдвое.

После начала Великой Отечественной войны Совет народных комиссаров принял новое постановление о борьбе с беспризорностью. НКВД получил право создавать новые колонии, в которые направлялись безнадзорные подростки с 11 до 16 лет. В эти же учреждения помещались воспитанники детских домов, регулярно нарушающие дисциплину. Для того чтобы совместить процесс воспитания и трудового обучения подростков, колонии начали размещать в помещениях бывших ре-

месленных училищ, пригодных для этих целей. Параллельно было увеличено количество приемников-распределителей, а срок принятия решения о направлении того или иного подростка в трудовую колонию был сокращен до двух недель (ранее для этого требовался один месяц) [9, л. 2 – 3].

Эвакуация людей из прифронтовой зоны стимулировала новую волну роста числа беспризорных подростков. До середины 1943 г. этой проблеме уделялось недостаточно внимания как со стороны власти, так и со стороны ведомств, ответственных за реализацию государственной политики в отношении детей. В июне 1943 г. в составе органов НКВД были созданы отделы и отделения по борьбе с детской беспризорностью. Одновременно правительство санкционировало организацию трудовых воспитательных колоний при Наркомате внутренних дел, в ведение которого перешли также уже имевшиеся трудовые колонии Управления исправительно-трудовых лагерей и ГУЛАГа. До конца года планировалось подготовить условия для приема в колониях порядка 30 тысяч подростков, увеличить емкость существующих колоний до 20 тысяч человек. Ответственность за выполнение намеченных мероприятий возлагалась на начальников территориальных органов НКВД.

Успешные наступательные операции Красной Армии после разгрома немецких войск под Сталинградом требовали слаженной и эффективной работы промышленных предприятий, выпускавших военную продукцию. Соответственно, не снималась задача обеспечения этих предприятий рабочими кадрами. В сентябре 1943 г. руководство органов НКВД на местах получило указание о направлении подростков старше 14 лет на учебу в ремесленные и железнодорожные училища, а также в фабрично-заводские школы в соответствии с потребностями конкретных предприятий. Трудоустройство всех воспитанников трудовых и трудовых воспитательных колоний было поставлено на контроль в комитете (на местах в бюро) по учету и распределению рабочей силы. Органы НКВД на местах и местные бюро по учету и распределению рабочей силы обязывались представлять в соответствующие правительственные инстанции поименные списки подростков, направленных на учебу в профессионально-технические учебные заведения [13, с. 387 – 389, 392 – 393].

Это означало, что беспризорные подростки, начиная с 14-летнего возраста, в годы войны официально были включены в систему трудовых ресурсов страны. В качестве примера беззаветного служения народу подростковой среде беспризорников ставился Александр Матросов – бывший воспитанник детского дома, а потом и трудовой колонии, добровольно ушедший на фронт в 18-летнем возрасте, геройски погибший в феврале 1943 г. [14].

Между тем режим содержания беспризорных подростков в трудовых колониях постоянно ужесточался. С ноября 1943 г. все рассматриваемые колонии были взяты под вооруженную охрану. В качестве надзирателей выделялись наиболее ответственные сотрудники охраны Управления исправительно-трудовых лагерей. В этом же месяце в СССР было учреждено восемь специальных трудовых воспитательных колоний для беспризорных подростков с целью повышения уровня

подготовки специалистов для работы на металлообрабатывающих и деревообрабатывающих предприятиях. Для оказания на воспитанников повышенного идейно-политического воздействия в трудовых колониях создавались комсомольские организации во главе с освобожденными секретарями, направлявшимися на эту работу по разнарядке ЦК ВЛКСМ [7, л. 106].

В начале 1944 г. в составе прокуратуры в центре и на местах было создано специальное подразделение, предназначенное для надзора за соблюдением законности в местах содержания беспризорных подростков, в том числе и в трудовых лагерях. Поводом для этого решения послужили многочисленные жалобы воспитанников на условия содержания и работы, плохое питание и медицинское обслуживание, в результате чего в отдельных колониях были отмечены случаи выражения воспитанниками массового недовольства действиями руководства и педагогов. Кроме того, практика показала, что выпускники трудовых колоний в большинстве своем имеют невысокую профессиональную квалификацию, что не оправдывает затрачиваемые средства и надежды на создание рабочего резерва из высококлассных молодых специалистов.

В этой связи заинтересованным руководителям предлагалось не только пересмотреть профиль профессиональной подготовки воспитанников трудовых колоний, но и скорректировать его с экономической специализацией района их расположения. При этом особо подчеркивалось, что все изменения и корректировки в деятельности трудовых и трудовых воспитательных колоний должны быть нацелены на потребности послевоенного времени. Так, в сельскохозяйственных регионах, в том числе и в Ставропольском крае, стало больше внимания уделяться подготовке механизаторов и других специалистов аграрного производства [9, л. 5].

Данное требование вполне согласуется с положением дел на фронте в начале 1944 г. Советское руководство уже не сомневалось в победоносном завершении Великой Отечественной войны, поэтому больше внимания уделяло созданию условий для восстановления страны после войны. В то же время пришлось снова обратить внимание на проблему благоустройства колоний, их санитарное состояние и т. п. Дело в том, что именно в это время возросло количество побегов подростков из трудовых колоний. Чтобы исправить сложившееся положение дел, общественные организации обязывались разнообразить досуг воспитанников, в работе учитывать их личные интересы и склонности. Принимались также меры административно-правового характера: усиление режима охраны, запрещение отпусков и увольнительных, ужесточение наказания за попытку или подготовку побега.

Летом 1944 г. правительство приняло решение об увеличении численности подростков в трудовых колониях еще на десять тысяч человек. Вновь создаваемые колонии оборудовались импортными станками и механизмами, для работы которых в каждой из них монтировались передвижные электростанции. Некоторые колонии стали сами производить отдельные виды производственного оборудования. Чтобы повысить ответственность воспитателей и производственных наставников, они были приравнены в финансовом и продо-

вольственным отношении к учителям средних школ [16, с. 35 – 37]. Что касается воспитанников, то их положение к концу войны лучше не стало. Установленные для них нормы выработки практически не отличались от заданий для взрослых рабочих, на низком уровне находились вопросы охраны труда, в результате чего в колониях регулярно отмечались случаи получения подростками травм и увечий.

Тем не менее производственные показатели работы отдельных трудовых колоний для беспризорных были достаточно высокие, особенно по изготовлению боеприпасов и трикотажных изделий. Правда, за выполнение и перевыполнение плановых заданий премирова-

лись и поощрялись не подростки, работавшие в цехах, а их непосредственные начальники за хорошую организацию производственного процесса.

Таким образом, проведенный анализ показал, что, начиная с середины 1930-х гг., труд беспризорных подростков стал активно использоваться в воспитательных целях [17 – 19]. Для этого государство создало сеть трудовых и трудовых воспитательных колоний, численность которых постоянно росла. Со временем они превратились в производственные единицы советского народнохозяйственного комплекса, а их воспитанники стали полноправной частью трудовых ресурсов страны.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1235. Оп. 95. Д. 41.
2. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 95. Д. 45.
3. ГАРФ. Ф. 5207. Оп. 3. Д. 16.
4. ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 42.
5. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 57.
6. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 61.
7. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 139.
8. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 103.
9. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 210.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 28.
11. ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои. Раскулачивание и гонения на Православную Церковь пополняли лагерь ГУЛАГа / под ред. И. В. Добровольского. Франкфурт-на Майне; М.: Международное общество прав человека, 1999. 453 с.
12. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 17 января. № 16. Отд. 1.
13. Дети ГУЛАГа. 1918 – 1956 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. С. С. Виленский, А. И. Кокурин, Г. В. Атамашкина, И. Ю. Новиченко. М.: Международный Фонд «Демократия», 2002. 631 с.
14. Комсомольская правда. 1943. 12 сентября.
15. Постановление Совета народных комиссаров «Об учреждении Совета защиты детей» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1919. 10 февраля. № 3.
16. Постановление СНК СССР № 827 «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских приемников-распределителей и трудовых воспитательных колоний» // Сборник постановлений СНК СССР. 1944. С. 35 – 37.
17. Сипакова Е. А. Дети в системе ГУЛАГа (на примере Южного Урала) // Грани познания. Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ. 2011. № 2(12). С. 15 – 17.
18. Славко А. А. Государственное регулирование процесса ликвидации детской беспризорности в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2010. № 120. С. 33 – 43.
19. Славко А. А. Система функционирования детских учреждений для беспризорных и безнадзорных детей в России в годы Великой Отечественной войны // Третьи Кремлевские чтения. Ч. 2: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: региональные аспекты исследования» (Казань, 28 апреля 2010 г.). Казань: Изд-во «ФЭН» АН РТ, 2010. С. 138 – 146.

Информация об авторе:

Самбур Белла Наильевна – аспирант кафедры философии, истории и педагогики филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, sambur.b@yandex.ru.

Bella N. Sambur – post-graduate student at Department of Philosophy, History and Pedagogics, North-Caucasus Federal University branch in Pyatigorsk.

(Научный руководитель: Рыкун Галина Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры туризма и гостиничного дела филиала Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Galina.rykun@gmail.com.

Academic advisor: Galina N. Rykun – Doctor of History, Full Professor, Professor at the Department of Tourism and Hospitality Management, North-Caucasus Federal University branch in Pyatigorsk).

Статья поступила в редколлегию 16.11.2015 г.

УДК 39 (391.1; 391.2; 391.3; 391.4; 392.8; 393; 394.1; 398.3; 398.33; 398.54)

К ПРОБЛЕМЕ БЫТОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ МАРКЕРОВ В СРЕДЕ ЧУВАШЕЙ (на примере д. Терехино Топкинского района Кемеровской области)

Н. Д. Ултургашева, Д. В. Новиков

ON THE PROBLEM OF EXISTENCE OF ETHNIC AND CULTURAL MARKERS AMONG THE CHUVASH (the example of Terekhino Village in Topkinsky District of Kemerovo Region)

N. D. Ulturgasheva, D. V. Novikov

В статье представлены результаты полевого исследования авторов в среде чувашей д. Терехино Топкинского района Кемеровской области. Охарактеризованы условия и формы бытования здесь этнокультурных маркеров. Освещен ряд проблем, определяющих перспективы их дальнейшего развития. Авторами констатируется нивелированный характер повседневного быта рассматриваемой группы населения. Этнические традиции главным образом воспроизводятся в сценическом варианте посредством местного Культурно-досугового центра. При этом неблагоприятная социально-экономическая обстановка определяет проблему его деятельности в долгосрочном периоде. Вероятно, при сохранении зафиксированной ситуации чувашский язык полностью выйдет, в дальнейшем из употребления. По мнению авторов, в этих условиях необходима поддержка работы указанного учреждения культуры и досуга. Например, в форме сотрудничества с кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского института культуры, по подготовке квалифицированных кадров.

The paper presents the results of the authors' field research of the Chuvash of Terekhino Village in Topkinsky District of Kemerovo Region. The authors characterize the conditions and the forms of existence ethnocultural markers there. A number of issues which determine the prospects for their further development are highlighted. Authors state the leveled character of daily life of the considered group of the population. Ethnic traditions are mainly reproduced in the scenes staged at the local Cultural and leisure center. At that, the unsuccessful social and economic situation defines the problem of its activity in the long-term period. If the recorded situation is not changed, the Chuvash language might extinguish completely in the future. According to the authors, in these conditions supporting the work of the specified culture and leisure institution is necessary: for example, in the form of cooperation with the Department of Theory and History of National Art Culture of Kemerovo Institute of Culture, where qualified personnel can be trained.

Ключевые слова: чуваша, национальная творческая интеллигенция, этнокультурные маркеры, чувашский язык, этническая специфика в бытовой сфере.

Keywords: Chuvash people, national intellectuals, ethnic and cultural markers, the Chuvash language, ethnic specificity in the domestic sphere.

Летом 2015 г. нами была обследована этнокультурная ситуация в среде чувашского сельского анклава, Топкинского района Кемеровской области. Данная работа осуществлялась в рамках фольклорно-этнографической практики студентов направления «Народная художественная культура», Кемеровского института культуры. Выбор объекта изучения был обусловлен практическим отсутствием работ по современным этническим процессам, характерным для проживающих в Кемеровской области диаспор [2, с. 29 – 30]. При этом согласно рабочей гипотезе нашего исследования, сегодня инициатива в развитии элементов традиционности принадлежит исключительно национальной творческой интеллигенции. Сбор эмпирического материала осуществлялся посредством методов опроса информантов, интервью, бесед и наблюдения. Выбор респондентов (с учетом возрастных и социальных групп) позволяет считать полученные нами результаты репрезентативными для указанного населения в целом. Цель данной работы – выявить состояние исконно чувашских элементов в современной культуре рассматриваемой этнической среды. В задачи входило:

- определить роль местной творческой интеллигенции в сохранении, развитии и трансляции этнокультурных маркеров;
- изучить сферу бытования национальных видов народного художественного творчества;
- рассмотреть вопросы функционирования чувашского языка на обследуемой территории;
- определить место традиционной обрядности в современном быту;
- охарактеризовать степень сохранности этнических компонентов в материальной культуре;
- рассмотреть хозяйственный уклад обследуемой группы населения.

Кратко охарактеризуем социально-экономические условия функционирования этнокультурных маркеров на указанной территории, опираясь на результаты наших наблюдений и бесед с информантами. Местность холмистая, занята лесом. Непосредственно к деревне примыкают луга. Рядом протекают реки Стрельная, Сосновка. Из окрестных природных объектов нам указали также поля "Русское Щелкино", "Чувашское Щелкино" (по названиям располагавшихся здесь деревень). Со слов респондентов из числа творческой интеллигенции, населенный пункт был

основан в 1907 г. переселенцами из Чувашии (в связи с реформой П. А. Столыпина). Изначально назывался "Канаши" ("Совет"). По данным представителей сельской Администрации, сегодня д. Терехино включает 85 дворов, 6 улиц. Местные жители отмечали проблему демографического спада последних десятилетий. В ходе наблюдений, нами зафиксировано значительное количество нежилых домов. Официально прописано здесь 200 человек. Из них постоянно проживают около 140 – 150. Преобладают предпенсионная и пенсионная возрастные группы. Основное население составляют чуваша. Также этнический состав представлен русскими, украинцами, татарами, узбеками, армянами. Из объектов социальной инфраструктуры функционируют лишь медицинский пункт и Культурно-досуговый центр. При этом персонал медпункта составляет один санитар, с перспективой полной ликвидации учреждения. В 2008 г. из-за сокращения количества учащихся была закрыта местная 9-летняя школа, принимавшая, по воспоминаниям информантов, учащихся и из окрестных населенных пунктов (деревень Соломино, Первомайки (на момент обследования не существовавшей), Симоново, поселков Ключевой, Рассвет). До 2012 г. сохранялось начальное звено. Сегодня ее здание занимает КДЦ (прежнее помещение которого было ликвидировано вследствие аварийного состояния) [3].

Отсутствие рабочих мест обуславливает основную роль приусадебного хозяйства (огородничества) в жизнеобеспечении большинства жителей. Так, нашими информантами высоко оценивалось качество почвы. При этом в ходе наблюдений и бесед выявлено практическое отсутствие ориентации на занятие животноводством. Сокращение поголовий домашнего скота (начиная с 2000-х гг.) связывалось со старением населения, отсутствием заинтересованности у представителей местной молодежи. Способы ведения хозяйства в целом нивелированы. Практикуется использование дикоросов (трав борщевика, душицы, крапивы). Перспективы дальнейшего социально-экономического, демографического развития оценивались респондентами как вымирание населенного пункта, в результате утраты стабильности после распада СССР [3].

Охарактеризуем теперь формы развития и трансляции этнокультурных маркеров, осуществляемые местным "Соломинским культурно-досуговым центром Соломинской сельской территории". В его структуре функционирует музей, представляющий материалы по локальной истории, этнографии. Работая при учреждении творческие коллективы воспроизводят традиции на сцене. Так, по нашим наблюдениям (включая изучение текущего архива КДЦ) и сведениям респондентов, национальные обряды (в частности, "Чуклеме", "Саварни" ("Масленица"), Свадьбы) транслируются исключительно посредством народного чувашского национального фольклорного ансамбля "Цвет черемухи" ("Семерть сески", действует с 1979 г.), детского фольклорного ансамбля "Иволга" ("Сара кайак"). Выступают в Кемеровской области, и за ее пределами. К примеру, в 2011 г. участвовали в проведении "Дней культуры Чувашской Республики "Акатуй". Участниками ансамбля отмечались

творческие контакты с чувашскими культурными центрами области (в частности, Прокопьевского района). На момент обследования, действующими участниками "Цвета черемухи" являлись представители средней и младшей (около половины состава) возрастных групп. По сведениям руководства коллективов, источником информации для постановок служит уже не бытовая жизнедеятельность односельчан, а научная литература, привезенная из гастролей в г. Ульяновск, электронные носители, Интернет. Их творческая обработка, при подготовке сценических номеров, обуславливает стилизованность представляемого материала (включая национальные виды песен, танцев). При этом нами зафиксировано активное использование здесь чувашского языка [3].

На основе наблюдений и бесед нами выделены некоторые проблемы в деятельности ансамблей. В частности, сюда относится материальное обеспечение. Так, имеющиеся в распоряжении коллективов национальные музыкальные инструменты изготовлены единственным мастером, создателем и первым руководителем "Цвета черемухи" А. К. Андрецовым (1941 г. – 2013 г.). При этом его участниками подчеркивалось отсутствие финансовой поддержки со стороны государственных органов. В качестве другой проблемы выделялся отток молодежи из деревни, определяющий устойчивое сокращение численности ансамбля. В этой связи отметим, что социальные условия сегодня обуславливают практически полное отсутствие мотивации у населения к участию в мероприятиях КДЦ [3].

Перейдем к вопросам повседневного бытования этнокультурных элементов в рассматриваемой среде. По нашим наблюдениям, представители старшей возрастной группы свободно владеют родным языком. Респонденты среднего возраста (1960-х гг. р.) понимают его, не используя в быту. Последнее связывалось с запретами на употребление чувашской речи в период их школьного обучения (1960-е – 1970-е гг.). Молодежь языком не владеет. Согласно оценкам местных жителей, посещение ее представителями национального хора в целом ситуацию не меняет. Молодые информанты в качестве основной причины указали внутрисемейное общение исключительно по-русски. При этом первые занятия, по воспоминаниям, проводились с рубежа 1980-х – 1990-х гг. в форме факультативов. Позже чувашский язык вошел в образовательные программы. Методическая литература доставлялась из Республики Чувашия за счет собственных возможностей. Отмечалось неоднозначное отношение со стороны родителей учеников. Это объяснялось установками, заложенными в советский период [3].

По отзывам респондентов, этническая специфика в бытовой сфере практически утрачена. На наш взгляд, достаточно ярким показателем здесь является следующее обстоятельство. В молодежной среде лишь участники фольклорных коллективов знакомы с чувашской традиционной культурой. Их знания соответствуют объему сценического материала. Национальные виды устного творчества, прикладного искусства, промыслы отнесены к прошлому (сохранялись еще в середине XX в.). На момент обследования

в деревне проживали лишь двое мастеров-самоучек. Это Гаврилов Евгений Афанасьевич, 1962 г. р. (резьба по дереву), и Исаев Юрий Владимирович, 1966 г. р. (резьба по дереву, живопись). Однако в этнокультурном плане их творчество нивелировано. Аналогичная ситуация прослеживается и в деятельности кружков вышивки, функционирующих при КДЦ. Из традиционных предметов быта в некоторых домах встречаются маслобойки и прялки, утратившие практическое применение. Исключение составляет, по данным информантов национальная кухня. Практикуются такие блюда, как суп с борщевиком "пул дран", пирог "шмадай кельчи" (тесто, пшено, сбитые яйца), пирог с капустой (традиционно готовили на Покров, 14 октября). Печенье из теста "йава", "пажалу", овсяный кисель "кесел", слоеный пирог "хуплу", "мимер" (картофель с тестом, мукой и маслом), соленый сыр "чогыт", пирог "кукаль". Некоторые пожилые респонденты указали, что готовят их достаточно регулярно [3].

Из проводимых жителями праздников (помимо календарных, общегосударственных) нам назвали православные Пасху, Троицу, рассказав и о гонениях на религию в советский период (1960-е – 1970-е гг.). В этой связи отметим, что тематика преследования религиозных организаций на территории Сибири исследована доктором исторических наук А. В. Горбатовым [1]. Отмечалось, что собственная церковь отсутствовала на всем протяжении истории деревни. Вместе с тем, помимо христианских, в памяти людей среднего и старшего возраста сохраняются некоторые традиции языческого характера. Это приготовление пирога с первым кочаном капусты, для магического обеспечения теплой зимы ("Украп куркуле"). Гадание на урожайный год по поведению первого ребенка, пришедшего в дом на Пасху. Разновидности женских

гаданий ("Сурхури" ("Нога барана"), "Нордуган"), проводившиеся во время колядований. Праздник в честь урожая "Уяв". Сюда же относится обычай резать барана или курицу в поминальные дни (разновидность жертвоприношения). Сегодня сохраняется практика кормления души умершего человека при проведении поминок (на 40 дней). При этом, по рассказам информантов, во время трапезы за оградой выносятся обеденный стол, оставшаяся пища собирается в отдельную посуду. После его вносят обратно в дом и повторно накрывают [3].

Таким образом, рассмотренные нами формы бытования этнокультурных маркеров практикуются на фоне общего социально-экономического неблагополучия в д. Терехино. Данная ситуация сложилась в постсоветский период. Этнические традиции главным образом воспроизводятся лишь в сценическом варианте посредством местного учреждения культуры и досуга. При этом указанные условия определяют проблему его деятельности в долгосрочном периоде. Сомнительными нам представляются перспективы чувашского языка, на обследованной территории. Вероятно, при сохранении зафиксированной нами ситуации он полностью выйдет, в дальнейшем, из употребления. Повседневный быт рассматриваемой группы населения практически полностью нивелирован. Этнокультурные маркеры здесь крайне фрагментарны. И здесь, на наш взгляд, необходима поддержка работы указанного Культурно-досугового центра по их развитию и трансляции. В частности, конкретным проявлением этого может быть сотрудничество с кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского института культуры, по подготовке квалифицированных кадров.

Литература

1. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2009. 50 с.
2. Многонациональный Кузбасс [история, теория, практика]. Администрация Кемеровской области, Департамент национальной политики и общественных отношений Кемеровской области; редкол. И. А. Свиридова и [др.]; фото В. Г. Дизендорф. Кемерово: Кузбасс, 2003. 160 с.
3. Новиков Д. В. Полевой дневник экспедиционных работ. 2015. 97 с.

Информация об авторах:

Ултургашева Надежда Доржуевна – доктор культурологии, профессор, заслуженный работник культуры Республики Тыва, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры КемГИК, n.d.ult@mail.ru.

Nadezhda D. Ulturgasheva – Doctor of Cultural Studies, Professor, Honored Worker of Culture of the Republic of Tyva, Honored Scientist of the Republic of Tyva, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State Institute of Culture.

Новиков Дмитрий Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории народной художественной культуры КемГИК, d.v.novik@mail.ru.

Dmitry V. Novikov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Theory and History of Folk Art Culture, Kemerovo State Institute of Culture.

Статья поступила в редколлегию 02.11.2015 г.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ

Ж. Р. Утубаев*, С. Б. Болелов

NEW DISCOVERIES IN THE LOWER REACHES OF THE SYR DARYA

Zh. R. Utubaev, S. B. Bolelov

**Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект № 2586 ГФ4 «Становление и развитие оседло-земледельческой культуры Приаралья в античную эпоху»).*

В статье вводятся в научный оборот впервые открытый гончарная мастерская на территории Восточного Приаралья, которая была частью производственного комплекса. Результаты получения на памятнике, в значительной степени расширяют наши представления об уровне развития материальной культуры и производственных технологий на территории древней дельты Сырдарьи в последней трети I тыс. до н. э.

The paper first introduces into the scientific circulation the new data on the open pottery workshop in the Eastern Aral Sea region, which was part of an industrial complex. The results obtained at the monument largely enhance our understanding of the level of development of material culture and production technologies in the ancient delta of the Syr Darya in the last third of the 1st millennium BC.

Ключевые слова: поселения, усадьба, ремесло, гончарная, мастерская, горн, чирикратская культура, Сырдарья.

Keywords: settlement, homestead, craft, pottery workshop, culture, Syr Darya.

На одном из древних русел Сырдарьи – Средней Жанадари, зафиксированы ранние памятники, оставленные потомками сакских племен.

К памятникам, отнесенным исследователями к чирикратской культуре, датируемой IV – II вв. до н. э., относятся небольшие укрепленные поселения или крупные городища, окруженные большим количеством неукрепленных сельских поселений. Известно более двух десятков наземных погребальных сооружений, небольшое количество курганных насыпей и грунтовых могильников. Хозяйство населения было полуоседлым, но ирригационные сооружения в системе сельских бабишмуллинских поселений свидетельствуют о существенной роли земледелия в хозяйстве их жителей, чему, в немалой степени способствовали культурные связи с земледельцами Среднеазиатских оазисов и прежде всего Хорезма.

Одним из подобных памятников в составе Бабишмуллинского оазиса является ремесленное поселение. Впервые Бабишмуллинский оазис обследован авиаразведывательным отрядом ХАЭ в 1946 г. [5, с. 57]. Тогда же были нанесены на карту большое городище Бабиш-мулла 1 и отдельно стоящее здание – Бабиш-мола 2, снят план крепости и собран подъемный материал. Детально-разведочное обследование в окрестности городища, было проведено Б. В. Андриановым в 1957 – 1960 гг. [1, с. 192 – 199]. От поселений прослеживающиеся остатки построек, на местности либо в виде планировок, либо в виде невысоких бугров покрытых россыпью керамики и обломков кварцита. По данным Б. В. Андрианова, в окрестности Бабиш-муллы зафиксированы следы 150 поселений, из них около сотни могли существовать одновременно [2; 1, с. 192 – 199].

В 2004 – 2006 г. после более чем сорокалетнего перерыва в ходе разведок Чирикратской археологи-

ческой экспедицией было выявлены несколько поселений.

В 2015 г. в бабишмуллинском оазисе были начаты стационарные обследования Чирик-рабатской археологической экспедиции. Основным объектом являлся памятник поселение Бабиш-мулла 7.

Поселение расположено в 5 км к юго-востоку от городища Бабиш-мулла 1, на восточном берегу сухого русла Жаныдарьи (рис. 1). Общая площадь поселения приблизительно 1,6 га – 450 x 350 м. На этой площади отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы горнов. После первого визуального обследования поселения стало очевидным, что это ремесленное поселение, производственный центр, где работали гончары ремесленники. С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м.

Максимальная концентрация предполагаемых построек и развалов горнов фиксирует в южной части поселения. Именно сюда был подведен канал-водохранилище. Обжигательные горны, которые на поверхности четко прослеживаются в виде развала керамического шлака и пещины располагались как отдельно, на некотором удалении от предполагаемых построек, так и рядом с ними. Всего в настоящее время в результате визуального обследования поселения выявлено 9 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения, на уровне современной дневной поверхности также в результате визуального обследования поселения зафиксировано 7 предполагаемых построек которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими. На поверхности они определяются обширными скоплениями керамики, в некоторых случаях, также на поверхности, видны контуры стен из сырцового кирпича. Надо полагать, постройки сильно размыты, но судя по скоплению керамики и характеру и цвету грунта

на уровне поверхности такыра, можно предполагать наличие культурного слоя на объектах. На поверхности поселений представлены многочисленным количеством керамики. Также в себя включает орудия из

кварцита и обломков этого камня, бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники стрелы, бусы из камня и стекло (рис. 5 (9, 10)).

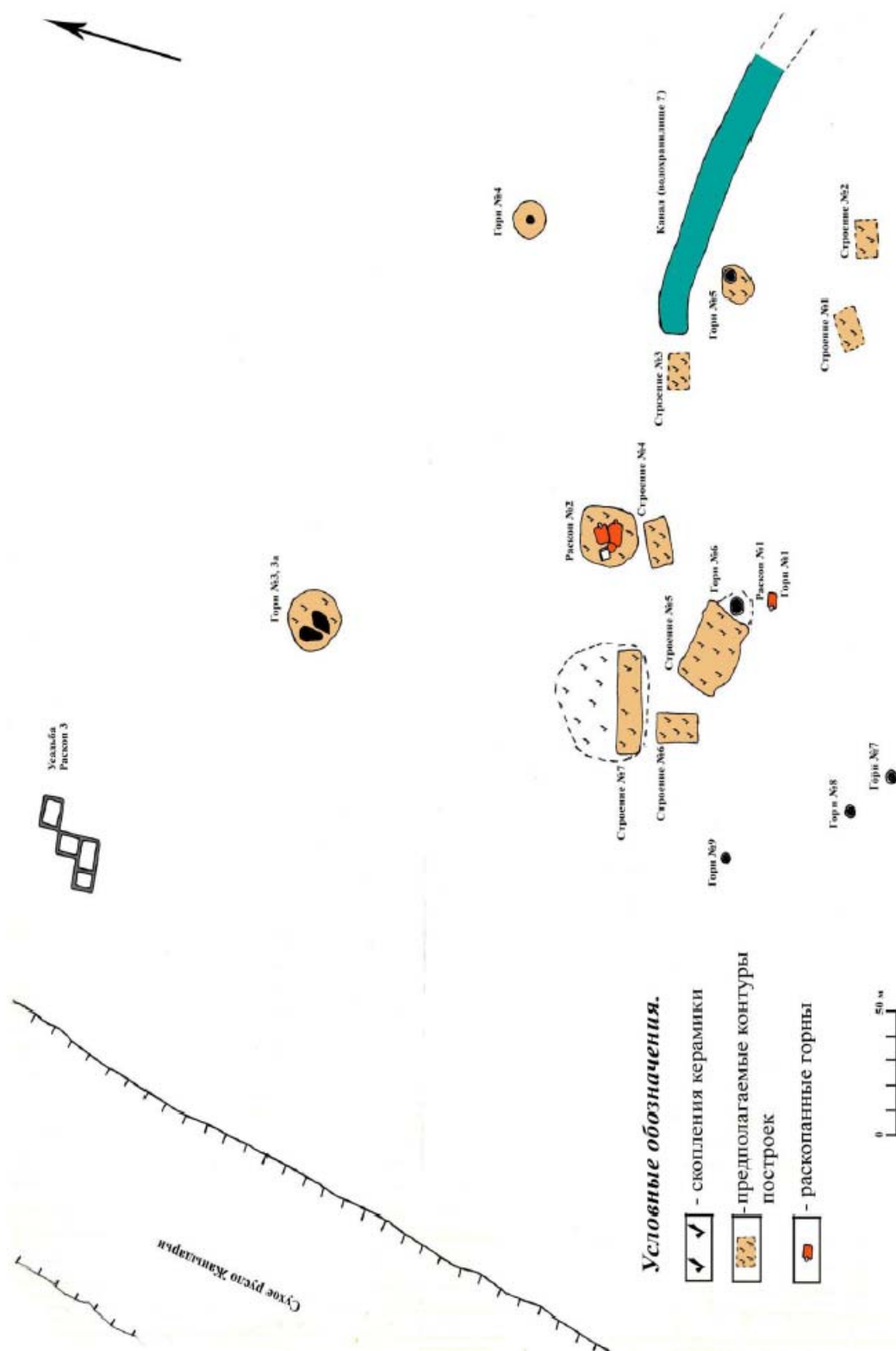

Рис. 1. Поселение Бабиш-мулла 7. План-схема

В северо-западной части поселения на берегу сухого русла (расстояние до берега 50 – 60 м), на некотором удалении от жилых построек и горнов обнаружены остатки довольно крупной усадьбы. На поверхности четко видны контуры стен помещений сложенных из прямоугольного сырцового кирпича. Надо полагать, это южная часть усадьбы, а северная находится под большим неподвижным барханом.

Раскопки проводились на трех раскопах, получивших соответствующие номера.

Раскоп 1 расположен в южной части поселения. Первоначально на поверхности довольно отчетливо прослеживались контуры прямоугольной конструкции явно производственного назначения, о чем красноречиво свидетельствовали фрагменты бракованной керамической посуды, куски керамического шлака и развалы печины. На поверхности был разбит квадрат 5 x 5 м, ориентированный по сторонам света. После снятия верхнего слоя, были выявлены керамического обжигательного горна, в отличие от хорезмийских, прямоугольной в плане, который ориентирован по линии ССВ – ЮЮЗ. Вход в топочную камеру был с ЮЮЗ. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2 м. Площадь была, как можно предполагать немногим менее 10 кв. м. – 3,6 x 2,7 м. Представляет собой плотную сильно прокаленную поверхность желто-красно-оранжевого цвета. На поверхности пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются жаропроводящие каналы, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в обжигательную камеру, – 8 – 12 см. На уровне пода расчищено 16 продухов (рис. 2).

Стены топочной камеры толщиной 0,7 – 0,8 м были построены из плотной пахсы серого цвета. Нижняя часть топки немного была заглублена в материковый слой, на 30 – 45 см от уровне древнего такыра. Таким образом, установлено что топка горна № 1 возвышалась на древней дневной поверхностью по крайней мере на 1 м. Способ перекрытия топочной камеры остается неясным. Можно с уверенностью говорить, что свода здесь не было; ни одного сырцового кирпича в процессе раскопок не обнаружено. Можно предполагать, что оно было плоским на деревянном каркасе, который не сохранился. Однако об этом можно догадываться, так как в пахсовых стенах с внешней стороны обнаружены округлые в поперечном сечении отверстия диаметром 7 – 8 см. Возможно, это следы от жердей перекрытия.

Раскоп № 2. Расположено в центральной части поселения на расстоянии 60 м к северо-западу от раскопа № 1. До раскопок это был холм диаметром не более 40 м, возвышающийся на 1 – 1,5 м над окружающим такыром и усыпанный фрагментами керамики, кусками керамического шлака. В северной части раскопа были выявлены плотные сильно обожженные поверхности красного и желто-красно-оранжевого цвета. Это поверхности пода обжигательной камеры двух керамических обжигательных горнов (рис. 3).

Горн № 2 (нумерация горнов на поселении Бабишмулла 7 дана по порядку вскрытия вне зависимости от номера раскопа) расположен в северо-западной части раскопа. Сохранилась часть пода обжигательной камеры. Как можно предполагать по сохранившимся участ-

кам, камера была овально-подпрямоугольная в плане размерами 2 x 2,1 м. Ориентирована почти строго по линии Ю-С. Вход в обжигательную камеру шириной 60 см был с северной стороны. На участке сохранившегося пода обжигательной камеры выявлены округлые в плане продухи диаметром 7 – 10 см жаропроводящих каналов, через которые горячие газы попадали в камеру обжига. Судя по расположению сохранившихся продухов они располагались по периметру обжигательной камеры.

Топочная камера горна № 2 была построена из плотной пахсы серого цвета. Ширина сохранившихся стен – 0,6 – 0,8 м. Стены топочной камеры сохранились на высоту не более 70 – 80 см от основания. Вход в топочную камеру в виде вертикального лаза округлого в плане диаметром 40 – 50 см был расчищен в северной части горна. Обращают на себя внимание округлые в плане горизонтальные отверстия в стенах топочной камеры диаметром не более 10 см, которые были расчищены в наиболее сохранившейся западной стене топки. Аналогичные отверстия были обнаружены и в горне № 1. Возможно это остатки основы плоского перекрытия топочной камеры.

Горн № 3 расположен к востоку от горна № 2 практически вплотную к нему. Вероятно, их разделяла пахсовая стена шириной не менее 0,7 м. Участки пода обжигательной камеры этого горна в виде плотной хорошо обожженной поверхности красно-оранжевого цвета. Площадь обжигательной камеры была около 12 м². На сохранившихся участках пода открыты округлые в плане продухи диаметром 10 – 20 см, которыми жаропроводящие каналы открывались в топочную камеру, и через них в нее поступали горячие газы. Вход в топочную камеру в виде вертикального, овального в плане лаза (0,9 x 0,44 м) открыт в северной части горна. В восточной части горна немного ниже уровня пода обжигательной камеры расчищен ряд прямоугольных сырцовых кирпичей размерами 44 x 24 x 12 см; 52 x 24 x 10 см; 50 x 24 x 12 см, которые обожжены до красно-оранжевого цвета. Вместе с тем следует отметить, что изначально это были обыкновенные сырцовые кирпичи, и обожжены они были в процессе эксплуатации горна. Кроме того, в восточной части горна в разрезе четко фиксируется что, по крайней мере, часть пода обжигательной камеры представляла собой выкладку из сырцовых кирпичей, которые были обожжены в процессе эксплуатации горна. При этом точно установлено, что нижняя часть топочной камеры горна № 3 была сложена из плотной пахсы серого цвета. Она сохранилась на высоту 0,7 – 0,8 м от основания. Поверх этой пахсовой стены в разрезе зафиксирована кладка из сырцовых кирпичей.

К югу от горна № 2 расчищены остатки еще одной производственной конструкции, возможно, это нижняя часть еще одного небольшого горна. Сохранился только под и нижняя часть стенок топочной камеры, которые сильно обожжены до красно-оранжевого цвета. Как можно предполагать, горн или точнее его топочная камера, был овальным в плане формы размером 1,6 x 1,2 м и ориентирован по линии В-З с небольшим отклонением на С-В. Заполнение нижней части топочной камеры практически целиком состояло из мелкой крошки обожженной глины и мелких кусков керамического шлака.

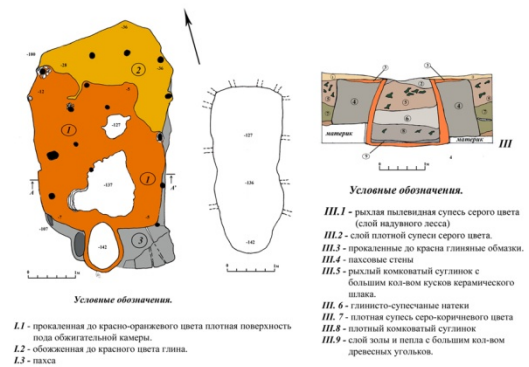

Рис. 2. Горн № 1. План и разрез

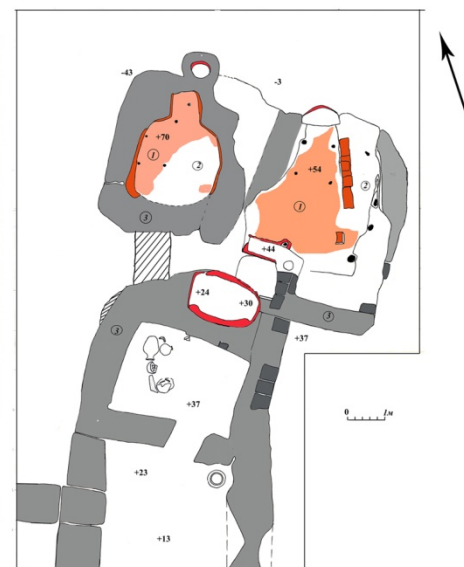

Рис. 3. Раскоп 2. План

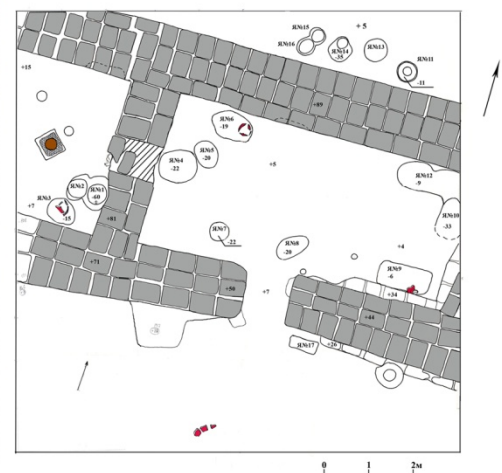

Рис. 4. Усадьба. План

К югу от производственного комплекса, в южной части раскопа открыты помещения, где, по всей видимости, была гончарная мастерская, о чем свидетельствуют находки в этих помещениях. Одно помещение, получившее *порядковый номер I*, расчищено полностью. Оно было прямоугольным в плане размерами 2,8 – 3 x 2 – 2,20 м, ориентировано по линии ЮЗ-СВ. Вход в помещение был с юга. Ширина его 0,8 м. Стены помещения, которые целиком были сложены из крупных пахсовых блоков размерами 0,7 x 0,9 – 1 м сохранились на высоту 0,7 – 1,0 м. Ширина стен – 0,8 – 1,1 м.

В северо-восточной части помещения практически на уровне пола или на слой плотной супеси, который залегает на уровне пола обнаружено скопление керамических сосудов. Среди них два целых – выючная фляга и крупный кувшиновидный сосуд без ручки. В этом же скоплении найдена нижняя часть сосуда, заполненная кусками необожженной пластичной глины, среди которой попадаются фрагменты сформованных но необожженных сосудов, по большей части венчики, фрагменты верхних частей кувшинов. Также была найдена, жернова из камня темно-серого цвета служили для растирания краски или измельчения других веществ (рис. 5). Описанные жернова найдены на керамическом центре южного Хорезма (4, с. 26).

К югу от помещения I вскрыта часть еще одного помещения – II, в которое вел проход в южной стене первого помещения. Возможно, помещение II также было прямоугольным в плане. Ширина помещения – 3 – 3,3 м. Помещение было ориентировано по линии Ю-С. В северо-западном углу помещения I *in situ* обнаружен хум, вкопанный по горловину в материковый грунт. Диаметр устья – 28 см. Высота сосуда – 67 см. На расстоянии 1 м от хума, в центре помещения на уровне пола найден фрагмент зернотерки, м. б. жернова, одна плоскость которой была хорошо заглажена, почти отполирована, в процессе эксплуатации. Стены второго помещения также сложены из крупных пахсовых блоков тех размеров, что и стены помещения I.

К востоку от помещений I и II открыта часть (западная) еще одного большого помещения или двора. Обращает на себя внимание следующий факт. По крайней мере, часть западной стены, а также северная стена этого помещения были сложены из прямоугольного кирпича обычных для поселения Бабиш-мулла 7 размеров: 50 – 52 x 28 – 34 x 8 – 10 см. Таким образом установлено, что восточные стены помещений I и II были не целиком пахсовые, но здесь применялись приемы комбинированной кладки. Часть стены строилась из пахсы, а часть – из прямоугольного сырцового кирпича. Примечательно, что северная стена этого помещения практически вплотную приставлена к южной стене горна № 2, из чего следует, что обжигательные горны отделялись от предполагаемой мастерской.

Раскоп № 3. Расположен в северной части поселения в 260 м к С-З от раскопа № 2 и в 320 м к С-З от раскопа № 1.

Еще до начала раскопок на поверхности такрыра четко читались стены усадьбы, северная часть которой, судя по всему, закрыта большим барханом

(рис. 4). В этом году раскопа была разбита на квадраты 5 x 5 м с площадью 100 м². Вся свита культурных слоев в пределах раскопа вскрыта до материка. Глубина вскрытия составляет немногим более 1 м в северной части раскопа и 0,2 – 25 м в южной части.

В результате проведенных исследований частично вскрыто три помещения и часть двора к югу от здания. Максимальная сохранность стен здания, в северной части немногим более 1 м.

Нижние части всех стен во вскрытой части здания, построены из плотной пахсы светло-серого цвета, таким образом образовался цоколь высотой 40 – 45 см и шириной 1,6 – 1,5 м. Пахса была положена непосредственно на слой барханного песка светло-желтого цвета толщиной 10 – 20 см. Верхняя часть стен возведена из прямоугольного сырцового кирпича размерами: 48 x 30 x 10 – 12 см; 47 x 32 x 10 – 12 см; 50 x 37 x 12 см ширина стен в сохранившейся части – 1,4 – 1,5 м.

Помещение № 1. Вскрыта только западная часть помещения, ширина которого по линии С-Ю была 3,6 м.

В ходе раскопок помещения была выявлена многочисленные ямы, которые были спущены с верхнего уровня слоя комковатой глины и перекрыты слоем песка и уровнями полов помещений. Таким образом, они относятся к периоду, который предшествует строительству здания. В помещении 1 выявлено три таких ямы, юго-западном углу. Две из них яма № 1 и яма № 2 расположены рядом. В исключительных случаях в заполнении ям попадались мелкие фрагменты керамики. В заполнении ямы № 1 найден небольшой бронзовый трехлопастной наконечник со сводчатой головкой, прямо срезанными лопастями и выступающей втулкой (рис. 5. (8)). Аналогично найдено городище Бабиш-мулла I (IV – II вв. до н. э.) [6, с. 40 – 47, 154 – 158; 3, с. 16 – 20].

В помещении зафиксировано два уровня пола в виде слоя плотной глины серо-коричневого или светло-коричневого цвета. В помещении выявлены некоторые детали планировки и интерьера. В восточной стене, практически по центру, на расстоянии 1,2 м от северо-восточного угла обнаружен проход шириной 0,84 – 0,86 м, ведущий в помещение 2, расположенное восточнее. Вероятно проход был заложен или завален еще в древности кусками сырцовых кирпичей. На уровне нижнего пола, прямо напротив прохода на расстоянии 1,55 – 1,58 м расчищен прямоугольный в плане напольный очаг в виде незначительного возвышения почти квадратной формы размером 50 x 58 см. Рядом с очагом, почти в центре, выявлены столбовые ямки, следы от деревянных столбов, поддерживавших перекрытие помещения. Расстояние между ними 0,8 м. Столбовая ямка, открытая в северо-западной части раскопа находится на расстоянии 0,66 – 0,7 м от северной стены помещения.

Две ямы (№ 1 и № 2), относящиеся к более раннему периоду, обнаруженные в юго-восточном углу помещения в период жизни здания не использовались, они были перекрыты обмазками нижнего пола. В яму № 3, по всей видимости, в нее был установлен хум. При расчистке в заполнении были найдены в большом количестве фрагменты стенок крупного тарного сосуда.

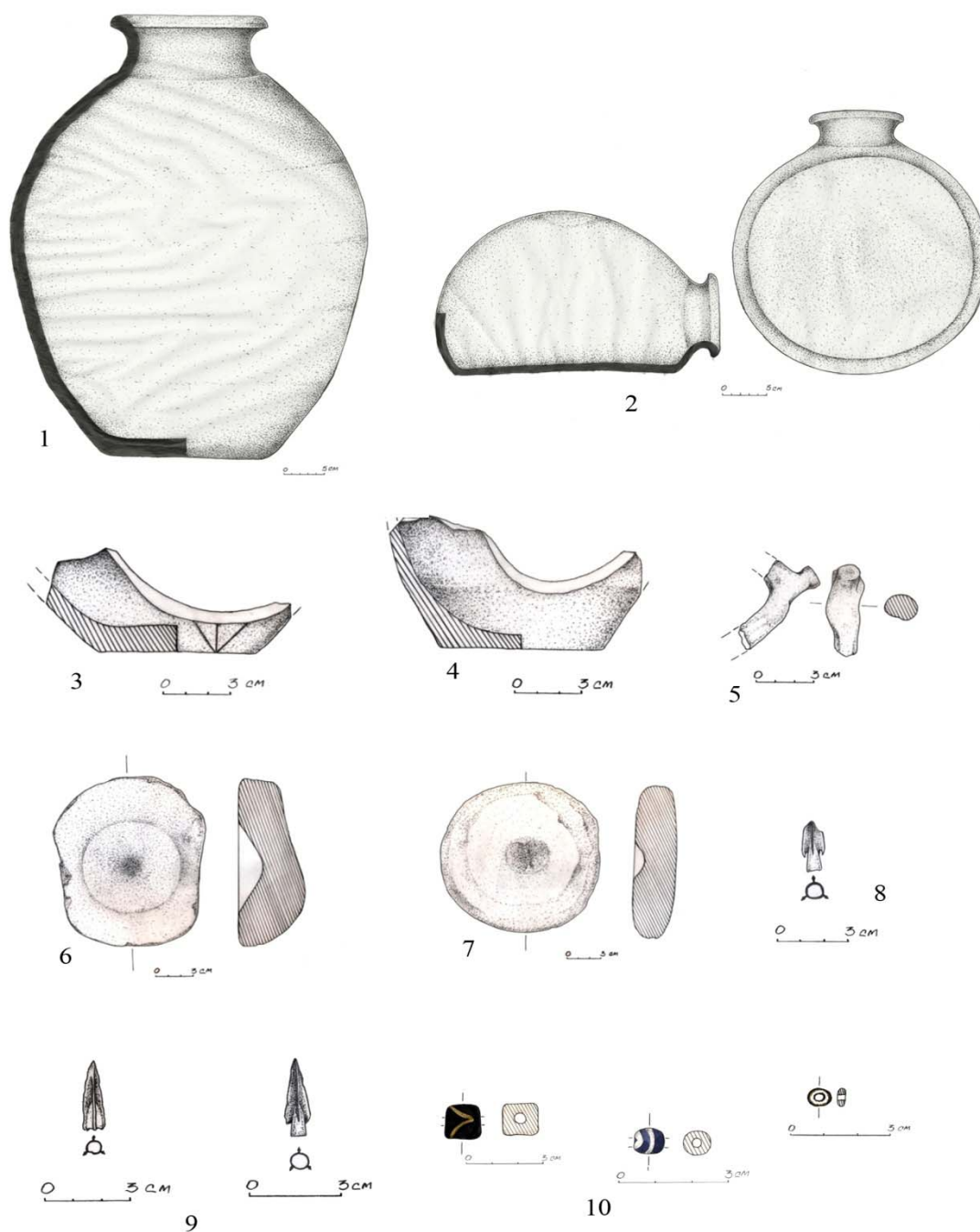

Рис. 5. Поселения Бабиш-мулла 7. 1 – 4 – керамика (раскоп 2), 6 – 7 – жернова из камня (раскоп 2), 8 – бронзовый наконечник стрелы (усадебная), 9 – бронзовый наконечник стрелы (подъемный), 10 – бусы (подъемный)

Помещение 2 – расположено к востоку от помещения 1 и соединялось с ним проходом в западной стене. Оно было прямоугольным в плане, ориентировано по линии З-В. Ширина помещения – 3,4 м. Длина – 7,1 м. В помещении 2, в центре южной стены был еще один проход шириной – 1 – 1,05 м, который выводил в южный двор.

Стратиграфическая картина, зафиксированная в помещении 2 весьма схожа с заполнением поме-

щения 1. С поверхности этого слоя в материк спущены ямы. Всего в пределах помещения расчищено 8 таких ям различной конфигурации и разной глубины.

В северо-западном углу помещения обнаружено 3 ямы.

Также как и в западной части раскопа, в помещении 2 слой комковатой глины перекрыт слоем чистого барханного песка желто-серого цвета толщиной 10 –

18 см, на котором собственно и были построены стены усадьбы.

Наиболее хорошо, на высоте немногим более 1 м от основания, сохранилась северная стена, нижняя часть которой представляла собой пахсовый цоколь высотой 45 – 50 см и шириной 1,6 м. Сама стена была сложена из прямоугольного кирпича обычного для усадьбы.

Стратиграфия заполнения помещения 2 в общем мало отличается от стратиграфической картины в помещении 1. Здесь также зафиксировано 2 уровня пола, которые наиболее четко прослеживаются в северо-восточной части помещения. На отдельных участках под нижним полом помещения была нивелировочная подсыпка из плотной комковатой глины серо-коричневого цвета толщиной не более 15 – 20 см.

К северу от помещения 2, в северо-западной четверти квадрата 3 вскрыта часть, надо полагать южная, еще одного помещения усадьбы – помещение 3. Эта часть помещения раскопана до уровня нижнего пола. Стратиграфическая ситуация в этом помещении мало отличается от той что была уже отмечена в других помещениях. В помещении 3, также как и во всех остальных, были обнаружены ямы, которые были спущены в материк с верхнего уровня слоя комковатой глины, то есть ямы были выкопаны до строительства усадьбы. В южной части помещения, выявлено 5 ям. В одной из них, обнаруженной на расстоянии 0,18 м от южной стены помещения и 1 м от восточного борта раскопа

insitu расчищена нижняя часть хума – максимальный диаметр тулова сосуда 46 см.

В южной части раскопа – кв. 1,2, открыта часть обширного двора. Никаких построек или строительных конструкций здесь не зафиксировано. С жилыми помещениями усадьбы двор сообщался через проход в южной стене здания (помещение 2), ширина которого была немногим более 1 м.

Кроме того, участок жилой поверхности двора открыт в западной части двора. На всей остальной вскрытой площади двора этот уровень не сохранился.

Изучения гончарного ремесла в Средней Азии показывает, что с эпохи поздней бронзы и раннего железа каждая община, обитавшая на небольшом поселении, имела свои гончарные печи [4, с. 37]. На крупных поселениях керамические печи были сосредоточены на определенном участке и образовали «керамический центр».

Таким образом, найденные на поселении Бабиш-мулла 7 материалы чрезвычайно интересны. Этот крупный центр керамического производства впервые на территории древней Сырдарьинской дельты раскопаны обжигательные керамические горны не известной ранее конструкции не только на территории Юго-восточного Приаралья, но всей Средней Азии. В общих чертах выявлена структура поселения, а также система водоснабжения. Впервые на территории Восточного Приаралья открыта гончарная мастерская, которая была частью производственного комплекса.

Литература

1. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. Андрианов Б. В. Отчет о работе археолого-топографического отряда в бассейне Жанадарьи в 1958 г. // Архив ИЭА, РАН, фонд 142, опись 2, ед. хр. 37. М., 1958.
3. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. – Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.
4. Мамбетуллаев М. Хумбузтепе – Керамический центр Южного Хорезма // Археология Приаралья. Вып. 2. Ташкент, 1984.
5. Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.
6. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Раппопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. М., 1960.

Информация об авторах:

Утубаев Жанболат Раймкулович – аспирант кафедры археологии КемГУ, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, utubaev_z@mail.ru.

Zhanbolat R. Utubayev – post-graduate student at the Department of Archaeology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: **Мартынов Анатолий Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, prof_martynov@mail.ru).

Academic advisor: Anatoliy I. Martynov – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Kemerovo State University).

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, сотрудник Государственного музея Востока г. Москва, bsb1958@ya.ru.

Sergey B. Bolelov – Candidate of History, Research Associate at the State Museum of the Orient, Moscow City.

Статья поступила в редколлегию 07.12.2015 г.

УДК 94 (574.1)

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.*Д. Я. Фризен***THE POSITION OF PEASANT FARMS IN WESTERN KAZAKHSTAN
IN THE 19th – EARLY 20th CENTURY***D. Ya. Frizen*

В статье рассматривается проблема адаптации крестьян-переселенцев к природно-климатическим, социально-экономическим условиям Западного Казахстана. На основе разноплановых источников показана ситуация с трудоустройством переселенцев, проблема наделения их землей и решение социальных вопросов. В статье отмечены факты создания переселенческих хозяйств и трудности данного процесса. Материалы исследования могут быть использованы учёными при написании трудов по истории Казахстана.

The paper discusses the problem of adaptation of the peasants to climatic and socio-economic conditions in Western Kazakhstan. On the basis of diverse sources the author shows the employment situation of immigrants, the problem of granting them land and solution of social problems. The paper addresses some facts about the creation of immigrant farms and the difficulty of the process. The materials of the research can be used by scientists for writing works on the history of Kazakhstan.

Ключевые слова: Западный Казахстан, переселенческое движение, аграрный вопрос, земледелие, скотоводство, колонизация.

Keywords: Western Kazakhstan, resettlement movement, agrarian question, agriculture, cattle breeding, colonization.

Аграрная колонизация Казахстана представляет собой актуальную тему в историографии, поскольку ее оценка, последствия рассматриваются учеными с самых различных позиций. Споры о том, какую роль сыграла аграрная колонизация в истории Казахстана, уже на протяжении многих лет не прекращаются в исторической науке. Принято считать, что в советское время аграрная колонизация, несмотря на отдельные недостатки, всё же положительно рассматривалась историками, т. к. приводила к укреплению дружбы между Россией и Казахстаном. В современной казахстанской историографии возобладали противоположная точка зрения, когда аграрная колонизация рассматривается в основном с негативной точки зрения; осуждаются ее последствия, как разрушившие традиционный уклад жизни казахского народа [1; 3; 5; 6; 9; 10; 12; 13]. Разумеется, не может быть какой-либо однозначной оценки последствий аграрной колонизации Казахстана. Здесь каждый историк волен прямо высказывать своё собственное мнение, но самое главное, чтобы не возобладали сугубо личные мотивы, и не произошел отход от научного анализа фактов. То обстоятельство, что предков того или иного историка лишили кочевий или скота еще не повод для того, чтобы видеть в колонизации только негативные последствия.

Задача настоящей статьи заключается в том, чтобы показать особенности развития крестьянских хозяйств на территории Западного Казахстана. Переселенческое движение в казахском крае началось после отмены крепостного права в России. Тысячи крестьянских семей в поисках лучшей доли отправлялись в степной край в надежде получить землю и создать свое хозяйство. Западный Казахстан стал местом жительства для многих крестьян-переселенцев. Сначала власти не решались приступить к широкомасштабной колонизации региона, и данный процесс происходил постепенно, достигнув своего пика в годы столыпинской аграрной реформы. В 80-е гг. XIX в. в Тургайской области начали оседать крестьянские семьи, приезжающие из России. Местные власти старались дать крестьянам землю

и урегулировать их отношения с коренным населением [7, с. 35]. В 1891 г. несколько крестьянских семей, направляющихся на юг Казахстана, приняли решение осесть в тургайской степи, получив землю при содействии местных властей.

Тысячи переселенцев были в тяжелом материальном положении. Так, например, 1370 семей переселенцев (10,8 %), переселившихся в Тургайскую область в 1903 – 1905 гг. не имели ни одной рабочей скотины. 1606 семейств (12,7 %) имели только одну голову скота, 3275 семейств (25,7 %) не имели плуга [2, с. 219]. Местная администрация стремилась упорядочить процесс переселения, наладить систему административного управления новыми поселениями. Как отмечал А. А. Кауфман в 1897 г.: «Главная масса переселенцев, проживающих в северных районах Тургайской области, в настоящее время имеет уже надлежащее административное устройство, и областной администрацией возбужден вопрос о распространении этого устройства и на другие пункты, где русские поселенцы собрались в более значительных количествах и где водворение их имеет, по-видимому, не временный, а постоянный характер» [7, с. 45]. В Уральской области, начиная с 1890 г., стали создаваться переселенческие посёлки, причем сами переселенцы вместе с местным казахским населением обрабатывали землю [11, с. 157].

Крестьяне-переселенцы стремились, помимо получения земли, также решить свои социальные и духовные проблемы. Это касалось постройки школ, медпунктов, прокладки дорог, а также постройки церквей. Для оседания на постоянное место жительства было необходимо удовлетворение социальных нужд переселенцев. Власти старались решать эти вопросы. Значительной проблемой было налаживание регулярного транспортного сообщения между населенными пунктами. Западный Казахстан – это крупный по своим размерам регион. К тому же, в XIX в. он был малонаселенным. Переселенческие посёлки зачастую располагались в местах, находящихся далеко от городов и железных дорог, нередко среди полупустынных районов,

где ранее находились одни лишь пастбища. Чтобы добраться до того или иного посёлка, порой требовалось преодолеть долгий путь. При этом во многих районах даже не было верстовых столбов. Сами дороги, как правило, находились в неудовлетворительном состоянии. Поэтому переселенцам было трудно устроиться на новом месте, вдаль от населенных пунктов, порой не имея медпунктов, школ. Всё это приходилось создавать на месте. Например, чтобы добраться до того или иного посёлка из Актюбинска или Уральска, иногда необходимо было проехать по бездорожью сотни вёрст. И это только в пределах данных уездов. В пределах губернии расстояния между населёнными пунктами значительно увеличивались.

Часто было так, что переселенческие посёлки создавались в степи, среди кочующих в этих местах скотоводов. Поэтому возникали земельные споры, тяжбы, длившиеся, зачастую, годами. Канцелярии Тургайского и Уральского военных губернаторов наполнились ходатайствами, с просьбой разрешить те или иные земельные споры. Тяжбы эти возникали не только между крестьянами и кочевниками, но и между самими переселенцами, а также между кочующими казахскими родами. Борьба за землю обострялась по мере увеличения числа переселенцев. Эта ситуация осложнялась тем, что по решению царских властей, многие земли, принадлежащие кочевникам, изымались в государственный фонд как «излишки», из которого выдавались наделы переселенцам. Например, экспедиция по исследованию степных областей во главе с известным статистиком Ф. А. Щербиной определила более 20 млн десятин земли как «излишки», которые могли быть изъяты в переселенческий фонд. Соответственно, кочевники оттеснялись в южные, более засушливые районы, а на их земли переселяли крестьян из России, Украины, Белоруссии, которые стали заниматься земледелием. В этих условиях социальная и межнациональная напряжённость росла, участились стычки между кочевниками и крестьянами.

Увеличение числа переселенческих посёлков постепенно меняло местную хозяйственную специфику, увеличивало размеры земледелия. Ввиду увеличения числа переселенцев, необходимости наделения их земель, в начале XX в. на территории Тургайской области чиновники начали создавать т. н. «миллионный отвод» на территории ряда волостей, для того чтобы наделить землей малоземельных крестьян и казахов. В Кустанайском уезде только за период с 1899 по 1902 гг. было выделено переселенцам 800000 десятин земли.

На начальном этапе переселенческого движения, были распространены договоры об аренде земли, когда переселенцы, таким образом, брали внаём землю у местного казахского населения. Как правило, в качестве платы за аренду земли, переселенец отдавал арендодателю часть полученного урожая. Крестьяне Самарской губернии Иван Солодов и Трофим Гусев арендовали у казахов Николаевского уезда 6000 десятин земли по 7 копеек в год за десятину [15, л. 103]. Аренда земли получила широкое распространение и таким образом, многие переселенцы прочно оседали в ряде районов Западного Казахстана. К ним присоединялись новые группы переселенцев и возникали большие крестьянские поселения. Между отдельными поселениями стали налаживаться торговые и хозяйственные контакты.

Постепенно возле переселенческих посёлков начали селиться переходившие к оседлости казахи, которые стали изучать русский язык, нанимались на работу к переселенцам.

Переселенцы стремились найти работу на новом месте проживания, нанимались к местным зажиточным крестьянам или казакам. Также они нанимались в хозяйства богатых казахов. В основном это был тяжёлый физический труд, работа на мельнице, переработка продуктов животноводства и т. д. Крестьяне-переселенцы, обладавшие достаточными материальными средствами, сами покупали скот, сельскохозяйственные орудия, строили жильё и т. д. Однако многие переселенцы не имели денег на приобретение скота и орудий труда, а также на покупку или постройку жилья, и поэтому нанимались на работу к местным зажиточным крестьянам. Например, в Кулешовском хуторе Актюбинской волости для постройки дома, приобретения скота и рабочего инвентаря необходимо было в среднем от 200 до 400 рублей. Постройка деревянного дома стоила 200 рублей, землянки 100 рублей, приобретение скота 200 рублей [16, л. 19]. Чиновник Тургайского статистического комитета И. Катаринский отмечал: «Средства на обзаведение можно приобрести на месте – заработками... и работой у киргиз. Кроме того, разведением скотины для сбыта в г. Оренбург. Вообще большинство поселенцев не выходят из долгов вследствие бывших три года сряду неурожаев. Они обычно берут на заводе хлеб под работу, тем дешёвят свой труд, и потому мало поправляются» [16, л. 3 об].

Некоторые крестьянские хозяйства разорялись и возвращались к себе на родину, либо становились батраками у зажиточных крестьян. Тем не менее многие крестьянские хозяйства смогли создать прочное хозяйство. И. Катаринский так описывал жизненный уклад одного из крестьян-переселенцев: «Фёдор Новиков при поселении имел только 2 коровы, которых сначала держал в землянке вместе с собой. Во второй год прибавилось два телёнка и вновь устроенная землянка. В третий год он купил лошадь за 13 рублей, и еще у него прибавилось две телушки. В четвертый год две старые коровы с родины он продал за 75 рублей и купил две лошади за 60 рублей. В пятый год купил три поросенка. На шестой год у него было 6 коров, 6 телят, 4 лошади, 8 свиней и 20 овец» [16, л. 4].

Переселенцы, помимо бытовых трудностей, зачастую сталкивались с бюрократическими препятствиями, взяточничеством, коррупцией, произволом местных чиновников, которые стремились извлечь личную материальную выгоду от выдачи крестьянам земельных наделов. Переселенцам часто приходилось давать взятку местным чиновникам за то, чтобы получить земельный участок. За участки с более плодородной землей приходилось платить больше. Переселенцы Березовской волости в своем прошении на имя Военного губернатора Уральской области отмечали: «Переселившись из России, мы переселенцы, безропотно перенесли нищету и голод в тяжелые прошлые годы, теперь же вместо поддержки наше ближайшее начальство сильно обижает нас тем, что организовало торговлю землей приезжающим переселенцам. Торговля душевыми наделами началась давно, еще при крестьянском начальнике Зинченко, его письмоводитель Малютин брал взятку с каждого переселенца, но тогда он до-

вольствовался 3 – 5 рублями, теперь же, с уходом Зинченко, во главе с новым крестьянским начальником образовалась хорошо подобранная шайка, состоящая из четырех человек» [14, с. 49].

Многие крестьяне отправлялись в новые края за лучшей жизнью, не зная реальной картины происходящего, и не имея представления о том, с какими трудностями им предстоит столкнуться, что придётся жить в бескрайней степи, можно сказать, под открытым небом. Многие из них рассчитывали получить большие земельные наделы, создать зажиточное хозяйство. Но столкнувшись в реальности с суровой действительностью, многие переселенцы осознали всю тяжесть жизни в казахской степи, когда на многие версты пути невозможно было встретить ни одного человека, не было даже колодцев, жить приходилось в открытой степи, пока не удавалось построить временное жильё. Коренное кочевое и полукочевое население было приспособлено к местным природно-климатическим условиям. Маршруты их кочевания были сформированы в давние времена и оставались, в сущности, неизменными в течение веков. Но переселенцам пришлось осваиваться на новом месте фактически с нуля, порой не имея элементарных условий для жизни. Еще сложнее приходилось тем, кто, прибыв на место своего нового проживания, не имел денег на обустройство. Как отмечал А. А. Кауфман: «На переселение пускаются то под влиянием писем от более ранних переселенцев, изображающих «новые места», нередко в совершенно ином свете, то под влиянием распространяющихся среди крестьян, всегда более или менее, далеких от истины, слухов о сибирском приволье, под влиянием которых переселенцы часто двигаются в глушь совершенно на удачу, не имея действительного представления даже о самой местности, куда они направляются, и часто, вполне обманываясь в своих ожиданиях при приходе на новые места» [8, с. 19].

Многие переселенцы отправлялись в новые края, т. к. не имели фактически ничего у себя на родине. Земельный дефицит заставлял их ехать на окраины империи в поисках лучшей доли. «Переселенцы Бугулуцкого уезда, – писал Н. Бородин, – были, по большей части бедняки, люди, которым при переходе на новое место,

почти нечего было покидать на своей Родине. Рассчитывая на льготы и снижение повинностей, они шли на новые места и селились при общем сырте. Приученные с детства к земледелию, они стали во множестве наниматься в работники к уральским казакам по обоюдному выгодным ценам, потому что в первые годы своего поселения, не успевали устроиться и обзавестись собственным хозяйством, они решительно не имели средств для пропитания» [4, с. 243]. Такая ситуация приводила к тому, что и на новом месте многие крестьяне оставались бедняками, испытывали лишения. Тургайский военный губернатор писал Министру земледелия и государственных имуществ в 1897 году о том, что участились случаи столкновений между переселенцами и местным казахским населением из-за земельных наделов. В некоторых районах казахи прекратили предоставлять землю в аренду переселенцам [17, л. 3]. Несмотря на то, что Западный Казахстан занимает огромную площадь, тем не менее, многие участки земли были не приспособлены для земледелия. На Мангышлаке, а также в южных районах Уральской и Тургайской областей в основном находились пустыни и полупустыни, что препятствовало развитию земледелия. Там, возможно, было развитие только отгонного скотоводства. В целом в регионе преобладал засушливый климат и поэтому неурожаи были частым явлением.

Положение крестьян-переселенцев, поселившихся на территории Западного Казахстана в основной массе было довольно сложным, особенно первые 3 – 4 года, поэтому наблюдался значительный отток переселенцев на родину или в другие районы страны. Несмотря на трудности, переселенцы постепенно изменяли хозяйственный облик региона, развивали земледелие, торговлю, строили мельницы, мелкие сельскохозяйственные предприятия. В регионе стали появляться школы, больницы, банки, постоянные поселения, вместо кочевых стоянок. Западный Казахстан быстрее начал входить в общероссийский рынок. Коренное кочевое население постепенно начало переходить к оседлости, осваивало земледелие, селилось рядом с русским населением. Переселенцы внесли весомый вклад в социально-экономическое развитие региона.

Литература

1. Абдиров М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX вв.). Астана, 2000. 304 с.
2. Бекбергенов М. С. Социально-экономические отношения в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Ленинград, 1953. 365 с.
3. Борсукбаева А. Н. Колонизаторская политика царизма в Казахских землях в XIX – начале XX веков (на материалах северо-восточного Казахстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: КазНПУ им. Абая, 2005. 32 с.
4. Бородин Н. Уральское казачье войско. Статистическое описание. Т. I. Уральск: Типография Уральского казачьего войска, 1891. 524 с.
5. Жумашева Г. Колониальная политика царизма на Мангышлаке (XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1998. 25 с.
6. Ибраев С. И. Переселенческая политика царизма и изменение демографической ситуации в Северном Казахстане (конец XIX – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы, 1995. 22 с.
7. Кауфман А. А. Переселенцы – арендаторы Тургайской области. СПб., 1897. 345 с.
8. Кауфман А. А. Сибирское переселение на исходе XIX века. Историко-статистический очерк. СПб., 1901. – 92 с.
9. Малтусынов С. Н. Аграрный вопрос в Казахстане и Государственная Дума России (1906 – 1917 гг.). Алматы, 2006. 332 с.
10. Мырзахметова А. Ж. История образования и деятельности Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. 29 с.

11. Сдыков М. Н. История населения Западного Казахстана. Алматы, 2004. 408 с.
12. Сариева Р. Х. Колониальная политика царизма в Казахстане: на примере Тургайской области (1868 – 1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: ИИиЭ им. Ч. Ч. Валиханова, 2002. 33 с.
13. Таштемханова Р. М. Переселенческая деревня и ее взаимосвязи с казахским аулом во второй половине XIX – начале XX века (на материалах Семиреченской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алматы: АГУ им. Абая, 1994. 28 с.
14. Турсунбаев А. Б. Из истории крестьянского переселения в Казахстан. Алма-Ата: АН КазССР, 1950. 102 с.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 25. Оп. 1. Д. 2693.
16. ЦГА РК. Ф. 318. Оп. 1. Д. 18.
17. ЦГА РК. Ф. 25. Оп. 1. Д. 1470.

Информация об авторе:

Фризен Дмитрий Яковлевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Истории Казахстана и социально-гуманитарных дисциплин Казахско-Русского международного университета, d.friesen@mail.ru.

Dmitry Ya. Friesen – Candidate of History, Senior Lecturer of the Department of History of Kazakhstan and Social and Humanitarian Disciplines, Kazakh-Russian International University.

Статья поступила в редколлегию 29.10.2015 г.

УДК 908:28-741-051(470+571)+(477.75)"1783/1830"

**РОЛЬ ПЕРВЫХ ТАВРИЧЕСКИХ МУФТИЕВ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ
МУСУЛЬМАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА В СОСТАВ РОССИИ (1783 – 1830 ГГ.)**

З. З. Хайрединова

**THE FIRST TAURIDA MUFTIS' ROLE AND THE PROBLEMS OF INTEGRATION
OF THE CRIMEAN MUSLIM POPULATION TO RUSSIA (1783 – 1830)**

Z. Z. Khairedinova

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-31-10112 «Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783 – 1825».

В статье рассматриваются процедуры избрания и назначения первых Таврических муфтиев. Показана деятельность муфтиев в процессе интеграции мусульманского населения Крыма в состав Российской империи. Исследованы действия Российского правительства в отношении установления диалога с крымскотатарским народом в лице Таврических муфтиев. Показана роль местной администрации в лице правителей Таврической области в решении насущных проблем мусульманского населения полуострова. Изучены документы сенатора И. В. Лопухина в отношении учреждения на полуострове Таврического магометанского духовного правления. Неурегулированность мусульманского духовного управления сохранялась вплоть до 1831 года, когда было законодательно утверждено «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и штата духовному правлению».

The paper deals with the procedure of election and appointment of the first Taurida Muftis. The activity of Muftis is displayed in the process of integration of the Crimean Muslim population to the Russian Empire composition. The authors study the actions of the Russian government concerning the establishment of the dialogue with the Crimean Tatar people in the person of Taurida Muftis. The role of local administration in the person of Taurida region leaders in the solution of burning issues of Muslim population of the peninsula is shown. The Senator I. V. Lopuhin's papers are analysed regarding the establishment of Taurida Mohammedan spiritual rule in the peninsula. The lack of arrangement in Muslim Spiritual Board continued until 1831 when "Regulations on the Taurida Mohammedan clergy and the spiritual state of the board" was settled as a law.

Ключевые слова: Таврические муфтии, крымские татары, интеграция Крыма в состав России, мусульманское духовенство, Таврические губернаторы.

Keywords: Taurida muftis, Crimean Tatars, integration of the Crimea to Russia, Muslim clergy, Taurida governors.

Одним из важных и серьезных аспектов жизни современного Крыма является адаптация жителей этого региона к новым условиям, включение их в новое правовое поле. Важным остается вопрос интеграции мусульманского населения Крыма в правовое поле Российского государства. Важный и поучительный опыт взаимоотношений Российского правительства и многонационального Крыма был накоплен еще в XVIII в. –

период после присоединения Крыма к России в 1783 г. Всестороннее и комплексное исследование всех аспектов интеграции Крыма в правовое, административное, политическое, экономическое и культурное пространство Российской империи актуально сегодня и требует дополнительных исследований.

Присоединение Крыма к России в 1783 г. поставило перед правительством сложную задачу. Учитывая

региональные особенности политической, правовой, конфессиональной, экономической жизни Крыма, преобладание мусульманского населения, а также многонациональность данного региона, создать условия для плавного вхождения в общероссийские структуры. Большую роль в данном процессе российское правительство отводило мусульманскому духовенству. Таврический муфтий как высшее духовное лицо являлся для всего мусульманского населения полуострова непререкаемым авторитетом.

Итак, Манифест Екатерины II, подписанный 8 апреля 1783 г. «О принятии полуострова Крымского, острова Тамань и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу» обещал «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру» [8, с. 897 – 898]. Позже, в указе, данном светлейшему князю Г. А. Потемкину от 28 июня 1783 г., говорилось, что необходимо «определить надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела» [9, с. 985 – 986].

Таким образом, в силу императорских манифеста и указа, все мусульманское духовенство было признано правительством. Собственно управленческая структура и принципы руководства мусульманской общиной региона сохранилось в неизменном виде и на прежних основаниях.

В то время во главе духовенства стояли муфтий Мусалар эфенди и кади-аскер Сеит Мегмет эфенди. Именным указом они были переутверждены в своих должностях уже 24 апреля 1784 г. Им устанавливалось жалование, которое назначалось из местных доходов. Мусалар эфенди полагалось по 2000 рублей в год, а Сеит Мегмет эфенди, соответственно 1500 рублей [10, с. 482].

11 июня 1784 г. было объявлено о назначении правителем области действительного статского советника Василия Васильевича Каховского, а главным начальником – Григория Александровича Потемкина. Таврический муфтий и кади-аскер были вновь подтверждены в своих правах, а все городские каймаканы, кадии были утверждены в своих должностях [17, с. 165].

В 1791 г. Таврический муфтий Мусалар эфенди умер. Очевидно, некоторое время эта должность оставалась вакантной. Только 18 июня 1792 г. правитель Таврической области генерал-майор Семен Семенович Жигулин подал официальное представление в Санкт-Петербург. В нем он ходатайствовал об утверждении на должности муфтия действовавшего тогда кади-аскера Сеит Мегмет эфенди. Кроме того, С. С. Жигулин и Сеит Мегмет эфенди предложили упразднить должность кади-аскера и разрешить избрать коллегию, состоящую из шести «эфендиев». По их мнению, они, имея председателем муфтия, «будут составлять духовную в Тавриде консисторию» [1, с. 316; 4, с. 19 – 22].

23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в котором в должности муфтия была утверждена кандидатура, предложенная правителем Таврической области, то есть Сеит Мегмет эфенди. Скорее всего, не желая новшествами дестабилизировать обстановку в регионе, Санкт-Петербургское правительство предпочло не устранять привычную и традиционную в мусульманской общине Крыма должность кади-аскера. Очевидно, на этот почетный пост был назначен Абдураим

эфенди. Кроме того, им в помощь были назначены пять членов предложенной духовной консистории на мало-понятные должности «эфендиев».

Следует отметить, что в документах той эпохи были употреблены неудачные определения. Среди них наиболее разительным было название должности «эфендий». Как известно, согласно шариату, оно не соответствовало номенклатуре исламских духовных должностей. Кроме того, оно являлось неправильным по существу.

Дело в том, что понятие «эфенди» – означает «господин». Так, например, ко всем почетным и почтенным лицам при обращении говорили: «эфендим» («мой господин»). Позже это несоответствие было воспринято центральным правительством и местной администрацией, что отразилось в текущей документации. Тогда в законодательных актах без каких-либо официальных объявлений об изменениях высшие члены ТМДП продолжали называться по-прежнему: муфтием и кади-аскером, а остальные пятеро, бывшие «эфендии» – уездными кадиями.

Согласно тому же указу от 23 января 1794 г., Таврическому муфтию подтверждалось теперь уже казенное жалование в размере 2000 рублей в год. Однако жалование кади-аскеру было существенно снижено и составляло сумму в размере 500 рублей. Вновь назначенным «эфендиям» причиталось казенное жалование по 200 рублей в год [2, с. 213; 16, л. 21]. Таким образом, данным указом были утверждены муфтий, кади-аскер и пять эфендиев, которые составили Таврическое магометанское духовное правление (ТМДП).

Указ от 23 декабря 1794 г. не обозначал ни прав, ни обязанностей этой довольно аморфной и умозрительной структуры, кроме как «надзирать» за духовенством. Данное мусульманское правление было фактически учреждено. Однако в повседневной практике оно по этим причинам бездействовало. Такое двусмысленное положение сохранялось вплоть до 1831 г., когда в силу вошло долгое время разрабатывавшее «Положение о Таврическом магометанском духовенстве и подлежащих ведению его делах» [11, с. 337 – 345].

В данном временном промежутке с 1794 г. по 1831 г. было предпринято несколько неудачных попыток законодательно утвердить права Таврического муфтията, четко определить обязанности членов правления, а также упорядочить отношения государственной власти и мусульманской духовной организации региона.

В сентябре 1801 г. Таврический муфтий Сеит Мегмет эфенди прибыл в Санкт-Петербург и представил императору Александру I докладную записку [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5]. Более конкретно она касалась ряда важных для мусульманской общины Крыма вопросов. Они накопились за долгое время и требовали немедленного рассмотрения высшей государственной властью.

Суть докладной записки заключалась в пяти пунктах. В них говорилось, прежде всего, о подтверждении преимуществ и прав, дарованных крымским татарам и их духовенству. Ставился вопрос о записанных по ревизии крымских татар «из духовенства в число казенных» крестьян. Муфтий предлагал перерегистрировать их обратно в духовное сословие. Важным вопросом для мусульманской общины Крыма стали вакуфные

имущества и капиталы. Муфтий предлагал утвердить их при мечетях, теких и медресе на постоянной основе. Кроме того, важную проблему составлял вопрос о наследовании имений после смерти того или иного крымского мусульманина, об определении опекунов, а главное, о роли местного исламского духовенства вообще и Таврического муфтията, в частности.

Но главное, на основании указа от 23 января 1794 г., муфтием ставились вопросы о реальном открытии в городе Акмечети структур Таврического муфтията. Более того, Сеит Мегмет эфенди предлагал построить или нанять специальное здание для заседаний предполагаемой структуры [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5].

По всем пунктам этой записки Новороссийским военным губернатором Иваном Ивановичем Михельсоном был сделан ряд существенных замечаний, поддерживающих предложения Таврического муфтия. Так, например, этот крупный государственный чиновник считал, что мусульманское духовенство и все крымскотатарское население «оных привилегий заслуживают». Более того, он ходатайствовал о том, чтобы «духовное правление открыть позволить». Что касается здания, то, по его мнению, государству было нужно либо приобрести дом за счет казны и «на оный денег отпустить довольно», либо все содержание ТМДП и покупка здания «должны относиться на счет акуфу». Местом пребывания правления И. И. Михельсон так же предлагал избрать город Акмечеть [1, с. 319 – 320; 16, л. 2 – 5].

В ответ на записку 14 ноября 1802 г. Александр I был подписан указ на имя сенатора Ивана Владимировича Лопухина с поручением – рассмотреть на месте вопрос открытия магометанского правления в Таврической губернии. Как известно, до этого И. В. Лопухиным были ревизованы несколько губерний, среди которых были и Казанская, Оренбургская, где проживали крупные и влиятельные мусульманские общины. Очевидно, поручение высшей власти сенатором были исполнены в точности и с должным профессионализмом, что послужило основанием для руководства последующих ревизий, и в том числе в Таврическую губернию. Безусловно, при ревизии Казанской и Оренбургской губерний ему пришлось столкнуться с деятельностью местных духовных собраний, созданных в 1788 г.

При исследовании состояния дел в Таврическом регионе И. В. Лопухину предстояло изучить ряд важных вопросов, связанных с состоянием ислама в Крыму. Среди них необходимо обратить внимание на два крупных блока проблем. Во-первых, о необходимости увеличения числа местного мусульманского духовенства; о возвращении этому сословию разных привилегий, которые были даны еще в царствование Екатерины II и, наконец, о том, какие привилегии можно назначить данному духовенству, судя по тем, какие они уже имели ранее. Во-вторых, об открытии в Симферополе Духовного правления с обозначением прав и обязанностей этого органа духовного управления, а также об отводе для него специального здания.

При рассмотрении этих вопросов император рекомендовал пригласить к рассмотрению ревизионных дел Таврического муфтия Сеит Мегмет эфенди, который к тому времени уже должен был вернуться в Симферопо-

поль и советовал принять во внимание его мнение «с пользой того края и справедливостию» [1, с. 321]. Однако, как писал И. Ф. Александров, муфтий не мог непосредственно участвовать в рассмотрении данного вопроса. Известно, что Сеит Мегмет эфенди в это время болел. Можно предположить, что на все вопросы, интересовавшие сенатора, скорее всего, отвечал кади-аскер Абдурагим эфенди.

Внимательнейшим образом рассмотрев вопросы жизни мусульманской общины Крыма, уже 18 февраля 1803 г. И. В. Лопухин представил доклад. Он свидетельствовал не только о добросовестном отношении сенатора к делу, но и о глубине проникновения в суть важнейших проблем крымскотатарской мусульманской религиозной общины.

Доклад состоял из 12 пунктов, содержащих ответы на все поставленные вопросы. Что касается магометанского правления, то сенатор настоятельно рекомендовал открыть его в городе Симферополе, как можно ближе к губернской администрации.

Интересную точку зрения высказал И. В. Лопухин по поводу структуры духовного правления. Это учреждение, по его мнению, должно было состоять из кади-аскера и четырех улемов. Должность кади-аскера предполагалась в качестве председателя правления, а во главе правления должен был стать муфтий. Он, в случае несогласия с решением правления по тому или иному вопросу, мог представить свое собственное мнение губернской администрации.

Кроме того, И. В. Лопухин предложил также ввести в состав канцелярии духовного правления должности секретаря, переводчика и канцелярских служителей. Всему составу Таврического магометанского духовного правления предполагалось определить жалованье из казны «по благоизволению щедроты монаршей» [1, с. 324].

Важным мнением сенатора стал вопрос об обязанностях духовного правления вообще и муфтия в частности. Оказывается, им, в представлении И. В. Лопухина, «ни в коем случае» нельзя было «делать общего созыва духовенства в губернский город и ни куда без позволения губернатора или правящего должность» не выезжать. Таким образом, предполагаемое духовное правление должно было находиться под зорким и непосредственным надзором Таврического губернатора. Муфтию отводилась главная роль в попечении Таврического мусульманского духовенства, особенно в вопросах нравов и морали.

В выборах муфтия и кади-аскера, по мнению И. В. Лопухина, могли принимать участие лишь крымскотатарские мурзы и депутаты от жителей каждого уезда Таврической губернии. Предполагалось выбирать трех кандидатов, по которым готовилось бы мнение губернской администрации на утверждение Правительствующего Сената.

Если должность муфтия и кади-аскера как представителей высшего мусульманского духовенства края утверждалась Правительствующим Сенатом, то должности от имама и ниже утверждались бы уже самой администрацией непосредственно на месте. Это было бы возможным после соответствующего экзамена на пригодность к исполнению духовных обязанностей и утверждения данной кандидатуры лично Таврическим муфтием.

Интересную точку зрения высказал И. В. Лопухин по поводу должности кади-аскера. Он считал, что «чин кадиаскера не только не должен всегда открывать путь к званию муфтия, но полезно, чтоб законом определено было никогда из кадиаскеров и в правлении находящихся улемов в муфтии не выбирать» [1, с. 324]. Безусловно, это могло помочь избежать разногласий и «подсживаний» внутри правления, а, главное, сплотить его членов для реализации единых целей. К сожалению, дальнейшая история деятельности правления изобилует фактами, когда на ответственный пост муфтия практически всегда избирался кади-аскер. Должность кади-аскера всегда считалась последней ступенью к вершине мусульманской иерархической лестницы в губернии. Как и подозревал И. В. Лопухин, в будущем кади-аскер, в случае несогласия с решениями муфтия по тому или иному вопросу, имел все законные основания тормозить и даже саботировать всю работу в правлении.

Помимо этого И. В. Лопухин предлагал предоставить мусульманскому духовному правлению соответствующий дом и утвердить содержание его из государственной казны. Главную роль в разрешении этих вопросов сенатор непосредственно отводил Таврическому губернатору, который должен был сделать соответствующие распоряжения о покупке здания для размещения правления.

Для уяснения позиции сенатора И. В. Лопухина относительно мусульманской религиозной общины в Крыму, необходимо рассмотреть и ряд других вопросов, которые, казалось бы, непосредственно не касались проблемы открытия ТМДП. Однако именно они помогают понять суть политики Санкт-Петербурга в отношении мусульман Таврической губернии в этот промежуток времени.

Большое внимание сенатор И. В. Лопухин уделил в своем докладе вопросу увеличения численности мусульманского духовенства в Крыму. Он считал, что искусственно увеличивать число мусульманского духовенства нет никакой необходимости. Он подчеркнул, что «нужно только, чтобы было достаточное число служителей магометанской веры для безостановочного отправления треб», а также «для воспитания и приготовления в чины оных служителей» [1, с. 326]. В связи с этим И. В. Лопухин предлагал учредить временный комитет, который бы рассмотрел и определял ряд важных моментов. Среди них, в частности, вопрос о том, сколько должно быть в губернии имамов и других духовных служителей. Также нужно было определить, все ли в настоящее время духовные служители соответствуют своим должностям. Объясняя эту меру, И. В. Лопухин замечал, что «сие рассмотрение полезно для отличения и одобрения достойнейших и для перемены недостойных лучшими» [1, с. 326]. Так сенатор предлагал существенно ограничить число мусульманского духовенства в Крыму и создать для него некий «рынок труда». Вместе с тем сенатор считал нужным закрепить все привилегии и права, данные императрицей Екатериной II, что, очевидно, подняло бы авторитет местного духовенства и укрепило бы его материальное положение.

В заключение доклада И. В. Лопухин писал о вопросах соответствия государственного законодательства с традиционным в Крыму – исламским. Он полагал,

что мусульмане, не согласные с тем, чтобы их споры разбирались в духовном правлении, должны иметь право обращаться в суды гражданские. Такое положение он считал удобным для сокращения «тяжебных дел» и увеличения авторитета духовенства в глазах рядовых мусульман.

Нужно с сожалением отметить, что данный доклад так и остался на бумаге и не был реализован. Однако следует сказать, что данный опыт в разработке приоритетов в будущей работе муфтиата был не только положительным, но и полезным для будущих проектов.

О важности разрешения вопроса об открытии ТМДП свидетельствует тот факт, что вскоре херсонский губернатор Арман Эммануэль дюк-де-Ришелье будучи в августе 1805 г. в Симферополе обратился к Таврическому губернатору, действительному тайному советнику Дмитрию Борисовичу Мертваго с предложением «о лучшем духовной магометанской части устроении и о мнении вашем по сему меня уведомить» [1, с. 330].

Доклад Д. Б. Мертваго, представленный уже через месяц на имя А. Э. дюка-де-Ришелье от 28 сентября 1805 г., явился следующим шагом в деле открытия ТМДП. Доклад назывался «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и об обязанностях духовных, так же копия Высочайших указов, кои имелись основанием при сем сочинении» [1, с. 331].

По мнению губернатора Д. Б. Мертваго, штат духовного правления предполагался в следующем виде. Во главе правления должен был стоять председательствующий муфтий с годовым окладом в размере 2000 рублей. На должность ниже располагался «старший эфендий», скорее всего имелся в виду кади-аскер с ежегодным жалованьем в 500 рублей. Далее шли 5 «младших эфендиев», которые, наверное, олицетворяли уездных кадиев. Оплата их работы оценивалась по 200 рублей в год на каждого. Кроме того, по представляемому штату был предусмотрен и один письмоводитель с окладом в размере 250 рублей в год. Согласно этому документу, каких-либо канцелярских служителей не предусматривалось. Тем не менее муфтий, по мере надобности, мог приглашать канцеляристов из других губернских структур. Однако в этом случае жалованье канцелярских служителей и канцелярские расходы не должны были превышать предполагаемой по штату суммы, которая составляла всего 500 рублей в год.

Согласно докладу Д. Б. Мертваго, Таврический муфтий должен был избираться крымскими татарами всех сословий. От каждого крымского города и уезда на рассмотрение губернатору должно выдвигать по два кандидата. Тот, избрав три наиболее предпочтительные кандидатуры, должен был рекомендовать их министру внутренних дел. По представлению министра император утверждал бы и собственно Таврического муфтия. Претенденты на должности старшего и младших «эфендиев» предлагались уже муфтием на утверждение Таврического губернатора. Им же определялся к должности и письмоводитель, работающий в органах Таврического муфтиата.

Первый раздел состоял из полутора десятков пунктов и касался порядка производства дел в правлении. Согласно данному проекту, Таврическое магометан-

ское духовное правление подчиняется губернскому правительству [1, с. 332]. Муфтий, являясь председателем правления, «поступками и поведением своим должен показать пример его подчиненным верности». Ему вменялось непосредственно руководить старшими и младшими «эфендиями». Он же распределял обязанности правления между ними. Муфтий принимал участие в вопросах, связанных с замещением вакантных духовных должностей в мечети и конфессиональные школы. Он, совместно с членами магометанского правления, должен был экзаменовать кандидатов на эти должности. В то же время духовному правлению запрещалось искусственно увеличивать число духовных должностей по штату мечетей, медресе и мектебе.

Однако и этот проект магометанского духовного правления остался только на бумаге. Тем не менее данный документ расширял представление российских чиновников о духовных нуждах крымских мусульман и о роли в этом процессе муфтиев.

1 ноября 1806 г. скончался муфтий Сеит Мегмет эфенди, о чем на следующий же день сообщил кади-аскер Мамут эфенди Таврическому губернатору Д. Б. Мертваго [15, л. 1 – 4]. При таких обстоятельствах на 23 декабря 1806 г. были назначены выборы Таврического муфтия [15, л. 5 – 6]. После их проведения гражданским губернатором были представлены на рассмотрение министра внутренних дел 2 кандидатуры соискателей должности муфтия. Ими были соответственно тогдашний кади-аскер Мамут эфенди и брат бывшего муфтия Мураза Челеби эфенди.

Вскоре, 19 января 1807 г., указом за подписью императора Александра I в должности Таврического муфтия был утвержден Муртаза Челеби эфенди [15, л. 14 – 14 (об)].

Нового муфтия также беспокоил вопрос о неурегулированности ситуации в деле руководства духовной общиной мусульман Крыма, поэтому проблема учреждения духовного правления оказалась для него одной из актуальнейших. 21 февраля 1809 г. муфтий Сеит Муртаза эфенди обратился с официальным письмом к Таврическому губернатору генерал-лейтенанту Андрею Михайловичу Бороздину. В нем он с сожалением писал о том, что в данном вопросе и «поныне нет разрешения». Губернатор А. М. Бороздин поддержал ходатайство и справедливые доводы муфтия. 18 марта 1809 г. он представил на рассмотрение министру внутренних дел соответствующий документ.

На одном из заседаний Комитета Министров 9 июля 1809 г. обсуждался вопрос об открытии в Крыму духовного правления. В повестке дня стоял вопрос об утверждении основных положений проекта, составленный еще сенатором И. В. Лопухиным. Важнейший вопрос об открытии Таврического магометанского духовного правления решено было рассмотреть на общем заседании комитета министров и министра юстиции [14, л. 26 – 26 (об.)].

19 августа 1809 г. муфтий совместно с известными и влиятельными представителями крымскотатарского населения обратился к Таврическому губернатору А. М. Бороздину с просьбой воспользоваться пребыванием в городе Симферополе А. Э. дюка-де-Ришелье и возобновить вопрос об утверждении штата и правил, представленных в свое время губернатором

Д. Б. Мертваго. Однако прошло два года, а решение этого вопроса не сдвинулось с мертвой точки.

О деятельности муфтия Сеит Муртазы эфенди очень мало сведений. С одной стороны из-за отсутствия правления как такового, с другой – из-за отсутствия всякого делопроизводства. Известна, однако, деятельность Сеит Муртазы эфендия в деле образования крымских татар. Так, например, в 1810 г. 16 июня состоялось открытие Отделения татарского класса при Симферопольском уездном училище. Муфтий принимал активное участие в вопросах, касавшихся учебной части этого отделения. Он подбирал и рекомендовал преподавателей крымскотатарского языка, советовал по этому предмету книги. Сеит Муртаза эфенди пользовался большим доверием высшего учебного начальства. Так, например, штатному смотрителю училища Д. Горчакову было предписано «практически совсем не вмешиваться в вопросы, касающиеся преподавания крымскотатарского языка или проблемы, имеющие отношение к обычаям, образу жизни, традициям и, в первую очередь, богослужения и религиозному быту местных мусульман, предоставив все эти вопросы ведению исключительно Таврического муфтия» [3, с. 55].

В 1816 г. Таврическим муфтием был утвержден Аджи Абдураим эфенди. Однако на выборах ситуация была иной. В 1816 г. на выборах Таврического муфтия по большинству голосов первым кандидатом был Сеит Джемиль эфенди, Аджи Абдураим эфенди – лишь третьим. По отзывам губернаторов А. М. Бороздина и А. С. Лавинского, Сеит Джемиль эфенди был человеком молодым и неблагонадежным [13, л. 74 – 74 (об.)]. Муфтием был утвержден Аджи Абдураим эфенди.

Таврический муфтий Аджи Абдураим эфенди 5 марта 1829 г. был уволен с занимаемой должности, очевидно, по собственному желанию. Наше утверждение основано на том, что он был уволен от службы «по его званию, с полной пенсией» [13, л. 69 – 70].

В 1820 г. проходили выборы кади-аскера. По большинству голосов избран был Сеит Джемиль эфенди. Бывший тогда Таврическим губернатором А. Н. Баранов и муфтий Аджи Абдураим эфенди посчитали Сеит Джемиля эфенди достойным должности кадиаскера «по хорошему поведению, особенно же по его преданности правительству» [13, л. 75].

После увольнения муфтия Аджи Абдураим эфендия встал вопрос о новом духовном главе мусульман Таврической губернии. Выборы нового муфтия были назначены на 27 июня 1829 г. Тремя первыми кандидатами по большинству голосов были признаны: кади-аскер Сеит Джемиль эфенди, улем Джемаледдин эфенди и мударрис Араф Мегмед эфенди. Первый получил 1048 голосов, второй – 798 и третий – 743 голоса [13, л. 73 (об.)]. В своей характеристике Таврический гражданский губернатор А. И. Казначеев отзывался о Сеит Джемиле эфендии как о достойном кандидате на пост Таврического муфтия «как по народному уважению, доказываемому значительным большинством голосов, по происхождению (его дед, отец и дядя были муфтиями) из рода муфтиев и по знанию русского языка, так, с другой стороны, и по весьма хорошему его поведению и преданности к правительству» [13, л. 74]. С этим мнением согласился и Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор М. С. Воронцов. Таким образом,

7 октября 1829 г. Таврическим муфтием был утвержден Сеит Джемиль эфенди.

В 1830 г. был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан» [12, с. 396 – 398]. В нем приводилось мнение Таврического муфтия Сеит Джемиль эфенди о правилах погребения мусульман в Крыму. Опираясь на мусульманское законодательство в этом вопросе, муфтий подтвердил, что погребение умерших полагалось производить в день смерти. Следует отметить, что принимаемые правительством законодательные акты постепенно утверждали мусульманские традиции в правовом поле Российской империи.

Таким образом, учрежденное 23 января 1794 г. и состоявшее из муфтия и шести «эфендиев» духовное правление – без точного определения прав и обязанностей, без указания в законодательном порядке круга дел, подлежащих его рассмотрению, разбирало и решало мусульманские духовные дела на шариатских постановлениях и других законах страны, опосредованно касавшихся духовного мусульманского правления вплоть до 1831 г. включительно.

Статус мусульманского духовенства Таврического края утвердился с принятием 23 декабря 1831 г. «Положения о Таврическом магометанском духовенстве и штата духовному правлению» [11, с. 337 – 345]. На заседании Таврического Губернского правления 29 ноября 1832 г. было принято решение об официальном открытии Таврического магометанского духовного правления [5, л. 13 – 13 (об)].

Несмотря на долгое решение вопроса, связанного с учреждением духовного правления, первые Таврические муфтии сыграли важную роль в решении многих вопросов интеграции крымских мусульман в правовое, административное, политическое и культурное пространство Российской империи. Важным являлся вопрос инкорпорации в правовое поле России не только высшего мусульманского духовенства, но и всех приходских служителей. Известно, что каждый из них выполнял свои особые функции в духовной жизни мусульман. Благодаря усилиям высшего духовенства, традиции крымскотатарского общества постепенно признавались российским правительством, о чем свидетельствует принятие ряда конкретных законодательных актов.

Литература

1. Александров И. К истории учреждения Таврического Магометанского духовного правления (1794) // ИТУ-АК. 1918. № 54. С. 316 – 355.
2. Александров И. О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // ИТУАК. 1914. № 51. С. 207 – 220.
3. Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования. (Реформирование этноконфессиональных учебных заведения мусульман Таврической губернии XIX – начала XX вв.). Симферополь: Таврия, 1998. 162 с.
4. Ганкевич В. Ю. Таврійське мусульманське духовництво в межах законів Російської імперії (XIX – поч. XX ст.) // Вісник Університету внутрішніх справ. 1999. № 7. С. 19 – 22.
5. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26. Оп. 1. Д. 7376.
6. Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды. (В память празднования столетнего юбилея присоединения Крыма к России 8 апреля 1783 – 1883 гг.). Симферополь: Таврическая губернская типография, 1885. 328 с.
7. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб.: Типография МВД, 1901. 224 с.
8. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), (I). Т. 21. № 15708.
9. ПСЗРИ, (I). Т. 21. № 15798.
10. ПСЗРИ, (I). Т. 23. № 17174.
11. ПСЗРИ, (II). Т. 6. № 5033.
12. ПСЗРИ, (II). Т. 5. № 3659.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 11. Д. 2.
14. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 14.
15. РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 132.
16. РГИА. Ф. 1374. Оп. 4. Д. 231.
17. Скальковский А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1730 – 1823 г. Одесса: Городская типография, 1836. Ч. I. (1730 – 1796). 288 с.

Информация об авторе:

Хайрединова Зарема Зудиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии и религиоведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, hzarema@gmail.com.

Zarema Z. Khairedinova – Candidate of History, Associate Professor at the Department of Cultural and Religious Studies, Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University.

Статья поступила в редколлегию 06.11.2015 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9 + 316.6

**ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЗДОРОВЬЕ КАК АКТУАЛЬНАЯ ПОТРЕБНОСТЬ
СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ДЕВИКТИМИЗАЦИИ***О. О. Андронникова, Е. В. Ветерок***PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND HEALTH AS THE ACTUAL NEEDS OF MODERN PEOPLE
IN THE CONTEXT OF REDUCTION OF VICTIMIZATION***O. O. Andronnikova, E. V. Veterok*

Данная статья посвящена изучению проблемы психологического благополучия и здоровья современного человека, это есть предмет исследования. Целью исследования является дифференциация понятий «психологическое благополучие», «психологическое здоровье» и изучение специфики их достижения и сохранения. Значимым является рассмотрение психологического благополучия как технологии коррекции виктимности. Методами исследования являются теоретический анализ, синтез, обобщение научных источников, тестирование, количественный и качественный анализ эмпирических данных. Понятие «психологическое здоровье» входит в структуру здоровья. Психологическое здоровье включает характеристики, позволяющие сохранять динамическое равновесие человека с изменяющейся окружающей средой и реализовывать общественные функции. Из этого следует, что психологически здоровая личность адаптирована к социуму и эффективно функционирует в нём. Психологическое благополучие как целостное, субъективное переживание имеет базовое значение для самого человека и детерминировано терминальными и инструментальными ценностями, к которым относятся счастье, счастливая жизнь, самореализация и т. д. Состояние психологического благополучия определяет отношения с другими людьми, возможности саморазвития, переживание смысла и цели жизни, самопонимание и самопринятие. Полученные результаты могут быть использованы в психологическом консультировании по проблемам психологического благополучия и здоровья личности.

This paper studies the problem of psychological well-being and health of modern people. The aim of the research is the differentiation of the concepts of “psychological wellbeing” and “psychological health” and studying the specifics of their achievement and preservation. Important is the consideration of the psychological well-being as a technology of the correction of victimization. The methods of research are theoretical analysis, synthesis, generalization of scientific sources, testing, quantitative and qualitative analysis of empirical data. The concept of “psychological health” is a part of the health. Psychological health includes features allowing maintaining the dynamic equilibrium of people with the changing environment and realizing public functions. This implies that a psychologically healthy personality is adapted to the society and functioning in it. Psychological well-being as a holistic, subjective experience has a basic meaning for the person and is determined by the terminal and instrumental values, which include happiness, happy life, self-actualization, etc. The state of psychological well-being determines the relationship with other people, possibilities of self-development, experiencing meaning and purpose of life, self-understanding and self-acceptance. The results of the research can be used when carrying out psychological consultation on problems of psychological wellbeing and health of the personality.

Ключевые слова: психологическое благополучие, психологическое здоровье, субъектность, самоактуализация, виктимность.

Keywords: psychological well-being, mental health, subjectivity, self-actualization, victimization.

Актуальность исследования проблемы психологического благополучия индивида обусловлена несколькими факторами: нарастанием социальной виктимизации, геополитическими изменениями, явлением глобализации, общественной и прикладной значимостью вопросов трансформации социума и современного образования, постановкой и реализацией целей развития гармоничной, осознанной и социально адаптированной личности, а также необходимостью виктимологической профилактики и коррекции.

Одной из существенных трансформаций современного общества является появление постоянного стремления человека достичь внутреннего равновесия и гармонии. По сути речь идет об актуальной потребности человечества в достижении психологического

благополучия как основополагающей потребности, скорее всего имеющей заместительный характер. Это представляет собой естественную тенденцию, соответствующую развитию чувственного типа культуры (по П. А. Сорокину [12]), в рамках которой индивидуальные ценности выступают как основополагающие, достижение которых происходит в ущерб общественным, вызывая соответствующие типы виктимизации социума. Такое смещение фокуса внимания в восприятии жизни от стремления к материальному комфорту в область внутренней гармонии серьезно меняет систему психологической поддержки и сопровождения отдельного человека и всего социума. Тем не менее вопросы научного и методологического определения данного процесса, позволяющие специалистам в об-

ласти психологического консультирования организовывать необходимую помощь, в достаточной степени не решены. Также в настоящее время мало дифференцированы такие понятия, как «психологическое благополучие», «психологическое здоровье», «качество жизни», «субъективное психологическое благополучие», недостаточно изучена специфика достижения и сохранения обозначенных состояний.

С нашей точки зрения, для понимания явления психологического благополучия нужно обозначить и дифференцировать его от понятия психологического неблагополучия личности и выделить основные критерии. Рассматривая критерии и параметры психологического неблагополучия личности, можно отметить несколько магистральных направлений исследований. В первую очередь психологическое неблагополучие личности принято определять спецификой эмоционального самочувствия, рассматривая его как субъективное переживание внешнего или внутреннего конфликта, возникающего вследствие несоответствия потребностей личности и требований окружающей среды [4]. Значимыми параметрами психологического неблагополучия считаются: низкая интегрированность различных элементов личности (К. Г. Юнг); неспособность преодолевать трудности психосоциального характера (Э. Эриксон); нарушение Я-концепции личности, приводящее к внутреннему диссонансу (К. Роджерс); неспособность эффективно решать жизненные сложности (С. Л. Рубинштейн); психическая дезадаптация, возникающая вследствие психотравмирующей ситуации различного генеза, и многое другое.

В настоящее время достаточно популярен подход, рассматривающий психологическое неблагополучие в разрезе различных аспектов деструктивного влияния на психологическое здоровье человека, представленный в ряде междисциплинарных исследований, посвященных изучению системы воздействий в разные периоды онтогенеза, а также определению аспектов личностной структуры или видов поведения (делинквентного или виктимного), препятствующих психологическому здоровью и благополучию [3; 5; 14].

Необходимо отметить, что выше обозначенные категории некоторое время назад перестали анализироваться в параметрах психической нормы или болезни, смещая фокус внимания в область эффективного функционирования личности. Хотя подход, рассматривающий психологическое благополучие личности через параметры психофизиологической сохранности функций, представлен в отечественной и зарубежной психологии (Р. М. Райан, Э. Л. Дисси, А. В. Воронина) [11].

Вопросы позитивного или негативного психологического функционирования личности получили свое пристальное внимание с середины XX в. Психологическое благополучие и неблагополучие личности как явление в современной науке рассматривается с нескольких точек зрения.

Гедонистический подход к анализу человеческого функционирования опирается на понятия удовлетворенности/неудовлетворенности жизнью, возникающих в результате соблюдения или нарушения аффектов позитивного или негативного типа (Н. Брэдбёрн и

Э. Динер). По мнению Н. Брэдбёрна, психологическое благополучие или неблагополучие личности будет зависеть от баланса позитивного и негативного аффекта, получаемого в результате соответствующей оценки повседневной жизни [2]. Разница между позитивной и негативной оценкой происходящих событий определяет специфику восприятия жизни и соответствующую ей оценку как благополучную или наоборот неблагополучную.

Другой подход опирается на эвдемонистическое понимание А. Вотермена и А. А. Кроника, описывающих понятие психологического благополучия через эвдемонистические установки (гедонистические, аскетические, деятельные, созерцательные), определяющие род деятельности человека, через которые он пытается самоосуществиться и самореализоваться [11]. Счастье в этом случае понимается как форма переживания полноты бытия. Отсутствие такого переживания может рассматриваться как психологическое неблагополучие, приводящее к деструктивным последствиям в виде различных личностных нарушений или нарушений адаптации человека к окружающей действительности. Следствием нарушений адаптации являются личностные изменения и нарушение механизмов здорового функционирования личности в социуме, при усвоении деструктивных форм и способов адаптационного процесса. Среди таких нарушений стоит отметить виктимную, аддиктивную и делинквентную активность приспособительного характера, формирование специфических личностных структур или соматических реакций. Следствием таких нарушений становится формирование так называемой виктимной личности, суть которой заключена в высоком уровне виктимологической уязвимости при сформированных формах виктимной реализации [14].

Обширно в области психологического благополучия личности представлены подходы авторов гуманистической теории К. Роджерса, А. Маслоу, Э. Эриксона, Г. Олпорта, К. Г. Юнга, Ш. Бюлера, Д. Биррена, обобщенные в трудах К. Риффа, которая на основе концепции позитивного психологического функционирования личности выделила основные компоненты психологического благополучия (самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружающей средой, цель в жизни, личностный рост).

Еще один подход к анализу параметров психологического благополучия отражен в трудах П. П. Фесенко, Т. Д. Шевеленковой, разбирающих его как сугубо субъективное явление, представленное целостным переживанием счастья, удовлетворенности собой и собственной жизнью [13].

Таким образом, изучение различных подходов к пониманию явления психологического благополучия / неблагополучия личности позволяет рассматривать его через критерии, представленные комплексом проявлений: наличие деструктивного, в том числе и виктимного поведения личности; феномен «виктимной личности» и нарушение адаптационного процесса.

Особое внимание в отечественной и зарубежной литературе отведено исследованию факторов возникновения психологического неблагополучия или об-

ратного ему психологического переживания субъективного благополучия [15].

Анализ основных дефиниций, представленных в отечественной и зарубежной литературе, позволяет как основные факторы возникновения психологического неблагополучия личности выделить следующие: конфликт я-реального и я-идеального на различных уровнях жизнедеятельности, депривация потребностей, невозможность самореализации, ощущение бессмысленности бытия, узкое функционирование вместо спонтанной деятельности, нарушение социального функционирования, самоотчуждение, потеря субъектности, нарушение адекватности социального взаимодействия. Выделенные факторы в полном объеме описывают виктимную личность как сложный комплекс структурных составляющих разного уровня иерархии, определяющих специфику функционирования личности и ее мировосприятие.

Виктимная личность является противоположной типу личности, условно названной нами «невиктимной» или «психологически благополучной личностью». Основные характеристики и стереотипы поведения личности с высоким уровнем психологического благополучия в социальной среде связаны с принятием происходящих явлений и процессов, переживанием своего благополучия и субъективной значимости.

Рассмотрим также основные исследуемые нами в данном контексте дефиниции. Понятие «психологическое здоровье» является структурной составляющей здоровья в целом и включает в себя ряд характеристик, позволяющих сохранять динамическое равновесие человека с изменяющейся окружающей средой, а также способности к реализации общественных функций, в частности профессиональных. Из этого следует, что психологически здоровая личность адаптирована к социуму, что позволяет эффективно функционировать в нём и выполнять ряд компетенций. В настоящее время выделились несколько направлений в понимании психологического здоровья, три из которых могут считаться основными. Первое направление характеризует группу теорий, в которых понятие «психологическое здоровье» соответствует понятию «норма» как отсутствию каких-либо выраженных симптомов или признаков неблагополучия [1]. Второе направление характеризует психологическое здоровье посредством категорий медико-биологических подходов, основанных на идеях гуманистической и экзистенциальной психологии [6]. В основе этого направления лежит анализ здорового функционирования как позитивного процесса, имеющего автономную ценность и связанного с понятиями «самореализации» и «самоактуализации» (А. Маслоу, Ш. Бюлер), «полноценного человеческого функционирования» (К. Роджерс), «аутентичность» (Дж. Бьюдженталь), «стремление к смыслу» (В. Франкл) и др. Третье направление возникло на основе исследований Б. С. Братусь и его последователей, которые определяют психологическое здоровье как систему со сложным, трехуровневым строением, при этом каждый из уровней предполагает определенное понимание психологического здоровья. Данное направление предполагает, что высший уровень личностного здоровья, обуславливающий возникновение и реализацию смысловых

ориентаций, выявление общего смысла жизни, отношение к себе и к окружающим, оказывает регулирующее воздействие на остальные уровни [1].

Вопросы выделения критериев психологического здоровья обширно представлены в трудах Е. Р. Калигиевской. Автор выделяет иерархию уровней функционирования личности, описанных через принципы жизненных детерминант и характеризующихся спектром механизмов осуществления человеком существенных отношений с миром [6]. Одним из показателей психологического здоровья, по мнению автора, является субъектность личности, проявляющаяся в личностном выборе и рождающаяся в процессе взаимодействия трех базовых параметров личностной саморегуляции экзистенциального уровня: степени осознанности, альтернативности и управляемости активности (свобода); степени осознания себя причиной изменений в собственной жизни (ответственность); сформированностью, активностью и подвижностью ценностно-смысловой регуляции жизнедеятельности (духовность) [6]. Это означает что психологическое здоровье личности зависит от способности личности доверять себе, принимать факт собственного существования, способности осуществлять жизнедеятельность, исходя из своих ценностей [6]. Действительно, что перечисленные параметры, рассматриваемые в контексте процессов виктимизации, описывают личность невиктимного типа, а достижение состояния субъектности может выступать в рамках коррекционных и профилактических задач как технология девиктимизации.

При анализе понятия «психологическое благополучие» становится очевидным его специфика по сравнению с понятием «психологическое здоровье», поскольку психологическое благополучие по своему смыслу и содержанию связано с экзистенциальным переживанием личности отношения к своей жизни. Психологическое благополучие как целостное, субъективное переживание имеет базовое значение для самого человека и детерминировано терминальными и инструментальными ценностями, к которым относятся счастье, счастливая жизнь, самореализация и т. д.

Еще одним основополагающим понятием, с которым связан термин «психологическое благополучие», является «качество жизни». Т. Б. Джонсон с соавторами отмечает, что термин «качество жизни» обозначает субъективное удовлетворение, выражаемое или испытываемое индивидуумом в физических, ментальных и социальных ситуациях, даже при наличии каких-то дефицитов [8]. Дж. Меран выделяет четыре основных ценностных аспекта качества жизни личности: физическое, психическое, социальное и духовное качества жизни [7]. А. Н. Черепанова, объединяя данные нескольких подходов, выделяет шесть составляющих качества жизни личности, проявляющихся на разных уровнях социального функционирования [9].

Таким образом, качество жизни рассматривается как многоаспектная концепция, которая представлена несколькими доминирующими факторами. Специфика качества жизни заключается в социальной направленности, отражающей особенности восприятия личностью действительности посредством индивидуаль-

ного мировоззрения, уровня культуры, мотивации, общественных или антиобщественных установок, особенностей личности, психологического и физического здоровья и т. д. Данная концепция объясняет желание личности достичь более высокого уровня благополучия.

Это обуславливает необходимость учета психосоциальных установок, отражающих субъективную оценку личности (в частности виктимной), происходящих жизненных событий. При этом необходимо учитывать, что способы достижения определенного эталона могут быть различными. В отношении личности, ориентированной на делинквентное поведение, это путь преступной деятельности. Виктимная личность для достижения идеала воспользуется соответствующим жертвенным поведением.

Сопрежженным с понятием психологического здоровья и благополучия личности является понятие «самоактуализации», введенное в научный оборот К. Гольдштейн [9]. В контексте теории К. Роджерса, тенденция самоактуализации рассматривается как процесс реализации человеком на протяжении всей жизни своего потенциала с целью стать полноценно функционирующей личностью [10].

Рассматривая самоактуализацию как параметр психологического благополучия, А. Маслоу описывает несколько препятствий ее осуществления, включая отсутствие ощущения безопасности и сформированные типы безопасного поведения, свойственные «невиктимному типу личности».

Согласно нашим эмпирическим исследованиям, проведенным на протяжении нескольких лет, психологическое благополучие имеет прямые корреляционные связи с независимостью личности, саморазвитием, осмысленностью жизни, положительным отношением, принятием себя, управлением социальной средой, открытостью. Также выявлена обратная зависимость между ощущением психологического благополучия и уровнем аффективного реагирования. При повышении показателей самоактуализации и психологического благополучия происходит достоверно значимое понижение показателей баланса аффекта.

Из этого следует, что «невиктимная личность» демонстрирует высокое качество жизни, субъективное благополучие, удовлетворенность происходящими жизненными событиями и своим местом в них, самопонимание и самопринятие, самоуважение, ощущение включенности в окружающую социальную среду, ощущение своей реализованности, актуализированности. Основопологающими критериями «невиктимной личности» являются: состояние физической и психологической безопасности, экономическое благополучие, эмоциональное равновесие и высокий уровень сформированности коммуникативных навыков, независимость, осознание духовного смысла.

В формировании психологического благополучия личности играют роль различные социально-психологические условия развития и жизнедеятельности личности. Анализ факторов формирования виктимной личности показал, что психологический тип личности «невиктимного типа», который можно назвать «здоровой личностью», сформирован в результате положительного участия родителей в жизни ребенка, что

дало основание для развития у ребенка таких качеств, как уверенность, активность, способность устанавливать социальные контакты, гибкость и эмоциональность. Из этого следует, что формирование психологически здоровой личности будет проходить при тех же условиях, что и определяет возможные пути психологической трансформации виктимных форм социального реагирования.

К факторам, приводящим к формированию виктимной личности, относятся объективные (внешние) и субъективные (индивидуально-типологические особенности личности) факторы.

Внешними факторами выступают негативные факторы семейного и профессионального плана, социально-экономические условия.

Факторы внутренние риска включают:

а) темпераментальные характеристики (неритичность, сниженная адаптивная способность, склонность к избеганию, гипотимия, страх новых ситуаций, повышенная отвлекаемость, высокий или низкий уровень активности);

б) личностные особенности (устойчивость/неустойчивость к стрессу; локус контроля; повышенная/пониженная самооценка; критичность/не критичность; возрастные кризисы, внутриличностный конфликт, нарушение межличностного общения и т. д.).

Личностными факторами низкой устойчивости к негативным условиям являются недостаточное самопринятие, несформированная рефлексия и нежелание развиваться.

Интересно, что одним из главных условий формирования психологического благополучия личности выступило наличие напряжения, активизирующего к действиям, что совпадает с подходом в оценке развития личности В. Франкла, из которого вытекает, что эмоциональный комфорт и эмоциональное благополучие человека не способствуют сохранению психологического здоровья, а напротив, предполагают формирование безразличной пассивной личности. Апатичного человека, который неспособен проявить необходимую активность в при решении задач, можно считать психологически неблагополучным.

Таким образом, психологическое благополучие является результатом сложной взаимодействием внешних и внутренних факторов. Важно отметить, что для психологического благополучия личности необходим опыт преодоления трудностей, увенчивающийся успехом.

Для возникновения возможности полноценного функционирования и формирования личности невиктимного типа в процессе коррекционного воздействия необходимы следующие условия.

1. Формирование положительного образа Я и положительного образа другого человека вне зависимости от пола, возраста, национальности и т. п.

2. Развитие способности к рефлексии как средства самопознания, умение сосредоточивать свое сознание на своем внутреннем мире.

3. Развитие способности дифференцировать, описывать, понимать и проявлять чувства.

4. Понимание причинно-следственных связей своего поведения и поведения других людей.

5. Самоактуализация, направленность личности на реализацию своего творческого и духовного потенциала, субъектность.

6. Готовность к принятию новых ситуаций и внутренним изменениям, умение решать проблемы.

В целом же можно сделать вывод, что психологическое благополучие выступает явлением, нацеленность на которое, с одной стороны, является закономерным следствием социальных изменений и служит

для сохранения баланса личности в «обществе постоянного риска», с другой стороны, позволяет найти состояние, снижающее социально детерминированную виктимность. Это означает, что поиски психологического благополучия могут выступать как трансформация личностной виктимности человека, снижая его уязвимость и преодолевая возникающее состояние жертвенности.

Литература

1. Братусь Б. С. Психология. Нравственность. Культура. М.: Менеджер, 1994. 60 с.
2. Брэдберн Н. Структура психологического благополучия. Ярославль: Инфра, 2005. 13 с.
3. Заусенко И. В. Личностные детерминанты психологического благополучия педагога: дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2012. 128 с.
4. Зейгарник Б. В. Теории личности в зарубежной психологии. Мозырь: Белый Ветер, 1998. 128 с.
5. Идобаева О. А. Психолого-педагогическая модель формирования психологического благополучия личности: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2013. 389 с.
6. Калитеевская Е. Р. Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. М.: Смысл, 1997. С. 231 – 238.
7. Орлов В. А., Гиляревский С. Р. Проблемы изучения качества жизни в современной медицине. М., 1992. 65 с.
8. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб.: Питер, 2006. 1096 с.
9. Пучкова Г. Л. Субъективное благополучие как фактор самоактуализации личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2003. 24 с.
10. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. С. 234 – 247.
11. Созонтов А. Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105 – 114.
12. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / пер. с англ., коммент. и ст. В. В. Сапова. СПб., 2000. 1056 с.
13. Шевеленкова Т. Д., Фесенко П. П. Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95 – 129.
14. Шустова Н. Е. Удовлетворенность жизнью как показатель социально-психологической адаптации: некоторые результаты исследования. СПб., 2009. 367с.
15. Winefield H. R., Gill T. K., Taylor A. W., Pilkington R. M. Psychological well-being and psychological distress: is it necessary to measure both. // Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice, 2 (3) (2012). P. 1 – 14.

Информация об авторах:

Андронникова Ольга Олеговна – кандидат психологических наук, доцент, декан факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, andronnikova_69@mail.ru, andronnikovaO@gmail.com.

Olga O. Andronnikova – Candidate of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Ветерок Екатерина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии личности и специальной психологии факультета психологии Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, veterokev@ya.ru.

Ekaterina V. Veterok – Candidate of Psychology, Associate Professor at the Department of Personality Psychology and Special Psychology, Faculty of Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 22.01.2016 г.

СЕМАНТИКА МАНИПУЛЯЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТУДЕНТОВ-ПЕДАГОГОВ

Д. А. Басов

THE SEMANTICS OF THE FUTURE TEACHERS' MANIPULATIVE BEHAVIOR

D. A. Basov

Представлены результаты исследования с помощью метода семантического дифференциала восприятия студентами педагогических специальностей ситуации манипулирования. Показана зависимость оценки жертвы манипуляции и манипулятора от их культурной идентификации. Рассмотрены семантические особенности самооценки испытуемых в контексте ситуации манипулирования. Выявлена тенденция к критичности и более низкому оцениванию русских персонажей, по сравнению с американскими. Исследования склонности к манипулированию и уровня развития эмпатии у студентов педагогических специальностей дополняют портрет личности будущих педагогов. Полученные результаты могут быть использованы для уточнения психологического портрета манипулятора и жертвы манипуляционного воздействия, а также для разработки методов и приемов защиты от манипуляционного воздействия.

The presented findings arise from the research of the perception of manipulation situation by students majoring in Pedagogics by means of the semantic differential method. The dependency relations on cultural identity of victims and the manipulator's self-appraisal are presented. Semantic features of participants' self-concept are considered in the context of the manipulating behavior. The tendency to criticism and undervaluing of the Russian characters in comparison with the American ones is revealed. The research suggests the attained results concerning the students' psychological profile can be extended by their propensity for manipulating and the empathy development level. The research findings can be widely used to introduce the clarity of the psychological profiles of the manipulator and the victim of manipulation impact as well as the development of the methods and techniques of manipulation impact protection.

Ключевые слова: жертва, макиавеллизм, манипулятор, манипуляция, психологическое влияние, психологическое воздействие, семантический дифференциал.

Keywords: victim, Machiavellianism, manipulator, manipulation, psychological influence, psychological impact, semantic differential test.

Сейчас все более возрастает опасность, связанная с резким увеличением информационных потоков, в связи с чем говорят о полномасштабной информационной войне между корпорациями и государствами «Партнеры» обвиняют друг друга в искажении информации, использовании манипулятивных технологий. Становится актуальным исследование не только манипуляции индивидуальным сознанием, но и общественным. С. Г. Кара-Мурза, описывая манипуляцию общественным сознанием, сравнил этот процесс с войной, в которой с одной стороны участвует хоть небольшая, но хорошо вооруженная, организованная армия чужеземцев, а с другой мирное население, которое к этой войне не готово [3, с. 5]. И такие угрозы актуализируют важность понимания механизмов и технологий манипуляций, а также защиты от влияния манипулятивной информации. В то время как за рубежом изучению данной проблемы уделялось значительное внимание (исследования касались как личности манипулятора, так и особенности «жертвы» манипуляции, а также самих технологий манипулирования), а сами исследования уже насчитывают полвека [15, с. 3], то в отечественной психологии эта тема стала активно обсуждаться гораздо позже. Несмотря на то, что с каждым годом появляется все больше трудов посвященных, данной проблеме, можно констатировать, что, во-первых, особенности сознания манипулируемого и манипулятора изучены слабо, во-вторых, остается открытым вопрос о причинах готовности к манипуляционному или манипулируемому поведению. Интерес представляет исследование механизмов идентификации человеком себя с жертвой манипуляции (манипулируемым) или манипулятором. Возмож-

но, что понимание направленности вектора неосознаваемой идентификации станет основой для прогнозирования возможного типа поведения человека в ситуации манипулирования. Недостаточно проработанным остается вопрос о факторах, обуславливающих устойчивость личности к манипуляционным воздействиям и о методах и приемах формирования этой устойчивости. Все выше перечисленное обуславливает научную актуальность обозначенной проблемы.

В процессе предварительного исследования мы выявили, что на тему манипулирования общественным сознанием большинство опрошенных (в основном студенты первых курсов педагогических специальностей) высказываются негативно, но когда заходит речь о использовании манипуляции в повседневной жизни, то как раз большинство говорит о даже необходимости применения подобных приемов. И достаточно часто проговаривается следующее: «...когда манипулируют мной – это плохо, когда манипулирую я – это если и не хорошо, то вполне приемлемо, допустимо».

Как синоним манипуляции в психологических работах используются термины: социальное влияние, манипулятивное общение, психологическое манипулирование, психологическое влияние, психологическое воздействие, макиавеллизм [1; 10; 11; 15; 16].

В Оксфордском словаре манипуляцию трактуют как «акт влияния на людей или управления ими или вещами с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление или обработка» [2, с. 45].

Термин «макиавеллизм» изначально обозначал политику, пренебрегающую нормами морали [13,

с. 756]. Как самостоятельная психологическая категория макиавеллизм личности стал рассматриваться после выхода работ Р. Кристи и Ф. Гейс [15, с. 6]. Макиавеллизм понимался как эксплуататорская установка в отношении других, отношение к ним как к слабым, зависимым, которых можно использовать для достижения своих целей. Учеными были получены данные о том, что уже в десятилетнем возрасте присутствуют индивидуальные различия в макиавеллизме. Частое применение манипуляций и их результативность может привести к деформациям личности [4, с. 127].

У зарубежных ученых существуют диаметрально противоположные точки зрения на проблему манипулирования. Одни исследователи считают манипуляции необходимыми и полезными, аргументируя тем, что они заменяют грубые методы достижения цели, а другие рассматривают манипуляцию как форму принуждения и насилия, которая лишает человека свободного выбора, нарушает право человека на свободное самовыражение и волеизъявление [11, с. 68]. Манипулятор в первом случае видится как искушенный в различных приемах субъект общения, во втором – как личность несовершенная, неуверенная в себе и других.

Манипуляция трактуется и как коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, аттитюдов, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия; при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодным для объекта воздействия [1, с. 274].

А. А. Бодалев определяет манипуляцию как общение, направленное на получение выгоды одним из субъектов общения [11, с. 68]. Характеризуя манипулятивное общение, Е. П. Ильин отмечает, что под манипуляцией понимают побуждение, которое скрыто от адресата влияния и направлено на изменение его отношения к чему-либо, или побуждение к принятию решения, выполнению действия, которые необходимы манипулятору для достижения его целей [4, с. 114]. Схожее определение дает Е. В. Сидоренко, которая манипуляцию трактует как преднамеренное и скрытое побуждение другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей [12, с. 49].

Выделив признаки и сформировав критерии манипуляции, Е. Л. Доценко предложил её рабочее определение: «манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2, с. 59].

Рассматривая особенности психологического манипулирования людьми, указывают, что в его основе находится особое воздействие на подсознание человека (преимущественно на его эмоции, чувства и переживания) с целью программирования желания партнера сотрудничать [10, с. 362]. Манипуляция понимается как воздействие одного индивида на другого с целью выполнения последним воли первого [3, с. 7], а манипулятивное общение – как общение, при кото-

ром к партнеру относятся как к средству достижения внешних по отношению к нему целей [4, с. 114].

Близкое понятие «влияние» определяется как процесс и результат изменения поведения другого человека, его установок, намерений, представлений, оценок и т. п. в ходе взаимодействия с ним [9, с. 53]. В близком значении понимается психологическое воздействие как «проникновение» одной личности или группы лиц в психику другой личности (или группы лиц). Целью и результатом такого «проникновения» является изменение, перестройка индивидуальных или групповых психических явлений (взглядов, отношений, мотивов, установок, состояний и т. п.) [6, с. 160].

Таким образом, в отечественной психологии представлены различные позиции относительно сущности манипуляции. По разному понимается и вопрос о продуктивности манипуляции. О деструктивном характере манипуляции говорится в ряде современных работ отечественных ученых [7; 11]. При этом выражена и иная точка зрения: например, Е. Л. Доценко указывает на пользу манипуляций в обыденной жизни, упоминая о том, что она выполняет роль средства мягкой защиты и от руководителей различного ранга, а также родственников, коллег, знакомых и малознакомых людей, которые совершают выпады в ваш адрес. Он также считает, что изучение манипуляции даст возможность развивать мастерство манипулирования, а изучение жертв манипуляций позволит найти ресурсы и разработать эффективные методы, приемы противостояния манипуляциям и манипуляторам [2, с. 11 – 13].

При разном отношении в понимании продуктивности или деструктивности манипуляции, не вызывает сомнений необходимость изучения ее механизмов. Несмотря на то, что психологический портрет как самого манипулятора, так и жертвы манипуляции в общих чертах определен, но неясны его многие характеристики: степень устойчивости манипулятивной позиции, ее детерминанты, структура и особенности взаимосвязи с иными личностными компонентами. Проблемой является и недостаточность адекватных методов исследования манипуляторов и манипулируемых.

Мы исходили из гипотетического предположения о том, что в семантической оценке манипулятора и его жертвы будет проявляться близость семантики самооценки испытуемых семантике одного из участников ситуации манипуляции. Также предполагалось, что на оценку манипулятора может оказать влияние его принадлежность к той или иной культуре.

Исследование проводилось в 2013 – 2015 гг. на базе государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Иркутской области «Иркутский региональный колледж педагогического образования» и Педагогического института ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный университет». В исследовании участвовало 57 студентов педагогических специальностей. Возраст испытуемых от 16 до 27 лет.

Использовался модифицированный вариант семантического дифференциала Ч. Осгуда, который включал 50 шкал для усиления дифференциальных возможностей. Студентам необходимо было вначале

ознакомиться с ситуацией манипуляции, которую мы заимствовали из книги Р. Чалдини «Психология влияния». Для проверки предположения о зависимости семантической оценки участников ситуации от их культурной принадлежности, испытуемым предлагались два варианта текста: оригинальный [14, с. 238] и переработанный [8, с. 96 – 97]. Необходимо было оценить жертву, манипулятора и самого себя.

Использованные ситуации соотносятся с четырьмя способами манипулятивного воздействия и соот-

ветствуют основным признакам манипуляции, описанные Е. Л. Доценко [2, с. 116].

Полученные данные были подвергнуты факторному анализу по результатам, которого нами были определены семь факторов, объясняющих после варимакс-вращения 57 % суммарной дисперсии переменных. Для удобства восприятия факторы и вошедшие в них показатели приведены в таблице.

Таблица

Факторная структура

№	Факторы	Показатели
1	Фактор активности	Решительный, быстрый, коммуникабельный, активный, проворный, находчивый, организованный, творческий, остроумный, ловкий, оптимистичный
2	Фактор эмоциональной оценки	Свежий, чистый, щедрый, трудолюбивый, любимый, добрый, родной, хороший, дорогой
3	Фактор находчивости	Жизнерадостный, радостный, умный, внимательный, острый, бодрый, находчивый, интересный
4	Фактор усердия	Трудолюбивый, усердный
5	Фактор простоты	Легкий, простой
6	Фактор одухотворенности	Одухотворенный, самокритичный
7	Фактор слабости	Унылый, слабый

Сопоставление семантики американской и русской жертвы, а также манипулятора с использованием критерия Манна-Уитни выявило значимые различия в значении показателей по фактору активности ($p = 0,000$) и фактору эмоциональной оценки ($p = 0,000$). Заметим, что уровень активности манипулятора и жертвы низкий, но при этом манипулятор все же более активен. Манипулятору приписываются такие качества, как находчивость, ловкость, организованность, остроумие, решительность, коммуникабельность, он также быстр и проворен, по сравнению с жертвой.

Результаты в оценивании испытуемыми манипуляторов и манипулируемых по фактору эмоциональной оценки показали следующее: среднее значение семантики жертв – (-0,053), манипуляторов – (-0,517). Следовательно, не только манипулятор, но и его жертва эмоционально не привлекательны для испытуемых. Анализ среднего значения по шкалам данного фактора, показывает, что манипулятору даны такие оценки, как грязный, злой, чужой, плохой. Американскую жертву оценили как более щедрую и трудолюбивую.

Обратимся к исследованиям в области этнической психологии, которые показывают, что характерными особенностями американцев является доброта и щедрость. Трудолюбие также выделяют как одно из основных свойств американцев [5]. Таким образом, полученные результаты отразили стереотипные представления об особенностях граждан США.

При дифференцированном анализе восприятия испытуемыми манипулятора и жертвы выявлено, что по 41 из 50 оценочных шкал семантического дифференциала имеются статистически достоверные различия. Анализ оценок показывает, что манипулятора воспринимают более положительно в отличие от жертвы особенно это видно при использовании неявной оценки, которая актуализирует глубинные бессознательные процессы оценивания. Конкретно это

выражается в том, что для испытуемых манипулятор более «легкий», «большой», «упорядоченный» и «горячий», а жертва «хаотичная» и «холодная». Показатели характеризующие интеллектуальную сферу также у манипулятора выше.

Нами также исследовалась степень близости самооценки испытуемых по шкалам семантического дифференциала с их оценкой манипулятора и жертвы. Определение статистической значимости различий в семантике образов манипулятора и испытуемых показало, что по 15 шкалам оценка идентична (значимость уровня различий недостоверна: $p \geq 0,05$). Подчеркнем, что отсутствие различий зафиксировано по тем шкалам, где присутствует неявная оценочная коннотация. Испытуемые оценивают себя так же, как манипуляторов по следующим характеристикам: «легкий», «горячий», «упорядоченный», «влажный» и «острый». Студенты считают себя такими же «расслабленными», «творческими», «свободными», «усердными», «оптимистичными», «практичными», «внимательными», «отчаянными», «волевыми» и «бодрыми». По тем шкалам, которые содержат явную оценочность фиксируются значимые различия в самооценке и оценке манипулятора. Следовательно, шкалы, которые апеллируют к осознанной оценке, обладают при оценивании себя и манипулятора большей дифференциальной силой, а идентификация происходит по тем критериям, которые обращаются к не осознаваемой оценке.

При статистическом сравнении с использованием критерия Манна-Уитни семантики самооценки испытуемых с оценкой жертвы выявлено, что по 11 шкалам различий нет ($p \geq 0,05$). При этом семантика этих шкал имеет в основном оценочную коннотацию, т. е. обследуемые – «хорошие», так же, как и жертва, «светлые», «приятные», «добрые», «мягкие», «щедрые», «трудолюбивые», «усердные», «практичные» и «бережливые».

Таким образом, мы можем констатировать близость самооценки студентов и их оценки манипулятора и у нас меньшие основания говорить о близости семантики испытуемых с семантикой жертвы. Следовательно, результаты позволяют предположить, что студенты, декларативно на уровне осознанных оценок реализуют социально приемлемые установки, при этом проявляют не осознаваемую готовность к реализации манипуляционных установок. Возможно, что это объясняется современными условиями формирования личности, особенностями нашего общества, для которого характерным является с одной стороны провозглашение приоритетности традиционных нравственных ценностей, а с другой – наблюдается социальная и экономическая успешность тех, кто умеет манипулировать окружающими и ставит себя над этими ценностями.

Также в исследовании нами верифицировалась гипотеза о влиянии национальной принадлежности на различия в семантике манипуляторов и жертв. Для решения данной задачи были использованы две ситуации с американскими и русскими персонажами. Мы исходили из того, что семантика жертвы или мошенника детерминирована национальностью.

Оценка статистической значимости с использованием критерия Манна-Уитни различий семантической оценки американской и русской жертв выявила достоверность различий по 17 шкалам. Несмотря на то, что ситуации были полностью идентичны и тип поведения жертв был схож русская жертва была оценена как более слабая ($p = 0,000$), робкая ($p = 0,007$), медленная ($p = 0,000$), мягкая ($p = 0,006$), унылая ($p = 0,013$) и доверчивая ($0,001$); менее коммуникабельная ($p = 0,021$), менее находчивая ($p = 0,004$), менее проворная ($0,003$), менее ловкая ($0,032$) и менее оптимистичная ($0,014$). По шкалам, не содержащим явной оценочной коннотации, также выявлены достоверные различия в оценках. Иван – «холодный», «сухой» и «мягкий». Обратим внимание на то, что русская жертва была оценена испытуемыми как более «чужая» по сравнению с американской. Можно констатировать у испытуемых бессознательное стремление к дистанцированию от русского персонажа – жертвы.

Оценка статистической значимости семантики американского и русского манипулятора выявила достоверные различия только по 7 шкалам. Русский манипулятор оценивается испытуемыми как более «тяжелый» в отличие от американского ($p = 0,004$), он более «твердый» ($p = 0,030$) и «быстрый» ($p = 0,023$), а также «умный» ($0,014$), «находчивый» ($0,030$) и более «дисциплинированный» ($0,019$), но менее «радостный» ($0,014$). Д. Пибоди отмечает, что в обыденной жизни американцы жизнерадостны [5]. В свою очередь иностранцы характеризуют русских как угрюмых.

Итак, результаты исследования показали, что семантическая оценка ситуации манипуляции обусловлена следующими факторами:

- 1) идентификацией испытуемыми себя с одним из участников ситуации: манипулятором или жертвой;
- 2) национально-культурной идентификацией персонажа. Показана большая критичность студентов к жертве манипуляции, когда он является русской. Выявлена тенденция к идентификации себя с жертвой на

осознаваемом уровне, а с манипулятором – при неосознаваемой оценке. Дифференциальные различия, связанные с семантикой национальной принадлежности, проявились в большей степени при оценке манипулируемого: Ивана и Дэниэла. Семантика манипуляторов оказалась менее зависимой от национальной принадлежности. При этом напомним, что русского манипулятора испытуемые наделили чертами большей жесткости и изощренности. По шкалам, связанным с интеллектом русский манипулятор оценивается выше манипулятора американского.

В оценках жертв манипуляций проявилось больше различий, а, следовательно, их оценка в значительной мере обусловлена культурными стереотипами. Например, иностранцы часто наделяют русских такими свойствами, как пассивность, медлительность и доверчивость. Американцев же характеризуют как практичных, но простодушных и легковверных. Указывают также, что несмотря на расчетливость их все же не так сложно обмануть [5].

Зарубежные исследователи склонности к манипулированию людьми называемому макиавеллизмом личности [15, с. 3], указывают на повышенное значение этого параметра в юношеском возрасте. Высокий показатель макиавеллизма в юношеском возрасте объясняется Р. Кристи цинично-потребительским отношением к жизни и отмечается, что по мере взросления приобретает опыт социализации, осознание важности общечеловеческих ценностей, что способствует снижению макиавеллизма [15, с. 68 – 69].

Результаты исследования студентов первокурсников с помощью опросника для выявления выраженности макиавеллизма [4, с. 442] показал, что диапазон набранных баллов колеблется от 38 до 80, при этом 20 баллов, рассматривается как показатель у совершенно не умеющих манипулировать и 100 баллов – у человека в высшей степени манипулирующего. Среднее значение макиавеллизма у обследованных студентов 57, что свидетельствует о некоторой склонности к манипулированию, но не является показателем сильного макиавеллиста.

По предположению Д. Маклвейн большие значения макиавеллизма в период юношества связаны с недостатком эмпатии [15, с. 69]. По данным Ф. Гейс и Р. Кристи, макиавеллисты лишь внешне демонстрируют участие к собеседнику. А их слабая эмоциональная включенность сопряжена с недостатком эмпатии [15, с. 97].

При исследовании эмпатии нами использовалась методика В. В. Бойко «Диагностика уровня эмпатии» [4, с. 455].

Из 52 испытуемых студентов первых курсов будущих педагогов имеют уровень эмпатии ниже среднего 58 %. Из них у 22 студентов уровень эмпатии заниженный и 8 обучающихся – очень низкий. У остальных первокурсников уровень развития эмпатии средний. Анализ полученных результатов по конкретным параметрам (каналам) показывает, что рациональный канал, характеризующийся спонтанным интересом к другому, направленностью внимания, восприятия и мышления эмпатирующего на сущность другого человека является менее развитым. Также наблюдается слабовыраженная способность к созданию открытой, доверительной атмосферы за что отве-

чает проникающая способность в эмпатии. Более открытым является эмоциональный канал эмпатии у 77 % обучающихся. У таких студентов обнаруживается способность к сопереживанию, что позволяет им подстраиваться к партнеру по общению прогнозировать поведение и воздействовать на окружающих. Возможность прогнозировать поведение и воздействовать на людей является важным профессиональным качеством педагога, а также может создавать предпосылки для успешной манипуляции, но входит в противоречие с личностными особенностями, выявленными у макиавеллистов. Отметим также хорошо развитую у 67 % студентов способность к идентификации, как умение понять другого на основе сопереживания, постановки себя на место партнера. Еще значительней показатели по установкам, способствующим эмпатии. Они выявлены у 81 % испытуемых.

Таким образом, несмотря на то, что можно констатировать некоторую склонность к манипулированию людьми у студентов первых курсов, в нашем исследовании мы не можем утверждать, что она является доминирующей. В то же время полученные данные по

развитию эмпатии соответствуют утверждениям Ф. Гейс, Р. Кристи, Ч. Уайта, Д. Маклвейна, В. В. Знакова и др. [15, с. 97] о ее недостаточной развитости. Важно отметить, что среднее и высокое развитие таких параметров эмпатии, как эмоциональный канал, установки, способствующие эмпатии и идентификация позволяют прогнозировать благоприятную ситуацию для дальнейшего развития эмпатии у студентов. Нам представляется важным осмысление склонности к манипулятивному поведению у будущих педагогов. Несмотря на то, что опросы студентов и данные исследователей указывают на широкое применение манипуляции учителями, школьниками, преподавателями и студентами [15], мы придерживаемся тезиса, что манипуляция детьми как постоянная форма общения не может быть продуктивной, так как она будет ограничивать возможности их развития. Следовательно, помимо разработки методов и приемов, направленных на развитие устойчивости к манипуляциям, значимым является формирование нравственного отношения к личности учащегося у будущих педагогов.

Литература

1. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 672 с.
2. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, МГУ, 1997. 344 с.
3. Зелинский С. А. Манипулирование личностью и массами. Манипулятивные технологии власти при атаке на подсознание индивида и масс. СПб.: Скифия, 2008. 240 с.
4. Ильин Е. П. Психология общения и межличностных отношений. СПб.: Питер, 2010. 576 с.
5. Крысько В. Г. Этническая психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2002. 320 с.
6. Куликов В. Н. Прикладное исследование социально-психологического воздействия // Прикладные проблемы социальной психологии. М., 1983. С. 158 – 172.
7. Кыштымова И. М. Рекламный контекст как развивающая среда (влияние телевизионной рекламы на детей) // Дружининские чтения: сб. матер. VIII Всеросс. науч.-практ. конф. Сочи, 23 – 25 апреля 2009 / под ред. И. Б. Шуванова, О. А. Михайленко, А. А. Никифоровой, С. С. Новиковой, А. В. Шашкова. Сочи: СГУТиКД, 2009. С. 193 – 197.
8. Кыштымова И. М., Басов Д. А. Семантическая оценка нарушения психологической безопасности: культурные детерминанты // Сибирский психологический журнал. Томск, 2014. № 52. С. 93 – 103.
9. Психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
10. Психология делового общения: хрестоматия: учебное пособие для факультетов: психологических, экономических и менеджмента / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. Самара, 2007. 768 с.
11. Психология общения. Энциклопедический словарь / под общ. ред. А. А. Бодалева. М.: Когито-Центр, 2011. 600 с.
12. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояние влиянию. СПб.: Речь, 2002. 256 с.
13. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. С. М. Ковалев. М.: Советская Энциклопедия, 1979. 1600 с.
14. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер, 2013. 304 с.
15. Шейнов В. П. Макиавеллизм личности: кто умело манипулирует людьми. Минск: Харвест, 2012. 416 с.
16. Шейнов В. П. Психологическое влияние. Мн.: Харвест, 2013. 800 с.

Информация об авторе:

Басов Дмитрий Александрович – аспирант, ассистент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета (Иркутск), Россия, irbis-psy@yandex.ru.

Dmitry A. Basov – Post-Graduate student, Assistant Lecturer at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University.

(Научный руководитель: **Кыштымова Ирина Михайловна** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета (Иркутск), Россия, info@creativity.ru.

Academic advisor: Irina M. Kyshtymova – Doctor of Psychology, Full Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

ИМИДЖЕВАЯ СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Н. М. Блинова

IMAGE SPECIFICS OF INTERNET COMMUNICATION

N. M. Blinova

В статье проанализирован феномен интернет-коммуникации. Описаны методы и результаты исследования восприятия образов людей в реальной жизни и в виртуальной среде Интернета. Установлено, что образы людей в виртуальной и не виртуальной реальностях имеют достоверные различия. Образ людей в интернет-общении менее естественный, любимый, вызывающий доверие, умный справедливый, честный, добросовестный, но в то же время более решительный, независимый, уверенный, спокойный и невозмутимый.

The paper analyzes the phenomenon of Internet communication. The author describes the methods and results of research of the perception of images in real life and in the virtual environment of the Internet. It has been discovered that images of people in the virtual and non-virtual realities have significant differences. The image of people in the Internet communication is less natural, more appealing, trustworthy, intelligent, fair, honest, conscientious, but at the same time, more determined, independent, confident, calm and unruffled.

Ключевые слова: массовая коммуникация, Интернет, интернет-коммуникация, имидж, образ.

Keywords: mass communication, Internet, Internet-communication, image.

Изменения, которые повлекли за собой появление и широкое распространение интернет-технологий, носят глобальный характер как для всего общества в целом, так и для отдельной личности. Как пишет социолог Мануэль Кастельс: «Интернет – это информационная технология и социальная форма, которая воплощает в себе информационную эпоху так же, как электрический двигатель был рычагом социальных и технических изменений индустриальной эпохи» [7, с. 5]. Влияние интернет-среды настолько значительно, что полный анализ масштабов этих изменений до конца не может быть проведен с помощью инструментария одной дисциплины. Появление и стремительное распространение интернета вызвало изменения во многих сферах жизни общества (экономической, политической, культурной, образовательной и др.). Целый ряд ученых и исследователей из различных научных областей, таких как: социология, психология, антропология, культурология, философия отмечают трансформации общества, культуры, социальных институтов, системы коммуникаций, сознания под влиянием этого «ящика Пандоры».

Социологи, отмечая социокультурный аспект Интернета, говорят о формировании интернет-культуры со своими специфическими нормами, ценностями и языком [8; 15; 18]. Являясь современным средством коммуникации и глобализации, интернет становится новым социокультурным пространством. Увеличивается не только количество активных пользователей, но и время нахождения в сети. Причем основная масса пользователей находится в возрасте от 14 до 35 лет [9; 15]. В возрасте, когда происходит активное становление личности, овладение людьми профессией, создание семьи, принятие на себя ответственности за жизнь других людей и т. д.

Развитие личности и сознания невозможно вне процесса коммуникации, так как коммуникация является способом бытия человека в качестве человека [16]. Как писал М. М. Бахтин: «Я сознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. Важ-

нейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к ты). Отрыв, отъединение, замыкание в себя как основная причина потери себя самого. <...> Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть – значит общаться. Абсолютная смерть (небытие) есть неслышанность, непризнанность, неупомянность (Ипполит). Быть – значит быть для другого, и через него для себя. У человека нет внутренней суверенной территории, он весь и всегда на границе, смотря внутрь себя, он смотрит в глаза другого или глазами другого» [2, с. 311 – 312]. Становление личности предопределено особенностями того коммуникативного контекста, в котором она развивается. Серьезные изменения форм взаимодействия и коммуникации людей, обусловленные в том числе и достижениями научно-технического прогресса, происходят все более ускоряющимися темпами. При этом изменение форм коммуникации не может не влечь за собой изменений личности, что требует осмысления и анализа философами, психологами, социологами, лингвистами. Комплексный анализ проблемы возможен при реализации междисциплинарного подхода. Нарастающая доля виртуального (опосредованного) общения в современном бытии людей неизбежно должна привести к появлению и психических новообразований личности [1].

Интернет является средой, порождающей новые характеристики пространства и времени. Объединяя людей из разных удаленных уголков мира, он создает новую реальность – виртуальную. Согласно культурно-исторической психологии развитие человеческой психики, сознания невозможно без овладения психологическими орудиями, которые первоначально являются орудиями, используемыми в общении и совместной деятельности. В XX в. же появляется новая деятельность, обусловленная интернет-средой [1].

Развитие средств коммуникации ставит человека перед парадоксом: изменения, вносимые человеком во внешний мир, меняют и его самого. Невольно он становится «рабом» своих изобретений. Новая дея-

тельность трансформирует внутренние орудия, высшие психические функции, личность, сознание. Как отмечает Г. Г. Почепцов: «Интернет создал сверхбыстротекущие потоки информации. Человек же как биологическое существо не меняет своих параметров входа/выхода информации. Когда потоки резко ускорились, объемным текстам пришлось уступить место текстам коротким. И это повлияло не только на объемы, но и на содержание. Мы стали людьми как коротких текстов, так и простых содержаний» [14]. Изменения несут глобальный характер. Они могут иметь как позитивный, так и негативный вектор направленности, но проблема заключается в их бесконтрольном, неуправляемом и незаметном проникновении.

Рассмотрим изменения, затрагивающие коммуникативную сферу. Многие исследователи бьют тревогу, говоря о подмене реального общения суррогатным общением в интернете, они отмечают рост «пребывания» людей в виртуальной реальности, замене «живого» общения общением в социальных сетях, блогах на форумах [3; 9; 14; 15].

В ходе нашего исследования мы задавали студентам вопрос об их среднем времени пребывания в сети интернет в день. Ответы колебались от 10 минут до 15 часов в сутки. В среднем же испытуемые проводят в интернете 7 часов в день, из них в социальной сети «ВКонтакте» – приблизительно 4,6 часов в день. Такое продолжительное нахождение в интернет-пространстве молодого поколения может накладывать отпечаток как на внутренние психологические характеристики и особенности, так и создавать новые или трансформировать имеющиеся паттерны поведения.

Психологи указывают на появление новой формы зависимости – интернет-зависимости или зависимости от социальных сетей. Страдающий зависимостью человек настолько вовлекается в виртуальную реальность и пространство интернет-коммуникации, что теряет контроль за остальными сферами своей жизни. Также у интернет-зависимых наблюдаются типичные для разного рода зависимостей характеристики, такие как: синдром отмены, использование в целях избегания от проблем, безуспешные попытки прекратить нахождение в интернет-пространстве [3; 4].

Исследователи интернета отмечают некоторые специфические особенности интернет-коммуникации, которые накладывают отпечаток на общение людей в интернете [3; 4]. Это такие особенности, как: анонимность, простота использования, отсутствие временных и пространственных ограничений, снижение рисков в процессе общения, практически безграничные возможности для самовыражения и самопрезентации (игры с идентичностью), затрудненность выражения эмоций и ряд других [3; 14; 17].

При общении с другими людьми у нас неминуемо возникает образ, впечатление, мнение о другом, отношение к нему. Этими словами часто обозначают термин «имидж». В психосемиотической парадигме под имиджем или образом понимается набор знаков, символов, связанных между собой и образующих стройную систему [11; 13]. Свойства системы обуславливают особенности ее восприятия и групповой оценки, что и определяет имидж объекта. Значения, смыслы, внутренний мир человека заключены в оболочку, форму, образующую целостный образ. Имидж

является интегральной характеристикой, за которой стоит «означаемое» [13].

Имидж, как коммуникативное явление, зависит от особенностей коммуникации, ее структуры, параметров и характеристик. Можно отметить разную специфику его проявления в прямом, «живом» общении и в интернет-коммуникации.

Исходным предположением нашего исследования являлась гипотеза о том, что образы другого, порождаемые интернет-коммуникацией, имеют значимые отличия от образов, возникающих в общении вне интернета.

В нашем исследовании термин «имидж» будет эквивалентен понятию «образ». Такое понимание, хоть и в несколько разных интерпретациях разделяют такие теоретики и практики изучения имиджа, как И. М. Кыштымова, Е. Б. Перельгина, В. Г. Горчакова [5; 11; 13].

Базой нашего исследования выступал Иркутский Государственный Университет факультет сервиса и рекламы. В исследовании приняли участие 41 человек (31 – студенты очного отделения 2 курса, направления: управление персоналом; 10 – студенты заочного отделения 3 курса, направления: реклама и связи с общественностью). Возраст испытуемых от 18 до 33 лет. Средний возраст – 20 лет. В исследовании приняло участие 40 девушек и один юноша.

Для того чтобы проанализировать имидж человека в реальной жизни и общении и его имидж в интернете, нами была выбрана методика «Личностный семантический дифференциал». Данная методика была дополнена некоторыми характеристиками классического семантического дифференциала, а также парами прилагательных, представляющими значимость для проверки исходной гипотезы. Конечный вариант семантического дифференциала содержал сорок пар прилагательных.

Для изучения имиджа, возникающего в сознании при «живом» общении и имиджа в Интернете, мы выделили пять категорий: я – реальный (просили испытуемых оценить самих себя), я «ВКонтакте» (просили каждого испытуемого оценить свой профиль в социальной сети «ВКонтакте»), друг – реальный (просили оценить своего друга), друг «ВКонтакте» (просили оценить этого же друга по его профилю «ВКонтакте»), незнакомец «ВКонтакте» (просили оценить человека, находящегося в друзьях «ВКонтакте», но с которым человек незнаком в реальной жизни).

Исследование было проведено в компьютерном классе с доступом к сети «Интернет». Испытуемые оценивали себя с помощью модифицированного варианта семантического дифференциала, затем их просили зайти в свой профиль в социальной сети «ВКонтакте» и, пытаясь абстрагироваться от того, что это их профиль, оценить человека, который размещает «такую» информацию и материалы у себя на странице. Затем таким же путем они оценивали своего хорошего друга (в жизни и по профилю социальной сети «ВКонтакте»). В последнюю очередь их просили оценить человека по его профилю «ВКонтакте», который находится у них «в друзьях» ВКонтакте, но с которым они лично не знакомы.

Анализ и обсуждение результатов

Исходные данные, полученные при использовании методики «семантического дифференциала», подверглись процедуре факторного анализа. Для оценки надежности вычисления элементов корреляционной матрицы и возможности ее описания с помощью факторного анализа нами использовался тест Кайзера – Мейера – Олкина (КМО) [6]. Факторы извлекались методом главных компонент. Решение о количестве факторов принималось на основе теста Кайзера – Гуттмана и теста «каменистой осыпи» («scree test»). Вращение факторов производилось методом Varimax с нормализацией по Кайзеру [12]. В качестве значимого рассматривался факторный вес менее -0,4 и более 0,4 [10].

В результате обработки данных было установлено, что значение теста КМО составило 0,845, то есть если руководствоваться мнением Г. Кайзера может оцениваться как «хорошее» [6]. Если при выделении числа факторов руководствоваться тестом каменной осыпи, тогда число факторов должно быть принято за шесть. В ходе процедуры факторизации 4 пары прилагательных (5. упрямый – уступчивый; 14. расслабленный – напряженный; 26. простой – сложный; 31. прагматичный – романтический) были удалены, так как не входили с факторным весом менее -0,4 или более 0,4 ни в один из выделяемых факторов.

В результате проведения факторного анализа нами было получено факторное решение, при котором 36 пар прилагательных распределились по шести выделенным факторам (таблица 1).

Из таблицы 1 видно, что к первому фактору, объясняющему 15,014 % дисперсии, относятся 13 пар прилагательных: естественный – искусственный (0,696); любимый – ненавистный (0,692); вызывающий доверие – не вызывающий (0,692); умный – глупый (0,653); душевный – бездушный (0,631); родной – чужой (0,614); противный – приятный (-0,579); живой – неживой (0,515); обаятельный – непривлекательный (0,513); честный – неискренний (0,501); плохой – хороший (-0,494); жизнерадостный – унылый (0,453); добрый – злой (0,437).

При этом четыре пары прилагательных кроме первого фактора вошли в другие факторы. Так, пара обаятельный – непривлекательный с факторным весом -0,421 вошел в фактор 3. Пара прилагательных добрый – злой вошла в фактор два с факторным весом 0,523. Пара честный – неискренний вошла в фактор 5 с факторным весом -0,611. И пара жизнерадостный – унылый с факторным весом 0,650 вошла во 2 фактор.

Имидж или образ, набирающий большую оценку по данному фактору, характеризуются негативным набором качеств. Чем более высокое значение по первому фактору получает образ, тем в большей степени испытуемые описывают его, как искусственного, ненавистного, не вызывающего доверия, глупого, бездушного, чужого, противного, неживого, непривлекательного, плохого.

Данный фактор был идентифицирован нами как фактор «неприятя».

Ко второму фактору, объясняющему 11,838 % дисперсии относятся 10 пар прилагательных: замкнутый – открытый (-0,667); разговорчивый – молчали-

вый (0,655); жизнерадостный – унылый (0,650); враждебный – дружелюбный (-0,624); черствый – отзывчивый (-0,620); деятельный – пассивный (0,603); вялый – энергичный (-0,584); добрый – злой (0,523); нелюдимый – общительный (-0,502); лёгкий – тяжёлый (0,447).

Пара нелюдимый – общительный с факторным весом 0,413 вошла в фактор 6.

Имидж или образ, набирающий большую оценку по данному фактору, характеризуются такими качествами, как: замкнутость, молчаливость, унылость, враждебность, черствость, пассивность, вялость, злость, нелюдимость, тяжесть.

Данный фактор идентифицирован нами как фактор «закрытости».

Третий фактор объясняет 7,488 % дисперсии. В него входят такие пары прилагательных: решительный – нерешительный (-0,735); неуверенный – уверенный (0,636); зависимый – независимый (0,597); слабый – сильный (0,453); обаятельный – непривлекательный (-0,421).

Пара слабый – сильный с факторным весом 0,472 вошла также в фактор 6.

Образ, имеющий большую оценку по данному фактору охарактеризован как решительный, уверенный, независимый, сильный, обаятельный.

Данный фактор получил название: фактор «решительности».

Четвертый фактор, объясняющий 7,138 % дисперсии, включает такие пары прилагательных: суетливый – спокойный (0,701); раздражительный – невозмутимый (0,666); противоречивый – однозначный (0,655); хаотичный – упорядоченный (0,528).

Образ, имеющий большую оценку по данному фактору характеризуется как спокойный, невозмутимый, однозначный, упорядоченный.

Данный фактор мы назвали фактором «спокойствия».

Пятый фактор, объясняющий 6,184 % дисперсии, включает пары прилагательных: справедливый – несправедливый (-0,651); честный – неискренний (-0,611); безответственный – добросовестный (0,592); несамостоятельный – самостоятельный (0,518); слабый – сильный (0,472).

Образ, имеющий большую оценку по данному фактору характеризуется как справедливый, честный, добросовестный, самостоятельный, сильный.

Данный фактор идентифицирован нами как фактор «справедливости».

Шестой фактор, объясняющий 5,886 % дисперсии, включает пары прилагательных: плоский – объемный (0,624); одномерный – многомерный (0,588); загадочный – понятный (0,560); дробный – целый (0,513); нелюдимый – общительный (0,413).

Образ, имеющий большую оценку по данному фактору характеризуется как объемный, многомерный, понятный, целый, общительный.

Данный фактор идентифицирован нами как фактор «объемности».

По выделенным факторам нами с использованием уравнений множественной регрессии были вычислены интегральные показатели. При этом интегральные показатели были представлены в z – показателях.

Факторное решение, полученное по СД

Прилагательные	Факторы					
	1	2	3	4	5	6
38. Естественный – искусственный	0,696					
29. Любимый – ненавистный	0,692					
40. Вызывающий доверие – не вызывающий	0,692				-0,356	
30. Умный – глупый	0,653					
32. Душевный – бездушный	0,631					
27. Родной – чужой	0,614					
24. Противный – приятный	-0,579					
34. Живой – неживой	0,515	0,325				-0,309
1. Обаятельный – непривлекательный	0,513		-0,421			
23. Плохой – хороший	-0,494	-0,396		0,350		
6. Замкнутый – открытый		-0,667				
3. Разговорчивый – молчаливый		0,655		0,351		
28. Жизнерадостный – унылый	0,453	0,650				
16. Враждебный – дружелюбный		-0,624		0,332		
10. Черствый – отзывчивый		-0,620			0,356	
9. Деятельный – пассивный		0,603	-0,307			
12. Вялый – энергичный		-0,584	0,357			
7. Добрый – злой	0,437	0,523		-0,334		
18. Нелюдимый – общительный		-0,502				0,413
22. Лёгкий – тяжёлый	0,345	0,447				
11. Решительный – нерешительный			-0,735			
17. Неуверенный – уверенный		-0,307	0,636			
8. Зависимый – независимый			0,597			
15. Суетливый – спокойный				0,701		
21. Раздражительный – невозмутимый			0,337	0,666		
39. Противоречивый – однозначный				0,655		
25. Хаотичный – упорядоченный				0,528		
13. Справедливый – несправедливый					-0,651	
19. Честный – неискренний	0,501				-0,611	
4. Безответственный – добросовестный					0,592	
20. Несамостоятельный – самостоятельный			0,353		0,518	
2. Слабый – сильный			0,453		0,472	
36. Плоский – объемный	-0,399					0,624
33. Одномерный – многомерный						0,588
37. Загадочный – понятный	0,319					0,560
35. Дробный – целый	-0,344					0,513
Процент объясняемой дисперсии	15,014	11,838	7,488	7,138	6,184	5,886

Затем с помощью критерия χ^2 Фридмана мы проверили гипотезу о достоверности различий в уровне

выраженности факторов у исследуемых нами образов (таблица 2).

Таблица 2

**Оценка достоверности различий в уровне выраженности факторов
у исследуемых нами образов**

Факторы	χ^2_r	df	p
1. Фактор «неприятия»	19,936	4	0,001
2. Фактор «закрытости»	7,904	4	0,095
3. Фактор «решительности»	14,912	4	0,005
4. Фактор «спокойствия»	23,232	4	0,000
5. Фактор «справедливости»	10,080	4	0,039
6. Фактор «объемности»	5,600	4	0,231

Примечание: χ^2_r – критерий Фридмана; df – число степеней свободы; p – уровень значимости.

Из таблицы 2 видно, что пять исследуемых нами образов достоверно различаются по четырем факторам. Таким как: фактор «неприятия», фактор «решительности», фактор «спокойствия», фактор «справедливости».

Расположение образов в пространстве выделенных факторов, представлено нами в трех точечных диаграммах (рис. 1 – 3).

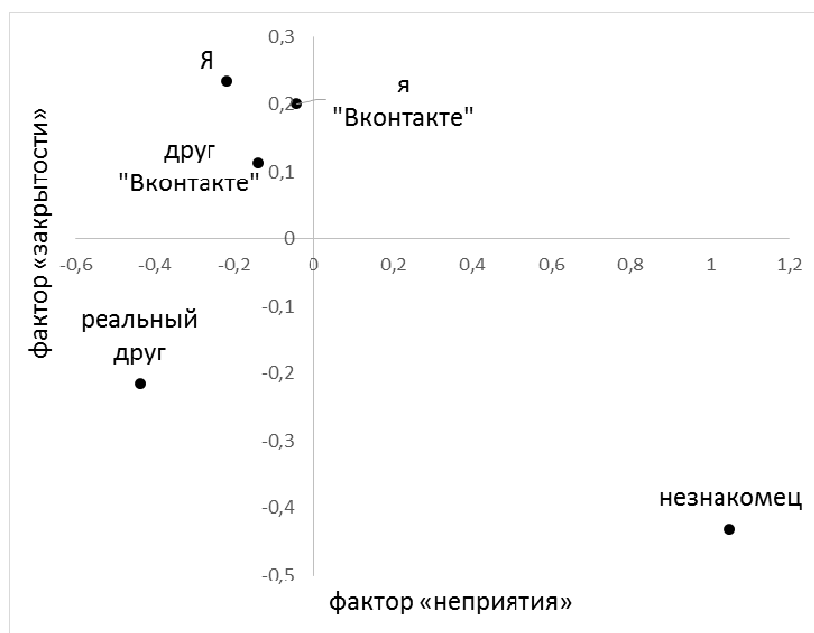

Рис. 1. Расположение образов в пространстве фактора «неприятия» и фактора «закрытости»

Из рисунка 1 видно, что наибольшее значение фактору «неприятия» набрал незнакомец. Незнакомец характеризуется как искусственный, ненавистный, не вызывающий доверия, глупый, бездушный, чужой, противный, неживой, непривлекательный, плохой. Примечательно, что он находится в виртуальных друзьях в социальной сети «ВКонтакте», то есть не является сторонним человеком. Испытуемые лишь не общались с ним в реальности.

Наименьшее значение получил реальный друг. Испытуемые оценивают его даже более позитивно по данному фактору, чем себя. Образ друга лучше и более принимаем, чем свой собственный образ. Средние значения имеют отрицательный знак, а, следовательно, можно сказать, что реальному другу, образу «Я», другу «ВКонтакте» и Я «ВКонтакте» приписываются такие характеристики, как: естественный, любимый, вызывающий доверие, умный, душевный, родной, приятный, живой, обаятельный, хороший. На втором месте по выраженности приведенных выше характеристик находится образ «Я», затем друг «ВКонтакте» и на последнем месте Я «ВКонтакте».

Друг «ВКонтакте» также более привлекательный и положительный, чем я «ВКонтакте». Образы друга и себя в реальной жизни и непосредственном общении оцениваются испытуемыми как более естественные, любимые, вызывающий доверие, умные, душевные, родные, приятные, живые, обаятельные, хорошие, чем образы этих же людей в профилях «ВКонтакте».

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что образы, в основе которых лежит информа-

ция с личных страниц социальной сети «ВКонтакте», оцениваются испытуемыми как более искусственные, ненавистные, не вызывающие доверия, глупые, бездушные, чужие, противные, неживые, непривлекательные, плохие, чем образы из реальной, не виртуальной жизни.

При этом, учитывая огромную долю каждодневного общения в сети «Интернет», нужно заметить, что образ, складывающийся при непосредственном общении с каким-то конкретным человеком невозможно полностью отделить от его образа, складывающегося в интернет-общении. В индивидуальном сознании каждого человека они, сливаясь в единое целое, дополняют друг друга, образуя единый образ. Следовательно, нужно помнить о взаимовлиянии, которое они оказывают друг на друга.

По второму фактору с помощью критерия М. Фридмана, не были выявлены статистически значимые различия между пятью оцениваемыми образами ($p = 0,095$). И поэтому мы исключим из рассмотрения различия по данному фактору.

Как можно видеть из рисунка 2 наибольшее значение по фактору «решительности» набрал незнакомец. Он в большей степени характеризуется как решительный, уверенный, независимый, сильный обаятельный. Далее в порядке убывания выраженности этого фактора расположились: друг «ВКонтакте», я «ВКонтакте», реальный друг, Я.

Образы в «ВКонтакте» оцениваются как более решительные, уверенные, независимые, сильные.

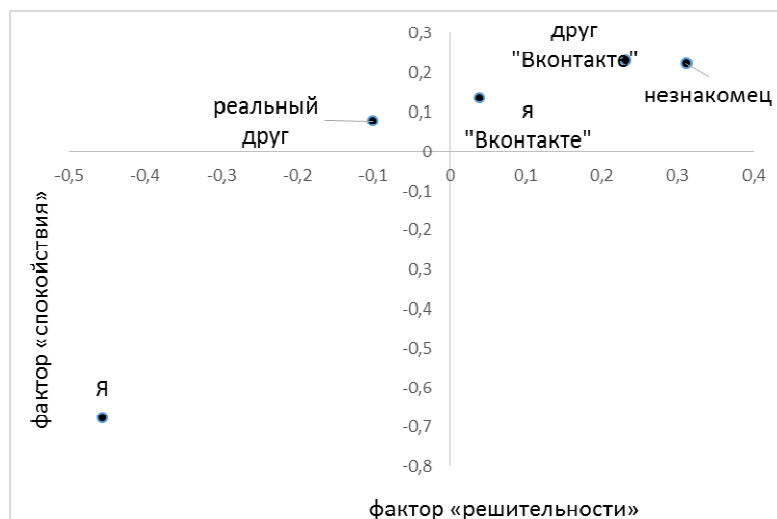

Рис. 2. Расположение образов в пространстве фактора «решительности» и фактора «спокойствия»

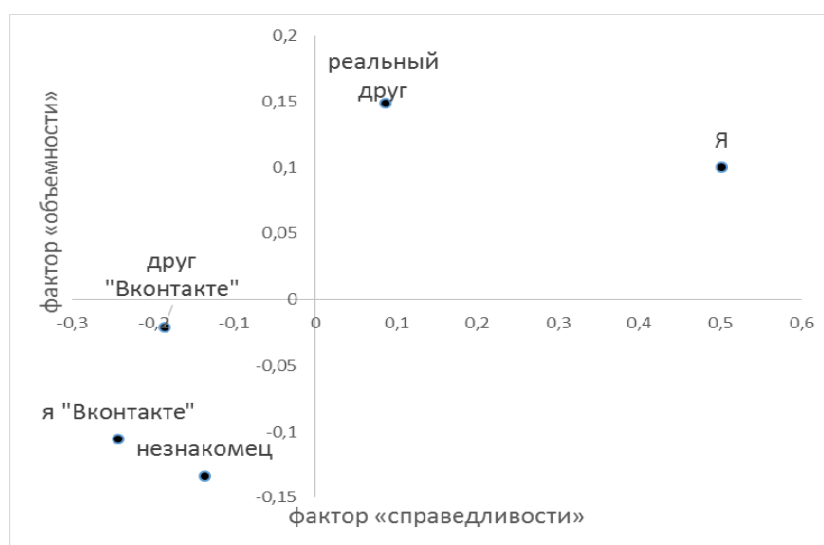

Рис. 3. Расположение образов в пространстве фактора «справедливости» и фактора «объемности»

Рассмотрим четвертый фактор «спокойствия». Самые большие значения по данному фактору получил друг «Вконтакте» и незнакомец. Они в большей степени охарактеризованы как спокойные, невозмутимые, однозначные, упорядоченные. Затем в порядке убывания располагаются: я «Вконтакте», реальный друг и самые маленькие значения по данному фактору набрал образ «Я».

Образы в социальной сети «Вконтакте» как более спокойные, невозмутимые.

Как можно видеть из рисунка 3 наибольшее значение по фактору «справедливости» набрал образ Я. Испытуемые воспринимают себя более справедливыми, честными, добросовестными, самостоятельными, сильными. Далее в порядке убывания выраженности следуют: реальный друг, незнакомец, друг «Вконтакте», Я «Вконтакте».

Образы в «Вконтакте» оценены как менее справедливые, честные, добросовестные, самостоятельные и сильные. Особенно большой разрыв наблюдается у образа Я в реальности и в социальной сети «Вконтакте». Себя в «Вконтакте» испытуемые оценивают гораздо менее справедливыми, честными, добросовестными, самостоятельными и сильными, чем в жизни.

По шестому фактору не были выявлены статистически значимые различия ($p = 0,231$).

Заключение

В ходе пилотажного исследования было установлено, что образы людей в виртуальной и не виртуальной реальностях имеют достоверные различия по четырём из шести выделенных нами факторов.

Между образом «Я» и образом Я «Вконтакте» существуют следующие различия: Я «Вконтакте» менее естественный, любимый, вызывающий доверие, умный; менее справедливый, честный, добросовестный, более решительный, независимый, уверенный; более спокойный и невозмутимый.

Между образом друга в непосредственном общении и образом друга «Вконтакте» наблюдаются такие же различия: друг «Вконтакте» менее естественный, любимый, вызывающий доверие, умный; менее справедливый, честный, добросовестный; более решительный, независимый, уверенный; более спокойный и невозмутимый.

Незнакомец предстает как искусственный, ненавистный, не вызывающий доверия, глупый; решительный, уверенный, независимый; спокойный, не-

возмутимый, однозначный; несправедливый неискренний, безответственный.

Таким образом, особенности, которые наблюдаются при сравнении образа «Я» и образа Я «Вконтакте», а также образа друга в реальности и друга «Вконтакте», идентичны. Характеристики образа Я «Вконтакте» и друга «Вконтакте» свойственны также и незнакомцу. Это может свидетельствовать об обусловленности данных особенностей средой, в которой происходит общение, а следовательно, образ людей в интернет-общении, с одной стороны, менее естественный, любимый, вызывающий доверие, умный

справедливый, честный, добросовестный. А с другой стороны, более решительный, независимый, уверенный, спокойный, невозмутимый.

Можно предположить, что коммуникатор атрибутирует образу партнера по интернет-общению и самому себе как участнику интернет-общения статусные качества, реализуя таким образом в виртуальном пространстве социально компенсаторную функцию. Вопрос о том, в какой степени этот процесс влияет на развитие реальных качеств человека, мы пока оставляем открытым.

Литература

1. Арестова О. Н., Бабанин Л. Н., Войскунский А. Е. Коммуникация в компьютерных сетях: психологические детерминанты и последствия // Вестник Моск. ун-та. (Серия: Психология). 1996. № 4. С. 14 – 20.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 421 с.
3. Белинская Е. П. Психология интернет-коммуникации: учебное пособие. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2013. 192 с.
4. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90 – 100.
5. Горчакова В. Г. Имиджелогия. Теория и практика: учебное пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 335 с.
6. Гусев А. Н., Измайлов Ч. А., Михалевская М. Б. Измерение в психологии: общий психологический практикум. М.: Смысл, 1998. 286 с.
7. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
8. Кончаковский Р. В. Сетевое интернет-сообщество как социокультурный феномен: автореф. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2010. 22 с.
9. Куликова А. В. Особенности интернет-коммуникаций // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. (Серия: Социальные науки). 2012. № 4. С. 19-24.
10. Купер К. Индивидуальные различия / пер. с англ.; под ред. И. В. Равич-Щербо. М.: Аспект Пресс, 2000. 527 с.
11. Кыштымова И. М. Индивидуальный образ: введение в психосемиотику имиджа: монография. Иркутск: ИГУ, 2006. 192 с.
12. Наследов А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб: Речь, 2004. 392 с.
13. Перелыгина Е. Б. Психология имиджа. М.: Аспект Пресс, 2002. 223 с.
14. Почепцов Г. Г. Трансформации человечества под влиянием интернета // RELGA. 2015. №4 [292]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=4195&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 15.04.2015).
15. Прохорова Н. С. Социокультурные аспекты феномена виртуальной коммуникации в русскоязычной сети Интернет: автореф. ... канд. социол. наук. М., 2006. 25 с.
16. Саламатов М. А. Человек и коммуникация // Массовые коммуникации: интеграция научных парадигм: матер. науч.-практ. конф. Иркутск: ЦентрНаучСервис, 2012. С. 49 – 61.
17. Чумакова В. А. Психологические особенности интернет-коммуникаций в социальных сетях // Молодой ученый. 2013. № 3. С. 451 – 453.
18. Шишкина А. Р. Социокультурный аспект интернет-коммуникации // Актуальные проблемы изучения медиа / общ. ред. Я. С. Левченко. М.: Алетейя, 2011. С. 55 – 62.

Информация об авторе:

Блинова Наталья Михайловна – аспирант кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета, natalislumen@list.ru.

Natalya M. Blinova – post-graduate student at Irkutsk State University.

(Научный руководитель: Кыштымова Ирина Михайловна – доктор психологических наук, профессор кафедры рекламы Иркутского государственного университета.

Academic advisor: Irina M. Kyshymova – Doctor of Psychology, Full Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University).

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

РОЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ФОРМИРОВАНИИ У ШКОЛЬНИКОВ МОДЕЛИ ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

И. И. Бринько, М. В. Паромонова

THE ROLE OF PEDAGOGICAL INTERACTION IN THE FORMATION OF SCHOOLCHILDREN'S FORMAL COMMUNICATION MODEL

I. I. Brinko, M. V. Paromonova

Статья посвящена исследованию педагогического взаимодействия как модели делового общения, формируемой у школьников. В основе исследования ожидания участников педагогического процесса от предстоящей совместной образовательной деятельности.

В ходе исследования выделена структура и специфика содержания ожиданий, дан их сравнительный анализ, показана роль компонентов ожиданий в формировании у школьников опыта делового общения.

Полученные результаты показывают, что участники педагогического процесса связывают качество урока преимущественно с действиями партнера, это обуславливает формирование у школьников эгоцентрической модели делового общения.

The paper is devoted to the research of pedagogical interaction as a model of formal communication, which is formed in schoolchildren. Participants' expectations of forthcoming joint educational activities are the basis of the research. The structure, special aspects of expectation and comparative analysis are given in the paper. The role of expectation components in the formation in schoolchildren's experience is shown.

Ключевые слова: педагогическое взаимодействие, деловое общение, ожидание, образ предстоящего взаимодействия.

Keywords: pedagogical interaction, formal communication, expectation, image of the forthcoming interaction.

Школа традиционно рассматривается как один из основных институтов социализации личности. По мнению А. В. Мудрик, школа является моделью реального мира, проекцией процессов и отношений, характерных для взрослых. Автор выделяет два основных механизма школьной социализации: социально-педагогический (научение школьников нормам и правилам общественного поведения) и социально-психологический (неосознанное усвоение ребенком норм социального поведения) [4]. С этой точки зрения урок можно рассматривать как прототип делового взаимодействия, в котором у каждого участника (учителя и ученика) прописаны соответствующие роли. Усвоение специфики деловых отношений, формирует у школьника основу активной преобразующей жизненной позиции. Анализ процесса педагогического взаимодействия позволит, на наш взгляд, выявить образец деловой коммуникации, который формируется в опыте школьника.

Процесс взаимодействия понимается нами как способ реализации совместной деятельности, требующей взаимного согласования и координации индивидуальных действий [1, с. 101]. Данная интерпретация понятия «взаимодействие» позволяет определить условия для возникновения этого процесса. Во-первых, взаимодействие возникает в ситуации, когда цель деятельности субъективно значима для всех участников процесса. Во-вторых, когда изолированных ресурсов каждого из субъектов деятельности недостаточно для достижения цели. В этой связи педагогическое взаимодействие, даже сведенное только к задачам обучения, можно эффективно реализовать только в условиях совместной (учителя и учащегося) учебной активности. Характер этой активности пре-

допределяется ожиданиями, сформированными в сознании участников.

Термин «ожидание» в настоящее время не имеет однозначного толкования. В отечественной психологии процесс межличностного взаимодействия рассматривается преимущественно с позиции деятельности, в рамках этой позиции доминируют концепции целевой причинности совместной деятельности. Л. А. Регош предлагает следующий алгоритм активизации индивида: в начале любой деятельности лежит потребность, которая связывается со средой (опредмечивается), вследствие чего зарождается мотив, дающий заряд для начала активности индивида, которая вначале реализуется в возникновении ожидания, которое и запускает деятельность. Ожидание представлено как возможный образ результата планируемой деятельности [5].

В западной психологии ожидание в большей степени рассматривается как «экспектация». Применительно к процессу взаимодействия, этот термин рассматривается как двунаправленное представление: во-первых, предполагаемые действия партнера по взаимодействию, в соответствии с реализуемой им социальной ролью, во-вторых, представление о собственной активности, детерминированной ожиданиями других [2].

Общим для названных подходов, на наш взгляд, является прогностическая функция ожидания, т. е. формирование в сознании субъекта образа предстоящей ситуации до ее реального воплощения. Этот образ играет роль программатора последующего реального взаимодействия. В ходе реальной совместной активности субъектов разворачивается процесс согласования ранее сформированных ими ожиданий в направлении предполагаемой цели.

На основании вышеизложенного, возможно предположить, что образ предстоящей ситуации взаимодействия, в том числе и педагогического, включает ряд компонентов: целевой – образ ожидаемого результата взаимодействия, а так же поведенческие компоненты, связанные с достижением цели – предполагаемые действия партнера по взаимодействию и собственная коммуникативная активность. Следовательно, основной проблемой процесса взаимодействия вероятнее всего является согласование ожидаемого результата, учитывающего мотивацию каждого из субъектов взаимодействия, и регламента использования личных ресурсов, т. е. формы активности партнера по взаимодействию.

Целью исследования было выявление структуры и содержания ожиданий участников от предстоящей совместной педагогической деятельности как проекции модели делового взаимодействия.

В рамках проведенного исследования мы исходили из того, что в ситуации прогнозируемого взаимодействия в сознании субъектов формируется образ предстоящей совместной деятельности, регулирующий активность партнеров по взаимодействию, и, как следствие, влияющий на результативность этого взаимодействия.

Исследование проводилось методом опроса (письменного и устного (интервью)). В качестве конструкта процесса взаимодействия был принят – урок (занятие). В ходе исследования выявлялись значимые характеристики «успешного» занятия.

В опросе приняли участие две группы испытуемых: учителя средних общеобразовательных школ (57 человек) и учащиеся 11-х классов (38 человек).

Классификация критериев успешного занятия, сформулированных учителями и учениками, позволила выделить прогнозируемые несколько групп факторов.

Цель занятия. У учителей этот компонент ожидания выражен такими характеристиками урока, как: «усвоение материала учащимися», «реализация плана урока» и т. п., а школьники его выражали через определения: «практическая значимость полученного материала», «расширение знаний по предмету» и др.

Ожидание активности партнера по взаимодействию. Учителя ожидают «заинтересованность уча-

щихся», «активность учащихся на уроке» и др., а школьники ожидают от учителя: «интересное изложение материала», «ораторские способности учителя».

Ожидания, связанные с собственной активностью субъекта взаимодействия. У учителя эти ожидания представлены характеристиками: «материал урока интересен учащимся», «доброжелательность учителя» и т. п. Для школьников важным ожиданием стало «соблюдение дисциплины на уроке».

Анализ содержания представлений об успешном уроке показывает значительную разницу в выраженности и содержании этих компонентов.

Обобщенный список критериев «успешного» занятия у учителей школ составил 37 критериев, из которых наиболее часто встречаемыми являются 23. Их распределение по компонентам ожидания весьма неравномерно.

Целевой компонент ожидания от урока включает 4 признака. Наиболее употребляемая формулировка ожидаемой цели «усвоение материала учащимися» (38,6 % опрошенных учителей). Всего целевой компонент сформулирован в ожиданиях 49,1 % учителей.

Компонент ожиданий, связанных с партнером по педагогическому взаимодействию представлен 11 позициями. В качестве значимых для большинства учителей выступают: «активность учащихся на уроке» (63,2 %), «заинтересованность учащихся в предмете и материале урока» (59,7 %), «позитивная атмосфера в классе» (40,4 %) и «участие учащихся в дискуссии и обсуждении темы урока» (33,4 %). При этом 87,7 % учителей выделили поведение учащихся как фактор, влияющий на успешность занятия.

Третий компонент ожидания предстоящего взаимодействия связан с представлением о собственной активности субъекта. В ожиданиях учителей этот параметр представлен 8 элементами. Наиболее значимым ожиданием о своей успешной деятельности учителя называют «материал урока интересен учащимся» (47,4 %). Однако треть учителей (33,3 %) этот компонент ожидания не конкретизируют как фактор успешности взаимодействия.

Сопоставление частоты встречаемости факторов, детерминирующих успешность занятия, для учителей представлено на рисунке 1.

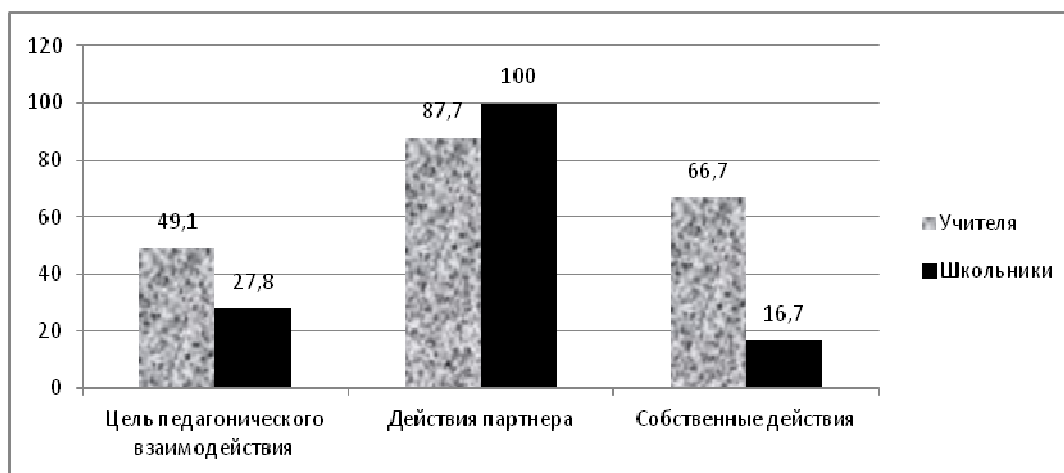

Рис. 1. Частота встречаемости элементов компонентов ожидания в образах успешного урока у учителей и школьников

В образе успешного занятия у школьников выделяются те же четыре компонента, но они имеют иное содержание.

Целевой компонент представлен тремя позициями и присутствует в ожиданиях только 27,8 % школьников, принявших участие в опросе. Наиболее выраженным целевым ожиданием является «практическая значимость нового материала» (16,7 %).

Ожидания от учителя наиболее представлены в структуре общего ожидания. Все школьники выделили этот компонент. Наиболее ожидаемыми действиями являются: «организация диалога между учителем и учащимся» (66,7 %), «интересное изложение материала» (61,1 %), «интересная тема занятия» (44,4 %).

Представление о собственных действиях, обеспечивающих успешность занятия, у школьников весьма минимизировано. Этот компонент присутствует только у 16,7 % опрошенных. Сводится этот компонент к одному: «Соблюдение дисциплины на уроке». Этот компонент ожиданий школьников лежит за пределами статистической значимости.

Рис. 1 демонстрирует сравнительную выраженность каждого из компонентов ожидания в образах учителей и школьников. Как видим, обе группы уча-

стников педагогического процесса связывают его успешность, прежде всего с действиями партнера.

Интерес представляет сопоставление факторов ожиданий участников взаимодействия с точки зрения их совпадения.

На рис. 2 представлены критерии успешности урока, доминирующие в соответствующей группе, и их выраженность в группе партнеров. Диаграмма ярко показывает, что представления об успешном уроке у учителей и школьников по большинству критериев не совпадают. В качестве очевидного совпадения выступает только «интересная тема занятий», что можно трактовать как стремление учителя заинтересовать ученика темой занятия и готовностью школьника такую тему воспринимать. По остальным критериям мы видим условное совпадение или полное несовпадение. Полученные нами данные согласуются с результатами исследования, проведенного С. М. Дмитриевой и характерны для учителей, работающих во фронтальной форме обучения [3].

Данная ситуация может свидетельствовать о высоком уровне потенциальной конфликтности участников педагогического взаимодействия.

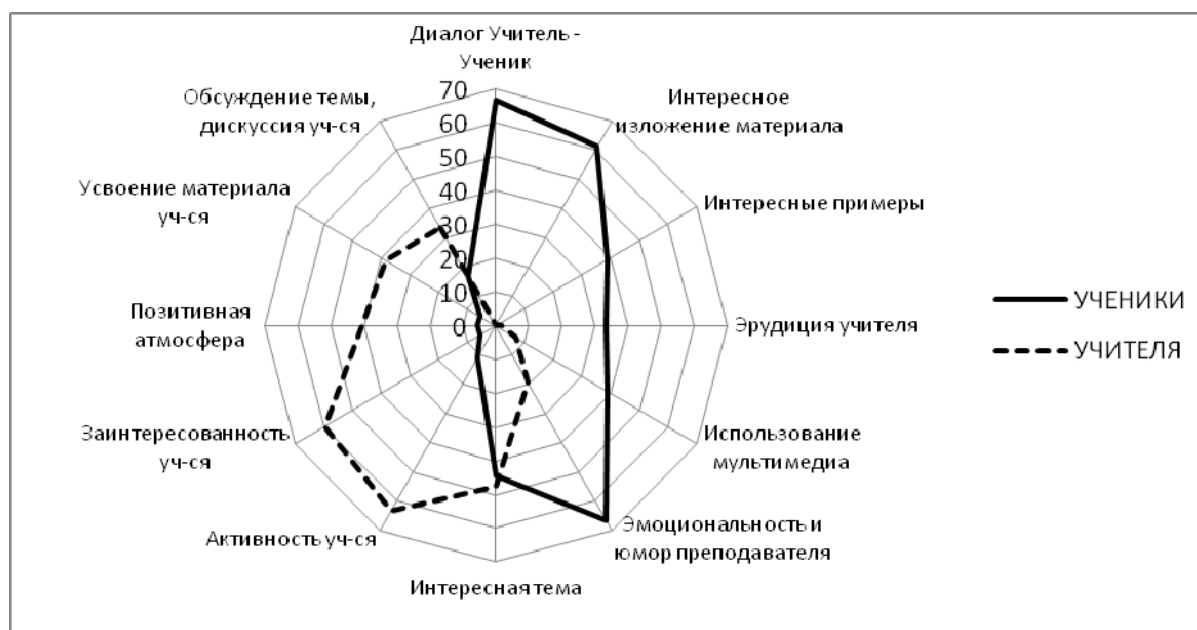

Рис. 2. Сравнительная характеристика содержания ожиданий участников педагогического взаимодействия

Анализ вербализации образа планируемого взаимодействия у субъектов (учителя и ученики) позволял определить структуру этого образа:

- образ предполагаемого результата взаимодействия (целевые ожидания);
- планируемые собственные действия субъекта взаимодействия, направленные на достижение ожидаемой цели;
- ожидаемые действия партнера по взаимодействию, которые могут быть направлены на содействие в достижении цели или на сопротивление этой цели. По результатам нашего исследования ожидание сопро-

тивления присутствует единично и только в представлениях учителей («пассивные учащиеся», «не понимающие учащиеся»).

Характеристика объемов компонентов в структуре ожидания показывает, что и учителя и учащиеся ответственность за успешность педагогического процесса возлагают, прежде всего, на действия партнера. В ожиданиях учителей собственная активность присутствует, но в малых объемах, а в ожиданиях школьников – практически отсутствует.

Особый интерес представляет выраженность целевого компонента в ожиданиях участников педаго-

гического процесса. Хотя в соответствии с теорией деятельности он должен быть доминирующим. Полученные результаты демонстрируют достаточно слабое осознание целевого компонента всеми участниками взаимодействия.

На наш взгляд, этот факт может быть объяснен рядом причин. Во-первых, обыденность, привычность ситуации выводит цель на уровень установки и не фиксируется сознанием. Это явление более характерно для учителей. Косвенным подтверждением этого может служить выраженность у этой категории испытуемых компонента действий, направленных на достижение цели, а также влияние целевого фактора «усвоение материала учащимися» на формирование отношения к уроку. Вторая гипотеза объяснения полученного результата, в большей степени, относится к учащимся, а именно скрытие ими истинной цели урока – развлечение (приятное времяпровождение) – как социально не приемлемого. Подтверждением этого предположения может служить значимость для формирования отношения к уроку факторов, связанных с интересом изучаемого материала и эмоциональностью учителя.

Сравнительный анализ ожиданий учителей и школьников демонстрирует их разнонаправленность. Это связано, прежде всего, с тем, что каждый из участников процесса в большей степени связывает результат обучения с действиями партнера. Такая си-

туация сигнализирует о снижении критичности участников педагогического процесса в отношении своих действия и переложении ответственности на партнера по взаимодействию. В свою очередь, это детерминирует разнообразные конфликты, возникающие между педагогами и учащимися.

Проведенное исследование позволяет охарактеризовать модель деловых отношений, формируемую у школьников, как эгоцентрическую и низко продуктивную.

Полученные результаты актуализируют заявленную проблему результативности школьной социализации. Вступление в учебный процесс с ожиданием «приятного времяпровождения» может сигнализировать о формировании не преобразующей, а потребительской личности, ориентированной, в первую очередь, на пассивное удовлетворение своих потребностей. Одновременно, основной агент школьной социализации – учитель – ожидая «заинтересованности» и «активности» учащихся не предпринимает и не предполагает никаких стимулирующих действий, кроме «интересной для учащихся темы занятия».

Представленные выводы демонстрируют дидактические проблемы в подготовке учителей, обучении их технологиям целеполагания и мотивирования учащихся, методам активизации деятельности школьников.

Литература

1. Андреева Г. М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2001. 384 с.
2. Гордиенко Е. В. Проблема экспектаций в психологической науке: история и современность // Психология человека в современном мире. Т. 2: Творчество, способности, одаренность (Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С. Л. Рубинштейна, 15 – 16 октября 2009 г.) / отв. ред. А. Л. Журавлев, И. А. Джидарьян, В. А. Барабанщиков, В. В. Селиванов, Д. В. Ушаков. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 10 – 17.
3. Дмитриева С. М. Представления учителей об образе ученика и условиях учебного взаимодействия в различных формах обучения // Вестник Московского городского педагогического университета. (Серия: Педагогика и психология). 2013. № 2(24). С. 119 – 129.
4. Мудрик А. В. Социализация человека: учебное пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006. 304 с.
5. Регуш Л. А. Психология прогнозирования: успех в познании будущего. СПб.: Речь, 2003. 352 с.

Информация об авторах:

Бринько Игорь Иванович – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета, pabr@yandex.ru.

Igor I. Brinko – Candidate of Psychology, Associate Professor Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University.

Паромонова Марина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии образования и развития личности Иркутского государственного университета, marina963@mail.ru.

Marina V. Paromonova – Candidate of Psychology, Associate Professor Professor at the Department of Educational Psychology and Personal Development, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2015 г.

УДК 159.922.4+159.91+159.943+397

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ И АДАПТИВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ МАЛОЧИСЛЕННЫХ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ

Е. С. Гольдшмидт, В. В. Поддубиков

INTENTIONAL FACTORS OF ETHNO-PSYCHOLOGICAL ORIGINALITY AND ADAPTIVE CAPACITY OF SMALL-NUMBERED INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA

E. S. Goldschmidt, V. V. Poddubikov

Работа выполнена в рамках гранта РГНФ № 15-01-18098 "Этнологическая экспертиза: комплексное исследование социально-профессиональной структуры, факторов занятости и успешного функционирования на рынке труда представителей социально уязвимых групп коренных малочисленных народов в регионах юга Западной Сибири".

Статья посвящена проблеме психологической адаптированности и интеграции в современные социально-экономические условия социально уязвимых малых коренных народов юга Западной Сибири (шорцев, кумандинцев, тубалар и телеутов). Анализируются результаты исследования интенциональных факторов этнопсихологического своеобразия в поведении. Обсуждаются сходство и различия спектра доминирующих инстинктов, эмоциональных направленностей и особенностей функциональной асимметрии мозга у представителей коренных малочисленных этносов с представителями некоторых профессий, студентами и школьниками из числа носителей современной доминирующей культуры. Авторы обсуждают необходимость дальнейшего углубленного изучения проблемы.

The paper is devoted to the problem of psychological adaptation and integration in the modern social-economic conditions of the socially vulnerable indigenous peoples of the South of Western Siberia (Shors, Kumandins, Teleuts and Tubalars). The authors present the results of the research of the intentional identity in ethno-psychological factors in behavior. The paper discusses the similarities and differences of the spectrum of the dominant instincts, emotional tendencies and the peculiarities of the functional asymmetry of the brain in representatives of indigenous peoples with representatives of some professions, students and pupils from a number of carriers of modern dominant culture. The authors debate the necessity of further in-depth study of the problem.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы, интенциональность, инстинкты, эмоциональная направленность, функциональная асимметрия, архетипы.

Keywords: indigenous peoples, intentionality, instinct, emotional orientation, functional asymmetry, archetypes.

В настоящее время в связи с бурными социально-экономическими преобразованиями, которые тянутся в нашей стране уже десятилетиями и затрагивают различные аспекты внутригосударственной жизни, снова обостряется проблема адаптации и интеграции в современные социально-экономические условия коренных малочисленных народов [14], которые относятся к числу социально уязвимых групп, что определено влиянием множества разнонаправленных факторов как экзогенной, так и эндогенной природы. Одной из важнейших, но относительно мало изученных групп эндогенных факторов является интенциональность малочисленных этносов, особенности их эмоциональной, бессознательной (инстинктивной) направленности, их психофизиологическая, «архетипическая» конституция.

Изучение особенностей ценностных ориентаций, личностных смыслов представителей малых коренных народов часто осложняется тем, что их быт, социальные отношения, уровень образования затрудняют проведение классических исследований со стандартными опросниками, т. к. в ходе исследования проявляются этнопсихологические, семантические особенности респондентов и результаты могут существенно исказиться.

В нашем исследовании, направленном на изучение интенциональных факторов этнопсихологическо-

го своеобразия в поведении, направленности, психофизиологических механизмах адаптации мы придерживаемся концепции, базирующейся на работах Сухарева, Гарбузова, Либина и др., преимущественно опирающихся на изучение бессознательных основ, механизмов формирования отношения и взаимодействия человека с миром [2; 11; 17]. Исследования этнопсихологических особенностей коренных народов обязательно включают в себя изучение функциональной асимметрии в связи со спецификой отношения данных сообществ к природе и ее изменениям (чаще – деградации), к социально-экономическим изменениям, к культуре титульной нации [15].

На этой основе возможно изучение глубинных психофизиологических, образно-эмоциональных и ценностных механизмов функционирования индивидуумов и сообществ. Для этого можно выделить следующие взаимноувязанные направления, ставшие основой нашего исследования.

1. Направленность личности, обусловленная инстинктивными векторами, драйвами развития личности, отражающими ее базовое, биопсихическое взаимодействие с миром.

2. Психофизиологические свойства, связанные с общими механизмами работы мозга.

3. Архетипически-когнитивная, образная направленность, психическая конституция.

4. Эмоциональная направленность, соответствующая уровню социального импринтирования.

Теоретический анализ современных подходов к изучению проблемы интенциональной направленности позволяет говорить нам о том, что на сегодняшний день в современной психологии нет единого толкования таких терминов, как: «инстинкт» и «направленность», «интерес» и «потребности», эти понятия часто отождествляются или взаимно пересекаются. Феномен интенциональности имеет давнюю историю изучения. Сам термин впервые появился у средневековых схоластов (от лат. *intentio* – стремление), но уже скоро приобрел расширенное толкование – разумная энергия, субъективный смысл, движение души. Необходимо отметить, что в феномене интенциональности можно выделить два полюса проявления – когнитивно-смысловой и мотивационно-потребностный, что можно соотносить с доминированием левого и правого полушарий мозга соответственно [4]. Вопрос о том, что движет человеком, как это формируется, куда направлено развитие – это один из ключевых для антропологических наук вообще и психологии в частности.

В нашей работе центр тяжести переносится от смыслового аспекта к побуждающему, мотивирующему (от лат. *moveo* – двигаю, толкаю). Мотивационный аспект тесно связан с эмоциональным (от лат. *emovere* – выдвигать, волновать, колебать) и потребностными аспектами. Изучению мотивационной (эмоционально-потребностной) сферы личности, ее направленности и близкой к ней проблемы инстинктов (от лат. *instinctus* – естественное побуждение, от *instinguere* – подстрекать) человека посвящено множество работ исследователей, использующих различные подходы [1; 4; 5].

Происходящие в современном обществе, в мировых масштабах «сокрушительные» перемены ставят личность (особенно «традиционного» типа) перед необходимостью совершения множества тактических и стратегических выборов. При этом зачастую предварительно усвоенные способы, стратегии, ценности и смыслы уступают место новым, преимущественно бессознательным, эмоциональным, даже инстинктивным мотивам, особенно в критических ситуациях.

Формируется целый спектр этнофункциональных рассогласований, содержащихся во внутренней и внешней информационной среде человека, которые могут служить «катализаторами» возникновения выраженных психических и психологических дезадаптаций, психопатологических признаков, имеющих конкретную психогенетическую обусловленность [17].

Целью настоящей работы явилось изучение эндогенных интенциональных факторов, определяющих характер направленности взаимодействия представителей коренных малочисленных народов юга Западной Сибири.

Задачи исследования:

1) изучение различных уровней интенциональности (инстинктивного, психофизиологического, архетипического и эмоционального) у каждого из четырех выбранных этносов;

2) оценка степени согласованности изученных уровней внутри этносов;

3) сравнение полученных данных с аналогичными исследованиями представителей титульной нации.

Описание исследованного контингента. Исследование было проведено в июне 2015 года в режиме комплексной научной экспедиции в регионах юга Западной Сибири, в частности в Кемеровской области, Алтайском крае и Республике Алтай. В исследовании приняли участие тубалары, проживающие в поселках Артыбаш и Иогач (Артыбашское сельское поселение Турочакского района Республики Алтай), а также в поселке Кебезень (Кебенское сельское поселение Турочакского района Республики Алтай); кумандинцы – в Красногорском сельском поселении Красногорского района Алтайского края; шорцы из поселка Кабырза Кабырзинского сельского поселения Таштагольского района Кемеровской области; телеуты из села Беково, поселка Челухоево и села Верховская Бековского сельского поселения Беловского района Кемеровской области.

Всего в ходе исследования было протестировано 67 человек, из них: тубалары – 12 человек (4 мужчин, остальные – женщины), кумандинцы – 12 человек (4 мужчин, остальные – женщины), шорцы – 18 человек (6 мужчин) и телеуты – 25 человек (3 мужчин). Всего в исследовании приняли участие 17 респондентов мужского пола (25 %) и 50 – женского (75 %). Самому младшему участнику исследования 14 лет, самому старшему – 64 года. В зависимости от национальности массив опрошенных по возрасту распределился совершенно неравномерно, поэтому по данному показателю не рассматривался и средний возраст не определялся.

Распределение опрошенных в зависимости от образования: не признался, что совсем не имеет образования ни один человек, начальное общее, т. е. менее 8 классов закончили 4 человека (6 %), основное общее (8 или 9 классов) образование получили 9 человек (13 %), среднее общее образование, т. е. 10 или 11 классов закончили 13 человек (19 %), отметили, что имеют среднее профессиональное образование (училище, техникум, колледж) 20 человек (30 %), закончили вузы 12 человек (18 %). Оставшиеся 14 % не указали своего образования.

В связи с тем, что опрошенный и протестированный контингент характеризуется слишком большой неравномерностью по демографическим и психологическим характеристикам, дальнейшая оценка и интерпретация проводилась преимущественно качественно, с использованием самых доступных подходов (ранговая, процентная оценка).

Методы исследования

Оценка профиля доминирования инстинктов. С целью определения доминирующего инстинкта нами были объединены две анкеты, разработанные В. И. Гарбузовым – первая опубликована и описывает 7 инстинктов [18], а вторая – 8 инстинктов [2]. Был сформирован опросник, включавший вопросы-утверждения из двух вышеуказанных источников и определявший степень выраженности инстинкта по пятибалльной шкале.

Согласно первичной концепции В. И. Гарбузов [18] выделил семь инстинктов: самосохранения, про-

должения рода, альтруистический, исследования, доминирования, свободы и сохранения достоинства. Инстинкты группируются в диады: диада А включает в себя инстинкты самосохранения и продолжения рода, и она – базовая, обеспечивающая физическое выживание особи и вида. Диада Б включает в себя исследовательский инстинкт и инстинкт свободы, она обеспечивает первичную специализацию человека. Диада В включает в себя инстинкты доминирования и сохранения достоинства и обеспечивает самоутверждение, самосохранение человека в психосоциальном плане. Все вместе эти три диады в самом общем виде обеспечивают адаптацию человека в реальной жизни. Инстинкт альтруизма социализирует эгоцентрическую сущность всех остальных инстинктов.

В дальнейшем Гарбузов [2] добавил инстинкт агрессии, что, по нашему мнению, позволяет сформировать еще одну диаду – Г, которая объединяет инстинкты агрессии и альтруизма в блок, соответствующий по Сонди Вектору С «общение» [4].

Обычно в норме у человека один или несколько инстинктов доминируют, остальные же выражены слабее, но полноценно влияют на ориентировку личности в какой-либо деятельности. В зависимости от того или иного инстинкта вытекает первичная фундаментальная типология индивидуальности. И каждый человек принадлежит к одному из восьми типов. Далее приведены краткие личностные характеристики на основе ведущих качеств в рамках вышеприведенной типологии.

«Эгофильный» тип: эгоцентричность, консерватизм, готовность поступиться социальными потребностями ради собственной безопасности, отрицания риска, тревожность в отношении своего здоровья и благополучия.

«Генофильный» тип: сверхлюбовь к своим детям, семейственность, сверхзабота о безопасности и здоровье своих детей, сверхтревожность относительно своих детей.

«Альтруистический» тип: доброта, сопереживание, понимание людей, бескорыстность в отношениях с людьми, забота о слабых, больных, миролюбие.

«Исследовательский» тип: склонность к исследовательской деятельности, склонность к поиску нового в различных областях, способность без колебаний оставлять обжитое место, налаженное дело при появлении новых, интересных дел и задач.

«Доминантный» тип: склонность к лидерству, к власти, предрасположенность к решению сложных задач, приоритет перспектив служебного роста над материальными стимулами, готовность к жесткой борьбе за лидерство, за первое место.

«Либеральный» тип: склонность к протесту, бунтарству, предрасположенность к перемене мест (отрицание будничности), стремление к независимости, склонность к реформаторству, революционным преобразованиям, нетерпимость к любым формам ограничения, к цензуре, к подавлению «я».

«Дигнилофильный» тип: нетерпимость к любым формам унижения, готовность поступиться благополучием и социальным статусом во имя собственного достоинства, приоритет чести и гордости над безопасностью, бескомпромиссность и прямота.

«Агрессивный» тип: решительный, энергичный, деятельный, мужественный, суровый, жестокий, беспощадный.

Методы оценки функциональной асимметрии мозга. Для определения индивидуальных особенностей функциональной асимметрии мозга (ФАМ) использовали комплекс, разработанный сотрудниками кафедры физиологии человека и животных КемГУ [3]. Методика включает в себя блоки тестов для определения моторной, сенсорной и психической асимметрий, латерализации центра речи. В данном исследовании оценивалась в первую очередь общая асимметрия (ОА) в % преобладания «правшества» или «левшества» от общего числа субтестов, доля в % правых, левых и неопределенных признаков, а так же – сила межполушарных взаимосвязей в баллах (от 0 до 1).

Конструктивный рисунок человека из геометрических форм. Проективный тест конструктивный рисунок человека из геометрических форм (ТиГр) представляет из себя инструмент интегрального исследования личности, базирующийся на различных междисциплинарных концепциях [10]: исследованиях пиктографических изображений как маркеров невербального поведения, использования проективных рисунков человека как маркера психологического развития, использования геометрических форм как маркера когнитивных процессов, архетипический подход в оценке геометрических семантических универсалий, изучение индивидуально-типологических особенностей.

В ходе тестирования респонденту предлагается нарисовать фигурку человека, составленную только из трех типов фигур: треугольников любой пропорции и размера, кругов (овалов) и четырехугольников (все – любых видов). Количество используемых фигур жестко ограничено – только 10.

В настоящем исследовании использовалась упрощенная цифровая система оценки, когда результат представлен трехзначным числом – количество использованных треугольников кодируется сотнями, кругов – десятками, а четырехугольников – единицами. Естественно, что сумма цифр всех разрядов должна быть равна 10. Система интерпретации, позволяющая обобщенно оценить эмоциональность и профессиональную (типологическую, архетипическую) направленность представлена в [18].

Оценка эмоциональной направленности личности

Использовалась анкета – опросник Б. И. Додонова [12]. Ниже приводится классификация «ценностных» эмоций.

1. Альтруистические эмоции. Возникают на основе потребности в содействии, помощи, покровительстве другим людям.

2. Коммуникативные эмоции. Эти эмоции возникают на основе потребности в общении. Коммуникативные переживания нередко близки к альтруистическим. Не всякая эмоция, возникающая при общении людей, является непременно коммуникативной. Коммуникативными являются только те из них, которые возникают как реакция на удовлетворение или не-

удовлетворение стремления к эмоциональной близости (иметь друга, сочувствующего собеседника и т. п.).

3. Глорические эмоции (от лат. gloria – слава). Эти эмоции связаны с потребностью в самоутверждении, в признании, в «пожинании лавров».

4. Практические эмоции. Термин «практические чувства» введен в употребление П. М. Якобсоном, предложившим назвать так переживания, вызываемые деятельностью, изменением ее в ходе работы, успешностью или неуспешностью ее, трудностями ее осуществления и завершения.

5. Пугнические эмоции (от лат. pugna – борьба) – происходят от потребности в преодолении опасности, на основе которой позднее возникает интерес к борьбе.

6. Романтические эмоции. Под романтизмом имеется в виду стремление ко всему необычайному, необыкновенному, таинственному. Чувство таинственности появляется только там, где мы живо «ощущаем» свою включенность в число объектов, на которые распространяется действие загадочного фактора, особенно когда ему приписывается сознательная воля, одухотворенность. Чувство таинственного включает в себя ожидание, что произойдет что-то, что окажет решающее влияние на (мою) судьбу.

7. Гностические эмоции. Гностические (от греч. gnosis – знание) эмоции описываются в учебниках психологии под рубрикой интеллектуальных чувств. Часто, однако, при этом в одном ряду оказываются и конкретные переживания (удивление), и свойства личности (чувство нового). Нас интересуют только первые. Гностические эмоции мы связываем с потребностью в «когнитивной гармонии».

8. Эстетические эмоции. Категория эстетических чувств выделена давно. Тем не менее в вопросе о природе и самом составе эстетических переживаний до настоящего времени остается еще много неясного. Сложность проблемы состоит в том, что эстетические отношения к изображаемому проявляются через все другие чувства – радость, гнев, тоску, отвращение, страдание, горе и т. д. Однако не ясно, что представляет собой эстетическое чувство в чистом виде, без тех чувств, которые ему сопутствуют.

9. Гедонистические эмоции. К указанной категории отнесены эмоции, связанные с удовлетворением потребности в телесном и душевном комфорте.

10. Акquisитивные (акзиситивные) эмоции (от франц. acquisition – приобретение). Эти эмоции возникают в связи с интересом к накоплению, «коллекционированию» вещей, выходящему за пределы практической нужды в них.

11. Лирические эмоции – грусть, тоска по прошлому, абстрактные эмоции по поводу несбывшихся надежд.

Анализ результатов исследования

Инстинктивная структура поведения представителей малых коренных народов. В экспедиционных условиях достаточно трудно соблюсти равные условия при проведении тестирования, что проявилось в резко различающихся стилях заполнения анкет респондентами. В связи с этим для каждого респон-

дента рассматривались только относительные величины выраженности того или иного инстинкта. Получены следующие результаты.

Из 10 **тубалар**, заполнивших анкеты, у 9 доминировал инстинкт генофилии (семейные ценности, родственные отношения). Остальные инстинкты доминировали существенно реже (по 2 – 3 случая, чуть более – 4 – у инстинкта достоинства), а инстинкт эгофилии («эгоизм») вообще не доминировал ни у одного опрошенного.

У **кумандинцев** (12 респондентов) в целом структура инстинктов сходная, но практически не выражены инстинкты доминирования и агрессии, тогда как у остальных – промежуточное положение (2 – 3 случая для инстинкта доминирования и 4 – инстинкта достоинства). На основе имеющегося в нашем распоряжении ограниченного массива наблюдений невозможно эмпирически достоверно подтвердить видимые различия в инстинктивной структуре поведения обследованных этнических групп. Однако, даже этих данных достаточно для того, чтобы отметить, что кумандинцы, к примеру, отличаются незначительным уровнем агрессии (в широком смысле) в инстинктивной структуре поведения, проявляя при этом заметные признаки эгоцентризма.

Среди 21 опрошенного **телеута** так же наблюдается абсолютное доминирование генофилии (18 случаев), но присутствует также альтруизм (9 случаев) и инстинкт свободы (5 случаев). Таким образом, можно предполагать, что телеуты в существенной альтруистичны (возможно, и в отношении «чужих»), а также свободолюбивы.

Шорцы (15 респондентов) демонстрируют сходную с телеутами картину, но вместо свободы у них активен инстинкт чести и достоинства (7 случаев), что, делает их более уязвимыми для оскорблений и ущемлений со стороны окружающих.

Можно заключить, что основная структура инстинктивной направленности у опрошенных представителей малых коренных малочисленных народов очень сходная и проявляется в практически абсолютном доминировании родовых, семейных, «генетических», традиционных ценностей и предельно низкой эгоистичности. В то же время существует достаточно четко выраженная этническая специфика: тубалары и кумандинцы в значительной степени альтруистичны; последние к тому же незначительно агрессивны и практически не доминантны; телеуты демонстрируют большую альтруистичность и свободолюбие, чем иные группы коренных малочисленных этносов; а шорцы сравнительно более альтруистичны и склонны к обидчивости (инстинкт достоинства).

Для сравнения: ранее нами проводилось исследование уровня доминирования инстинктов у студентов КемГУ [13]. В результате у студентов направления «Государственное муниципальное управление» выявлено доминирование преимущественно дигнитофильного инстинкта, а также генофилии и доминирования. У 1/3 из них дигнитофильный инстинкт оказался единственным доминирующим. Кроме того, у девушек (которых в выборке было значительно больше, как, собственно, и женщин среди обследованных нами представителей малочисленных народов) это домини-

рование выражено существенно ярче. У студентов юридического факультета ситуация сходная, но у юношей более сильно выражен инстинкт дигнилофиллии, хотя есть и случаи доминирования генофилии, тогда как у девушек картина более расплывчатая – генофилия, альтруизм, доминирование и дигнилофиллия, с преобладанием двух последних.

Другое исследование, проведенное так же со студентами КемГУ, обучающимися на специальностях «Социальная работа» и «Психология» [19] показало, что в иерархии инстинктов доминирует инстинкт продолжения рода (генофилия), далее в порядке ослабления исследовательский инстинкт, сохранения достоинства (дигнилофиллия), свободы и эгофилия.

Таким образом, можно говорить о преимущественно конкурентной, агрессивной, доминантной инстинктивной направленности представителей современного общества, что существенно уменьшает возможности малочисленных этнических групп в совместной профессиональной деятельности, возможность повышать свой профессиональный и социальный статус в современных условиях.

Оценка функциональной асимметрии представителей коренных малочисленных народов.

Исследование ФАМ у **кумандинцев** показало, что из 12 человек только у одной девочки ОА = -16 % (выраженное левшество), у всех остальных членов группы правая ОА со средним значением +51 %, что свидетельствует о достаточно хороших возможностях адаптации к социальному окружению, это подтверждает средняя доля правых признаков П = 68 %. Необходимо отметить – в группе высока доля людей с высоким уровнем (более 20 %) левых признаков (Л = 22,2 %), что может свидетельствовать о высоком творческом потенциале и/или образном мышлении – и таких 58 %.

Достаточно высок средний уровень нулевых признаков (Н = 10 %) и лиц со значением Н более 10 % – таких 50 %. Это значит, что в исследованной группе наблюдается высокий потенциальный уровень невротизации. Высокий средний уровень межполушарных взаимодействий МПВ = 0,57 вкуче с высокой долей левшества и неопределенности может свидетельствовать о возможных стрессах и их психосоматических последствиях.

Результаты у **туболар** следующие. ОА = 52 %, П = 72 %, Л = 20 %, Н = 9 %, а МПВ = 0,53. Такие показатели практически повторяют показатели предыдущей группы.

У **телеутов** показатели практически сходные: ОА = 46 %, П = 71 %, Л = 20 %, Н = 14 % и МПВ = 0,7. Тем не менее есть некоторые отличия – в группе почти у половины (9 из 22) высокий уровень левшества (более 20 %) и у 14 – высокий уровень нулевых асимметрий. Вместе с чуть повышенным МПВ это можно интерпретировать как дальнейшее повышение творческой активности и готовности к невротизации, соматизации стрессов.

Результаты **шорцев**: ОА = 47 % без учета двух человек с высоким левшеством, П = 61 %, Л = 24 %, Н = 15 %, МПВ = 0,73. В группе более половины (10 из 18) респондентов с высоким левшеством и еще

больше (11) с высокой долей неопределенных признаков. Все это указывает на самую неблагоприятную ситуацию у шорцев, выражающуюся в существенной невротизации и соматизации стрессов, повышенной общей эмоциональности.

Ранее нами проводилось исследование асимметрии у школьников различного возраста [3]. В процессе обучения количество левых и неопределенных асимметрий неуклонно снижается. Кроме того, при наличии отклонений в поведении и низкой успеваемости искомые показатели асимметрии существенно приближаются к таковым у обследованных представителей коренных малочисленных народов.

Интересны результаты исследования асимметрии у тувинцев [11, 20], причем необходимо отметить, что принципы оценки асимметрии в данных случаях были применены несколько отличные от наших. Сравнение тувинских и русских юношей и девушек, проживающих в Туве, показало, что среди тувинцев примерно в два раза чаще встречаются лица с преобладанием левых признаков и в три раза чаще – амбидекстры. Причем в случае наличия алкоголизма показатели растут у обеих групп в 1,5 раза.

Во-втором исследовании сравнивались показатели студентов тех же национальностей. Выяснилось, что асимметрия тувинских студентов очень близка к таковой русских и имеет ту же тенденцию развития в процессе обучения.

Т. о. можно утверждать, что представители малых народов, проживающие на родной территории и ведущие «негородской», далекий от современного «европейского» образа жизни, характеризуются избыточной долей левых и неопределенных показателей, что, по данным многих исследователей, существенно затрудняет адаптацию к рациональному, западному образу жизни, они более склонны к уходу в болезни и к формированию различных зависимостей (чаще – алкогольных) [9; 20].

Архетипическая, психическая конституция, профессиональная готовность

В данном разделе приводятся результаты проективного тестирования (тест ТиГр). В связи с тем, что методика предполагает 9 типов профессиональной направленности, нами были выделены две основные группы: эмоционально жесткие, черствые, склонные к работе с фиксированными условиями и эмоциональные, творческие, нестабильные.

У **кумандинцев** выявлены обе основные группы: эмоционально жесткие – 4 из 12 респондентов и эмоциональные, творческие, нестабильные – 6 из 12.

Из 10 выполнивших тест **туболар** в первую, как и во вторую группу вошли по 3 человека, у остальных 4 – тип менее определенный.

Среди 21-го **телеута** оказалось 6 представителей жесткого типа и 11 – мягкого. Т. о. телеуты могут быть охарактеризованы как более других склонные к нестандартной, эмоционально насыщенной профессиональной деятельности.

Из 12 выполнивших тест **шорцев** к первой группе относятся 4 человека, а ко второй – 5, т. е. они по своим характеристикам приближаются к кумандинцам и туболарам.

В итоге можно заключить, что до половины респондентов мало пригодны для функционирования в жестко регламентированных социальных структурах. Кроме этого, даже у тех, кто вошел в первую группу, примерно в половине случаев наблюдается «неблагоприятные» показатели ФАМ – избыток левшества и/или неопределенных асимметрий, что может существенно осложнить адаптацию к жестким, социальным условиям, особенно если нормы имеют рациональный, «левополушарный» характер и относятся к чуждой культуре.

Эмоциональная направленность представителей коренных малочисленных народов

Результаты многочисленных исследований показывают, что принадлежность человека к тому или иному эмоциональному типу заметно сказывается на общей структуре его эмоциональной жизни. Главная тенденция состоит в том, что каждый тип имеет присущую ему основную направленность колебания самочувствия «от счастливого до несчастного». Для альтруистов она лежит в координатах переживаний «единения с людьми – отчуждения от них»; для романтиков в координатах «необычайности – обыденности» и т. п.

Такое различие встречается у лиц, объективно находящихся в одних и тех же жизненных условиях. Оно, следовательно, не ситуативное, а личностное, выявляя дифференциацию людей уже не по их направленности, а по их характеру. Результаты исследования эмоциональной направленности личности (ЭНЛ) показали следующее.

Из 10 респондентов **тубалар** у 7 доминировал альтруизм, у 6 – практичность и у 4 – коммуникативность. Из 12 опрошенных **кумандинцев** у 8 доминировал альтруизм, у 11 – коммуникации, у 5 – практичность и у 5 – лиричность. Среди 20 **телеутов** у 18 – доминирование альтруизма, у 13 – коммуникации, у 16 – практичность, у 7 – познание и у 6 – аквизитивная ЭНЛ (приобретательство). Среди 12 **шорцев** выявлены следующие ЭНЛ: альтруизм и коммуникативность (по 12 чел.), лиричность (6) и практичность (5).

Таким образом можно утверждать, что доминирующей ЭНЛ у малых коренных народов является альтруизм (что сильно коррелирует с инстинктами) и коммуникативность. Тубалары, телеуты и шорцы более практичны (скорее рационалистичны), кумандинцы и шорцы более лиричны, а кумандинцы и шорцы более лиричны (грусть, тоска по прошлому).

Очевидно, что общей сходной направленности у каждого народа существует свой специфический эмоциональный фон, свое отношение к миру, которое надо учитывать при формировании программ развития территорий. Вместе с тем доминирующей является альтруистическая ЭНЛ – практически противоположная доминирующей направленности современного рыночного, либерального общества.

Некоторое представление о ЭНЛ современного общества дают исследования на студентах и специалистах различного профиля. У студентов Астраханского университета (физики, юристы) и учеников лицей доминировали следующие ЭНЛ: пугническая,

глотическая, гедонистическая (у юношей) и коммуникативная, эстетическая и аквизитивная (у девушек) [7; 16]. При этом уровень колебаний значений не очень сильный, т. е. к доминирующим ЭНЛ близко подходят ЭНЛ «второго» уровня, что совершенно не выражено у представителей малых народов.

Исследования, проведенные на врачах и учителях (т. н. группа «помогающих» профессий) выявили четкое доминирование альтруистической, коммуникативной и практической направленностей [6, с. 189], что очень сходно с показателями у представителей малых народов. Однако у представителей таких профессий, с такими ЭНЛ крайне высок риск профессионального выгорания, что дополнительно свидетельствует о низких адаптивных возможностях в современном обществе у представителей исследованных народов (как и у представителей помогающих профессий).

Таким образом, результаты проведенного исследования наглядно показали, что в структуре интенциональной направленности представителей исследованных этносов отчетливо просматриваются особенности, которые можно объединить в комплекс, обеспечивающий успешную адаптацию к традиционным условиям существования и провоцирующий нарушения адаптации в современных социально-экономических условиях, которые формируются доминирующей нацией, государством. Такой этнофункциональный комплекс формируется веками и тысячелетиями и современные социальные, экономические и культурные трансформации оказывают на него в большей степени разрушительное действие, что и проявляется на уровне интенции в несовпадении базовых направленностей и требований профессиональной деятельности, культурной среды, информационных потоков [17].

Попытка силовыми способами, административно «принудить» представителей малых коренных этносов включиться в социально-экономические отношения угрожает не только разрушением и гибелью этих сообществ, культур, этносов, но и болезнями и алкоголизмом для конкретных представителей. В связи с этим на первый план выходит слабо разработанная проблема сочетания в ментальности коренных народов, их традиционного мировоззрения, необходимого для сохранения их этнической идентичности, с русской культурой, экономикой, производством. Кроме этого, во весь рост встает вопрос об интеграции культуры малых коренных народов в общую культуру, в социально-экономическую практику, что является трендом XXI века. Все это укладывается в концепцию «диалога культур», интенсивно разрабатываемую в различных областях знания с активным участием отечественных исследователей [8].

Результаты нашего исследования могут быть применены в практике и внести ценный вклад в актуальную на сегодня, значимую область исследований, направленных на изучение процессов интеграции коренных малочисленных народов в «большое» общество.

Литература

1. Гарбузов В. И. Практическая психотерапия, или как вернуть ребенку и подростку уверенность в себе, истинное достоинство и здоровье. СПб.: Сфера, 1994. 160 с.
2. Гарбузов В. И. Инстинкты человека. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб, 2006. 477 с.
3. Гольдшмидт Е. С. Функциональная асимметрия мозга у детей. Особенности развития в различных социально-педагогических условиях. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 204 с.
4. Гольдшмидт Е. С. Интенционально-поведенческие аспекты развития // Интегральная психология: контуры, уровни, линии развития: коллективная монография / под ред. И. С. Морозовой. Кемерово, 2010. С. 57 – 69.
5. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с.
6. Доценко О. Н. Эмоциональная направленность как фактор «выгорания» у представителей социэкономических профессий // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 5. С. 92 – 101.
7. Зими́на В. Ю. Герасимова А. С. Взаимосвязь эмоциональной направленности студентов и их мотивационной готовности к научно-исследовательской деятельности // Современные научные исследования: методология, теория, практика: материалы Международной научно-практической конференции (Челябинск, 24 февраля 2014). Челябинск: Сити-Принт, 2014. С. 25 – 35.
8. Кокшаров Н. В. Взаимодействие культур: диалог культур // Электронный ресурс Интернет: Credo New. № 3 (2003). Режим доступа: <http://credonew.ru/content/view/352/55>
9. Леутин В. П., Николаева Е. И. Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга. Новосибирск: Наука, 1988. 192 с.
10. Либин А. В., Либина А. В., Либин В. В. Психографический тест: конструктивный рисунок человека из геометрических форм. М.: Эксмо, 2008. 368 с.
11. Назын-оол М. В., Будук-оол Л. К. Функциональная асимметрия мозга и обучение: этнические особенности. М.: Академия Естествознания, 2010. 143 с.
12. Никиреев Е. М. Направленность личности и методы ее исследования: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 2004. 192 с.
13. Перевалов Р. В., Кувшинова Т. И., Гольдшмидт Е. С. Сравнительное исследование доминирующих инстинктов у студентов КемГУ // Материалы IX (XLI) Международной научно-практической конференции: образование, наука, инновации: вклад молодых исследователей. КемГУ. Кемерово, 2015. Вып. 16. С. 650 – 655.
14. Поддубиков В. В. Коренные народы на пути устойчивого развития: традиционное природопользование и проблемы сохранения природно-культурного наследия (опыт Алтае-Саянского экорегиона) // Соврем. исслед. соц. проблем. 2012. № 3. С. 61 – 69.
15. Семке В. Я., Чухрова М. Г., Бохан Н. А., Куприянова И. Е., Рахмазова Л. Д. Психическое здоровье коренного населения Восточного региона России. Томск; Новосибирск: Альфа Виста, 2009.
16. Спиридонова Н. Ю. Учет профиля эмоциональной направленности личности в процессе выбора профессии // Вестник университета. М.: Государственный университет управления, 2010. № 11. С. 113 – 115.
17. Сухарев А. В., Панкова С. Ю., Соснин В. А., Чулисова А. П. Роль этнофункциональных параметров в психологической адаптации коренных народов Сахалинской области (на примере нивхов) // Пространство и время. 2015. № 1 – 2(19 – 20). С. 279 – 288.
18. Столяренко Л. Д. Основы психологии. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 736 с.
19. Холодцева Е. Л. Исследование конкурентоспособности в системе разноуровневых характеристик специалистов социальной сферы // Сибирский психологический журнал. 2008. № 28. С. 29 – 32.
20. Чухрова М. Г., Курилович С. А., Леутин В. П. Патофизиологические и психосоматические аспекты потребления алкоголя в Туве. Новосибирск, 1999. 148 с.

Информация об авторах:

Гольдшмидт Евгений Семенович – кандидат биологических наук, доцент кафедры психологии образования КемГУ, goldschmidtes@yandex.ru.

Evgeny S. Goldshmidt – Candidate of Diology, Associate Professor at the Department of Psychology of Education, Kemerovo State University.

Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, заведующий лабораторией этно-социальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ, poddub@gmail.com.

Vladimir V. Poddubikov – Candidate of History, Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.12.2015 г.

**ОТЧУЖДЕНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО «Я» НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЦИЕНТОВ
С ФИЗИЧЕСКИМИ ДЕФЕКТАМИ И СУБЪЕКТОВ БЕЗ ДЕФЕКТОВ ВНЕШНОСТИ***Н. А. Каминская***THE ALIENATION OF THE PHYSICAL SELF: THE STUDY OF PATIENTS WITH PHYSICAL DEFECTS
AND SUBJECTS WITH NORMAL APPEARANCE***N. A. Kaminskaya*

В статье предпринята попытка исследовать отчуждение физического «Я» в контексте присвоения своего тела субъектом. Были сформулированы следующие предположения: 1) феномены отчуждения являются проявлением дезинтеграции образа физического «Я»; 2) интеграция образа физического «Я» предполагает способность к осознанию и принятию своих телесных особенностей, формированию инструментального отношения к телу. В связи с этим были выдвинуты эмпирические гипотезы. В исследовании приняли участие 2 выборки испытуемых, представляющие определенные жизненные контексты формирования образа тела: 1) пациенты отделения челюстно-лицевой хирургии с видимыми физическими дефектами (30 человек); 2) испытуемые без физических дефектов (30 человек). В качестве методик использовались: полуструктурированное интервью, фото- и видеосъемка, проективные методы, опросники. В результате была выделена феноменология отчуждения физического «Я» и его психологический смысл, показаны закономерности отношения к своему телу в выборках испытуемых, а также зависимость принятия или непринятия своего тела от типа личностной организации участников исследования.

The paper represents the exploration of the alienation of the physical Self in the context of the assignment of the body by the subject. The following assumptions were formulated: 1) the phenomena of alienation are the manifestations of the disintegration of the physical Self; 2) integration of the physical Self refers to the ability to recognize and adopt the physical characteristics of the body, the formation of an instrumental attitude to it. Therefore empirical hypotheses have been put forward. The study involved 2 test samples, representing some vital context of the formation of body image: 1) patients in oral and maxillofacial surgery with visible physical defects (30 people); 2) subjects without physical defects (30 people). The following techniques were used: semi-structured interviews, photo and video shootings, projective techniques, questionnaires. As the result of the research, the physical phenomenology of alienation of the physical Self and its psychological meaning has been allocated, the patterns of attitude to the body in the samples tested and the dependence of acceptance or rejection of the body on the type of personal organization of study participants have been shown.

Ключевые слова: телесность, образ физического «Я», образ тела, образ внешности, отчуждение, присвоение, интеграция, дезинтеграция.

Keywords: body image, physical Self, image of appearance, alienation, integration, disintegration, corporeality.

В настоящее время возрастает роль внешнего облика при восприятии и оценке личности, он становится важным компонентом ее самоотношения, самосознания, что является продуктом существующей культурной формации. Современное общество может быть охарактеризовано как телесно-ориентированное, — приобретают особую значимость вопросы имиджа, усиливается мода на преобразование тела, растет популярность телесных практик. Вследствие этого увеличивается число исследований, посвященных когнитивным и оценочным аспектам образа физического «Я». В фокус внимания исследователей, как правило, попадают случаи недовольства, неудовлетворенности своим телом в силу его несоответствия существующим взглядам на идеальные параметры внешности. Иначе говоря, оцениваются эстетические запросы в отношении своего тела у различных категорий лиц. Прежде всего данные тенденции наиболее четко прослеживаются в зарубежных исследованиях образа тела (K. Thompson [19], T. F. Cash [16; 17], K. Philips, S. Grogan [18], M. Tiggeman; L. Clark; H. Dohnt; M. P. Levine; L. Smolak; E. Stice; M. Kindes, E. F. Williams; M. T. Santos; H. Markus и др.).

Интерес к изучению образа физического «Я» обусловлен и особым статусом данной предметной области, поскольку телесный опыт отражает глубинный, базовый уровень личностной организации, основывающийся на чувстве отождествленности с собственным телом и физическим образом, которое во многом определяет дальнейшее развитие психических структур. Изучение присвоения своего тела субъектом и характера опосредствующих его механизмов приводит к фиксации особой феноменологии, характеризующей недостаточный контакт субъекта со своим телом и, более узко, с внешним обликом, непринятие своих двигательных, экспрессивных особенностей. Несмотря на то, что выявление феноменов «отчуждения» на материале психологической нормы не является типичным, в практической психологической работе — телесно-ориентированной психотерапии и психоконсультативной практике — в виду особого ценностного контекста, сложившегося в отношении телесности, данные явления выделяются наиболее ярко.

Тема отчуждения физического «Я» затрагивалась в контексте философских исследований телесности (М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартром, Р. Бартом, М. Фуко, Ж. Делезом, Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси и т. д.); в

психиатрических исследованиях (П. Жане, П. Шильдером, Р. Лэйнгом, В. Тауском, Д. Шапиро, А. А. Меграбяном, Г. М. Назлояном [8], А. Ш. Тхостовым [14] и т. д.); в рамках психологического анализа и психотерапевтической работы с личностью через ее телесный образ К. Хорни, D. W. Kueger, J. Goodwin, R. Attias, T. F. Cash, В. Райхом, А. Лоуэном, Ф. Александером, Ш. Сельвер, М. Фельденкрайзом, Г. Бойсен, Ж. Лаканом, Ф. Дольто и др.; в контексте изучения восприятия личностью собственного внешнего облика Е. Т. Соколовой [11], А. Н. Дорожевцом [4], К. Д. Шафранской, М. В. Коркиной, В. Н. Кунициной, О. Л. Романовой, Е. И. Первичко [10], В. А. Лабунской [7] и др.

В настоящей работе была предпринята попытка исследовать отношение к телу в структуре образа физического «Я» в принципиально отличающихся жизненных контекстах и выявить психологический смысл отчуждения для формирования образа тела и личностной организации субъекта.

Под феноменами «отчуждения» мы понимаем *осознанное или неосознаваемое отношение неприятия своего тела личностью, проявляющееся в поведенческих, эмоциональных и вербальных реакциях субъекта.*

Отметим, что в исследовании методологическим базисом выступила концепция интеграции как личностного уровня организации психических процессов, в рамках которой личность рассматривается как активная саморегулирующаяся структура, как инструмент формирования и поддержания интегрированности психических процессов [2]. *В связи с этим были сформулированы теоретические предположения данной работы:*

1) феномены «отчуждения» могут рассматриваться как проявления недостаточной сформированности, дезинтегрированности образа физического «Я»;

2) интеграция образа физического «Я» предполагает способность к осознанию и принятию своих телесных особенностей, формированию инструментального отношения к телу.

Именно этими теоретическими гипотезами мы руководствовались при выдвижении эмпирических предположений и планированию экспериментальной части данной работы.

Прежде всего стоит отметить, что образ физического «Я» рассматривался сквозь призму ситуаций, актуализирующих работу личности с собственным телом, ставящих субъекта перед решением задачи психологического характера. Подчеркнем, что под словом «задача» мы понимаем не только подструктуру цели действия, как принято в общей теории деятельности, но и задачу, которая обращена личностью на саму себя, как способ приведения своих психических процессов в необходимую для выполнения определенных функций структуру, что выражается в присвоении своего тела, перестройке его образа [5].

В рамках эмпирического исследования были сформированы группы испытуемых, которые отличались друг от друга наличием особой работы по построению своего телесного образа в определенном жизненном контексте.

Первая группа испытуемых (выборка 1; 30 человек) состояла из пациентов Клиники челюстно-лицевой и пластической хирургии, которым предстояла хирургическая операция по устранению врожденных пороков развития, физических дефектов, полученных в результате травм и несчастных случаев. Поскольку внешний облик участвовавших в исследовании пациентов существенно отличается от социальных стандартов, а главное – значительная часть выборки сталкивается с неожиданным, резким изменением внешности, мы предположили, что данная группа испытывает наибольшие трудности, «встраивая» образ физического «Я» в структуру личности в целом. Поэтому феномены «отчуждения» могут проявиться здесь наиболее выпукло.

Вторая группа испытуемых (выборка 2; 30 человек) была сформирована из субъектов, не имеющих дефектов внешности, не прибегавших к хирургическому изменению физического облика. Данная группа характеризует взаимоотношения личности со своим физическим обликом в рамках нормального жизненного процесса, без патологических явлений, и раскрывает деятельность личности по созданию образа собственной внешности для себя и для других в общем жизненном контексте.

Далее были сформулированы следующие *эмпирические гипотезы.*

1. Феномены «отчуждения» наиболее выражены в группе лиц, имеющих физические дефекты, по сравнению с испытуемыми без дефектов внешности (гипотеза 1).

2. Феномены «отчуждения» чаще проявляются у испытуемых, обладающих неинтегрированной личностной структурой (гипотеза 2).

3. Отчуждение физического «Я» имеет различный психологический смысл в зависимости от специфики задачи по формированию образа физического «Я» в рамках определенной жизненной ситуации (гипотеза 3).

Методика исследования была направлена на выявление особенностей осознаваемого и неосознаваемого отношения к телу (как характеристики образа физического «Я»), помимо этого фиксировались значимые отношения в структуре личности испытуемых, характеристики самооценки и самоотношения, т. е. изучался более широкий личностный контекст, внутри которого рассматривались процессы построения образа тела субъектом.

Итак, в исследовании применялись:

1) полустандартизированное интервью (опиралось на общие принципы проведения исследовательской беседы в клинике, сформулированные Б. В. Зейгарник [6]). Приведем примеры вопросов: Ухаживаете ли Вы за своим внешним обликом и что входит в данные процедуры? Как Вы выбираете одежду? Важно ли для Вас придерживаться какого-либо стиля? На что Вы больше всего обращаете внимание в своей внешности? Считаете ли важным поддерживать себя в физической форме? Какие достоинства и недостатки Вы видите в Вашей внешности? Хотели бы Вы что-то в ней исправить? Что из этих исправлений является для Вас реальным, а что невозможным? Нравится ли Вам

Ваше отражение в зеркале? Часто ли Вы смотрите в зеркало? и т. д.

Пациентам с физическими дефектами задавались дополнительные вопросы об обстоятельствах несчастного случая и полученных в результате него травмах, о переживаниях испытуемого, связанных с травмой, их изменении во времени, обсуждались предыдущие меры по устранению дефекта, процесс поиска испытуемым клиники, задавались вопросы о причинах выбора именно данной клиники, данного лечащего врача, данного временного периода для проведения операции или цикла операций.

В ходе обработки данных беседы выделялись прямые (ответы испытуемого, содержащие прямую положительную или отрицательную оценку своего внешнего облика) и косвенные показатели (уходы от ответа, невербальные проявления, темы, подчеркивание незначимости внешнего облика);

2) метод фотографии и видеосъемки (В. А. Лабунская). Чтобы воссоздать естественные условия проявления интересующих нас компонентов образа физического «Я» в выборке с испытуемыми, не имеющими дефектов внешности, была смоделирована ситуация «столкновения» со своим отраженным обликом. Испытуемому было предложено сфотографироваться в нескольких ракурсах и сняться на видео, делались 5 фотографий и 1 видеоролик, испытуемому предлагалось оценить получившиеся фотографии и видеоролик по 10-балльной шкале. При этом задавались следующие вопросы: Как Вы относитесь к своим фотографиям? Можно ли Вас сфотографировать? Нравится ли Вам фотография, видео? Оцените их по 10-балльной шкале. Что нужно сделать, чтобы Вы поставили этой фотографии или видео 10 баллов? Разместили ли бы Вы эти фотографии в сети? Как Вы себя чувствовали при фото- и видеосъемке? Было ли Вам комфортно?

По этическим соображениям данная процедура не проводилась среди пациентов с физическими дефектами.

В ходе обработки выделялись прямые показатели (прямые оценки своих фото- и видеоизображений), косвенные показатели (поведенческие реакции, отказ от фотографирования и видеосъемки, нежелание видеть себя на фото- и видеоизображениях);

3) методика «Просмотр фотографий» (Суэми, Фернхем [12]). Использовалась как косвенная методика исследования отношения испытуемых к своему физическому облику. Предъявлялось 29 черно-белых фотографий лиц с различными типажми внешности того же пола, что и сам испытуемый. Инструкция звучала следующим образом: «Выберите из предложенных фотографий те лица, которые вы считаете приятными для себя по каким-либо параметрам». Далее испытуемому предлагалось выбрать лица, которые он считает похожими на него. Косвенными показателями являлись: темы (описание особенностей экспрессии, описание черт лица и фигуры, описание работы над внешним обликом), подчеркивание незначимости внешнего облика, повторение (частое упоминание определенной черты при оценке фотографий рост, вес, цвет волос и т. д.; у пациентов – упоминание о

тех чертах внешности, которые имеют дефект), выбор испытуемым лица, похожего на себя, которое до этого оценивалось им позитивно или негативно, уход от ответа, невербальные проявления;

4) метод незаконченных предложений (был использован вариант метода, разработанный J. M. Sacks и S. Levy и состоящий из 60 незаконченных предложений);

5) методика исследования самоотношения (МИС), разработанная С. Р. Пантеевым;

6) методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн (модификация П. В. Янышина), которая включала в себя шкалы «здоровье», «ум», «характер», «счастье», «удовлетворенности собой» и «оптимизма». Помимо этого вводилась шкала «значимость внешности», что отвечало целям исследования.

Выделяемые категории и показатели. При обработке данных методик выделялись следующие категории:

1. *Отношение к своему телу:* 1) *осознаваемое* (выявлялось по прямым показателям) – *принятие* или *непринятие*; 2) *неосознаваемое* (выявлялось по косвенным показателям) *принятие* или *непринятие*.

2. Категории, относящиеся к особенностям структуры личности:

1) *мотивационно-потребностная сфера* (определялась по приоритету того или иного вида деятельности для испытуемого – учебной, профессиональной, деятельности общения и т. д., по содержанию потребностей – потребность в самоактуализации, достижениях, избегании неудач и т. д.);

2) *характер психологических защит* (отрицание, идеализация, проекция и т. д.);

3) *характер самоотношения* – *позитивный* (средние и высокие значения когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов самоотношения при низком уровне самообвинения), *конфликтный* (повышенный уровень самообвинения и тенденция к снижению значений когнитивного и эмоционально-ценностного компонентов самоотношения).

3. Категория, обобщающая значения показателей личностной структуры (мотивационно-потребностной сферы, характера психологических защит, характер самоотношения): 1) *интегрированный тип* личностной структуры (непротиворечивость образа «Я», сформированность мотивационно-потребностной сферы, положительный характер самоотношения, преобладание вторичных защитных механизмов); 2) *неинтегрированный тип* личностной структуры (противоречивый образ «Я», неустойчивость, неоднозначность мотивационно-потребностной сферы, конфликтный характер самоотношения, преобладающие защитные механизмы первичного или смешанного типа).

4. Категория, отражающая особенности самооценки испытуемых: 1) *интегрированность* осознаваемого и неосознаваемого уровня самооценки (определялась по совпадению показателей оптимизма и удовлетворенности собой по прямым и косвенным данным); 2) *неинтегрированность* осознаваемого и неосознаваемого уровня самооценки (определялась по несовпадению показателей оптимизма и удовлетворенности собой по прямым и косвенным данным).

Результаты исследования. Сравним данные, полученные в двух выборках испытуемых. Для этого представим их в сводных таблицах.

Таблица 1

Отношение к телу в выборках испытуемых

№ выборки	Отношение к телу			
	осознаваемый уровень (прямые показатели)		неосознаваемый уровень (косвенные показатели)	
	принятие	непринятие	принятие	непринятие
Выборка 1	20	10	14	16
Выборка 2	26	4	10	20
Общее кол-во испытуемых	60		60	

Согласно полученным результатам, осознаваемое принятие ярче выражено среди испытуемых, не имеющих дефектов внешности. И вместе с тем, в данной выборке наиболее высок процент неосознаваемого неприятия своего физического облика, что даже превосходит значение неприятия в выборке пациентов Клиники челюстно-лицевой и пластической хирургии. Совпадают ли прямые и косвенные показатели отношения к телу и являются ли значимыми различия при сравнении двух выборок испытуемых, мы сможем заключить, обратившись к следующим результатам (таблица 2).

Данная таблица показывает, что неприятие своего тела, при котором на осознаваемом уровне фиксируется принятие или неприятие, а на неосознаваемом – неприятие, у пациентов с физическими дефектами и испытуемых без дефектов внешности представлено одинаково.

Сопоставим характер осознаваемого и неосознаваемого отношения к телу (его совпадение или несовпадение) и соотношение осознаваемого и неосознаваемого уровня самооценки в выборках испытуемых (таблица 3).

Таблица 2

Совпадение осознаваемого и неосознаваемого отношения к телу

№ выборки	Неосознаваемое принятие		Неосознаваемое неприятие		
	осознаваемое принятие	осознаваемое неприятие	осознаваемое принятие	осознаваемое неприятие	
Выборка 1	10	3	12	5	30
Выборка 2	8	1	18	3	30
Общее кол-во испытуемых	60				

Таблица 3

Сопоставление отношения к телу и особенностей самооценки в выборках испытуемых

№ выборки	Осознаваемое и неосознаваемое отношение к телу — Соотношение осознаваемого и неосознаваемого уровня самооценки			
	совпадение – интегрированность	совпадение – неинтегрированность	несовпадение – интегрированность	несовпадение – неинтегрированность
Выборка 1	10	4	6	10
Выборка 2	11	5	2	12
Общее кол-во испытуемых	60			

Согласно данным таблицы 3, существует тенденция, согласно которой испытуемые, характеризующиеся согласованным отношением к своему телу на осознаваемом и неосознаваемом уровне, демонстрируют интегрированность уровней самооценки, что свидетельствует о минимальном действии защитных

механизмов при восприятии и оценке ими своего тела и в структуре самоотношения.

Рассмотрим соотношение показателей отношения к телу и типа личностной организации в выборках испытуемых (таблица 4).

**Соотношение показателей отношения к телу и типа личностной структуры
во всех выборках испытуемых**

<i>№ выборки</i>	<i>Принятие – интегрированная</i>	<i>Принятие – неинтегрированная</i>	<i>Непринятие – интегрированная</i>	<i>Непринятие – неинтегрированная</i>
Выборка 1	12	3	1	14
Выборка 2	12	4	2	12
Общее кол-во испытуемых	60			

Данные указывают на наличие тенденции, согласно которой принятие своего тела больше соотносится с интегрированной личностной организацией, а неприятие – с неинтегрированной.

Кроме того, была подробно описана представленная в протоколах обследования *феноменология отношения к своему телу*. Кратко опишем ее далее.

1. В выборке пациентов с эстетическими дефектами лица, головы, шеи в ситуации присвоения своего изменившегося облика или облика, не соответствующего социальным стандартам, отношение к своему телу проявляется через: 1) высказываемое неприятие дефекта, переживание уродливости своего физического облика (17 случаев); 2) уход от переживаний, связанных с дефектом (11 случаев).

2. В выборке испытуемых без дефектов внешности в ситуации создания непротиворечивого, согласованного образа физического «Я» при формировании образа собственной внешности отношение к телу проявляется через: 1) нежелание видеть себя со стороны, отказ от восприятия своего физического облика (7 случаев); 2) неприятие своего физического облика; осознаваемое переживание отсутствия контакта со своим телом или физическим образом (14 случаев).

Далее был проведен анализ индивидуальных случаев, позволивший выделить подгруппы испытуемых в исследуемых выборках и сделать вывод о психологическом смысле отчуждения, характерном для каждой подгруппы. Полученные результаты представим в следующем пункте.

Обсуждение результатов. В результате обработки эмпирического материала мы получили данные, свидетельствующие о несовпадении прямых и косвенных показателей отношения к телу у пациентов с физическими дефектами и испытуемых без дефектов внешности, что указывает на действие защитных механизмов при восприятии испытуемыми своего физического облика.

Сопоставление показателей отношения к телу и особенностей самооценки позволило выявить тенденцию, согласно которой интегрированность осознаваемого и неосознаваемого уровней самооценки фиксируется при совпадении осознаваемого и неосознаваемого отношения к телу, что может указывать на отсутствие потребности «локализовывать» негативные переживания на неосознаваемом уровне и выработке других средств присвоения своего физического облика.

Соотнесение показателей отношения к телу и типа личностной организации в двух выборках испытуемых показало, что принятие своего тела ярче выражено у испытуемых с интегрированной личностной структурой и менее – у неинтегрированных испытуемых. Иначе говоря, неприятие своего физического облика сопутствует конфликтной личностной структуре.

Фиксируемая в данных группах феноменология отношения к своему телу указывает на уход от восприятия особенностей своего физического облика, а также на осознанное неприятие своего тела, что, по сути, является проявлением отчуждения. Помимо этого, были выделены феномены осознания и принятия испытуемыми своего тела. В выборке пациентов с физическими дефектами указанные феномены имеют форму осознания и принятия своего изменившегося облика и трудностей, которые накладывают на социальную жизнь дефект, а среди испытуемых без дефектов внешности – форму осознания и принятия своей индивидуальности.

Анализ индивидуальных случаев позволил выявить психологический смысл феноменов «отчуждения».

1. В рамках задачи по присвоению своего изменившегося облика или облика, имеющего дефект и в силу этого не соответствующего социальным стандартам, психологический смысл отчуждения заключается:

1) в стимулировании внутренней работы личности по выработке средств приспособления к дефекту для сохранения целостности, интегрированности личностной структуры;

2) в изоляции негативных переживаний, связанных с наличием дефекта, для защиты личностной структуры от конфликтных психических содержаний;

3) в разрушении образа физического «Я» и образа «Я» личности, как проявление дезинтеграции личности.

2. В рамках задачи по созданию непротиворечивого, согласованного образа физического «Я» при формировании образа собственной внешности, психологический смысл отчуждения заключается в:

1) уходе от осознания неприятия своего внешнего облика для сохранения положительного отношения к своей внешности и целостности образа физического «Я»;

2) проявлении дезинтеграции личности, противоречивости, несогласованности личностной организации.

Получив подтверждение эмпирических гипотез, мы можем говорить о феноменах отчуждения как о проявлении недостаточной сформированности образа физического «Я», его дезинтегрированности. В этом случае отчуждение выступает симптомом недостаточного присвоения своего тела испытуемым, что особенно показательно для выборок с нормальной внешностью, поскольку наличие дефекта само по себе свидетельствует о патологическом процессе, могущем

разворачиваться в образе физического «Я» и в целом в образе «Я» личности. Следовательно, отсутствие или недостаточная работа по интеграции образа физического «Я» феноменологически представлена отчуждением.

Дальнейшее исследование отчуждения физического «Я» может пролить свет на условия успешного прохождения этапа индивидуации, на котором формируется осознание и принятие субъектом себя как личности, непохожей на других, обладающей собственным, уникальным обликом, что является необходимым условием нормального личностного развития.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание человека. М.: Академия, 2007. 528 с.
2. Божович Л. И. Проблемы формирования личности: избранные психологические труды. М.: Изд-во МПСИ, 2001. 352 с.
3. Гальперин П. Я. Введение в психологию. М.: Университет, 2000. 336 с.
4. Дорожевец А. Н. Искажение восприятия своей внешности у больных ожирением. Вестн. Моск. ун-та. (Серия: Психология). 1987. № 1. С. 21 – 29.
5. Жане П. Психологическая эволюция личности. М.: Академический Проект, 2010. 400 с.
6. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Академия, 1999. 208 с.
7. Лабунская В. А. Эстетическая оценка своего лица и значимость внешнего облика для женщин, использующих различные практики преобразования внешнего облика. Лицо человека как средство общения: междисциплинарный подход / отв. ред. В. А. Барабанщиков, А. А. Демидов, Д. А. Дивеев. М.: Когито-Центр, 2012. 348 с.
8. Назлоян Г. М. Зеркальный двойник – утрата и обретение. М.: Друза, 1994. 115 с.
9. Николаева В. В., Арина Г. А. Клинико-психологические проблемы психологии телесности // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 1. С. 119 – 126.
10. Первичко Е. И. Особенности эмоционального и телесного опыта у детей с ожоговыми травмами // International Journal of Psychology, издательство Psychology Press (United Kingdom). Т. 43. № 3 – 4. С. 115.
11. Соколова Е. Т. Клиническая психология утраты Я. М.: Смысл, 2015. 407 с.
12. Суэми В., Фернхем А. Психология красоты и привлекательности. СПб.: Питер, 2009. 240 с.
13. Танцевальные практики: семиотика, психология, культура / под общ. ред. А. М. Айламазян. М.: Смысл, 2012. 287 с.
14. Тхостов А. Ш. Психология телесности. М.: Смысл, 2002. 288 с.
15. Шафранская К. Д. Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. МГУ, 1981. С. 212 – 221.
16. Cash T. F. Cognitive-behavioral perspectives on body image. In T. F. Cash (Ed.). Encyclopedia of Body Image and Human Appearance. London, UK, and San Diego, CA: Academic Press (Elsevier). 2012. P. 334 – 342.
17. Cash T. F. The Body Image Workbook: An Eight-Step Program for Learning to like Your Looks. Oakland: New Harbinger Publications, 2008.
18. Grogan S. Body Image: Understanding Body Dissatisfaction in Men, Women and Children. 2007. NY., 1999. 264 p.
19. Thompson J. K. (Ed.). Handbook of eating disorders and obesity. New York: Wiley, 2004.

Информация об авторах:

Каминская Наталья Андреевна – преподаватель кафедры психологии факультета социального инжиниринга Московского авиационного института (Национальный исследовательский университет), Москва, Россия, navigator_com@inbox.ru.

Natalia A. Kaminskaya – Lecturer at the Faculty of Social Engineering, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia.

Статья поступила в редколлегию 18.01.2016 г.

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ОЦЕНКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВУЗОВСКОЙ МОЛОДЕЖЬЮ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Е. А. Кранзеева, С. А. Богомаз

GENDER DIFFERENCES IN THE ASSESSMENT OF OPPORTUNITIES FOR REALIZATION OF THE UNIVERSITY YOUTH'S PERSONAL POTENTIAL IN THE URBAN ENVIRONMENT

Е. А. Kranzeeva, S. A. Bogomaz

Подготовлено при поддержке РГНФ, проект «Психологические факторы средовой самоидентичности», № 15-06-10803.

Авторы статьи представляют результаты эмпирического исследования, проведенного в пяти сибирских городах. Для оценки возможностей личностного потенциала использовался комплекс методик. Полученные данные указывают, что оценка среды для личностно-профессионального развития потенциала у юношей и девушек схожа. Для большинства молодежи преобладающими остаются ценности семьи и работы. Авторы обозначают тенденции, в которых у юношей больше выражено стремление к вызову, успеху, предприимчивости, в то время как девушки рассчитывают на хорошую работу, связанную со служением людям. Для девушек в большей степени характерен «уход» от реальности, сосредоточенность на воображаемой или воссоздаваемой среде, объектах и собственных переживаниях, возможно, связанных с этими средами объектами, ситуациями. Такое конфликтное самосознание может отражаться на оценке и перспективах построения собственного будущего.

The authors present the results of empirical research conducted in five Siberian cities. A complex of methods was used for assessment of personal potential. The data obtained indicate that the evaluation of the environment for personal and professional potential development among boys and girls is similar. For most young people, family and work remain absolute values. The authors indicate trends in which young men expressed more desire for challenge, success, entrepreneurship, while girls expect a good job associated with serving people in more a characteristic “departure” from reality, focus on the imagined or recreated environments, objects and their own experiences that may be associated with these environments, objects, situations. Such conflicting self may influence the assessment and prospects of building their own future.

Ключевые слова: оценка личностного потенциала, самоорганизация, карьерные ориентации, рефлексия, базисные ценности, гендерные различия.

Keywords: assessment of personal potential, self-organization, career orientation, reflection, basic values, gender differences.

Изучение гендерных особенностей всегда представляет интерес для исследовательской практики и отражается в многообразии результатов, зачастую противоречивых. Одни исследователи отрицают возможность каких-либо гендерных различий в осмыслении себя и мира. Другие – обозначают существование значительного числа качественных и количественных отличий, описывая их как «типично мужское» и/или «типично женское», зачастую противопоставляя их (рациональное – эмоциональное, мужская логика – женская логика и пр.).

Ряд исследований (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.) основываются на представлениях о том, что различия социальной жизни мужчин и женщин определяются той функциональной ролью, которую они выполняют в обществе. При этом социальные роли жестко дифференцированы по полу. Контроль исполнения социальных ролей осуществляется обществом с помощью различных механизмов – положительных и отрицательных санкций.

Позже представители конструктивистского подхода (И. Гофман, Г. Гарфинкель и др.) ставят под сомнение тот факт, что биологический пол определяет все социальное взаимодействие. С точки зрения исследователей, происходит конструирование гендера в

различных сферах жизнедеятельности с помощью разнообразных средств и механизмов. Значимыми здесь являются ценностные установки, стереотипы, социокультурная среда и пр. [5]. При этом индивид избирательно чувствителен к одним факторам среды и мало чувствителен к другим. Эта избирательность факторов может оказать значимое влияние на формирование личности. Нам представляется интересным сравнение таких значимых факторов у юношей и девушек.

В исследовании принимала участие молодежь (студенты старших курсов, магистранты и аспиранты), проживающая в сибирских городах: Барнаул, Иркутск, Кемерово, Лесосибирск (Красноярский край), Томск. Всего участвовало 945 человек, из них 580 девушек и 365 юношей. Средний возраст респондентов $23,40 \pm 5,26$ лет.

В исследовании для оценки личностного потенциала участников использовались:

1. Опросник самоорганизации деятельности (Е. Ю. Мандрикова).

2. Опросник карьерных ориентаций («Якоря карьеры» Э. Шейн; в адаптации В. А. Чикера, В. Э. Винокуровой; модификация С. А. Богомаз).

3. Методика дифференциальной диагностики рефлексивности (Д. А. Леонтьев).

4. Опросник качества жизни и удовлетворенности (Ritsneretal; в адаптации Е. И. Рассказовой).

Для оценки условий среды использовалась методика «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» (далее СОРБЦ). Эта методика построена на основе семантического дифференциала и позволяет судить о субъективном мнении испытуемых относительно возможности реализации 20 базисных ценно-

стей как условия личностно-профессионального развития в конкретных средовых условиях.

Реализация своего потенциала молодежью связана с умением самоорганизации, сформированностью навыков тактического планирования и стратегического целеполагания. Выявление гендерных различий самоорганизации осуществлялось с помощью методики «Опросник самоорганизации деятельности (ОСД)», разработанной Е. Ю. Мандриковой [7] (таблица 1).

Таблица 1

**Средние значения показателей «Опросника самоорганизации деятельности»
(в баллах $\pm$ стандартное отклонение) в выборке вузовской молодежи**

<i>Шкалы</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>	<i>Среднее</i>
Планирование	18,33 $\pm$ 6,29	19,19 $\pm$ 6,02	18,86 $\pm$ 6,14
Наличие целей	35,31 $\pm$ 6,68	35,56 $\pm$ 6,64	35,47 $\pm$ 6,65
Настойчивость	23,44 $\pm$ 6,23	22,39 $\pm$ 6,33	22,80 $\pm$ 6,31
Фиксация	20,27 $\pm$ 5,95	21,66 $\pm$ 6,01	21,12 $\pm$ 6,02
Самоорганизация	7,69 $\pm$ 4,11	9,25 $\pm$ 4,60	8,65 $\pm$ 4,48
Ориентация на настоящее	8,27 $\pm$ 3,34	8,71 $\pm$ 3,24	8,54 $\pm$ 3,29
Суммарный показатель	113,19 $\pm$ 18,86	116,76 $\pm$ 18,66	115,38 $\pm$ 18,81
Индекс Целеустремленности	29,38 $\pm$ 5,50	28,98 $\pm$ 5,44	29,13 $\pm$ 5,47
Индекс Рациональности	15,42 $\pm$ 4,00	16,70 $\pm$ 3,87	16,20 $\pm$ 3,97

В результате выявлены значимые различия между девушками и юношами по трем шкалам (значение t критерия Стьюдента): Самоорганизация $t_{\text{эмп}} = 5,41$; Суммарный показатель (самоорганизация в целом) $t_{\text{эмп}} = 2,84$; Индекс рациональности $t_{\text{эмп}} = 4,86$. По выделенным признакам значения у девушек выше, чем у юношей.

Рассмотрим выделенные признаки отдельно для каждой из групп и проверим гипотезу о взаимосвязи между значениями признаков и возрастом, местом проживания.

Высокий балл по шкале «Самоорганизация» указывает на большую склонность девушек при самоорганизации и планировании прибегать к вспомогательным средствам (ежедневникам, планнингам, бюджетированию времени) и/или добиваться успешности в деятельности при их использовании.

Значения линейной корреляции указывают на отсутствие связи между признаком и возрастом ($r = -0,017$) и местом жительства ($r = -0,265$). Соответственно, использование вспомогательных средств при самоорганизации девушками и юношами не связано с их возрастом и местом проживания.

Общий суммарный балл по ОСД у девушек выше в сравнении с юношами ($t_{\text{эмп}} = 2,84$), это указывает на то, что им в большей степени свойственно видеть и ставить цели, планировать свою деятельность, в том числе с помощью внешних средств, и, проявляя воле-

вые качества и настойчивость, идти к ее достижению, что иногда может приводить к негибкости и «зацикленности» на структурированности и организованности. Корреляционный анализ не выявил связи этого признака с возрастом и местом жительства опрошенных.

Индекс Рациональности отражает склонность человека рационально относиться к собственной деятельности, планируя ее, концентрируясь на ней, «обставляя» ее различными вспомогательными средствами. У девушек значение этого индекса выше, чем у юношей ($t_{\text{эмп}} = 4,86$).

Так, выявлено, что девушки в большей степени склонны планировать и рационально относиться к собственной деятельности, структурируя ее. При этом чаще используют вспомогательные средства, что позволяет достичь успешности.

Цели и планы молодежи направлены на профессиональную деятельность и карьерные устремления. Возникнув, карьерные ориентации могут оставаться стабильными у человека в течение длительного времени. Именно они насыщены представлениями (зачастую неверными) о гендерных различиях.

Структура карьерных ориентаций вузовской молодежи выявлялась с помощью модифицированной версии методики «Опросник карьерных ориентаций» («Якоря карьеры») Э. Шейна [2] (таблица 2).

**Средние значения показателей опросника «Якоря карьеры»
(в баллах) в выборке вузовской молодежи**

<i>Шкалы</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>	<i>Среднее</i>
Ориентация на служение	5,18 ± 1,24	5,43 ± 1,15	5,33 ± 1,19
Ориентация на вызов	4,74 ± 1,26	4,45 ± 1,16	4,56 ± 1,20
Ориентация на предпринимательство	4,34 ± 1,57	4,01 ± 1,50	4,14 ± 1,54
Ориентация «свобода для»	5,10 ± 1,11	5,05 ± 1,03	5,07 ± 1,06
Ориентация «свобода от»	5,04 ± 1,06	4,98 ± 1,01	5,01 ± 1,03

Сравнив результаты, отметим, что статистически значимых различий в карьерных устремлениях юношей и девушек не выявлено. В качестве тенденции отметим большую выраженность ориентации на служение у девушек (5,43) по сравнению с юношами (5,18). Основными ценностями такой карьерной ориентации является «работа с людьми», «служение человечеству», «помощь людям», «желание сделать мир лучше» и т. д. У юношей больше выражена ориентация на вызов (4,74), чем у девушек (4,45). Она предполагает такие ценности карьеры, как «конкуренция», «победа над другими», «преодоление препятствий», «решение трудных задач». Человек ориентирован на

то, чтобы «бросать вызов», при этом социальная ситуация чаще всего рассматривается с позиции «выигрыша – проигрыша». Возможно, это объясняет и большую выраженность ориентации на предпринимательство у юношей (4,34), чем у девушек (4,01).

Важным, с нашей точки зрения, является оценка у молодежи способности к рефлексии, которая выступает одной из ключевых предпосылок перехода от режима детерминированности к режиму самодетерминации. В исследовании мы использовали «Методику дифференциальной диагностики рефлексивности» (Д. А. Леонтьев и др.) [6] (таблица 3).

Таблица 3

Средние значения показателей «Методики дифференциальной диагностики рефлексивности»

<i>Показатели</i>	<i>Юноши</i>	<i>Девушки</i>	<i>Среднее</i>
Системная рефлексия	37,26 ± 6,33	37,47 ± 5,54	37,39 ± 5,86
Самокопание	20,13 ± 5,49	22,33 ± 5,61	21,45 ± 5,56
Квазирефлексия	21,81 ± 5,54	23,23 ± 6,05	22,61 ± 5,63
Суммарный индекс рефлексивности	26,40 ± 3,80	27,68 ± 3,94	27,15 ± 3,88

В результате выявлены статистически значимые различия по трем показателям (значение t критерия Стьюдента): самокопание $t_{\text{эмп}} = 5,73$; квазирефлексия $t_{\text{эмп}} = 3,47$; суммарный индекс рефлексивности $t_{\text{эмп}} = 4,74$.

Результат по шкале «самокопание» у девушек (22,33 балла) указывает на их большую по сравнению с юношами (20,13) сосредоточенность на собственном состоянии, собственных переживаниях. При этом результаты по шкале квазирефлексия указывают на то, что у девушек (23,23) в большей степени, чем у юношей (21,81 балла), сосредоточенность направлена на объект, не имеющий отношения к актуальной жизненной ситуации и связанный с отрывом от актуальной ситуации бытия в мире.

Так, для девушек в большей степени характерен «уход» от реальности, сосредоточенность на воображаемой или воссоздаваемой среде, объектах и собственных переживаниях, возможно, связанных с этими средами объектами, ситуациями.

Такое конфликтное самосознание может быть отражением неопределенности, существующей в общественной жизни, а замешательство – естественный результат неопытности в решении жизненных ситуаций. Значимым здесь является не сам факт конфликтного самосознания, что может объясняться возрастной особенностью молодежи, а «взгляд» извне, уход от ситуации. Это может отражаться на оценке и перспективах построения собственного будущего. Такое построение осуществляется молодежью в силу недостатка опыта, умозрительно, исходя из субъективной оценки текущей жизни.

В связи с обозначенным выше возникла необходимость выявить оценку субъективного благополучия и удовлетворенность молодежи в разных сферах жизни. Для этих целей использовался «Опросник качества жизни и удовлетворенности» (краткий вариант М. Рицнера и др. в адаптации Е. И. Рассказовой) [8] (таблица 4).

Средние значения (в баллах) субшкал «Опросника качества жизни и удовлетворенности»

Шкалы	Юноши	Девушки	Среднее
Физическое здоровье	14,85 ± 3,28	13,90 ± 3,42	14,26 ± 3,35
Эмоциональные переживания	20,51 ± 2,99	20,67 ± 2,96	20,61 ± 2,97
Активность в свободное время	11,71 ± 4,28	10,81 ± 2,26	11,16 ± 3,22
Общение	19,57 ± 3,31	20,28 ± 3,19	20,01 ± 3,25
Суммарный индекс	20,38 ± 2,75	20,15 ± 2,66	20,24 ± 2,69

Анализ гендерных различий в оценке качества жизни и удовлетворенности показал, что девушки выше оценивают удовлетворенность общением $t_{эмп} = 2,67$, а юноши – физическое здоровье $t_{эмп} = 3,66$ и активность в свободное время $t_{эмп} = 3,09$. Можем предположить, что оценка условий среды для молодежи может осуществляться по-разному для юношей и девушек через призму показателей качества жизни и значимость той или иной сферы (например, возможность для активного досуга у юношей или условия для общения у девушек).

В регулировании социального поведения важную роль играют ценностные ориентации, выступающие в качестве целей жизни и основных средств их достижения. При этом культурные нормы часто предписывают мужчинам и женщинам различные типы поведе-

ния, тем самым подкрепляя гендерную дифференциацию ценностей. Реализация этих ценностей разворачивается в определенной среде, предоставляющей ресурсы и/или имеющей дефициты, создающей возможности и/или проблемы. Среда может выступать «полем возможностей» или «зоной ограничений».

Для целей исследования важным было выявление гендерных различий в субъективной оценке условий городской среды вузовской молодежью. Мы использовали методику «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» [3], разработанную С. А. Богомазом на основании семантического дифференциала и диагностирующую отношение людей к возможностям реализации 20 базисных ценностей в конкретных средовых условиях (таблица 5).

Таблица 5

Средние значения (в баллах) показателей методики «Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей» у юношей и девушек

Реализация ценности	Юноши	Девушки	Среднее
Иметь хорошую работу	6,07 ± 1,34	6,25 ± 0,99	6,18 ± 1,14
Быть здоровым	6,43 ± 1,05	6,72 ± 0,64	6,61 ± 0,83
Быть материально обеспеченным	6,13 ± 1,07	6,21 ± 0,97	6,18 ± 1,01
Иметь благополучную семью	6,54 ± 1,14	6,76 ± 0,62	6,67 ± 0,87
Достичь успехов в профессии	6,15 ± 1,26	6,22 ± 0,93	6,18 ± 1,08
Быть уважаемым	5,79 ± 1,31	5,91 ± 1,04	5,86 ± 1,16
Достичь успехов в карьере	6,09 ± 1,25	6,08 ± 1,07	6,07 ± 1,15
Любить и быть любимым	6,43 ± 1,06	6,66 ± 0,84	6,57 ± 0,94
Стать свободным	5,60 ± 1,62	5,31 ± 1,65	5,42 ± 1,64
Чувствовать себя в безопасности	5,88 ± 1,36	6,25 ± 1,13	6,10 ± 1,23
Стать известным и знаменитым	3,53 ± 1,94	3,58 ± 1,88	3,56 ± 1,90
Достичь желаемой цели	6,39 ± 1,03	6,47 ± 0,93	6,43 ± 0,98
Жить полной жизнью	6,03 ± 1,30	6,36 ± 0,99	6,22 ± 1,13
Найти смысл своей жизни	6,10 ± 1,26	6,35 ± 1,04	6,25 ± 1,14
Все знать	4,87 ± 1,76	4,85 ± 1,49	4,85 ± 1,60
Быть примером для других	4,90 ± 1,83	4,73 ± 1,67	4,79 ± 1,73
Самоутвердиться в жизни	5,73 ± 1,35	5,97 ± 1,34	5,87 ± 1,35
Быть уникальным и оригинальным	4,68 ± 1,86	5,01 ± 1,58	4,88 ± 1,70
Иметь власть	4,17 ± 1,95	3,63 ± 1,90	3,83 ± 1,94
Быть справедливым	6,13 ± 1,33	5,93 ± 1,26	6,00 ± 1,29

Сравнительный анализ не выявил значимых различий в оценке реализуемости базисных ценностей в городской среде юношами и девушками. Наибольший разрыв – в оценке такой ценности, как «иметь власть», но статистически значимым этот разрыв не является.

Девушки оценивают городскую среду, прежде всего, как возможность реализации ценностей: «иметь благополучную семью» (6,76 баллов); «быть здоровым» (6,72) и «любить и быть любимым» (6,66). Для юношей городская среда также представляет возможности для реализации тех же ценностей: «иметь благополучную семью» (6,54); «быть здоровым» (6,43) и «любить и быть любимым» (6,43).

И девушки, и юноши наименьшую возможность видят в реализации ценности «стать известными и знаменитыми» (3,58 и 3,53 соответственно).

Полученные данные указывают, что оценка среды для личностно-профессионального развития потенциала у юношей и девушек схожа. Преобладающими у большинства молодежи являются ценности семьи и работы. При этом работа оценивается в двух вариантах: как возможность профессионального и карьерного роста и как возможность быть материально обеспеченным. Схожие результаты ценностного приоритета получены ранее в других исследованиях [1; 4].

В целом юноши и девушки удовлетворены качеством своей жизни, оценивают условия среды как возможность для реализации традиционных ценно-

стей (семья, любовь, здоровье) и профессиональных амбиций (профессия, карьера, материальное обеспечение).

Мы не обнаружили статистически значимых различий в карьерных ориентациях юношей и девушек. Однако мы можем обозначить тенденции, в которых у юношей больше выражено стремление к вызову, успеху, предприимчивости, в то время как девушки рассматривают на хорошую работу, связанную со служением людям.

Причина подобного расхождения возможна в разности представлений. Так, у юношей престиж воспринимается как общественный статус в референтной группе, а успешность связана с профессиональной или творческой деятельностью. Такая модель связана с постоянной конкуренцией, решением трудных задач и преодолением препятствий. В то же время у девушек карьерная ориентация на служение людям может отражать стремление к стабильной работе (например, в организациях сферы услуг, органах государственного управления и пр., с ориентацией на достижение осязаемых, конкретных результатов, например, материального достатка, должностной позиции и т. п.), что косвенно подтверждается результатами по методике ОСД, указывающими, что девушкам в большей степени свойственно осуществлять целеполагание, планирование своей деятельности с использованием внешних средств, фиксации на организации и результатах деятельности.

Литература

1. Атаманова И. В., Стариченко О. Н., Богомаз С. А. Психологические особенности магистрантов и аспирантов, обучающихся в вузах с ориентацией на классическое и инженерное образование // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 128 – 135.
2. Богомаз С. А. Модификация опросника «Якоря карьеры»: ценностная ориентация на инновационную и предпринимательскую деятельность // Сибирский психологический журнал. 2012. № 44. С. 101 – 109.
3. Богомаз С. А., Мацута В. В. Субъективная оценка реализуемости базисных ценностей в городской среде // Сибирский психологический журнал. 2012. № 46. С. 67 – 75.
4. Горшков М. К., Андреев А. Л., Аникин В. А., Горюнова С. В., Давыдова Н. М., Задорин И. В., Лежнина Ю. П., Овчинникова Ю. В., Пахомова Е. И., Петухов В. В., Седова Н. Н., Тихонова Н. Е., Хромов К. А., Бубе М. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2007. 143 с.
5. Кранзеева Е. А. Гендерная социология. Кемерово, 2011. 92 с.
6. Леонтьев Д. А., Лаптева Е. М., Осин Е. Н., Салихова А. Ж. Разработка методики дифференциальной диагностики рефлексивности // Рефлексивные процессы и управление: сб. мат. I Международного симпозиума, 15 – 16 октября 2009 г., Москва / под ред. В. Е. Лепского. М.: Когито-Центр, 2009. С. 145 – 150.
7. Мандрикова Е. Ю. Опросник самоорганизации деятельности. М.: Смысл, 2007. 15 с.
8. Рассказова Е. И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 4. Т. 9. С. 81 – 90.

Информация об авторах:

Кранзеева Елена Анатольевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологических наук КемГУ, elkranzeeva@mail.ru.

Elena A. Kranzeeva – Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Sociological Sciences, Kemerovo State University.

Богомаз Сергей Александрович – доктор психологических наук, зав. кафедрой организационной психологии факультета психологии Томского государственного университета, bogomazsa@mail.ru.

Sergey A. Bogomaz – Doctor of Psychology, Head of the Department of Organizational Psychology, Faculty of Psychology, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 03.11.2015 г.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ГОТОВНОСТИ К ИННОВАЦИЯМ РЕФОРМИРОВАНИЯ

С. А. Красненкова, Ю. Е. Суслов, А. Ф. Федоров

TO THE QUESTION OF STUDYING THE CREATIVE POTENTIAL AND WILLINGNESS TO INNOVATE REFORMATION

S. A. Krasnenkova, Yu. E. Suslov, A. F. Fedorov

В статье рассматривается творческий потенциал человека, работающего в уголовно-исполнительной системе. Обосновывается необходимость готовности к инновациям сотрудников, выявлена психолого-акмеологическая составляющая готовности к инновациям, определены ее основные компоненты и различные уровни психолого-акмеологической готовности. Предмет исследования – психолого-акмеологические компоненты готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к инновациям реформирования. Целью нашего исследования являлось практическое обоснование проблем психолого-акмеологической готовности к инновациям сотрудников пенитенциарной системы, критериев оценивания психолого-акмеологической готовности и выявления ее уровней, а также раскрытие факторов, способствующих и препятствующих достижению высокого уровня готовности.

Согласно результатам эмпирического исследования, сотрудники, чей профессиональный стаж превышает 5 лет службы в уголовно-исполнительной системе, более социально креативны, чем сотрудники с профессиональным стажем менее 5 лет. Выделены 3 группы сотрудников с различными уровнями психолого-акмеологической готовности к инновациям: с низким уровнем готовности, средним и высоким. Для сотрудника с низким уровнем психолого-акмеологической готовности к инновациям характерны: недостаточная восприимчивость к изменениям; размытость жизненных, профессиональных планов и приоритетов, низкая мотивация к саморазвитию и овладению новыми профессиональными навыками; отношение к профессии нейтральное, либо скорее негативное, чем положительное; низкая социальная активность и креативность. Средний уровень психолого-акмеологической готовности к инновациям характеризуется достаточным развитием указанных компонентов, однако внешние факторы могут оказывать сильное влияние на успешность реализации инноваций на практике. Отношение к профессии нейтральное, либо скорее положительное, чем отрицательное. Сотрудник с высоким уровнем психолого-акмеологической готовности к инновациям характеризуется активной жизненной и профессиональной позицией. Жизненные планы и приоритеты гармонично согласовываются с профессиональной деятельностью. Стремится самореализоваться в профессии, проявляет разумную креативность, осуществляет новые способы решения проблем для оптимизации и продуктивности деятельности. Активно осваивает новые технологии и старается применить полученные знания и навыки на практике. Отмечается высокий уровень адаптивности к изменяющимся условиям. Наблюдается удовлетворенность выбранной профессией.

Результаты исследования будут способствовать совершенствованию психологического сопровождения сотрудников пенитенциарной системы в условиях реформирования. Их целесообразно использовать при профотборе кандидатов на службу в уголовно-исполнительную систему, а также в рамках повышения квалификации сотрудников пенитенциарных учреждений.

The paper is devoted to the creative potential of a person working in the correctional system. The importance of personnel readiness to innovations is justified and the psychological and acmeological parts of such readiness are revealed. In addition, the main components and different levels of a psychological and acmeological readiness are defined. The research focuses on the psychological and acmeological components of readiness of a correctional system personnel to renewal innovations. The research objective is a practical ground of problems of the psychological and acmeological readiness to innovations of penitentiary system personnel, criterion of estimation of the psychological and acmeological readiness and detection of its level. Moreover, it is important to find factors that can either promote or prevent the achievement of a high-level readiness.

According to the empirical findings, employees who work in the correctional system for more than 5 years are more socially creative than those who work less than 5 years. 3 groups of employees were determined: the one with a low level of psychological and acmeological readiness to innovations, the one with a medium level and the one with a high level. The following is relevant for an employee with a low level of the psychological and acmeological readiness to innovations: poor receptiveness to changing; unclear project of life, professional plans and priorities; low motivation to self-development and taking new professional skills; neutral or negative attitude to the job; low social activity and creativity. Medium level of the psychological and acmeological readiness to innovations is characterized with a sufficient level of development of the listed components, but external factors can significantly influence the practical realization of innovations. The attitude to the job is neutral or rather positive than negative. Employees with a high level of the psychological and acmeological readiness for innovations are characterized with active living and professional position. The project of life and priorities correspond to the professional position. The person is determined to self-actualize in a profession, displays a reasonable creativity and finds new ways of solving problems for optimization and productivity. The employee practices new technologies and tries to use the knowledge and skills in practical activity. The high level of adaptability to changing conditions is registered. The person is usually satisfied with the chosen profession.

The research results will help to advance the psychological follow-up of the correctional system personnel in the renewal conditions. It is reasonable to use the results during the vocational selection to the correctional system and under the further training of the penitentiary system personnel.

Ключевые слова: компетентность, профессиональные компетенции, творческая деятельность, творческий потенциал, педагогическое творчество, инновации, сотрудник, уголовно-исполнительная система, инновационно-личностный компонент.

Keywords: competence, professional competence, creative activity, creative potential, pedagogical creativity, innovations, employee, penitentiary correctional system, innovative personality component.

В настоящее время системе исполнения наказания требуются большие инновационные изменения, и, прежде всего, возрастают требования к развитию деятельности сотрудников, так как акцентом развития данной системы является личность. Возрастают требования к морально-этической стороне личности. Вырабатываются принципы, которыми должен владеть сотрудник. Прежние методы исправления и взаимодействия со спецконтингентом, которые осуществлялись в профессиональной деятельности, не могут удовлетворить современные требования. Деятельность сотрудников отличается от других видов деятельности своей многогранностью. Специфика деятельности заключается в том, что в деятельности сотрудников имеется два направления. С одной стороны – это исполнение наказания, а с другой – корректировка поведения осужденных.

Преобразования в уголовно-исполнительной системе должны привести к подготовке специалистов-профессионалов, готовых уметь творчески решать все возникающие проблемы, применять нестандартные методы работы при взаимодействии с людьми. Решение государственных задач в области совершенствования уголовно-исполнительной политики, реформирование пенитенциарной системы России определяются необходимостью подготовки высококвалифицированных кадров. Процесс творческой деятельности понимается как процесс решения текущих задач в меняющихся обстоятельствах. Эта деятельность обусловлена многообразием ситуаций. Многие задачи в уголовно-исполнительной системе неоднозначны и требуют вариативных подходов к их выполнению и решению.

Учитывая рост требований к профессиональной подготовке и личности сотрудников, приоритетным направлением кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний является повышение уровня профессиональной компетентности сотрудников исправительных учреждений [8].

В современном мире исследователи уделяют все большее внимание специальным разработкам, которые направлены на изучение проблем профессиональной компетенции, творческой деятельности и творческого потенциала человека. Это обусловлено как сугубо практическими запросами, так и растущими научно-методическими возможностями психологической науки. Наряду с базовыми понятиями «одаренность», «способности», «талант» принципиально важное значение приобретает понятие «творческий потенциал», который объединяет «потенциальные способности» человека и конкретный актуальный уровень его развития. Согласно А. Н. Леонтьеву, «развитие, формирование психических функций и способностей, свойственных человеку как общественному существу, происхо-

дит в совершенно специфической форме, в форме процесса усвоения, овладения» [12].

Л. С. Выготскому удалось снять противоречие между врожденной и приобретенной заданностью способностей, поставив вопрос о том, как складывается этот механизм. Он писал: «В процессе исторического развития общественный человек изменяет способы и приемы своего поведения, трансформирует природные задатки и функции, вырабатывает и создает новые формы поведения – специфически культурные» [3].

«Новация» (от лат. *novatio* – обновление, изменение) – что-то новое, только что вошедшее в обиход [2]. В современном обществе термины «творческий потенциал», «инновационный процесс» и «инновация» стали привычными и приобретают беспрецедентное значение как источник и фактор профессионального развития.

«Инновационный процесс – процесс создания пространства и использования новшества (то есть совокупности новых идей и предложений, которые потенциально могут быть осуществлены и при условии масштабы их использования и эффективности результатов могут стать основой любого нововведения). Это преобразование новых видов и способов человеческой жизнедеятельности (нововведений) в социально-культурные нормы и образцы, обеспечивающие их институциональное оформление, интеграцию и закрепление в культуре общества. Инновационные процессы выражают суть процессов социальных изменений, характеризуют источник развития общества» [13].

А. Б. Титов инновацию и нововведения понимает как процесс, в ходе которого научная идея доводится до стадии практического использования и начинает давать экономический эффект. Это процесс создания и внедрения новшеств [15].

А. Г. Асмолов подчеркивает, что понятие готовности уже, чем понятие установки. Наиболее адекватное описание тенденции к сохранению направленности деятельности или готовности действовать в определенном направлении выражено в термине «установка» [1].

Е. Т. Конюхова под готовностью подразумевает наличие установки на достижение ожидаемого результата. Также она определяет следующую структуру психологической готовности: установки, предшествующие любым психическим проявлениям; мотивационная готовность; профессионально-личностная готовность к самореализации [10].

В исследовании экономико-психологической адаптации О. С. Дейнека связывает готовность с приоритетными качествами личности, способствующими ее адаптации [5].

А. П. Вяткин рассматривает готовность как адаптированность личности в экономических ролях [4].

М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович, В. А. Понаморенко рассматривают психологическую готовность в контексте «напряженных ситуаций». Напряженными ситуациями, согласно их пониманию, следует считать такое усложнение условий деятельности, которое приобрело для личности, коллектива особую значимость. В зависимости от длительности пребывания в данных условиях личности или коллектива готовность определяют, как особое длительное или кратковременное психическое состояние. В данном случае понятие готовности является свойством не только личности, но уже и коллектива [7].

М. А. Котик в понятие *готовность* кроме устойчивых качеств индивида включает и ситуационные факторы трудовой задачи, по отношению к которой складывается готовность [11].

Данные исследований позволяют утверждать, что психологическая готовность является важной составляющей личностных установок, процессов саморегуляции. В целом же психологическая готовность отвечает за успешность выполнения и реализации профессиональной деятельности, достижения практических результатов.

Учитывая это, предлагаем выявлять особенности творческого потенциала, начиная с элементарных подходов психолого-акмеологической готовности к обновлению, изменению человека.

Необходимо действовать такими стратегиями, при которых происходит направление сотрудников в творческую деятельность. Достичь ее реализации возможно, если сотрудники действительно будут проявлять в своей деятельности творческий подход к профессиональному делу и накапливать опыт творчества в решении проблем. В этом направлении должен двигаться и процесс совершенствования подготовки в высших учебных заведениях.

Целостному осознанию мира и развитию креативности специалиста способствуют интегративные процессы, которые все отчетливее просматриваются и реализуются в вузах. Интегративный тип познания формируется в учебном процессе высшей школы, сочетая в себе непосредственный опыт, системное мышление, нетривиальный подход к проблеме, интуицию.

Педагогическая интеграция всегда представляет собой диалог субъектов – субъекта «творящего» (педагога) и субъекта «творимого» (воспитуемого, обучаемого).

Все более очевидной становится потребность в специалистах, способных продуктивно и творчески организовать взаимодействие в системе «человек-человек». Объективная ситуация сегодняшнего дня требует условий для переориентации образования на организацию качественно иного уровня работы и перевода ее в режим развития и саморазвития творчества сотрудников.

Реализация образовательной политики на основе компетентного подхода заключается в развитии у будущих специалистов ключевых компетенций, которые определяют в будущем их успешную самореализацию как в профессии, так и в социальной жизни. Помимо профессиональных знаний и умений, компетенции включают в себя такие качества, как инициатива, способности к сотрудничеству, к работе в группе, к

коммуникации, умения учиться, логически мыслить, отбирать и использовать информацию [6].

Под компетенцией здесь понимается совокупность взаимосвязанных качеств личности (мотивация, знание, умение, навыки, способы действия), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов, необходимых для продуктивной деятельности [9].

Современное общество выдвигает особые требования к профессиональной подготовленности сотрудников, являющихся основными организаторами и участниками воспитательного процесса.

Целью нашего исследования являлось практическое обоснование проблем психолого-акмеологической готовности к инновациям сотрудников пенитенциарной системы, критериев оценивания психолого-акмеологической готовности, выявления уровней психолого-акмеологической готовности, а также выявления факторов, способствующих и препятствующих достижению высокого уровня готовности. Эмпирическую базу исследования составили 120 сотрудников исправительных учреждений Владимирской области [14]. Учитывая, что одним из факторов, существенно влияющих на психолого-акмеологическую готовность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) к инновациям реформирования, является трудовой стаж [16], респонденты были разделены на две группы. Первую группу составили сотрудники, чей профессиональный стаж службы в УИС не превышает 5 лет, вторую группу – чей стаж превышает 5 лет. Для расчета достоверности использовался критерий Манна-Уитни. Согласно полученным результатам, у сотрудников со стажем службы в УИС более 5 лет более выражены такие качества, как находчивость ($U = 1275$, $p < 0,01$), смелость ($U = 1278$, $p < 0,01$), адаптивность ($U = 1278$, $p < 0,01$), уверенность ($U = 1280$, $p < 0,01$), толерантность к двусмысленности ($U = 1274$, $p < 0,01$). У сотрудников со стажем службы менее 5 лет на достоверном уровне более выражено такое качество личности, как страстность ($U = 1279$, $p < 0,01$). Сотрудники, принимавшие участие в исследовании, были разделены на 3 группы: «низкий уровень готовности», «средний уровень готовности», «высокий уровень готовности». Далее было получено процентное соотношение сотрудников с различными уровнями психолого-акмеологической готовности к инновациям. Разделение на группы позволило рассмотреть различия между сотрудниками с низким, средним и высоким уровнем готовности к инновациям, выявить факторы, способствующие или препятствующие готовности к инновациям. Были установлены психолого-акмеологические характеристики различных уровней психолого-акмеологической готовности к инновациям [14].

Итак, для низкого уровня психолого-акмеологической готовности к инновациям характерна недостаточная восприимчивость к новому, к изменениям [14]. Психолого-акмеологические компоненты готовности сотрудников к инновациям тесно связаны с развитием творческого потенциала. Чем больше стаж сотрудников, тем выше их творческий потенциал и профессионализм. У сотрудников с низким уровнем психологической готовности к инновациям слабо развит творческий потенциал и они менее креативны. Для

того чтобы сотрудники использовали свой творческий потенциал, необходимо руководителям рассматривать свой индивидуальный труд в сообществе с коллективом с точки зрения коллективного убеждения.

Средний уровень характеризуется достаточным развитием указанных компонентов психолого-акмеологической готовности к инновациям. Однако внешние факторы могут оказывать сильное влияние на успешность реализации инноваций на практике. Отношение к профессии нейтральное, либо скорее положительное, чем отрицательное [14]. Сотрудникам со средним уровнем готовности необходимо развивать творческий потенциал. В условиях реформирования технологизации и информатизации развивающий результат человека выходит на одно из самых первых мест иерархии развития творчества. Для реализации этих задач надо создать условия. Если руководитель ищет новые методы работы, то и сотрудники начинают реализовывать свои новаторские идеи. Именно на творческий труд сотрудник ориентируется сам и направляет своих подопечных в «нужное русло».

Сотрудник с высоким уровнем психолого-акмеологической готовности к инновациям характеризуется активной жизненной и профессиональной позицией. Жизненные планы и приоритеты гармонично согласовываются с профессиональной деятельностью. Стремится самореализоваться в профессии. Проявляет разумную креативность, осуществляет новые способы решения проблем для оптимизации и продуктивности деятельности. Активно осваивает новые технологии и старается применить полученные знания и навыки на практике. Отмечается высокий уровень адаптивности к изменяющимся условиям. Наблюдается удовлетворенность выбранной профессией [14].

Средством творческого развития сотрудников с высоким уровнем готовности является высшее образование и стремление к знаниям. Для принятия творческих решений сотрудникам необходимо стимулировать свой творческий потенциал в самореализации и самоактуализации. Развитие высшего педагогического и юридического образования имеет приоритетное положение в компетенции сотрудников. В творческой деятельности сотрудника с высоким уровнем готовности к инновациям должны проявляться в единстве все личностные компоненты. Эти личностные компоненты (познавательные, волевые, коммуникативные) являются признаками творческого потенциала.

Чем шире практический опыт сотрудников (стаж работы выше 5 лет), тем выше его профессионализм и тем качественнее они будут справляться со своими профессиональными обязанностями.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что уровень социальной креативности личности сотрудников УИС в целом является чуть выше среднего. Проведенное исследование позволило выявить психолого-акмеологическую составляющую готовности к инновациям, определить ее основные компоненты, а также уровни психолого-акмеологической готовности.

Доминирующим компонентом в структуре психолого-акмеологической готовности сотрудников исправительных учреждений к инновациям реформирования является инновационно-личностный компонент [14].

На современном этапе в условиях реформирования УИС нужны специалисты, которые обладают высоким уровнем творческого потенциала и готовы к конструктивной деятельности осознания инноваций. В связи с бурным развитием инновационных технологий человек вынужден приспосабливаться и проявлять свой творческий потенциал в деятельности.

Литература

1. Асмолов А. Г. Деятельность и уровни установок // Вестник МГУ. (Серия: Психология). 1979. № 1. С. 4.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1998.
3. Выготский Л. С. Собр. соч.: в 3 т. М., 1982 – 1984.
4. Вяткин А. П. Исследование личностной адаптации в структуре экономической социализации // Сборник трудов СПб ГУЭФ. СПб., 2004.
5. Дейнека О. С. Экономическая психология: учебное пособие. СПб., 1999.
6. Дуран Т. В. Реализация образовательной политики на основе компетентностного подхода // Вестник ВЭГУ. 2014. № 3(71). С. 26 – 33.
7. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности человека к деятельности. М., 1986.
8. Красненкова С. А. Профессионализм сотрудников воспитательных колоний как фактор успешности ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Формирование законопослушного поведения несовершеннолетних: психолого-педагогические аспекты: сб. науч. тр. / редкол.: К. Б. Владимиров [и др.]; отв. ред. и авт. предисл. С. А. Красненкова. Воронеж: Научная книга, 2015. С. 6 – 14.
9. Кузьмина Н. В., Манойлова М. А. Акмеология полиэтнической компетентности: диагностика и развитие: учебно-методическое пособие. СПб.: Центр стратегических исследований, 2012. 268 с.
10. Конохова Е. Т. Фактор готовности в формировании установок на успешность профессиональной деятельности // Материалы научно-практической конференции. Новосибирск, 2002. С. 15 – 22.
11. Котик М. А. Психология безопасности. Таллин, 1987.
12. Леонтьев А. Н. Биологическое и социальное в психике человека (Проблемы развития психики). 4-е издание. М., 1981. С. 193 – 218.
13. Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд-во В. М. Скакун, 1998. 896 с.
14. Суслов Ю. Е. Психолого-акмеологическая готовность сотрудников к инновациям реформирования: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Кострома, 2015. 21 с.
15. Титов А. Б. Характеристика и принципы классификации инноваций: Препринт. СПб., Изд-во СПб, ГУЭФ, 1998. 25 с.

16. Фёдоров А. Ф., Суслов Ю. Е. Значение изучения инновационного мышления и социальной креативности сотрудников уголовно-исполнительной системы с различным стажем службы в условиях реформирования // Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 4(29). С. 60 – 67.

Информация об авторах:

Красненкова Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии Воронежского государственного педагогического университета, skrasnenkova@mail.ru.

Svetlana A. Krasnenkova – Candidate of Psychology, Associate Professor at the Department of Practical Psychology, Voronezh State Pedagogical University.

Суслов Юрий Евгеньевич – кандидат психологических наук, психолог межрегионального отдела психологической работы УФСИН России по Владимирской области, zimburu@mail.ru.

Yury E. Suslov – Candidate of Psychology, Senior Psychologist at the Inter-Regional Department of Psychological Work, Federal Penal Service in Vladimir Region.

Федоров Александр Федорович – кандидат психологических наук, психолог межрегионального отдела психологической работы УФСИН России по Владимирской области, zimburu@mail.ru.

Aleksander F. Fedorov – Candidate of Psychology, Senior Psychologist at the Inter-Regional Department of Psychological Work, Federal Penal Service in Vladimir Region.

Статья поступила в редакцию 30.10.2015 г.

УДК 159.922.4

СПЕЦИФИКА ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

М. А. Рябова

THE SPECIFICS OF VALUE ORIENTATIONS OF THE NATIVE PEOPLES OF THE NORTH

M. A. Ryabova

В статье излагаются и обсуждаются результаты осуществленного в 2013 – 2014 гг. опроса студентов из числа коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС) и студентов некоренного населения, проживающих в Магадане, позволившего, во-первых, сравнить особенности ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС, во-вторых, определить специфику ценностных ориентаций студентов из числа КМНС, в-третьих, установить факт влияния принадлежности к этнической группе КМНС на характер ценностных ориентаций студентов коренного населения. Для изучения специфики ценностных ориентаций КМНС и неКМНС была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича. Было выявлено, что в целом по выборке испытуемые из числа КМНС и неКМНС имеют схожие структуры терминальных и инструментальных ценностей: одинаково значимые первые позиции среди ценностей-целей занимают «здоровье» и «счастливая семейная жизнь», среди ценностей-средств – «воспитанность» и «образованность», но при этом студенты КМНС выше ценят красоту природы и искусства. Таким образом, приведенные данные показывают, что представления студентов из числа коренного и некоренного населения о значимых жизненных ценностях во многом схожи, при этом принадлежность к этнической группе КМНС не влияет на характер ценностных ориентаций студентов коренного населения.

The paper presents and discusses the results of the 2013 – 2014 survey of a number of students from native peoples of the North and non-indigenous students living in Magadan. The survey allowed, firstly, to compare the features of valuable orientations of students among the native peoples of the North and non-indigenous students; secondly, to determine the specifics of valuable orientations of students among the indigenous people. To examine the specificity of students from the native peoples of the North and non-indigenous students M. Rokeach's method of "valuable orientations" was used. It was found that the surveyed samples of indigenous peoples and non-indigenous peoples have similar structure of the terminal and instrumental values: among value-goals, the first position is taken by "health" and "happy family life", among values-means – "education" and "educatedness", but the students originating from indigenous people value the beauty of nature and art higher. Thus, these data show that the understanding of significant life values of students from indigenous and non-indigenous people is very similar and does not depend on their ethnic group.

Ключевые слова: представители коренных малочисленных народов Севера, ценностные ориентации, этническая группа.

Keywords: native peoples of the North, value orientations, ethnic group.

Одной из основных характеристик современных аборигенных культур России, включая территории Северо-востока страны, является «пограничное» состояние между уже размытой, но еще не вполне разрушенной традиционной культурой, с одной стороны, и ускорением модернизационных процессов – с другой [1, с. 26].

Примечательно, что термин «Коренные малочисленные народы Севера» не имеет общепризнанных определений [10], однако, согласно Федеральному закону от 20.07.2000 № 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации – это народы, численность которых меньше 50 тысяч человек, проживающие на территории Севера России, на Дальнем Востоке и в Сибири, ведущие традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы: охота, рыболовство, собирательство, оленеводство, морской зверобойный промысел, художественные народные промыслы – и осознающие себя самостоятельными этническими группами [13].

Коренные малочисленные народы Севера являются особой группой ввиду своей малой численности, особого характера традиционного хозяйствования, специфического образа жизни, характера традиционных занятий, особого социального и культурного уклада [9; 10; 13; 14]. В этом качестве они представляют особую этническую ценность, в сохранении которой заинтересовано все мировое сообщество.

Под данным Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории Северо-востока России (Магаданской, Сахалинской области, Камчатского края, Корякского и Чукотского автономных округов и Республики Саха (Якутия)) проживает 87242 человека, относящихся к коренным малочисленным народам Севера: алеуты, алторцы, долганы, керекы, нанайцы, нивхи, ороки (ульта), ительмены, эвенки, камчадалы, коряки, чукчи, эвены, орочи, эскимосы, юкагиры, чуванцы. Одной из острых проблем коренных народов является проблема сокращения их численности. По официальным статистическим данным, число умерших превышает число родившихся [7]. Основная часть КМНС проживает в населенных пунктах, где этническим большинством является некоренное население. Взаимодействие неравных по величине этносов нередко приводит к кризису традиционной культуры малочисленного этноса, формированию межэтнической напряженности [13]. Исследования по изучению коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Магаданской области, свидетельствуют о том, что представители КМНС соотносят себя со своей этнической группой, и в их представлениях о себе преобладают положительные оценки. При этом статистически установлены факты того, что представителей коренного населения оценивают менее позитивно, и сами представители КМНС это осознают. Эмпирически подтвержден факт снижения уровня привлекательности и симпатии к представителям КМНС в

оценках некоренного населения, а также выявлено положение доминирования некоренных этнических групп по отношению к коренным. Приведем краткие результаты данного исследования с использованием личностного семантического дифференциала В. И. Гинецинского: в универсалию описания автостереотипа (представления КМНС о собственной этнической группе) вошли шкалы: добрый (2,6), дружелюбный (2,4), отзывчивый (2,21), справедливый (2,05), честный (1,67), добросовестный (1,65), самостоятельный (1,67), обаятельный (1,93), энергичный (1,51), общительный (1,44). В универсалию описания «отраженного гетеростереотипа» (представления КМНС о том, как к ним относятся представители некоренного населения) вошли шкалы: добрый (1,77), дружелюбный (1,53), отзывчивый (1,53), справедливый (1,63), честный (1,56), молчаливый (0,95). В универсалию описания гетеростереотипа (представления некоренного населения об этнической группе КМНС) вошли шкалы: добрый (1,26), дружелюбный (1,43), отзывчивый (1,13), справедливый (1), честный (0,98), добросовестный (1,33), самостоятельный (1,09), молчаливый (0,93), замкнутый (0,87), спокойный (0,87). Сравнение универсалий по всей выборке испытуемых показывает, что образ представителя КМНС оценивается в целом положительно обеими группами испытуемых, но при этом испытуемые из числа некоренного населения оценивают представителей КМНС как менее общительных и пассивных. Следует отметить, что в совпадающих качествах отмечается общая тенденция к снижению удельного веса признака. То есть представители КМНС считают, что представители других этносов оценивают их менее положительно, а в действительности представители некоренного населения оценивают их хуже [8, с. 63 – 69].

Ценностные ориентации в психологии рассматриваются как важнейшая составляющая структуры личности. Так, по мнению А. В. Серого и М. С. Яницкого, ценностные ориентации являются важным компонентом мировоззрения личности, которое выражается в предпочтениях и стремлениях человека [11]. Д. А. Леонтьев определяет ценностные ориентации как осознанные представления субъекта о собственных ценностях [4]. Г. Олпорт понимает под ценностными ориентациями убеждения человека в том, что наиболее важно в жизни, а что – нет [6]. Э. Шпрингер разделяет ценности на субъективные, относящиеся к индивидуальной жизни человека, и объективные, как существующие в общественном сознании нормы и представления. По мнению Э. Фромма, систему ценностей формируют процессы ассимиляции (потребление вещей) и социализации (установление отношений между людьми), соотношение данных процессов определяет ценностную направленность личности. С точки зрения В. Франкла, ценности – это смыслы, присущие большинству членов общества, сформированные на протяжении всего исторического развития человечества. По определению М. Рокича, ценностными ориентациями являются устойчивые убеждения в том, что существует определенный способ поведения или конечная цель, ко-

торые более предпочтительны с личной и социальной точек зрения, чем другой способ поведения или конечная цель [11].

В нашем исследовании мы ставили цели, во-первых, сравнить особенности ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС, во-вторых, определить специфику ценностных ориентаций студентов из числа КМНС, в-третьих, установить факт влияния принадлежности к этнической группе КМНС на характер ценностных ориентаций студентов коренного населения. Для изучения специфики ценностных ориентаций КМНС и неКМНС была использована методика «Ценностные ориентации» М. Рокича, автор которой различает два класса ценностей: терминальные – убеждения в том, что конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности является предпочтительным в любой ситуации.

Данная методика включает в себя два списка, состоящих из 18 ценностей каждый, с краткой расшифровкой содержания каждой из ценностей. Испытуемому предлагается проранжировать ценности,

поставив напротив каждой из них ранг от 1 до 18 в соответствии с индивидуальными предпочтениями.

Всего в исследовании приняли участие 89 человек, студентов, обучающихся в г. Магадане, 39 – представители КМНС (эвены, коряки, чукчи) и 50 – представители некоренного населения (русские, украинцы, татары, азербайджанцы). Возраст испытуемых – от 16 до 23 лет.

Сопоставление ценностных ориентаций студентов двух выборок производилось посредством сравнения среднего значения ранга по каждой из ценностных ориентаций, представленных в методике. Статистическая обработка данных производилась с помощью метода ранговой корреляции Спирмена. При этом было установлено, что корреляция между иерархиями терминальных ценностей студентов из числа КМНС и неКМНС статистически значима и является положительной ($p \leq 0,01$). Корреляция между иерархиями инструментальных ценностей студентов из числа КМНС и неКМНС статистически значима и является положительной ($p \leq 0,01$). Теперь обратимся к сравнительному анализу полученных данных (рис. 1, 2) [12].

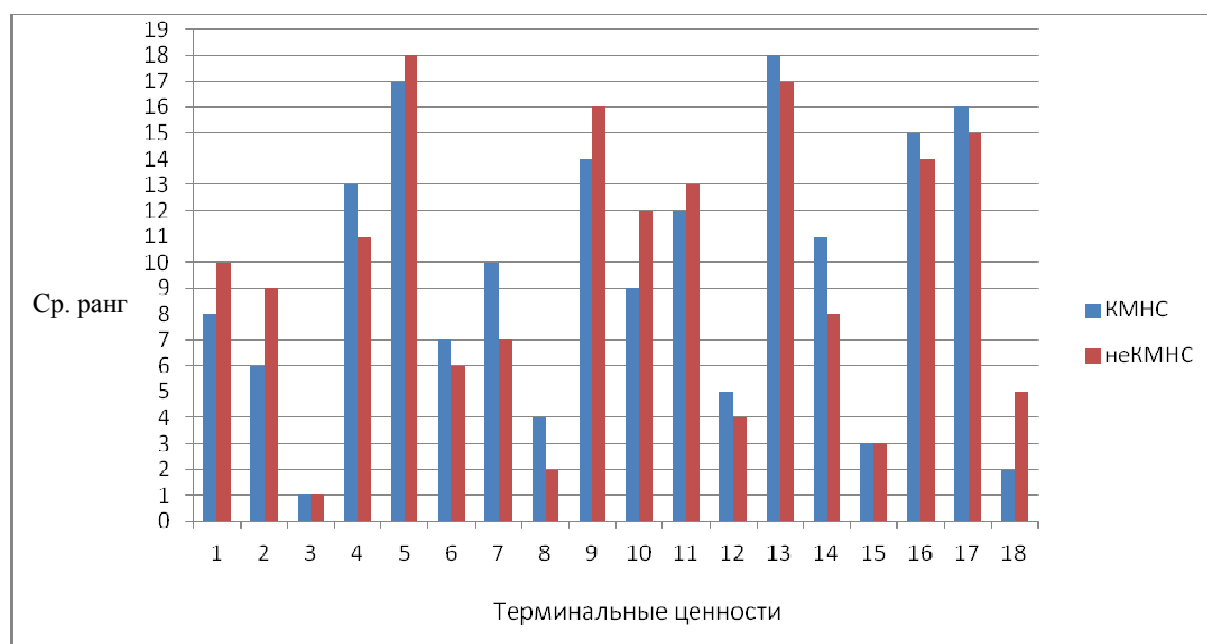

Рис. 1. Сравнение терминальных ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС

Наиболее значимое место в структуре терминальных ценностей для представителей обоих исследуемых выборок студентов из числа коренного и некоренного населения занимают: «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «наличие хороших и верных друзей», «развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)» и «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)». «Здоровье» и «счастливая семейная жизнь» занимают два первых места в иерархии ценностей студентов, очевидным является факт, что вышеуказанные ценности определяются современным обществом как крайне важные в жизни каждого человека. Юношеский возраст, охватывающий период

студенчества, связан с началом вступления во взрослую самостоятельную жизнь, формированием мировоззрения, выбором своей будущей профессии, развитием межличностных отношений [3]. В этот период для юношей и девушек приобретают большое значение внутренние психологические проблемы, связанные с процессами социализации и представлением о своих будущих жизненных планах, поэтому ценности «наличие хороших и верных друзей», «развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)» и «любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)» занимают так же первые позиции.

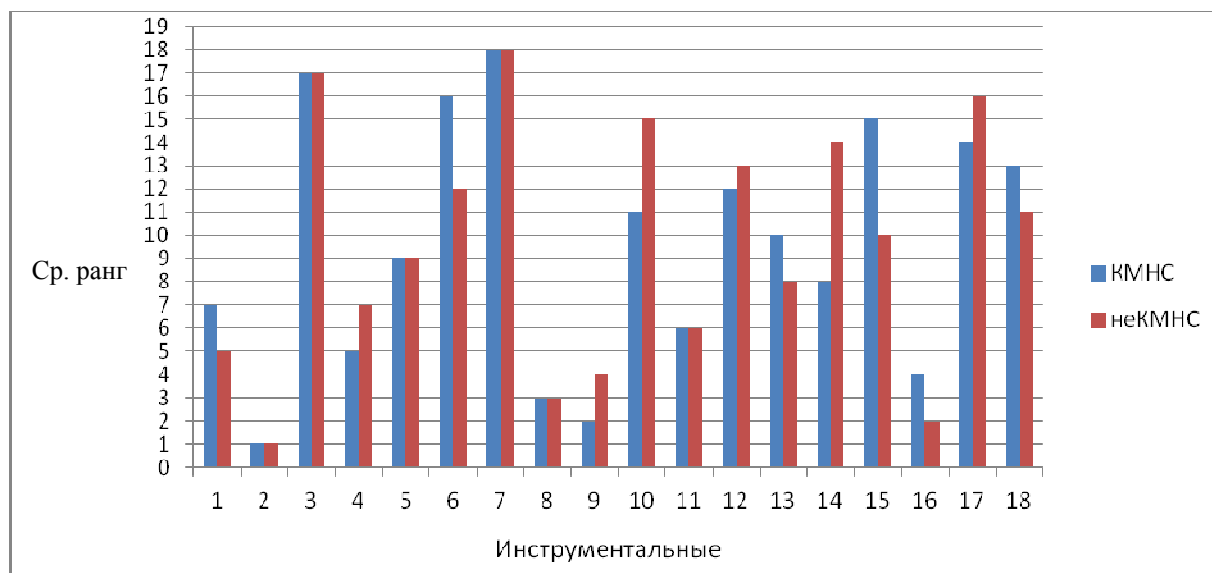

Рис. 2. Сравнение инструментальных ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС

Наиболее значимое место в структуре инструментальных ценностей для представителей обеих исследуемых выборок являются: воспитанность (хорошие манеры, умение себя вести); ответственность (чувство долга, способность держать свое слово); образованность (широта знаний, эрудированность, высокая общая культура); честность (правдивость, искренность); аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, соблюдать порядок в делах; жизнерадостность (чувство юмора). Мы можем говорить, что здесь группируются определенные этические ценности, связанные с приобщением к культуре, овладением определенной системой знаний и обучению навыкам, благодаря которым индивид может заниматься трудовой деятельностью и выполнять общественные функции [3].

Наименее значимыми терминальными ценностями для представителей обеих исследуемых выборок являются: красота природы и искусства (переживание прекрасного в окружающем мире, природе, в искусстве); развлечения (приятное, беззаботное времяпрепровождение, отсутствие необходимости выполнения определенных обязанностей); счастье других (благополучение, благосостояние, развитие и совершенствование других людей и человечества в целом); творчество (возможность развиваться в

творческой деятельности); общественное призвание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе, признание окружающими заслуг); продуктивная жизнь (максимальное использование своих возможностей, сил и способностей). Вышеперечисленные ценности можем обозначить как «абстрактные ценности», связанные с саморазвитием личности, совершенствованием выполняемой деятельности, при этом они оказываются наименее значимыми для студентов.

Наименее значимыми инструментальными ценностями для представителей обеих исследуемых выборок являются: высокие запросы (высокие требования к жизни и высокий уровень притязаний); неприемлемость к недостаткам в себе и других; смелость в отстаивании своего мнения, взглядов; эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в делах); чуткость (заботливость). Данные ценности больше связаны с профессиональной самореализацией, и так как большинство студентов еще не занимается профессиональной деятельностью, то эти ценности в настоящее время пока не являются приоритетными.

Для выявления статистически значимых различий между группами нами был использован U-критерий Манна-Уитни (таблица 1, 2).

Сопоставление ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС

№	Терминальные ценности	Значение критерия Манна-Уитни
1	– активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни);	886,5
2	– жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом);	844
3	– здоровье (физическое и психическое);	763
4	– интересная работа;	741,5
5	– красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве);	647 значимо при $p \leq 0,01$
6	– любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);	928,5
7	– материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений);	819,5
8	– наличие хороших и верных друзей;	874,5
9	– общественное призвание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе);	905
10	– познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие);	914,5
11	– продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей);	916
12	– развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование);	919,5
13	– развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей);	822,5
14	– свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);	848
15	– счастливая семейная жизнь;	908,5
16	– счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом);	948
17	– творчество (возможность творческой деятельности);	922
18	– уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений).	883

Таблица 2

Сопоставление инструментальных ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС

№	Инструментальные ценности	Значение критерия Манна-Уитни
1	– аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах;	953
2	– воспитанность (хорошие манеры);	874
3	– здоровье (физическое и психическое);	867,5
4	– интересная работа;	819,5
5	– красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве);	902,5
6	– любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком);	829,5
7	– материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений);	917,5
8	– наличие хороших и верных друзей;	880,5
9	– общественное призвание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе);	751,5
10	– познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие);	877
11	– продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей);	828,5
12	– развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование);	940
13	– развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей);	874
14	– свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках);	885,5
15	– счастливая семейная жизнь;	793
16	– счастье других (благополучие, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом);	938,5
17	– творчество (возможность творческой деятельности);	954
18	– уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений).	843

При сопоставлении ценностных ориентаций студентов из числа КМНС и неКМНС в блоке терминальных ценностей значимо больший средний ранг для группы коренных студентов имеет только одна ценность – это «красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)» ($p \leq 0,01$), сравнение остальных ценностей не обнаруживает значимых различий.

Полученные данные свидетельствуют о том, что в целом структуры терминальных и инструментальных ценностей студентов КМНС и неКМНС схожи, но при этом студенты КМНС выше ценят красоту природы и искусства. Таким образом, результаты исследования говорят о схожести структур ценностных ориентаций студентов КМНС и неКМНС.

Следовательно, мы можем говорить, что принадлежность к этнической группе КМНС не влияет на характер ценностных ориентаций студентов коренного населения. Предположительно, это связано с активными процессами ассимиляции, происходящими в среде коренного населения: современные представители КМНС уже ассимилировались в новых культурных условиях и не ведут традиционный образ жизни.

Этнопсихологические исследования КМНС, проводившиеся в последние годы, свидетельствуют о дальнейшей интенсификации ассимиляционных процессов среди коренного населения. Так, А. Е. Меняшев приходит к выводу, что в настоящее время происходит утрата национальных психологических черт коренных народов, но при этом формируются новые психологические качества, что в свою очередь является следствием процессов адаптации этноса к новым социальным условиям [5]. А. А. Бучек в своих исследованиях отмечает образование противоречивых тенденций в восприятии своей этнической группы коренными народами, с одной стороны, проявляется стремление к интеграции с доминирующими этносами, с другой – выделяются уникальные отличные от других культур ценности. Это вызывает противоречия в построении взаимоотношений в социуме. Представители КМНС характеризуются неуверенностью в своей привлекательности, испытывают выраженную потребность в постоянных социальных контактах, при этом менее комфортно ощущают

себя в социуме [2]. В. П. Серкин и В. Л. Соловечук предполагают, что, возможно, существует общая закономерность межкультурной адаптации, выражающаяся в том, что многие вербализуемые адаптантом цели в ценности выглядят как формализованные с точки зрения носителей культуры, но являются по-настоящему смысловыми для адаптантов. Приобщаясь к современной культуре, представители КМНС вполне естественно на первых этапах ориентируются на внешние параметры успешности и состоятельности в жизни, осознавая ценности социального успеха как истинные, личностные смыслы. Но процесс усвоения смыслов не сводится к осознанию и пониманию, процесс формирования новых смыслов бытийно опосредован. Во многом процесс адаптации идет по формальным критериям. Жизненные планы и представления о будущем представители КМНС описывают согласно общепринятым нетрадиционным стандартам благополучия [9]. Предполагается, что вхождение коренных народов в культурную среду некоренных этносов ведет к потере традиционных ценностей КМНС [9; 13].

Для более подробного изучения ценностных ориентаций представителей из числа КМНС необходимо будет провести аналогичные исследования на выборке испытуемых из числа КМНС, ведущих традиционный образ жизни.

Выводы

1. В целом по выборке испытуемые из числа КМНС и неКМНС имеют схожие структуры терминальных и инструментальных ценностей: одинаково значимые первые позиции среди ценностей-целей занимают «здоровье» и «счастливая семейная жизнь», среди ценностей-средств – «воспитанность» и «образованность».

2. Структуры терминальных и инструментальных ценностей студентов КМНС и неКМНС схожи, но при этом студенты КМНС выше ценят красоту природы и искусства.

3. Приведенные данные показывают, что представления студентов из числа коренного населения о значимых жизненных ценностях не зависят от их принадлежности к этнической группе КМНС.

Литература

1. Бучек А. А. Этнопсихологические исследования «малых» народов северо-востока России // Люди великого долга: материалы Междунар. ист. XXVI Крашенинник. чтений. Петропавловск-Камчатский, 2009. С. 26 – 33.
2. Бучек А. А. Этническое самосознание личности в пространстве полиэтнического мира: монография. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. 386 с.
3. Кон И. С. Психология юношеского возраста: (проблемы формирования личности). М.: Просвещение, 1979. 175 с.
4. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
5. Меняшев А. Е. Мифологическое в структуре этнического сознания коренных народов о. Сахалин: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Хабаровск, 2005. 22 с.
6. Олпорт Г. Становление личности. Избранные труды / общ. ред. А. Н. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 464 с.
7. Перепись населения 2010 года. Режим доступа: <http://www.magadanstat.ru>
8. Рябова М. А. Специфика межэтнических стереотипов представителей коренных малочисленных народов Севера // Вестник КРАУНЦ. (Серия: Гуманитарные науки). 2013. № 1(21). С. 63 – 69.
9. Серкин В. П., Соловечук В. Л. Межкультурная адаптация малочисленных коренных народностей: анализ представлений о собственной жизни // Уч. зап. кафедры психологии СМУ. Вып. 1. Магадан: Кордис, 2001. С. 118 – 127.
10. Серкин В. П. Проблемы системы образования коренных малочисленных народов Северо-востока России в 2008 г. Магадан: Кордис, 2008. 75 с.

11. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая сфера личности. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. 92 с.
12. Сидоренко Е. В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2004. 250 с.
13. Современные проблемы социокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Магадан: изд-во СВГУ, 2009. 265 с.
14. Steve J. Langdon. The Native People of Alaska. Anchorage: Greatland Graphics, 1989. 128 p.

Информация об авторе:

Рябова Марьям Амировна – аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», специалист по учебно-методической работе Северо-Восточного государственного университета г. Магадан, may_mi@mail.ru.

Maryam A. Ryabova, post-graduate student at the Faculty of Psychology, National Research University «Higher School of Economics», specialist in educational and methodological work at North-Eastern State University, Magadan.

(Научный руководитель: Серкин Владимир Павлович – доктор психологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, serkinv@mail.ru.

Academic advisor: Vladimir P. Serkin – Doctor of Psychology, Professor at the Faculty of Psychology, National Research University «Higher School of Economics»).

Статья поступила в редколлегию 21.12.2015 г.

УДК 159.99

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФЕНОМЕНА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ЛИЧНОСТИ

Н. А. Самойлик

MEANINGFUL CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF PROFESSIONAL-VALUE ORIENTATIONS OF THE PERSON

N. A. Samoylik

В статье представлена необходимость изучения профессионально-ценностных ориентаций исходя из условий современного динамичного общества. Изучение категории профессионально-ценностных ориентаций направлено на формирование специалиста, способного и мотивированного на эффективную реализацию профессиональной деятельности. В работе рассмотрены особенности профессионально-ценностных ориентаций как самостоятельного психологического феномена, имеющего ведущее значение при определении профессионального уровня специалиста. На основании методологического анализа таких категорий, как профессионально-важные качества и профессиональные компетенции, выделены дефиниции (понятие, механизмы формирования, сфера развития) профессионально-ценностных ориентаций и представлена их общая структура. Показано, что профессионально-важные качества и профессиональная компетентность не могут отражать содержательные аспекты развития специалиста. В то время, как профессионально-ценностные ориентации способны выступать в качестве универсального критерия сформированности значимости профессиональной деятельности для личности и ее самореализации в труде. Дальнейшее изучение рассматриваемого в статье конструкта необходимо для разработки диагностического инструментария и программ психологического сопровождения формирования профессионально-ценностных ориентаций в процессе обучения в вузе.

The paper presents the necessity of studying professional-value orientations based on the conditions of the modern dynamic society. The study of the category of professional-value orientations is aimed at training specialist able and motivated for the effective implementation of their professional activity. The paper considers the features of professional-value orientations as an independent psychological phenomenon that has the leading role in determining the professional level of a specialist. On the basis of the methodological analysis of such categories as professionally important qualities and professional competence, the definitions (concept, formation mechanisms, development) of professional-value orientations are specified and their general structure is presented. It is shown that the professionally important qualities and professional competence do not reflect meaningful aspects of the specialist's development. In contrast, professional-value orientations can act as a universal criterion that measures the level of the personal professional activity relevance and the individual self-realization in work. Further study of the construct mentioned in the paper is necessary for developing diagnostic tools and programs of psychological support of the formation of professional-value orientations in the learning process at the higher educational institution.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессионально-важные качества, профессиональная компетентность, профессионально-ценностные ориентации, психологический феномен.

Keywords: professional training, professionally important qualities, professional competence, professional-value orientations, psychological phenomenon.

Вопрос профессиональной подготовки кадров всегда занимал центральное место в психолого-педагогических исследованиях. Ученые неоднократно ставили вопросы о факторах, условиях и механизмах развития специалиста для осуществления продуктивной трудовой деятельности. Выдвигая ряд требований к личности профессионала, они обозначили проблему определения критериев готовности к профессиональной деятельности и эффективной ее последующей реализации.

Однако, как отмечает А. Р. Фонарев, «в связи с профессиональной реструктуризацией общества, появлением новых профессий, сокращением численности специалистов, занятых в отдельных сферах деятельности, в наиболее массовые из них или более интенсивно развивающиеся стали вливаться работники из других сфер деятельности, зачастую далеко не лучшие, а иногда и просто неуспешные в них» [11, с. 4]. В подобной ситуации на первый план выходит проблема определения ведущего критерия профессионального развития личности. Естественно, что наиболее адекватным должен стать такой показатель, который в полной мере способен демонстрировать субъективную и объективную готовность и осуществление профессиональной деятельности. Среди особенностей данного критерия следует выделить его универсальность для разных типов профессиональной деятельности, с одной стороны. Но с другой стороны необходимо дифференцировать предложенный критерий от уже имеющихся, таких как профессионально-важные качества и профессиональные компетенции специалиста.

В то же время заметим, что зачастую профессиональные компетенции, профессионально-важные качества личности и профессионально-ценностные ориентации ставятся в один ряд и употребляются как синонимы. Мы считаем, что такой подход является не совсем правильным.

Изучению и детальному анализу профессионально-важных качеств в психологии традиционно уделяется большое внимание (А. А. Деркач, Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов, Н. В. Кузьмина, В. А. Сластенин, В. Д. Шадриков). Исследователи отмечают необходимость включения профессионально-важных качеств в структуру профессиональных способностей специалиста, мотивированного и способного эффективно осуществлять трудовую деятельность.

Категорию «профессионально-важные качества» в отечественную психологическую науку ввел В. Д. Шадриков. Под профессионально-важными качествами автор понимал систему «индивидуальных качеств субъекта деятельности, влияющих на эффективность деятельности и успешность ее освоения» [12, с. 158]. Согласно данному подходу, профессионально-важные качества выступают в роли внутренних ресурсов, «через которые преломляются внешние воздействия и требования деятельности», что детерминирует всю систему профессиональной деятельности [12, с. 86 – 87].

Однако, как констатирует А. В. Карпов, конструирует «профессионально-важные качества» в целом не может отражать внутреннюю характеристику лично-

сти профессионала по следующим причинам. Первая причина связана с преобладанием аналитической установки при изучении профессионально-важных качеств. В основе подобного представления заложена идея «о наличии стойкой и однозначной связи между отдельными качествами и эффективностью деятельности» [3, с. 17], что не позволяет учитывать влияние индивидуально-психологических качеств личности на особенности профессиональной деятельности. В содержании второй причины представлено мнение о профессионально-важных качествах как максимально обобщенных характеристиках либо как приближенных «к базовым, первичным качествам психических процессов, свойств личности и даже к отдельным сторонам» [3, с. 73]. Выделяемые качества становятся неспецифичными для профессиональной деятельности и не позволяют прогнозировать эффективность деятельности специалиста. Так, например, доброжелательность традиционно относится к профессионально-важным качествам педагогических работников. Однако доброжелательность следует рассматривать как одно из центральных профессионально-важных качеств у медицинских сотрудников, менеджеров по персоналу, обслуживающих сфер деятельности и сервиса и т. д. Поэтому диагностика таких качеств у представителей разных профессий достаточно затруднена и не может рассматриваться как ведущий компонент при определении профессиональной пригодности специалиста.

Неразрешенность представленных выше проблем относительно профессионально-важных качеств в современной психологической науке привела к появлению исследований противоположного направления (В. А. Бодров, Э. Ф. Зеер, А. К. Маркова, С. В. Кондратьева, Л. М. Митина). Если ранее при изучении профессионально-важных качеств анализ осуществлялся от особенностей профессии к специфике структуры личности, то согласно новому подходу, взгляд ученых обратился на определение в структуре личности тех значимых качеств, которые могут влиять на успешность реализуемой деятельности. При этом заметим, что исследования в данном направлении также не лишены недостатков, среди которых: не всегда объективное профилирование той или иной профессиональной деятельности и блокирование привлечения других необходимых для профессии качеств личности.

Таким образом, несмотря на подробное содержательное и функциональное изучение профессионально-важных качеств в отечественной психологической школе, приходится констатировать, что они не могут выступать в качестве центрального звена модели специалиста в профессиональной деятельности. Как отмечают исследователи, профессионально-важные качества формируются в процессе адаптации к профессиональной деятельности в период профессионального обучения либо образуются в ходе самой трудовой деятельности.

Другим конструктом, влияющим на становление специалиста в профессиональной деятельности, с точки зрения Л. И. Бершедовой, Ю. В. Варданяна,

И. А. Зимней, Л. В. Львова, А. П. Садохина, В. В. Серикова, А. В. Хуторского, является профессиональная компетентность. В рамках психолого-педагогических исследований категория «профессиональная компетентность» рассматривается в контексте деятельностной парадигмы и определяется как «готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организовано и самостоятельно решать задачи и проблемы, а также самооценивать результаты своей деятельности» [1, с. 28].

Профессиональная компетентность отражает содержание системы «человек-профессия», обусловлена спецификой личностно-профессионального развития и детерминирует становление профессионала в процессе труда. С одной стороны, профессиональная компетентность позволяет максимально приблизить человека к требованиям профессиональной деятельности, но с другой — формирует определенный уровень профессионализма конкретного специалиста.

Согласно авторскому подходу А. К. Марковой внутри профессиональной компетентности необходимо выделить следующие элементы: специальная компетентность; социальная компетентность; личностная компетентность; индивидуальная компетентность [5].

Основным механизмом формирования профессиональной компетентности является идентификация, позволяющая развивать «модель поведения человека при решении определенного класса задач, осуществления ролей или функций в определенных ситуациях профессиональной деятельности» [10, с. 51]. Однако, как считает А. Р. Фонарев, если процесс идентификации с профессией «продолжается длительное время, то становится непонятным, за счет чего человек сможет развиваться в дальнейшем» [11, с. 107].

Резюмируя выше сказанное, подчеркнем, что ведущими в содержании категории *профессиональная компетентность* выступают способности, отражающие системные качества индивида и характеризующие уровень его успешности в профессиональной деятельности. В то же время до настоящего момента остается не совсем ясной проблема соотношения компетентности и способностей, что в целом не позволяет рассматривать профессиональную компетентность как ведущую характеристику профессионального становления личности и как самостоятельный феномен.

Возникающее противоречие заключается в необходимости детальной разработки методологического конструкта, позволяющего влиять на процесс «вхождения» и последующего развития в профессиональной деятельности. Но следует учитывать интеграцию личностных качеств в некоторую структуру, востребованную в современном профессиональном обществе. Мы считаем, что данное противоречие возможно разрешить, если взять за основу профессионального развития, которое неразрывно связано с личностным, профессионально-ценностные ориентации.

В современных психолого-педагогических исследованиях проблема профессионально-ценностных отношений звучит все чаще. Однако, приходится констатировать, что полученные авторами результаты носят скорее отрывочный характер и в большинстве направлены на анализ профессионально-ценностных ориентаций педагогов как наиболее социальной значимой деятельности по развитию личности подрастающего поколения. Ранее нами были проанализированы причины пристального внимания к категории профессионально-ценностных ориентаций на современном этапе психологической науки [7].

Одной из особенностей профессионально-ценностных ориентаций является их универсальность как самостоятельного психологического феномена. Отмеченные выше недостатки в анализе профессионально-важных качеств и профессиональных компетенций не позволяют рассматривать их в качестве основополагающих критериев при оценке профессиональной пригодности будущих специалистов, в то время как профессионально-ценностные ориентации могут определять уровень готовности к осуществлению той или иной профессиональной деятельности через формируемое отношение к труду.

Профессионально-ценностные ориентации представляют собой ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности. А. В. Серый, исследуя смысловое отношение к профессиональной деятельности психологов-практиков, отмечает, что в деонтологически-ориентированных видах деятельности профессионально важные качества специалиста проявляются на личностном уровне в форме этических интенций. А знания, навыки и умения генерируются на ценностно-смысловом уровне отношения к самой деятельности [8; 9]. Подобной точки зрения придерживаются М. С. Яницкий и соавторы, отмечающие, что ценностное отношение учителей к профессиональной деятельности определяется целым рядом социокультурных факторов, среди которых важное место занимает профиль преподаваемого предмета, «определяющий профессиональное видение мира, и тем самым, оказывающий влияние на мировоззрение педагога» [14, с. 30].

Содержанием профессионально-ценностных ориентаций выступают три взаимосвязанных компонента. Когнитивный компонент позволяет субъективно оценить значимость реализуемой профессиональной деятельности. Эмоциональный компонент отражает удовлетворенность профессиональной деятельностью. В основе когнитивного (поведенческого) компонента находится мотивация личности к самореализации в процессе профессиональной деятельности. Центральным механизмом формирования ценностных ориентаций является интернализация, в ходе которой личность сознательно «присваивает» и пропускает через свой внутренний мир и в дальнейшем активно воспроизводит в своей деятельности те профессионально значимые ценности, которые необходимы для ее личностного развития в профессии [13].

Возможность актуализировать свои внутренние ресурсы для реализации продуктивной трудовой деятельности связана с необходимостью осуществлять рефлекссию, способствующую общей оценке овладения профессионально-ценностными ориентациями и постановке новых задач в процессе трудовой деятельности. Предложенное В. В. Давыдовым определение рефлексии как умения человека «выделять, анализировать и соотносить с предметной ситуацией собственные действия» [2, с. 39] позволяет констатировать тесную взаимосвязь между рефлексией и профессионально-ценностными ориентациями.

Особенность становления профессионально-ценностных ориентаций заключается в том, что они на-

чинают формироваться внутри социума, окружающего ребенка. В данном контексте следует вспомнить периодизацию развития человека как субъекта труда, предложенную Е. А. Климовым [4]. В процесс профессионального становления автор включил периоды детства, закладывающие основы представления ребенка о труде как способе саморазвития и жизнедеятельности человека. По мере взросления происходит расширение ценностно-смысловых понятий относительно профессиональной деятельности, вследствие чего возникают собственные представления о значимости и смысле труда, которые выражаются в профессионально-ценностных ориентациях.

Таблица

Дефиниции профессионально-ценностных ориентаций личности

<i>Критерии для сравнения</i>	<i>Профессионально-ценностные ориентации</i>	<i>Профессиональная компетентность</i>	<i>Профессионально-важные качества</i>
Определение	Ценностно-смысловое отношение к профессиональной деятельности	Специальные способности, необходимые для профессиональной деятельности	Индивидуальные свойства личности, определяющие эффективность трудовой деятельности
Структура	Когнитивный компонент; эмоциональный компонент; поведенческий (когнитивный) компонент	(по А. К. Марковой) [5]: специальная компетентность; социальная компетентность; личностная компетентность; индивидуальная компетентность	(по А. В. Карпову) [1]: абсолютные профессионально-важные качества; относительные профессионально-важные качества; мотивационная готовность; антипрофессионально-важные качества
Механизм(ы) формирования	Интернализация, рефлексия	Идентификация	Адаптация
Сфера развития	Семья, учебная деятельность, трудовая деятельность	Учебная деятельность	Учебная деятельность, трудовая деятельность

Согласно О. Е. Пермякову и С. В. Меньковой, «с момента осознанного выбора будущей профессиональной деятельности у человека формируется направленность, которая определяет активную деятельность человека на удовлетворение его потребности в профессиональном самоопределении в социуме» [6, с. 41]. Основы профессиональных компетенций закладываются в период обучения в профильных классах, когда происходит осознанное понимание функций своей будущей профессиональной деятельности. Однако наиболее активный процесс становления профессиональной компетентности осуществляется во время профессионального обучения в виде накопления практико-ориентированных знаний в конкретной профессиональной деятельности.

Формирование профессионально-важных качеств, как отмечают Ю. П. Поваренков, В. Д. Шадриков, происходит в условиях учебной деятельности студента в процессе профессиональной подготовки и в большей степени связано с появлением специфического сознания, способного решать профессиональные задачи. После окончания учебного заведения

профессионально-важные качества продолжают развиваться и реализовываться в дальнейшей трудовой деятельности.

Таким образом, проведенный теоретико-методологический анализ исследований по проблеме формирования личности в профессии позволил выделить дефиниции профессионально-ценностных ориентаций (таблица).

Таким образом, в динамичных условиях современного общества возникает необходимость рассмотрения и анализа готовности специалиста к реализации профессиональной деятельности. В то же время может сложиться мнение, что рассматриваемая проблема отнюдь не нова в науке. Такими критериями могут выступать профессионально-важные качества и профессиональные компетенции. Однако, в силу ограниченности применения в процессе профессионального становления, они не могут быть использованы для оценки уровня готовности к профессиональной деятельности.

Исходя из представления о том, что личностное развитие неразрывно связано с профессиональным,

считаем своевременным рассмотрение и детальный анализ профессионально-ценностных ориентаций как самостоятельного психологического феномена. Выделенные в ходе анализа дефиниции профессионально-ценностных ориентаций (понятие, структура, механизмы формирования, сфера развития) позволяют констатировать психологическую значимость

данной категории для дальнейших теоретических и практических научных исследований, в том числе создание методики диагностики профессионально-ценностных ориентаций и психологического сопровождения формирования данной личностной структуры в процессе обучения в вузе.

Литература

1. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие. М., 2005. 227 с.
2. Давыдов В. В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
3. Карпов А. В. Психологическая структура профессиональной деятельности // Психология труда. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003. 352 с.
4. Климов Е. А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1998. 350 с.
5. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Знание, 1996. 312 с.
6. Пермяков О. Е., Менькова С. В. Диагностика формирования профессиональных компетенций. М.: ФИРО, 2010. 114 с.
7. Самойлик Н. А. К вопросу об актуализации понятия «профессионально-ценностные ориентации» личности в современной науке // Альманах современной науки и образования. 2015. № 11. С. 100 – 102.
8. Серый А. В. Осмысленное отношение к профессиональной деятельности как условие развития профессионально значимых качеств психологов-практиков // Вестник Кемеровского государственного университета. 2005. № 2(22). С. 158 – 162.
9. Серый А. В. Становление компетентности практического психолога // Высшее образование в России. 2005. № 5. С. 63 – 66.
10. Субетто А. И. Онтология и эпистемология компетентностного подхода, классификация и квалиметрия компетенций. СПб.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 257 с.
11. Фонарев А. Р. Психология становления личности профессионала. М.: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: МОДЭК, 2005. 240 с.
12. Шадриков В. Д. Деятельность и способности. М.: Логос, 1995. 72 с.
13. Яницкий М. С., Серый А. В. Развитие системы ценностно-смысловых ориентаций личности в профессиональной деятельности специалистов деонтологического статуса // Личность и профессиональная деятельность / под ред. Л. Г. Дикой, Т. Х. Невоструевой. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. Т. 1. С. 147 – 159.
14. Яницкий М. С., Браун О. А., Пелех Ю. В., Франчек З., Саласса М. Социокультурные детерминанты становления системы ценностей учителей // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 27 – 35.

Информация об авторе:

Самойлик Наталья Анатольевна – кандидат психологических наук, преподаватель кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики Кузбасского института ФСИН России (г. Новокузнецк), nat_asp@mail.ru.

Natalia A. Samoylik – Candidate of Psychology, Lecturer of at the Department of Penitentiary Psychology and Penitentiary Pedagogics, Kuzbass Institute of the FPS of the Russian Federation (Novokuznetsk).

Статья поступила в редколлегию 18.01.2016 г.

**ФАКТОРЫ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ
В УСЛОВИЯХ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ОБРАЗОВАНИЯ***М. В. Сафронова, Е. В. Сахарова***FACTORS OF LEARNING MOTIVATION IN STUDENTS
IN THE CONDITIONS OF DIFFERENTIATED EDUCATION***M. V. Safronova., E. V. Sakharova*

С целью выявления значимости семейных, школьных, психосоциальных, личностных факторов и фактора психического здоровья для формирования учебной мотивации было обследовано 419 школьников 8 – 10 классов (49 % мальчиков и 51 % девочек), обучающихся по разным образовательным программам. Были изучены особенности учебной мотивации, личностные характеристики, психическое здоровье и социальные условия жизни детей. В результате исследования было получено, что перечисленные факторы имели специфическое значение для учебной мотивации в зависимости от программы обучения. Для учебной мотивации подростков из развивающих классов имели большее значение особенности личности, а учебную мотивацию школьников из классов с углубленным изучением предметов чаще определяли особенности семьи и воспитания. В профильных классах прогнозом снижения учебной мотивации были конфликты с учителями и сверстниками, а в традиционных классах учебную мотивацию предсказывали, наряду с личностными и школьными факторами, проблемы психического здоровья и вероисповедание семьи. Полученные результаты могут быть полезны в планировании психолого-педагогической работы в условиях дифференцированного образования.

In order to assess the importance of family, school, psychosocial, personal factors and mental health factor for the formation of learning motivation 419 students were surveyed in grades 8 – 10 (49 % boys and 51 % girls) studying with various educational programs. The peculiarities of learning motivation, personality characteristics, mental health and social conditions of children were evaluated. The study found that these factors had a specific value for learning motivation, depending on the training program. For learning motivation of adolescents from developing classes, personality traits are more important, whereas learning motivation of students from classes with in-depth studying of subjects was determined more often by characteristics of the family and upbringing. In specialized classes the decrease in learning motivation was forecasted by conflicts with teachers and peers, whereas in traditional classes learning motivation was influenced by mental health problems and family worship along with personal and school factors. The results may be useful in the planning of psycho-pedagogical work in differentiated education.

Ключевые слова: учебная мотивация, школьники, психосоциальные, личностные, семейные, школьные факторы, психическое здоровье.

Keywords: learning motivation, students, psychosocial, personal, family, school factors, mental health.

В условиях современного образования отмечается проблема снижения уровня учебной мотивации школьников, а следовательно и падение успеваемости большей части подрастающего поколения. Снижение успеваемости подтверждается статистическим анализом результатов ЕГЭ по России. Картина снижения успеваемости в целом наблюдается и в школах города Новосибирска, где в рамках дифференцированного подхода реализуются различные образовательные программы. Однако, динамика снижения успеваемости и учебной мотивации школьников в разных условиях обучения неодинаковы. Известно, что в настоящее время родители вместе с детьми имеют возможность выбирать школу и программу обучения. В школах появляются профильные классы и классы с углубленным изучением предметов, реализуются программы развивающего обучения. Предоставление выбора учебной программы в рамках дифференцированного подхода в обучении дает возможность для самореализации и развития ребенка в зависимости от его индивидуально-психологических особенностей, формирования осмысленности обучения в целом, поддерживает интерес к учебному процессу. Однако, несмотря на многообразие образовательных предложений, проблема учебной мотивации остается актуальной. Особенности учебной мотивации и факторы ее формирования у школьников, обучающихся в услови-

ях дифференцированного подхода, исследованы недостаточно.

Целью нашего исследования было выявить значение различных факторов формирования учебной мотивации школьников в условиях дифференцированного образования. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) изучить особенности учебной мотивации школьников, обучающихся по разным образовательным программам; 2) показать связь учебной мотивации и успеваемости школьников; 3) исследовать особенности семьи и семейного воспитания, личность школьников, психосоциальные и школьные факторы, психическое и физическое здоровье; 4) выявить значение семейных, школьных, личностных, психосоциальных факторов и фактора психического и физического здоровья для учебной мотивации школьников, учащихся в условиях дифференцированного обучения.

В исследовании участвовало 419 учащихся 8 – 10-х классов (49 % мальчиков и 51 % девочек). Из них 180 человек обучались по традиционной общеобразовательной программе, 119 – в классах с углубленным изучением предметов, 60 – в профильных классах и 60 – по программе развивающего обучения.

Для измерения учебной мотивации мы использовали методику «Диагностика структуры учебной мотивации школьника» М. В. Матюхиной [6]. Для изучения психического здоровья – опросник «Сильные стороны

и трудности» Р. Гудмана, позволяющий оценить выраженность эмоциональных, поведенческих проблем общения со сверстниками и гиперактивности, а также просоциальное поведение [4; 7]. Личность исследовали с помощью методики СИОР – пятифакторного личностного опросника Р. МакКрае и П. Коста в адаптации Г. Г. Князева, Е. Р. Слободской [2; 8]. Кроме этого, для изучения личностных особенностей применяли методику определения типа мышления в модификации Г. В. Резапкиной «Тип мышления» [3] и «Шкалу самооценки личности старшеклассника» [1].

Авторская анкета позволила изучить: семейные факторы (социально-демографическая характеристика, психологический климат в семье, контроль родителей, отношения с ними, осведомленность родителей о друзьях, школьных событиях и пр. ребенка); школьные (удовлетворенность своими успехами, конфликты с учителями и сверстниками, трудности в обучении, успеваемость, безопасность школьной среды); психосоциальные (потребление психоактивных веществ в окружении сверстников, общение со сверстниками, особенности использования компьютера, безопасность микрорайона проживания) [5]. Применяли статистические методы: дисперсионный, регрессионный и корреляционный анализ по методу Спирмена.

Результаты и обсуждение

Исследуя особенности учебной мотивации школьников, обучающихся по разным образовательным про-

граммам, мы провели дисперсионный анализ ANOVA, в результате которого получили достоверные различия в выраженности школьной ($F = 3,91$, $p = 0,009$) и внешней мотивации ($F = 3,43$, $p = 0,017$). Школьная мотивация учащихся из обычных классов, то есть позиция школьника, ориентированного на усвоение способов добывания знаний, проявлялась достоверно большее, по сравнению с учащимися из классов с углубленным изучением предметов и профильных. Внешняя мотивация, когда деятельность осуществляется в силу долга, ради оценки, обязанности перед родителями, достижения определенного положения среди сверстников, из-за давления окружающих, также проявлялась в классах с традиционным обучением в большей степени, по сравнению с подростками, обучающимися по другим программам. Таким образом, у обучающихся по традиционной программе к 9 классу в большей степени, чем у других подростков, сохранялась позиция ученика младшей и начальной средней школы.

В результате корреляционного анализа среднего балла успеваемости по основным предметам и шкалами самооценки учебной мотивации подростков нами была получена положительная связь успеваемости с мотивацией саморазвития ($r = 0,21$; при $P = 0,001$), школьной ($r = 0,12$; при $P = 0,043$) и достижения ($r = 0,34$; при $P = 0,001$). Познавательная мотивация была связана с успеваемостью только у мальчиков ($r = 0,21$; при $P = 0,001$).

Таблица

Взаимосвязь успеваемости с учебной мотивацией школьников, обучающихся по разным образовательным программам

Мотивация	Успеваемость			
	традиционные	с углубленным изучением предметов	развивающие	профильные
Познавательная	0,31* (м)	-0,46** (д)		
Саморазвития	0,25**			0,27*
Достижения	0,41**		0,46**	0,28*
Школьная	0,19*			0,37* (д)
Внешняя		-0,39**	-0,53(м)	

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; д – девочки; м – мальчики.

Как показано в таблице, у подростков из классов с традиционным обучением успеваемость связана с мотивацией саморазвития, достижения, школьной, а у мальчиков – и с познавательной. То есть только у мальчиков из обычных классов интерес к обучению связан с успеваемостью по этому предмету. У учащихся из классов с углубленным изучением предметов обнаружена отрицательная связь успеваемости с внешней и познавательной (у девочек) мотивацией. Следовательно, внешнее давление и контроль учащихся этих классов приводят к снижению успеваемости. В классах с развивающим обучением успеваемость подростков положительно связана с мотивацией достижения успеха, когда школьники ставят перед собой некоторую позитивную цель, активно включаются в ее реализацию. У мальчиков успеваемость отрицательно связана с внешней мотивацией, то есть контролем, внешним давлением, чувством долга перед взрослыми. У учащихся из профильных классов успеваемость была положительно связана с мотивацией саморазвития, то есть развитию каких-либо сво-

их качеств и способностей, достижения, а у девочек и со школьной мотивацией. Следовательно, у школьников одного возраста в зависимости от программы обучения связь успеваемости и мотивации учебной деятельности имеет свои особенности.

Далее выявляли прогностическую значимость семейных, психосоциальных, школьных факторов, а также личностных особенностей и психического здоровья для показателей учебной мотивации при помощи множественной регрессии под контролем пола детей отдельно для школьников, в зависимости от программы обучения.

У учащихся из традиционных классов познавательная мотивация и мотивация достижения в большей степени определялась личностными особенностями, такими как ассоциативное, наглядно-образное и словесно-логическое мышление. Открытость опыту и сознательность определяли мотивы саморазвития, достижения и познавательного интереса. Высокая самооценка была фактором снижения познавательной мотивации, а уступчивость – причиной снижения мо-

тивации достижения. Для мотивации саморазвития имел значение пол ребенка, так, в традиционной школе более успешными старались быть девочки. Такие семейные факторы, как осведомленность родителей о школьной и социальной жизни ребенка и сплоченность семьи, положительно влияли на школьную мотивацию и мотивацию саморазвития подростков из обычных классов. Мотивация саморазвития подростков определялась особенностями вероисповедания семьи и была отрицательно связана с приверженностью семьи к исламу. Видимо, это связано с тем, что для детей из семей мигрантов более важной задачей являлось не саморазвитие, а социальная адаптация. Факторы психического здоровья, такие как гиперактивность, эмоциональные проблемы и самооценки здоровья, прогнозировали снижение школьной мотивации и мотивации достижения. Просоциальное поведение способствовало формированию мотивации саморазвития, а проблемы поведения, наоборот, – ее снижению. Отрицательное значение для формирования школьной мотивации имели такие психосоциальные факторы, как потребление психоактивных веществ людьми, окружающими респондента.

Для мотивации учащихся из развивающих классов имела прогностическое значение принадлежность к полу (мужской пол – 2 %). То есть мальчики в большей степени были мотивированы на учебный процесс, организованный по программе Эльконина-Давыдова. Большое значение для формирования мотивации саморазвития, достижения и школьной имели такие личностные особенности, как сознательность, нейротизм, открытость опыту, ассоциативное и словесно-логическое мышление, креативность. Прогнозировали снижение школьной мотивации выраженные предметно-действенное мышление и уступчивость. Значение личностных особенностей для формирования учебной мотивации также определялось фактором пола (в большей степени для мальчиков). Мотивация саморазвития определялась благосостоянием семьи, мотивация достижения – сплоченностью семьи и особенностями вероисповедания, школьная мотивация – осведомленностью родителей о расходовании денег ребенком, внешняя – осведомленностью родителей о школьных делах подростка. Снижение учебной мотивации предопределялось такими особенностями психического здоровья, как гиперактивность и проблемы поведения, и таким психосоциальным фактором, как потребление психоактивных веществ окружением подростка.

Для формирования учебной мотивации в классах с углубленным изучением предметов имели наибольшее значение семейные факторы: осведомленность родителей о жизни ребенка и сплоченность семьи. Мотивация саморазвития определялась кроме этого воспитательными действиями родителей и возрастом матери. Для формирования школьной мотивации имели значение контроль родителей и неполная семья как отрицательный фактор, видимо, связанный с проблемой контроля. Мотивация достижения прогнозировалась образованием матери и воспитательными действиями родителей (отсутствием физических наказаний). Внешняя мотивация была связана с полом ребенка и отрицательно – с контролем родителей за временем, проведенным подростком за компьютером. Личностными факторами, определяющими форми-

вание учебной мотивации, были: сознательность, открытость опыту, словесно-логическое мышление. Для формирования мотивации саморазвития были важны выраженность ассоциативного и наглядно-образного мышления и нейротизм. Фактором, снижающим мотивацию саморазвития, было предметно-действенное мышление. Школьная мотивация и мотивация достижения были отрицательно связаны с уступчивостью. Кроме этого, мотивация достижения определялась экстраверсией и креативностью подростков. Мотивация достижения и внешняя мотивация предопределялись такими особенностями психического здоровья, как гиперактивность, просоциальное поведение и выраженность эмоциональных проблем. Мотивация достижения была положительно связана с общением со сверстниками и выбранной профессией и отрицательно – с потреблением психоактивных веществ окружением подростка. Предсказывали формирование внешней мотивации такие школьные факторы, как успеваемость, удовлетворенность успехами, безопасность в школе, отсутствие конфликтов с учителями.

В профильных классах для формирования школьной мотивации и мотивации достижения и саморазвития имели значение такие семейные факторы, как сплоченность семьи и осведомленность о жизни и делах подростка. Предсказывали мотивацию саморазвития и достижения сознательность, открытость опыту, словесно-логическое, ассоциативное и наглядно-образное мышление. Экстраверсия имела положительное значение для мотивации достижения, а уступчивость – отрицательное для формирования мотивации саморазвития. Школьные факторы определяли познавательную, внешнюю и школьную мотивацию. Для школьной мотивации имели отрицательное значение: конфликты в школе, как со сверстниками, так и с учителями, время, проведенное за компьютером, трудности в обучении и положительное – успеваемость и удовлетворенность своими успехами, безопасность в школе. Не способствовали формированию школьной мотивации такие психосоциальные факторы, как курение и потребление алкоголя окружением подростка. Предсказывало формирование школьной мотивации и мотивации достижения выраженное просоциальное поведение подростков.

Таким образом, несмотря на сходство перечисленных факторов учебной мотивации, семейные, школьные, психосоциальные факторы, особенности личности и здоровья имели различное наполнение и долю прогностического значения для ее формирования у школьников, обучающихся по разным образовательным программам. В развивающих классах большее значение для учебной мотивации имели особенности личности, в классах с углубленным изучением предметов – особенности семьи и семейного воспитания. Школьные факторы, такие как конфликтность и степень безопасности, в большей мере имели значение для школьников из традиционных и профильных классов (рис.).

У подростков, обучающихся по разным образовательным программам, прогностическую значимость для учебной мотивации имели различные личностные особенности. Так, например, в классах с традиционным обучением внешняя мотивация определяется

выраженной экстраверсией, а в классах с углубленным изучением предметов – нейротизмом.

Таким образом, можно сделать вывод, что учащиеся 8 – 10-х классов, обучающиеся по традиционной программе, имеют более выраженную школьную и внешнюю мотивацию, по сравнению с учащимися по другим образовательным программам. Успешность положительно связана с мотивацией саморазвития, школьной и достижения. Познавательная мотивация коррелирует с успеваемостью только у мальчиков. У школьников в зависимости от программы обучения связь успешности и мотивации учебной деятельности имеет свои отличительные особенности. Прогностическое значение семейных, школьных, психосоциальных, личностных факторов и здоровья для

формирования учебной мотивации школьников, обучающихся по разным образовательным программам, имеет различную долю и наполненность. Так, у школьников из развивающих классов для формирования учебной мотивации имеют большее значение особенности личности, а у учащихся из классов с углубленным изучением предметов – особенности семьи и воспитания.

Полученные результаты могут быть полезны администрации и психолого-педагогической службе школ в условиях дифференцированного обучения для разработки мероприятий, направленных на повышение учебной мотивации школьников с учетом специфических для конкретной образовательной программы факторов ее формирования.

Рис. Факторы школьной мотивации подростков обучающихся по разным программам

Литература

1. Головей Л. А., Рыбалко Е. Ф. Практикум по возрастной психологии. СПб.: Речь, 2002. 694 с.
2. Князев Г. Г., Слободская Е. Р. Пятифакторная структура личности у детей и подростков (по данным родителей и самооценки) // Психологический журнал. 2005. № 6. С. 69 – 77.
3. Резапкина Г. В. Отбор в профильные классы. М.: Генезис, 2005. 124 с.
4. Сафронова М. В., Осьмук Л. А. Технологии социальной работы: методика оценки риска семейного неблагополучия: учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 96 с.
5. Слободская Е. Р., Сафронова М. В., Ахметова О. А. Личностные особенности и стиль жизни как факторы школьной успеваемости подростков // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 70 – 79.
6. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд. института Психотерапии. 2002. 490 с.
7. Goodman R. The Strenghts and Difficulties Questionnaire: A research note // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1997. V. 38. P. 581 – 586.
8. Macrae R. R., Costa P. T. Personality trait structure as a human universal // American Psychologist. 1997. V. 52(5). P. 509 – 516.

Информация об авторах:

Сафронова Маргарита Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии Новосибирского государственного технического университета, Новосибирск, safronova-rita@mail.ru.

Margarita V. Safronova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Work and Social Anthropology, Novosibirsk State Technical University.

Сахарова Евгения Владимировна – преподаватель кафедры практической психологии Новосибирского гуманитарного института, Новосибирск, psybex@mail.ru.

Evgenia V. Sakharova – Lecturer at the Department of Applied Psychology, Novosibirsk Humanitarian Institute, Novosibirsk, Russia.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2015 г.

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
В СИТУАЦИИ ОГРАНИЧЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ЗДОРОВЬЯ***Т. А. Силантьева***FEATURES OF USING SOCIAL SUPPORT IN DISABILITY LIFE SITUATIONS***T. A. Silantjeva**Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-36-01049.*

В статье представлены результаты исследования 210 студентов в возрасте от 16 до 20 лет, обучающихся в университете и колледже Московского городского психолого-педагогического университета (г. Москва), где в качестве испытуемых были отобраны 162 условно здоровых и 48 лиц с ограниченными возможностями здоровья с целью изучения сходства и различий в структуре саморегуляции и необходимости предоставления им социальной поддержки. Основная гипотеза исследования – в ситуации инвалидности при длительном стрессе, вызванном недостатком копинговых ресурсов, социальная поддержка встраивается в систему саморегуляции и является личностным ресурсом саморегуляции, а при кратковременном стрессе социальная поддержка является внешним ресурсом устойчивости и частью социального капитала, который вносит вклад в общее благополучие субъекта. Результаты корреляционного, факторного и регрессионного анализа подтвердили выдвигаемую гипотезу о связи социальной поддержки и длительности стресса у испытуемых в двух группах. Как показало исследование, социальная поддержка задействуется в трудных ситуациях в качестве ресурса устойчивости при кратковременном стрессе и в качестве ресурса саморегуляции при длительном или хроническом стрессе (инвалидности).

The paper presents the results of a study of 210 students aged from 16 to 20 years old enrolled in the university and the college of Moscow State Psycho-Pedagogical University. 162 healthy and 48 disability students were investigated for differences in self-regulation structures and social support. The hypothesis of this study is that social support is built into the system of self-regulation as the personal resources in a situation of disability without resources of coping, but for healthy students social support is an external sustainability resource and part of the social capital in subject well-being. The results of the correlation, factor and regression analysis confirmed the hypothesis of relation between social support and stress duration in the two groups of students. The paper showed that social support is engaged in difficult situations as a resource of stability for short-term stress situation and as a resource for self-regulation in disability situation.

Ключевые слова: социальная поддержка, саморегуляция, ресурсы устойчивости, ограниченные возможности здоровья, удовлетворенность поддержкой.

Keywords: social support, self-regulation, resources of stability, disability students, social support satisfaction.

В последние годы всё большее внимание уделяется условиям существования лиц с ограниченными возможностями (инвалидов) и их адаптации к социуму. Сложности адаптации лиц с ограниченными возможностями должны решаться как на уровне государства, так и на уровне конкретных сообществ, в которых живут, обучаются и работают такие лица. В психологии решение этой проблемы тесно связано с исследованием проблем саморегуляции. Поэтому решение вопроса соотношения ресурсов саморегуляции с ресурсами среды, в том числе социальной поддержкой, приобретает особое значение в жизни инвалидов.

В данном исследовании используется следующая классификация психологических ресурсов:

- ценностно-смысловые психологические ресурсы устойчивости (удовлетворенность жизнью, осмысленность жизни, жизнестойкость, толерантность к неопределенности, витальность);
- психологические ресурсы саморегуляции [7].

В гипотезе исследования проверяется связь социальной поддержки и уровня стресса, сопутствующего лицам с ограниченными возможностями. При этом предполагается, что в ситуации инвалидности при длительном стрессе, вызванном недостатком ресурсов совладания, социальная поддержка встроена в систему саморегуляции и является личностным ресурсом

саморегуляции, а при кратковременном стрессе социальная поддержка является внешним ресурсом устойчивости и частью социального капитала, который вносит вклад в общее благополучие субъекта.

В исследовании участвовали 210 студентов факультета информационных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ) и учащихся социально-педагогического колледжа МГППУ. Выборка состояла из 48 испытуемых с ограничениями возможностей здоровья (ОВЗ) и 162 здоровых студентов [10]. Данные были собраны в рамках работы лаборатории «Проблем развития личности лиц с ограниченными возможностями здоровья» (МГППУ) при участии ее основного состава: Л. А. Александровой, А. А. Лебедевой [4], Д. А. Леонтьева.

Из 48 человек с ОВЗ в исследовании участвовали 27 студентов университета и 21 учащийся колледжа, из них 14 девушек и 34 юноши, в возрастном диапазоне от 16 до 20 лет, средний возраст – 18 лет. 162 условно здоровых испытуемых включали 79 студентов университета и 83 учащихся колледжа, из них 102 девушки и 60 юношей, в аналогичном возрастном диапазоне, средний возраст 18,5 лет [10].

Для проверки гипотезы исследования использовались корреляционный, факторный, регрессионный

анализ и психодиагностические методики: тест смысловых ориентаций (СЖО) [5], тест жизнестойкости Сальваторе Мадди [6; 9], опросник витальности [16], опросник толерантности к неопределенности Д. Маклейна [8], шкала общей самооффективности [11], опросник копинг-стратегий COPE [2], опросник социальной поддержки SSQ Сарасона [3], опросник осознанного присутствия MAAS [12], опросник Юлиуса Куля НАКЕМР [1]. Статистический анализ данных осуществлялся с помощью пакета обработки данных SPSS 18 [10].

Результаты корреляционного анализа в группах лиц с ОВЗ и условно здоровых по соотношению па-

раметра удовлетворенности социальной поддержкой как общего показателя достаточности поддержки с индикаторами саморегуляции: шкалами ориентации на действие/состояние опросника Куля, самооффективностью, шкалой планирования методики копинговых ресурсов COPE, шкалой подавления конкурирующей активности COPE, опросником осознанного присутствия; с показателями психологической *устойчивости*: с общим показателем смысло-жизненных ориентаций, субъективной витальностью, жизнестойкостью представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты анализа взаимосвязей удовлетворенности социальной поддержкой с параметрами саморегуляции в группах с ОВЗ и условно здоровых испытуемых [10, с. 204 – 205]

Категория (группа испытуемых/шкалы методик)		Удовлетворенность поддержкой			
		лица с ОВЗ		условно здоровые испытуемые	
		<i>r</i>	<i>p</i>	<i>r</i>	<i>p</i>
Осознанное присутствие		0,49**	0,00	0,18*	0,02
COPE	планирование	0,67**	0,00	0,21*	0,01
	подавление конкурирующей активности	0,63**	0,00	0,12	0,14
Ориентация на действие/состояние	ориентация на действие при планировании	0,71**	0,00	0,27**	0,00
	ориентация на действие при неудаче	0,59**	0,00	0,31**	0,00
Самооффективность		0,71**	0,00	0,22**	0,01
Жизнестойкость		0,11	0,45	0,36**	0,00
СЖО		0,21	0,15	0,37**	0,00
Витальность		0,17	0,25	0,34**	0,00

Примечания: *корреляция значима на уровне 0,05, **корреляция значима на уровне 0,01.

Таким образом, по данным таблицы 1 имеются различия в корреляционных матрицах исследуемых групп. У инвалидов наблюдаются очень сильные связи удовлетворенности соцподдержкой с ресурсами саморегуляции и отсутствуют значимые корреляции с ресурсами устойчивости, а самые сильные связи получены со шкалой ориентации на действие при планировании опросника Куля и самооффективностью. У условно здоровых испытуемых связи удовлетворенности соцподдержкой с ресурсами саморегуляции менее выражены, но есть значимые корреляции с показателями устойчивости. Наиболее выражены связи со смысло-жизненными ориентациями, жизнестойкостью, витальностью и шкалой ориентации на действие при неудаче. Исходя из этого, можно сделать предварительный вывод о подтверждении выдвинутой гипотезы разной функциональной нагруженности социальной поддержки в группах, которая означает встроенность в систему саморегуляции лиц с ОВЗ социальной поддержки, а для условно здоровых испытуемых социальная поддержка – ресурс социального капитала, который задействуется при недостаточности собственных ресурсов.

Чтобы подтвердить этот вывод, был проведен факторный анализ распределения показателей по группам с помощью анализа главных компонент. В результате была выделена трехфакторная структура в обеих группах с факторными нагрузками.

Как видно из таблицы 2, в группе лиц с ОВЗ показатель удовлетворенности социальной поддержкой вкладывается в фактор вместе с ресурсами саморегуляции, а ресурсы устойчивости относятся к другому фактору. В группе условно здоровых лиц показатель удовлетворенности соцподдержкой относится к одному фактору вместе с ресурсами устойчивости. Таким образом, предварительный вывод, полученный в ходе корреляционного анализа, подтверждается результатами факторного анализа, что в свою очередь свидетельствует о подтверждении выдвинутой гипотезы о различии функций социальной поддержки в исследуемых группах.

Чтобы проверить частную гипотезу о том, что социальная поддержка задействуется при планировании деятельности в группе инвалидов, а в группе условно здоровых испытуемых – при неудаче в деятельности, использовался линейный регрессионный анализ с пошаговым отбором.

В результате регрессионного анализа получены значимые результаты, показывающие, что удовлетворенность социальной поддержкой в группе лиц с ОВЗ на 50 % объясняется ориентацией на действие при планировании [10, с. 207]. Иными словами, решение о готовности действовать в группе инвалидов приводит к планированию запроса социальной поддержки. В группе условно здоровых решение о запросе поддержки на 10 % объясняется неудачей в прошлых

действиях. То есть по отношению к саморегуляции у инвалидов социальная поддержка необходима на этапе планирования в качестве ресурса саморегуляции, а

у условно здоровых она нужна при неудаче в качестве внешнего ресурса.

Таблица 2

Результаты факторного анализа ресурсов саморегуляции и устойчивости и удовлетворенности соцподдержкой в группах испытуемых [10, с. 205 – 206]

<i>Факторы</i>	<i>Лица с ОВЗ</i>	<i>Условно здоровые испытуемые</i>
Совладание за счет саморегуляции		
	Фактор 1 (39***)	Фактор 2 (11***)
Удовлетворенность поддержкой	0,90	
Самозффективность	0,85	
Планирование	0,80	
Подавление конкурирующей активности	0,74	
Осознанное присутствие	0,65	
Ориентация на деятельность при планировании	0,81	0,59
Ориентация на деятельность при неудаче	0,63	0,54
Совладание за счет ресурсов устойчивости		
	Фактор 2 (18***)	Фактор 1 (30***)
Жизнестойкость	0,84	0,79
СЖО	0,87	0,80
Толерантность к неопределенности	0,42	0,59
Витальность	0,79	0,79
Самозффективность		0,63
Удовлетворенность соцподдержкой		0,61
Ориентация на деятельность при планировании		0,41
Ориентация на деятельность при неудаче		0,41
Совладание за счет социальной сети		
	Фактор 3 (10***)	Фактор 3 (13***)
Размер социальной сети	0,60	0,67
Количество родственников	0,60	0,68
Толерантность к неопределенности	0,61	-0,43

Примечание: *** Объясненная дисперсия в процентах.

Для понимания полученных результатов исследования рассмотрим некоторые зарубежные исследования социальной поддержки студентов с ограниченными возможностями. Так, например, в Соединенных Штатах студенты с ограниченными возможностями недостаточно представлены в 4-х-летних колледжах и университетах, но и те, кто там обучается, имеют повышенный риск в этих условиях. Трудности для студентов с ограниченными возможностями могут усугубляться дополнительным стрессом, связанным с финансовыми проблемами. Исследование, проведенное С. Murray, A. Lombardi, F. Bender и H. Gerdes, изучает эффекты социальной поддержки как на приспособление студентов с ограниченными возможностями в целом, так и среди студентов, испытывающих финансовый стресс в частности. Исследование проводилось на 521 студентах с ограниченными возможностями одного из североамериканских университетов, доля которых составила 4 % от общего числа студентов этого вуза. Результаты показали, что два типа социальной поддержки (общая поддержка и удовлетворение от поддержки) имеют положительное воздействие на приспособление студентов с ограниченными возможностями в университетах. Кроме того, обе формы поддержки модулируют эффекты финансового

стресса на некоторые, но не все, показатели приспособления [15].

Под другим углом зрения исследуют социальную поддержку М. Milic Babic и М. Dowling. Они исследовали как студенты с ограниченными возможностями в Хорватии воспринимают социальную поддержку в системе высшего образования. Исследование проводилось на девяти студентах с ограниченными возможностями в возрасте от 20 до 30 лет. Результаты качественных интервью показали, что студенты были удовлетворены неформальной поддержкой, которую они получили от семьи и друзей, но недовольны формальной поддержкой, получаемой от университетов и правительства. В качестве препятствий студенты указали: неадекватные транспорт и финансы, чтобы посещать университет, и минимальная адаптация зданий, туалетов, лифтов, аудиторий и общежитий [14].

Восприятию одной из форм социальной поддержки студентами с ограниченными возможностями посвящено и исследование V. Cook, A. Griffin, S. Hayden, J. Hinson и P. Raven, которые провели в 2009 – 2010 гг. анкетирование пользователей карты поддержки студентов с ограниченными возможностями, специально созданной двумя медицинскими школами. В исследовании участвовали 31 респондент, среди которых было отобрано шесть добровольцев для уча-

ствия в полуструктурированных интервью. Далее был проведён тематический анализ и данные анализировались независимо двумя исследователями. Результаты показали, что эта схема была хорошо воспринята студентами и принесла очевидные выгоды. В ходе интервью выяснилось, что студенты были озабочены раскрытием информации об ограниченных возможностях, угрозой, что их поведение может быть неправильно истолковано, а также приобретением компетенций, необходимых для того, чтобы стать врачом. Таким образом, это исследование выявило преимущество такой формы социальной поддержки, являющейся гибкой и адресной [13]. В целом приведенные выше зарубежные исследования социальной поддержки студентов с ограниченными возможностями рассмат-

ривают прикладные аспекты этого явления, например, восприятие социальной поддержки, и направлены на обеспечение равенства возможностей для обучения студентов с ограниченными возможностями.

Возвращаясь к результатам проведенного исследования в МГППУ, отметим, что социальная поддержка задействуется в трудных ситуациях в качестве ресурса устойчивости при кратковременном стрессе и в качестве ресурса саморегуляции при длительном или хроническом стрессе (инвалидности). Перспективой дальнейшего исследования может служить проверка теоретических положений о невосприимчивости социальной поддержки инвалидами на российской выборке, несмотря на хроническую недостаточность личностных ресурсов.

Литература

1. Васильев И. А., Леонтьев Д. А., Митина О. В., Шапкин С. А. Ориентация на действие или состояние как индивидуальная характеристика саморегуляции. М.: Смысл, 2011.
2. Гордеева Т. О., Осин Е. Н., Рассказова Е. И., Сычев О. А., Шевяхова В. Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современной российской обществе: материалы II Международной научно-практической конференции. 2010. Т. 2. С. 195 – 197.
3. Дёмин А. Н., Кожевникова Е. Ю., Седых А. Б. Психологическое профилирование на рынке труда. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2003.
4. Лебедева А. А. Субъективное благополучие лиц с ограниченными возможностями здоровья: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012. 32 с.
5. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) // Открытое образование. 2010. № 3. С. 32 – 38.
6. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М., 2006.
7. Леонтьев Д. А., Александрова Л. А., Лебедева А. А. Специфика ресурсов и механизмов психологической устойчивости студентов с ОВЗ в условиях инклюзивного образования // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 80 – 94.
8. Луковицкая Е. Г. Социально-психологическое значение толерантности к неопределенности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб, 1998. 18 с.
9. Мадди С. Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 6. С. 87 – 101.
10. Силантьева Т. А. Социальная поддержка как ресурс психологической устойчивости в ситуации инвалидности // Безопасность образовательной среды: психологическая оценка и сопровождение: сборник научных статей / под ред. И. А. Басовой, О. В. Вихристюк, Л. А. Гаязовой. М.: МГППУ, 2013. С. 203 – 208.
11. Шварцер Р., Ерусалем М., Ромек В. Русская версия шкалы общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема // Иностранная психология. 1996. Т. 7. С. 71 – 77.
12. Brown K. W., Ryan R. M. Fostering healthy self-regulation from within and without: A self-determination theory perspective // Positive psychology in practice. 2004. P. 105 – 124.
13. Cook V., Griffin A., Hayden S., Hinson J., Raven P. Supporting students with disability and health issues: lowering the social barriers // Medical education. 2012. Vol. 46. № 6. P. 564 – 574.
14. Milic Babic M., Dowling M. Social support, the presence of barriers and ideas for the future from students with disabilities in the higher education system in Croatia // Disability & Society. 2015. Vol. 30. № 4. P. 614 – 629.
15. Murray C., Lombardi A., Bender F., Gerdes H. Social support: main and moderating effects on the relation between financial stress and adjustment among college students with disabilities // Social Psychology of Education. 2013. Vol. 16. № 2. P. 277 – 295.
16. Ryan R. M., Frederick C. On energy, personality, and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being // Journal of personality. 1997. Vol. 65. № 3. P. 529 – 565.

Информация об авторе:

Силантьева Татьяна Андреевна – аспирант Института образования НИУ «Высшая Школа экономики» (Москва), tanyasilantieva@ya.ru.

Tatyana A. Silantieva – post-graduate student at Institute of Education, National Research University Higher School of Economics (Moscow).

(Научный руководитель: Александрова Лада Анатольевна – старший научный сотрудник НИУ ВШЭ, Москва, Laleksandrova@hse.ru.

Academic advisor: Lada A. Aleksandrova – Senior Research Associate at the National Research University Higher School of Economics).

Статья поступила в редколлегию 03.11.2015 г.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПСИХОЛОГО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ
РЕФЛЕКСИВНОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГА***Ю. А. Трифонова***THE FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF PSYCHO-EDUCATIONAL TECHNOLOGY
BY THE REFLEXIVE SUPPORT OF THE PEDAGOGICAL PROFESSIONAL EDUCATION***Yu. A. Trifonova*

В статье представлены рефлексивные формы работы технологии психолого-образовательного сопровождения профессиональной подготовки учителя. Обсуждаются аспекты их реализации и первичные результаты. Описаны особенности осмысления студентами профессиональной педагогической позиции; особенности рефлексирования студентами своего первого профессионального практического опыта, их взаимоотношений с детьми. Представлен анализ интерпретаций студентами-практикантами собственных эмоциональных реакций на конфликтное поведение детей на уроке.

The paper presents the reflexive forms of the technology of psycho-educational support by the professional pedagogical education. It discusses some aspects of their implementation and the initial results. The author describes the main features of students' understanding the meaning of the professional pedagogical position; the features of students' analysis of their first professional experience connected with teaching and communication with children are discussed. The paper gives an analysis of future teachers' interpretations of their own emotional reactions to conflict behavior of children in the classroom.

Ключевые слова: рефлексивный семинар, рефлексивная техника, профессиональная позиция педагога, анализ конфликтного поведения.

Keywords: reflective workshop, reflective technique, professional pedagogical position, analysis of conflict behavior.

Запрос к психологической науке со стороны различных социальных практик в современной ситуации быстро меняющихся тенденций научно-технологического и социального развития в значительной части затрагивают вопросы современного профессионального педагогического образования. Данная проблематика широко обсуждается последнее десятилетие и в российском научном сообществе, выносятся в качестве парадигмы компетентностного подхода в государственные образовательные стандарты: знания, навыки и компетенции современного специалиста должны выдерживать очень быстрые трансформации, оставаясь при этом эффективными в стремительно меняющихся условиях [9; 12]. На сегодняшний день достаточно устоявшимся является представление о том, что образовательные технологии должны центрироваться на личности, вовлекать обучающегося в активную деятельность, в том числе благодаря созданию проблемных ситуаций [1; 4].

В образовательном пространстве будущих педагогов сегодня широко используются формы работы из арсенала активных и интерактивных методов обучения, позволяющих студентам чувствовать себя авторами и самостоятельными деятелями образовательного процесса, глубоко погрузиться в педагогическую практику. Однако для осмысления эффектов и результатов осуществляемых практик студентами необходимо выделять особое время и место, что является сложной задачей, далеко не всегда реализующейся в полной мере. Кроме того, рефлексия в образовательном процессе профессиональной подготовки учителя – не только образовательное средство, но и важнейшая профессиональная компетенция, нуждающаяся в специальном формировании [5 – 8; 10].

В наших исследованиях разрабатывается психолого-образовательная технология рефлексивного сопровождения профессиональной подготовки будущих учителей, основной формой которой служит рефлексивный семинар [3]. Его организация включает выполнение студентами с последующим обсуждением ряда заданий, содержащих смысловое противоречие, нуждающееся в интеллектуальной ассимиляции, интерпретации, личностном отнесении к нему студента (например, педагогические нравственные дилеммы или противопоставленные друг другу в текстах педагогические позиции, а также создающая внутриличностную напряжённость ситуация сопоставления профессиональной самооценки студента и оценки его группой) [11].

В качестве примера можно привести задание, предполагающее обсуждение текстов, написанных от лица педагогов о подходе к ребёнку и ценностях профессии. Два из четырёх текста-эссе описывали принципы традиционного («трансляционного») образовательного подхода, два других следовали идеям личностно-ориентированного направления. Студенты выражали собственное отношение к предложенным текстам, отмечали наиболее близкий для себя вариант и аргументировали свою позицию. Подобное задание позволяло не только обнаружить и актуализировать рефлексивные интенции, уточнить вопросы профессионального самоопределения, но и вскрыть, диагностировать сензитивность к пониманию профессиональных позиций у студентов. Так, оказалось что 41 % респондентов, аргументируя своё мнение, искажали и смешивали понятия личностно-ориентированного и традиционного образовательных подходов, интерпретируя порой точку зрения автора текста

вплоть до совершенно противоположной. В подобных случаях имело место «застывание» на второстепенных положениях эссе и отсутствие видения смысла текста в целом.

Данные результаты, полученные на пилотажном этапе исследования, позволили говорить о необходимости дальнейшего, более детального изучения аспектов смыслового понимания профессии у будущих учителей, а также показали актуальность разработки и реализации программы рефлексивного сопровождения образовательного процесса. В данной статье более подробно будут описаны несколько последующих элементов рефлексивного семинара в рамках психолого-образовательного сопровождения студентов Томского государственного педагогического колледжа (2014 г.).

Одним из элементов работы являлось обсуждение результатов экспресс-опросника профессиональной ментальности (В. Е. Ключко и О. М. Краснорядцева), касающегося ценностей педагога. Адаптированный вариант состоял из 30 высказываний, содержащих разные позиции педагогов и психологов относительно образовательного процесса. Каждое из утверждений, как и в предыдущем задании, принадлежало либо представителю традиционного подхода к образованию, либо представителю личностно ориентированного подхода. Студенты (60 человек) фиксировали степень согласия или несогласия с каждым утверждением.

Итоги выглядели так:

- у 4 % студентов высокая степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась с высокой степенью принятия директивного подхода;
- у 3 % студентов высокая степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась со средней степенью принятия директивного подхода;
- у 1 % высокая степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась с низкой степенью принятия директивного подхода;
- у 7 % средняя степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась с низкой степенью принятия директивного подхода;
- у 10 % студентов присутствовали средняя степень принятия обоих подходов;
- у 7 % средняя степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась с высокой степенью принятия директивного подхода;
- у 12 % низкая степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась со средней степенью принятия директивного подхода;
- у 1 % низкая степень принятия ценностей недирективного подхода сочеталась с высокой степенью принятия директивного подхода;
- у 52 % студентов присутствовала низкая степень принятия обоих подходов.

Хотя данная методика не предназначена для строгого статистического исследования и ее целью было получение материала для самоанализа студентов, результаты показательны. Отвержение будущими учителями (52 %) обеих профессиональных ценностей может свидетельствовать об отсутствии идентификации с получаемой профессией и действительной несформированностью ценностных ориентиров.

Далее молодые люди кратко обобщали в письменной форме, о чем, на их взгляд, говорят представленные утверждения.

42 % респондентов сформулировали содержание очень обобщенно: «Эти утверждения об учебном процессе, как он должен протекать. О том, как должен себя вести педагог и ученик»; «Данные утверждения говорят о самой школе и педагоге» и т. д. Подобные описания не проясняют, дифференцированы ли в тексте ценности обоих подходов респондентами или нет. Сам опросник содержал достаточно «наводящую» инструкцию: «Вам предлагается 30 высказываний, отражающих различные точки зрения на образовательный процесс и принадлежащих как известным, так и не очень известным педагогам и психологам...». Поэтому обобщения данной группы расцениваются нами как формальные.

21 % ответов содержали описание частного феномена образовательного процесса: «Я считаю, что список этих утверждений про то, что надо объяснять доступно детям»; «Школа, мне кажется, главное, должна воспитать нравственного гражданина». Студенты делали практический вывод, близкий для себя. При этом ценностная дифференциация отсутствовала на необходимом уровне обобщения, но порой возникала на бытовом, практическом языке в рамках выделенной респондентами проблемы: «доступно объяснять», «воспитывать нравственность».

13 % респондентов составляли мозаичную картину, перечисляя как можно больше признаков, rozpoznанных в утверждениях: «Здесь идет речь об образовании, о развитии образования, о потребностях человека, личностном развитии»; «Эти утверждения о методиках преподавания и отношении от преподавателей к ученикам, и чему стоит учить, и каковы главные задачи». В результате таких перечислений картина складывалась более точно, чем при чрезмерном обобщении смысла утверждений, однако также далеко не всегда проявлялось ценностное отнесение студентов.

11 % молодых людей распознали в тексте опросника обе профессиональные ценности, описав их: «Я считаю, что список этих утверждений о том, как должен протекать процесс обучения, стоит ли в него вносить что-либо новое, кем является учитель – просто человеком, который дает знания в готовом виде или помощником в получении знаний»; «Ученик должен учиться осознанно, научиться мыслить самостоятельно, развиваться в процессе обучения как личность, либо в процессе обучения главное – передача готовых знаний и научных фактов, которые ребенок должен усвоить?».

13 % описаний акцентировали одну из позиций, близкую респондентам: «Высказывания выражают такую мысль, как формирование у учащихся желания к обучению; личностное развитие учащихся – главная цель педагога»; «Эти утверждения о том, что учитель должен воспитывать ребенка творчески, соблюдая развитие личности». Четкое формулирование одной позиции должно предполагать существование другой, противоположной. Предположим, что эта группа респондентов также распознала ценности как директивного, так и недирективного подходов.

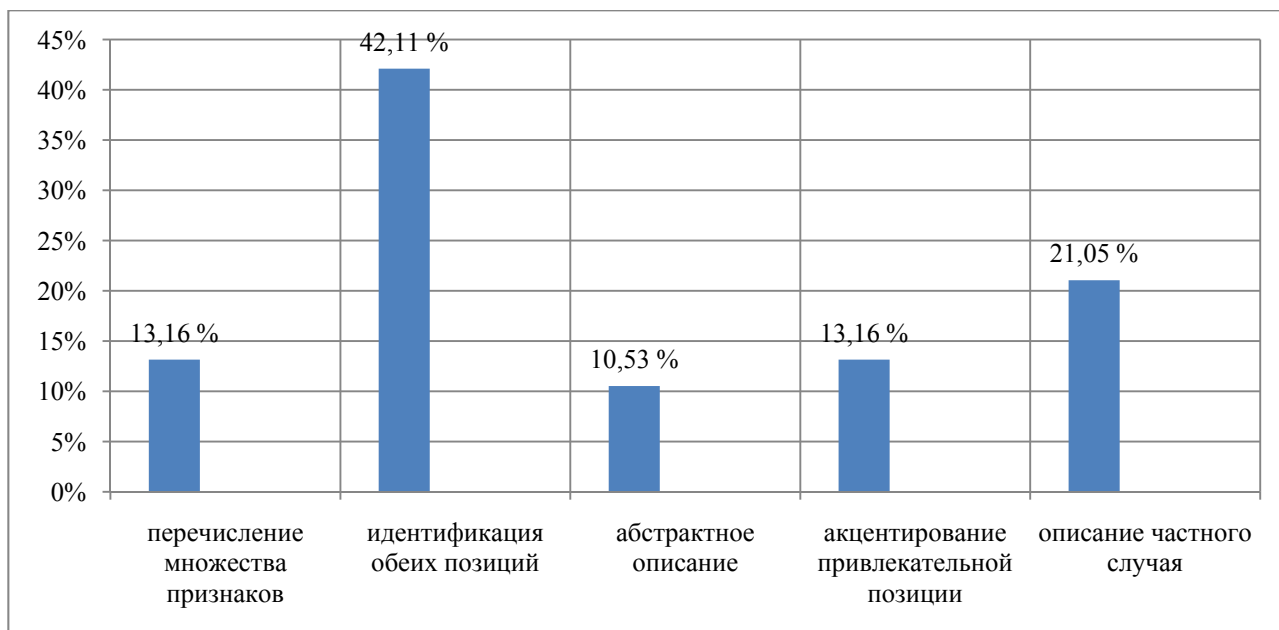

Рис. 1. Формы обобщения смысла утверждений респондентами

Рефлексируя полученные результаты, молодые люди неоднократно отмечали, что на педагогической практике их значительно больше волнует решение конкретных (порой, инструментальных) задач. Детальная проработка структуры урока и документации, с точки зрения молодых людей, и являются приоритетной. Таким образом, ценностные основания педагогической деятельности в сознании респондентов уходят на второй план, их не хватает времени осмыслить.

Другое задание состояло в анализе собственных взаимоотношений с учениками в местах производственной практики. В этих целях использовалась схема Р. Дрейкурса [2], выделившего четыре наиболее распространённые причины конфликтного поведения ребёнка. К ним относятся:

- 1) ребенок хочет обратить на себя внимание (завоевание внимания);
- 2) ребенок хочет одержать верх над учителем, так как не желает подчиниться ему (борьба за власть);
- 3) ребенок мстит учителю за то, что он нелюбим и обижен (мечь или реванш);
- 4) ребенок демонстративно показывает, что он ни на что не способен, чтобы его оставили в покое (демонстрация неадекватности).

С точки зрения Р. Дрейкурса, каждой из четырёх причин соответствует эмоция учителя:

- 1) желание ученика обратить внимание на себя вызывает раздражение;
- 2) стремление ребенка бороться с учителем за власть приводит к переживаемому педагогом ощущению угрозы или брошенного вызова;
- 3) достигнутому желанию ученика отомстить соответствует переживаемое учителем чувство обиды;
- 4) демонстрация ребёнком неспособности в учебной деятельности вызывает у учителя собственное чувство беспомощности.

По мысли автора, понимание целей деструктивного поведения ученика, и, как следствие, нахождение

оптимального подхода к нему, основано на способности учителя отслеживать свои эмоциональные реакции на это поведение. Таким образом, в данном подходе рефлексия собственных эмоциональных переживаний является основанием для выстраивания эффективного общения с учеником. Так, Р. Дрейкурс считает, что сообщение ребёнку причины его поведения (редко осознаваемой им самим) является моментом психологической помощи, которую рефлексирующий учитель способен оказать.

Студенты были ознакомлены с теоретическими положениями концепции Р. Дрейкурса. Им было предложено зафиксировать в письменной форме педагогические ситуации из последнего опыта собственной практики, описывающие поведение ребёнка во время урока. Вслед за этим студенты должны были ретроспективно описать собственное эмоциональное состояние, возникшее в этих ситуациях, а также предположить возможную причину конфликтного поведения ученика, соответствующую предложенной схеме Р. Дрейкурса.

Озвученные студентами педагогические ситуации имели характерные особенности.

1. 45 % студентов описали ситуации, вызывающие у них эмоцию раздражения, что соответствовало целям конфликтных детей привлечь к себе внимание. Случаи, приводимые в данной группе, иллюстрировали поведение учеников, стремящихся выделиться – дети отвлекали от работы своих соседей, громко разговаривали, давали неадекватные обсуждению реплики, рассчитанные на демонстрацию, постоянно оказывались в центре внимания класса, практиканта и учителя благодаря своим эксцентричным поступкам.

2. 32,5 % студентов описали педагогические ситуации, несоответствующие заявленным эмоциональным переживаниям. Причём во всех случаях студенты также отмечали возникновение раздражения по отношению к мешающим вести урок детям. Несоответствие заключалось в том, что данные тексты касались

моментов мести детьми («Вы меня не спросили на прошлом уроке, теперь я не буду заниматься»), попыток одержать верх над практикантом («Вы не учитель, я буду слушать только учителя»), а также демонстраций детьми собственной неспособности выполнять требования на уроке.

Таким образом, в данной группе имело место недостаточное умение идентифицировать собственные эмоции, либо искажённые воспоминания. Однако все респонденты данной группы в качестве «эмоции-заменителя» отметили раздражение:

«Я пришла на урок музыки ко второму классу, и класс меня не воспринимал как учителя, а у меня было продолжение новой темы. Я им объясняю, а они заняты своими делами. На первой парте мальчик играл с пеналом, я подошла, начала его убирать, а он мне сказал: «Это не ваши вещи, не трогайте». Я была в растерянности. Дети были довольны победой, смеялись. Учитель, который присутствовал, делал им неоднократно замечание, но класс замолкал всего лишь на минуту, и шум продолжался дальше. Я очень нервничала, меня все раздражали, но я старалась сдерживаться и молилась, чтобы урок быстрее закончился.

Раз дети меня раздражали, значит, они хотели привлечь внимание».

В данном случае девушка сама первоначально отмечает чувство растерянности перед сложившейся ситуацией, но в дальнейшем переносит акцент на раздражение, которое, скорее всего, появлялось после объективации, но не могло быть первичной эмоциональной реакцией.

3. 10 % респондентов представили ситуации, в которых описывались три оставшихся стратегии поведения детей на уроке с указанием возникших при этом эмоций, соответствующих выделенным Р. Дрейкурсом. Это: «чувство угрозы, ощущение брошенного вызова», «обида», «чувство беспомощности».

4. 12,5 % респондентов испытали затруднение при идентификации собственной эмоциональной реакции, описав педагогическую ситуацию без анализа. В эту же группу мы включили респондентов, заявивших, что в их практике отсутствовали какие-либо конфликты с детьми или ситуации, вызывающие дискомфорт во время проведения занятий. Респонденты посчитали предложенный контекст рефлексии собственных переживаний не безопасным для себя, продемонстрировав наличие психологических защит.

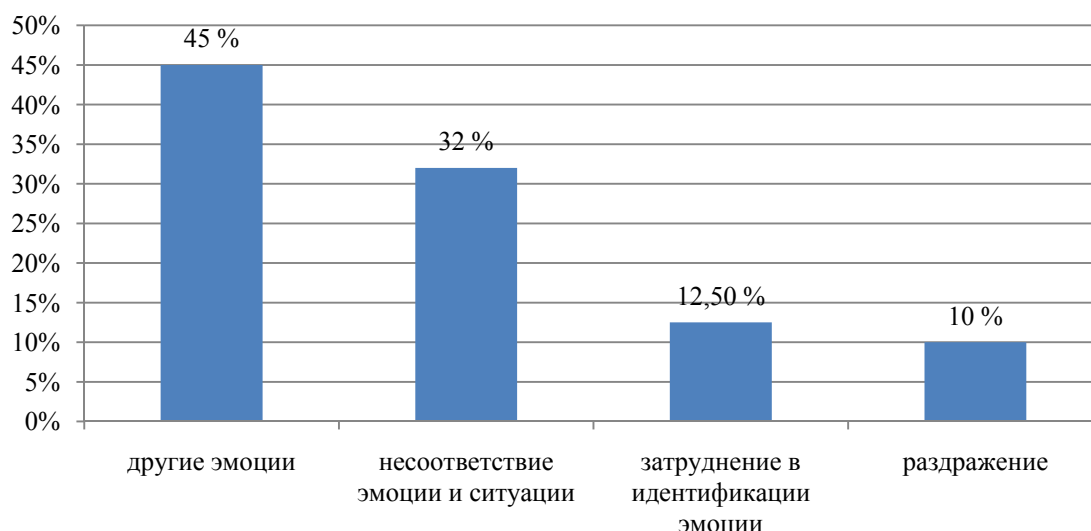

Рис. 2. Соотношение респондентов по формам идентификации собственных эмоциональных реакций

Итак, обнаружилась достаточно высокая незрелость респондентов в способности понимать и интерпретировать собственные эмоциональные реакции, что также приводило к трудностям в общении с детьми. Несмотря на некоторую условность схемы анализа целей ребёнка Р. Дрейкурса, «раздражение» как доминанта свидетельствует о том, что студенты по каким-то причинам не углублялись в изучение своего «раздражения», а обозначение именно данной эмоциональной доминанты при затруднениях создавало ощущение безопасности.

В дальнейшем студенты обсуждали полученные результаты. Внимание при этом было уделено важности отслеживания своих эмоций в социальном взаимодействии и роли эмоций в рефлексивной саморегу-

ляции. Также отдельно анализировались причины полученных результатов, выяснялось, какие переживания на самом деле могли скрываться за описанными педагогическими ситуациями. Одним из способов создания ситуации для осмысления эмоциональных реакций явился метод кейсов, посредством которого студентам предлагалось поставить себя на место учителя из предложенных экспериментатором историй. Данные условия тем не менее предполагали более безопасную для респондентов ситуацию анализа, давая установку «Это произошло не со мной».

Давая обратную связь по итогам проведённой работы, молодые люди акцентировали внимание на том, что полученный опыт эмоционального анализа в общении применим не только во взаимодействии «учи-

тель-ученик». Студенты отмечали, что использовали схему анализа Р. Дрейкурса при конфликте в семье, недопонимании в учебной группе: «...и вот, я поняла, что она такой же ребёнок, ну и что с того, что старше моих учеников? И от обиды я перешла к размышлениям, как до неё донести – почему она меня обижает?».

Реализуемые в рамках программы психолого-образовательного сопровождения формы работы обладают сильной «наглядно-диагностической» стороной, вскрывающей образовательные, профессионально-идентификационные и ценностно-смысловые дефициты, одновременно позволяя осмыслять их респондентам в процессе групповых обсуждений и форм индивидуальной обратной связи. Введенные в основной процесс профессиональной подготовки учителей рефлексивные элементы психолого-образовательного сопровождения этого процесса открывают новые воз-

можности для управления процессами становления профессиональной идентичности и развития профессиональной позиции педагога.

Дальнейшая работа в рамках представленного исследования предполагает апробацию новых форм и приёмов рефлексивного сопровождения профессиональной подготовки учителя, а именно, балитовской группы в виде игровой ситуации «педагогический совет», тренинга профессионального ориентирования, рефлексивных семинаров с новой тематикой. Таким образом, следующей задачей становится расширение набора используемых в технологии практик, а также анализ эффективности их применения. Реализация данного замысла позволит более гибко подойти к выбору способов рефлексивной работы на каждом этапе осуществления психолого-образовательного сопровождения.

Литература

1. Белкина В. Н. Технологическая и мониторинговая составляющая процесса развития профессиональных компетенций у студентов в условиях непрерывного педагогического образования // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 1. Т. II. С. 186 – 190.
2. Дрейкурс Р., Золц В. Манифест счастливого детства. Основные идеи разумного воспитания. М.: Рама Паблишинг, 2011. 296 с.
3. Краснорядцева О. М. Рефлексия как условие актуализации мотивопорождающих смыслов в процессе профессиональной подготовки // Психология обучения. М.: Изд-во СГУ, 2008. № 8 С. 68 – 75.
4. Лаврентьев Г. В., Лаврентьева Н. Б., Неудихина Н. А. Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. Ч. 2. 232 с.
5. Нелюбин Н. И. Осмысление в структуре познавательной активности (на примере работы студентов с научными текстами): дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2012. 215 с.
6. Новоселова Л. А. Психолого-педагогическое сопровождение становления будущего педагога профессионального обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Екатеринбург, 2007. 212 с.
7. Печенина Е. А. Социально-педагогическое сопровождение развития субъектности будущего учителя // Вестник Кузбасской государственной педагогической академии. 2013. № 2(27). Режим доступа: <http://vestnik.kuzspa.ru/articles/167/> (дата обращения: 19.01.2016).
8. Пискунова Е. В. Профессиональная педагогическая рефлексия в деятельности и подготовке педагога // Вестник ТГПУ. 2005. № 1(45). С. 62 – 66.
9. Прокументова Г. Н. Смыслопорождение как образовательная инновация // Переход к Открытому образовательному пространству. Ч. 2: Типологизация образовательных инноваций / под ред. Г. Н. Прокументовой. Томск: Изд-во ТГУ, 2009. 448 с.
10. Семенов И. Н., Савенкова И. А. Рефлексивно-психологические аспекты развития и профессионального самоопределения личности // Мир психологии. 2007. № 2(50). С. 203 – 217.
11. Трифонова Ю. А. Рефлексивные формы психолого-образовательного сопровождения профессиональной подготовки студентов (в условиях педагогического колледжа): дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2013. 185 с.
12. Цивинский В. А. Превращение в образовательном пространстве объекта в субъект: метод «встряхивания» // Психология обучения. 2007. № 3. С. 27 – 38.

Информация об авторе:

Трифорова Юлия Андреевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Томского государственного университета, yu-chan@mail.ru.

Yulia A. Trifonova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General and Pedagogical Psychology, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 13.01.2016 г.

САМОРЕАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В ВОЛОНТЕРСКОМ ДВИЖЕНИИ КАК ПРИОРИТЕТНОМ НАПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Н. Р. Хакимова, А. С. Синяткина

SELF-REALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN VOLUNTEER MOVEMENT AS A PRIORITY DIRECTION OF THE SOCIAL AND YOUTH POLICY

N. R. Khakimova, A. S. Sinyatkina

С целью выявления особенностей самореализации личности волонтеров проведено сравнительное исследование с применением методов контент-анализа и опроса. По результатам показаны цели и мотивы участия в добровольческом движении, а также особенности, степень удовлетворенности и успешность самореализации волонтеров. Показаны статистически достоверные различия значимости терминальных и инструментальных ценностей, а также различия в субъективной оценке реализованности ценностей. Результаты применимы в работе общественных и молодежных организаций, в деятельности по профориентации молодежи, привлечению молодежи к добровольческой деятельности, развитию деятельности молодежных волонтерских организаций, а также в разработке учебных пособий и курсов для студентов образовательных программ, связанных с работой с молодежью.

In order to identify the characteristics of personal fulfillment of volunteers, a comparative study using the methods of content analysis and survey was conducted. The results reveal the objectives and motives of participation in volunteering, and especially the level of satisfaction and personal fulfillment of volunteers. Statistically significant differences in terminal and instrumental values' significance were revealed, as well as differences in the subjective evaluation of implemented values. The results are applicable to the work of public and youth organizations, in the activities of vocational guidance of young people, in the attraction of young people for volunteering, in the development of youth volunteer organizations, as well as in the development of teaching materials and courses for students of educational programs related to the work with youth.

Ключевые слова: самореализация, молодежь, волонтер, молодежная политика, волонтерское движение.

Keywords: self-realization, youth, volunteer, youth policy, volunteer movement.

Современное общество представляет множество возможностей для развития, проявления и совершенствования различных качеств личности, однако у молодых людей все же возникают сложности самоопределения и самореализации. В то же время большинство представителей молодежи как социальной группы стремится найти путь в жизни, реализовать потенциал, связать свою жизнь с чем-то интересным и важным. Довольно часто эти потребности могут быть удовлетворены при участии молодежи в волонтерском движении.

В целом идея волонтерства как социального служения связана с понятием "социум" и с людьми, разделяющими идеи добровольной и бескорыстной помощи. В XX в. в Европе добровольчество стало обретать широкое распространение и стало важной составляющей демократического общества. Волонтерство рассматривается как форма гражданского участия в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия и эффективный механизм решения актуальных социально-педагогических проблем [14].

В России понятие волонтерства формируется в 90-е гг. вместе с зарождением некоммерческих, общественных и благотворительных организаций, составляющих третий сектор экономики [2]. Законом "О благотворительной деятельности и благотворительных организациях" дано определение: "Волонтеры – граждане, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного труда в интересах благополучателя, в том числе в интересах благотворительной организации" [12].

Концепцией содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, одобренной распоряжением Правительства

РФ от 30 июля 2009 г. № 1054-р, благотворительная деятельность некоммерческих организаций, бизнеса и физических лиц, а также добровольческая активность граждан определяются как важнейшие факторы социального развития общества в таких сферах, как образование, наука, культура, искусство, здравоохранение, охрана окружающей среды и ряде других [5]. Содействие развитию практики благотворительной деятельности граждан и организаций, а также распространению добровольческой деятельности (волонтерства) в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, отнесены к числу приоритетных направлений социальной и молодежной политики [4].

Движение волонтеров ориентировано на молодежь, имеющую желание в чем-либо себя проявить, стать полезнее и значимее для себя лично и для общества в целом. Поэтому благотворительные организации часто организуются при высших и среднеспециальных учебных заведениях, студенты которых могут обрести опыт, необходимый для будущей профессиональной деятельности [3].

Основными сферами приложения добровольческой деятельности являются социальная сфера, образование, охрана окружающей среды, предотвращение преступности, правовая защита, досуг [1].

При изучении волонтерского движения можно выделить ряд противоречий: многообразный опыт добровольчества не находит достаточного теоретического анализа; на практике оно активно реализуется, но законодательно регламентировано незначительно; волонтерство объективно необходимо, но существует очень

низкий уровень информированности населения о волонтерской деятельности.

История развития добровольчества связана с появлением различных направлений, требующих помощи и поддержки волонтеров. Каждый может выбрать направление волонтерской деятельности, которое позволяет реализовать свои цели, найти себя, осознать свое место в обществе, понять, как именно каждый человек может реализовать свой потенциал, помогая людям.

Человек способен наиболее полно раскрывать свои способности, качества и преимущества в общественно значимой деятельности, особенно если побуждение к данному виду деятельности исходит из потребностей самого человека. В таком случае реализация способностей личности в общественно значимой деятельности становится ее самореализацией.

Близким к самореализации является понятие самодетерминация, которая в гуманистических теориях рассматривается как стремление к самовыражению и основная потребность человека [10].

К. Роджерс рассматривает стремление к самореализации как врожденное, направленное на становление личности, приобретение ее целостности. Согласно автору, самоактуализация – неотъемлемая часть любой жизни, жизнь и есть самореализация, то есть максимальное раскрытие и использование своих возможностей, реализация своего потенциала. Множество потребностей человека объединяется в одно стремление к становлению и усилению организма. Автор считает, что движение человека вперед возможно лишь при правильном восприятии и осмыслении человеком своих целей, выборов, своего поведения [9].

Также понятие самореализации дано в работах Э. Фромма. Автор рассматривает ориентацию человека на продуктивное использование способностей и качеств личности в мире. «Понимание человеческой души должно основываться на анализе человеческих потребностей, вырастающих из условий существования». Согласно Э. Фромму, необходимой для самореализации является «продуктивная самореализация» [13].

Таким образом, понятие "самореализация" подразумевает стремление к раскрытию себя, реализации своего потенциала, сознательное стремление к достижениям. Обобщая теоретические подходы, можно сделать вывод, что стремление к самореализации является следствием мотивации. Понятие «мотивация» тесно связано с областью самореализации человека. Ценности человека обычно остаются стабильными, в то время как его потребности изменяются в зависимости от обстоятельств. Поэтому потребности стимулируют мотивацию человека, заставляют его проявлять активность в достижении поставленных целей, движении вперед, деятельном развитии.

В проведенном нами исследовании была поставлена цель изучения самореализации молодежи, участвующей в волонтерском движении. Исследование выполнено с применением методов: теоретического анализа научной литературы, качественного анализа информационных сайтов различных волонтерских организаций, действующих на территории РФ, контент-анализа сообщений (самоотчетов) волонтеров о результатах участия в волонтерском движении, опроса в форме анкетирования, опроса по методике М. Рокича, качественной и количественной обработки и интерпре-

тации полученных данных с применением метода оценки достоверности различий по Т-критерию Стьюдента, выполненного с помощью программы статистической обработки данных Статистика 5.5.

В качестве участников выступили молодые люди возрастной группы от 18 до 26 лет, имеющие опыт волонтерской деятельности. Для сравнения полученных результатов была сформирована контрольная группа, в которую вошли молодые люди от 18 до 26 лет, не имевшие опыта подобной деятельности.

Эмпирическое исследование проводилось в 4 этапа. На первом этапе нами было проанализировано наполнение сайтов таких молодежных волонтерских организаций, как "Российский Союз Молодежи", "Команда 2018", "Молодая Гвардия", а также социальной сети для волонтеров "Vollife". Выявлено, что в деятельности по привлечению и мотивации молодежи эти организации делают акцент на возможности принадлежать к значимой общественной группе, чувстве сопричастности, приобретении опыта, полезных навыков и социальных связей, возможности самореализоваться, построить карьеру [11].

Далее в содержимом этих сайтов мы уделили внимание разделам с личными историями и осмыслением опыта волонтерства. Для обработки полученных данных применялся метод контент-анализа, позволяющий делать выводы о людях на основе анализа текста документа. Переменными были качественные характеристики свободного описания опыта участия и самореализации в волонтерской деятельности. Контент-анализ полученных описаний позволил выделить следующие категории:

- личный вклад в значимое дело, полезная деятельность ("Я рад, что внес свой вклад, что делал свое дело, и что вместе мы все, волонтеры, сделали лучшие Игры во всем мире!", "мы хотим сделать мир лучше", "Я сделала впервые в жизни что-то большое и полезное своими руками");

- исполнение мечты ("Волонтерство помогло мне исполнить свою мечту и связать свою жизнь с медициной");

- описание психологических (личностных) изменений ("это СОБЫТИЕ – одно из самых значимых для меня во всей моей недолгой жизни. Оно изменило меня. Если жизнь до Сочи, а есть – после, и это правда!", "Мне захотелось и дальше помогать людям, быть и дальше лучиком света, радовать людей", "Участие в проекте «Доброволец» стало для меня одним из самых больших открытий, открыло для меня целый мир и подарило чувство свободы, дало осознание того, что границ нет", "границы внутри людей мы сами можем преодолевать, помогая людям");

- указание на общественную значимость, важность для других людей ("Помогайте людям", "Я внесла вклад в общество");

- указание на реализацию способностей, ценности саморазвития ("Я смогла получить опыт работы в международной команде, увидела различия в культурах и восприятии мира");

- указание на возможность общения ("У меня появились друзья, с которыми я до сих пор общаюсь", "новые знакомства, пляж, песни под гитару", "Совместный быт до Игр");

– описание мотивов участия в волонтерском движении ("Волонтерство – это было такое стремление, внутренний порыв, я уверена, что большинство людей идет на это, исходя именно из своих внутренних целей, ради себя самого, хотя, да, конечно, мы хотим сделать мир лучше").

На втором этапе было проведено исследование мотивации молодежи к участию в волонтерском движении. Для этого была разработана анкета селективного типа и проведен анкетный опрос, основной целью которого было составление портрета современного российского молодого человека, причастного к добровольческой деятельности. Респонденты имели следующие качества: принадлежность к определенной возрастной категории, участие в деятельности какой-либо общественной организации. Опрос проводился дистанционно, опосредовано через сеть Internet.

В проведенном нами исследовании приняло участие в общей сложности 55 человек, 9 молодых людей и 46 девушек, средний возраст составил 20 лет. Такое соотношение девушек и юношей соответствует другим опубликованным данным исследований волонтерской деятельности, свидетельствующим о преобладании женщин в большинстве волонтерских организаций, что может быть связано с их альтруистичностью [8; 15].

Участники нашего исследования являются студентами или выпускниками различных учебных заведений РФ: Кемеровский государственный университет (КемГУ), Российский Экономический университет им. Плеханова (РЭУ), Кемеровский государственный университет культуры и искусств (КемГУКИ), Томский политехнический университет (ТПУ), Томский государственный университет (ТГУ), Кубанский государственный университет (КубГУ), Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Сибирский государственный университет Путей Сообщений (СГУПС).

Среди опрошенной молодежи волонтеров в возрасте от 18 до 20 лет оказалось 20 %, в возрасте от 21 года до 23 лет – 40 %, от 23 до 25 лет – 35 %, а волонтеров старше 25 лет – 5 %.

Большинство респондентов являются студентами различных высших учебных заведений (84 %), при этом 52 % студентов назвали учебу своим основным типом занятости, а 32 % опрошенных совмещают обучение и работу. Выпускниками высших учебных заведений являются 16 % опрошенных, из них 12 % работают в настоящее время, а 4 % временно не имеют работы. Данные о трудовом и учебном статусе волонтеров показывают, что в основном к самореализации через добровольческую деятельность стремятся студенты, не занятые трудовой деятельностью, что позволяет им наиболее активно участвовать в различных областях, требующих помощи добровольцев, широко реализуя свои способности, повышая уровень успешности самореализации.

Среди опрошенных 62 % уже были волонтерами в прошлом и считают этот опыт положительным. 19 % также имеют опыт волонтерской деятельности, однако считают его отрицательным. 14 % респондентов еще не были волонтерами.

Результаты опроса показали, что важными для волонтеров являются: потребность занять свободное время чем-то полезным, желание научиться чему-то новому, расширить круг общения, помочь нуждающимся людям. Это свидетельствует о том, что большая часть молодых людей, занимающихся волонтерской деятельностью, стремится как можно более полезно и осмысленно проводить свое свободное время, задумываясь также и о своей будущей профессиональной деятельности, навыки, знакомство и опыт для которой они могут приобрести, активно участвуя в деятельности своих молодежных общественных организаций.

Таблица 1

Мотивы участия в добровольческой деятельности

<i>Мотив</i>	<i>Кол-во, чел.</i>	<i>Доля, в %</i>
Желание получить новый и интересный опыт	22	41
Желание бороться с определенной проблемой	4	7
Желание найти новых друзей и знакомых	20	37
Желание помогать людям	6	11
Желание проводить свободное время с пользой	37	67
Желание отплатить людям добром за добро	2	3
Возможность получить хорошую работу в будущем	3	5

В основном молодые люди не задумываются о моральной стороне их волонтерской деятельности. Результаты исследования показали, что возможность помогать людям, бороться с наиболее острыми проблемами общества являются менее значимыми мотивами, чем возможность приобретения новых друзей, нового опыта и т. д. Это значит, что в основном молодежь более ориентирована на процесс их добровольческой деятельности, чем на результат, так как приоритетным для опрошенных нами молодых людей является мотив проведения времени с пользой.

На третьем этапе исследовались ценностные ориентации личности волонтеров по методике М. Рокича, основанной на приеме прямого ранжирования двух списков ценностей по 18 ценностей в каждом: терми-

нальных и инструментальных, отпечатанных на листах бумаги в алфавитном порядке. Для конкретизации критериев ранжирования используется методический прием, предложенный С. Р. Пантеевым. Испытуемым предлагается учитывать не только значимость ценности, но и степень ее реализованности. Для этого после завершения ранжирования обоих списков испытуемым предлагается оценить в процентах степень реализованности каждой из ценностей в его жизни [7].

В исследовании приняли участие 50 человек, из которых 28 человек имели опыт волонтерской деятельности и 22 человека без подобного опыта привлекались в качестве контрольной группы для сравнения результатов. По результатам, приведенным в таблице 2, мы видим, что у имеющих опыт волонтерской деятельности

в список предпочитаемых терминальных ценностей вошли: счастливая семейная жизнь, любовь, здоровье, наличие хороших и верных друзей, развитие, уверенность в себе. Предпочитаемыми инструментальными

ценностями волонтеров являются: жизнерадостность, воспитанность, образованность, чуткость, ответственность, аккуратность.

Таблица 2

Предпочитаемые ценности волонтеров

Ранг	Терминальные ценности	Ср. гр. ранг	Р-ть, (%)	Инструментальные ценности	Ср. гр. ранг	Р-ть, (%)
1	Счастливая семейная жизнь	5,3	67	Жизнерадостность	5,75	70
2	Любовь	5,4	68	Воспитанность	5,96	75
3	Здоровье	6,1	68	Образованность	6,14	68
4	Наличие хороших и верных друзей	7,6	63	Чуткость	6,82	68
5	Развитие	7,8	62	Ответственность	7,25	52
6	Уверенность в себе	8,0	65	Аккуратность, чистоплотность	7,42	63
Средняя групповая реализованность Тр			65,8	Ср. гр. реализованность Ир		66,3

Таблица 3

Предпочитаемые ценности контрольной группы

Ранг	Терминальные ценности	Ср. гр. ранг	Р-ть (%)	Инструментальные ценности	Ср. гр. ранг	Р-ть (%)
1	Здоровье	3,3	65	Воспитанность	5,9	69
2	Любовь	5,0	55	Ответственность	6,2	62
3	Интересная работа	7,1	49	Чуткость	6,3	72
4	Материально обеспеченная жизнь	7,6	50	Образованность	6,4	64
5	Наличие хороших и верных друзей	8,2	54	Жизнерадостность	6,8	55
6	Познание	9,5	44	Независимость	8,3	48
Ср. гр. реализованность Тр			52,8	Ср. гр. реализованность Ир		61,7

В таблице 3 приведены предпочитаемые ценности контрольной группы (молодежи без опыта волонтерской деятельности). Анализируя полученные результаты, мы видим, что для них наиболее важными терминальными ценностями являются здоровье, любовь, интересная работа, материально обеспеченная жизнь, наличие хороших и верных друзей и познание. Предпочитаемыми инструментальными ценностями являются воспитанность, ответственность, чуткость, образованность, жизнерадостность, независимость.

При анализе данных, приведенных в таблице 2 и таблице 3, были выявлены расхождения в значимости терминальных и инструментальных ценностей в исследуемых группах. Так, в группе имеющих опыт волонтерской деятельности, интересная работа не вошла в список предпочитаемых терминальных ценностей, что, по нашему мнению, может быть связано с наличием интересной и значимой деятельности (добровольчества) вне работы. Также среди предпочитаемых ценностей данной группы присутствуют развитие и уверенность в себе, процент реализованности данных ценностей в группе достаточно высок (выше среднего), что свидетельствует о положительном влиянии добровольческой деятельности на реализацию предпочитаемых терминальных ценностей. Отсутствие материально обеспеченной жизни в списке предпочитаемых терминальных ценностей может быть обусловлено тем, что волонтерская деятельность не подразумевает материального вознаграждения за труд, что дает возможность

молодым людям по-другому оценить нематериальные параметры.

Среди предпочитаемых терминальных ценностей контрольной группы, помимо интересной работы, присутствует ценность материально обеспеченной жизни, что свидетельствует о большей ориентированности на традиционные ценности, прагматичности членов данной группы по сравнению с группой имеющих волонтерский опыт, однако процент реализованности данных ценностей в контрольной группе находится на среднем уровне, что может быть интерпретировано как более гипотетический, планируемый характер предпочтений, в то время как общий уровень реализованности терминальных ценностей в группе молодых людей, имеющих опыт добровольческой деятельности выше, чем в контрольной группе, что позволяет нам сделать вывод о том, что добровольческая деятельность влияет на реализацию предпочитаемых ценностей, что подтверждает гипотезу исследования.

Несмотря на то, что в двух исследуемых группах были выявлены различия в предпочтении ценностей молодых людей, инструментальные ценности (средства достижения поставленных целей) имеют большее сходство, как в ранжировании, так и в реализованности. Например, молодые люди в обеих группах среди предпочитаемых инструментальных ценностей выделили воспитанность, образованность, ответственность, жизнерадостность и чуткость, при этом процент реализованности вышеперечисленных ценностей находится на одинаково высоком уровне (выше среднего) в обеих

группах. Полученные данные могут свидетельствовать о том, что современная молодежь, вне зависимости от характера своей деятельности, стремится к достижению целей одинаковыми путями и способами.

Для проверки достоверности различий, выявленных между участниками двух групп, применялся *t*-критерий Стьюдента. Статистический анализ показал, что наибольшее число различий между группами испытуемых было выявлено именно по показателям реализованности ценностей, прежде всего терминальных. В таблице 4 представлены значимые результаты оценки достоверности различий при $p < 0,05$.

Из таблицы 4 мы видим, что среднее значение реализованности ценностей значительно выше в группе респондентов-волонтеров, чем в контрольной группе, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Показатели реализованности инструментальных ценностей имеют меньшие различия в группах. Только 2 ценности, указанные в таблице 5, имеют различия в реализованности в исследуемых группах.

По рангам значимости ценностей также различия выявлены только в двух ценностях. Контрольная группа более ценит здоровье и терпимость, чем группа волонтеров.

Таблица 4

**Достоверные различия субъективных оценок
реализованности терминальных ценностей исследуемых групп**

<i>Ценности</i>	<i>Ср. гр. показатель волонтеров</i>	<i>Ср. гр. показатель КГ</i>	<i>t-критерий</i>	<i>P < 0, 05</i>
Активная деятельная жизнь	56,4	43,6	2,7	0,01
Жизненная мудрость	52,5	42,7	2,1	0,04
Интересная работа	62,1	49,1	2,7	0,01
Красота природы и искусства	48,2	29,5	4,6	0,00003
Любовь	68,9	55,5	2,2	0,03
Материально обеспеченная жизнь	62,1	49,5	2,3	0,02
Познание	55,4	43,6	2,2	0,03
Развитие	62,1	46,4	3,4	0,001
Свобода	56,8	40,5	3,2	0,002
Счастливая семейная жизнь	67,1	51,4	3,1	0,004
Счастье других	36,8	25,4	2,3	0,03
Среднее значение реализованности	57,1	43,3		

Таблица 5

**Достоверные различия субъективных оценок
реализованности инструментальных ценностей исследуемых групп**

<i>Ценности</i>	<i>Ср. гр. показатель волонтеров</i>	<i>Ср. гр. показатель КГ</i>	<i>t-критерий</i>	<i>P < 0, 05</i>
Аккуратность, чистоплотность	63,2	47,7	3,5	0,001
Жизнерадостность	70,0	55,5	2,8	0,007

Таблица 6

Достоверные различия рангов значимости ценностей исследуемых групп

<i>Ценности</i>	<i>Ср. гр. показатель волонтеров</i>	<i>Ср. гр. показатель КГ</i>	<i>t-критерий</i>	<i>P < 0, 05</i>
ТЦ Здоровье	6,14	3,3	2,5	0,02
ИЦ Терпимость	11,8	8,6	2,3	0,025

Исходя из приведенных данных, полученных в результате нашего исследования, мы видим, что наиболее выраженные различия между группами существуют именно в субъективной оценке реализованности ценностей. В ранжированности инструментальных и терминальных ценностей различия существуют лишь в двух ценностях, указанных в таблице 6. Можно предположить, что данные результаты обусловлены схожими ценностями для данной возрастной группы. Однако между группой молодых людей, имеющих опыт добровольческой деятельности и контрольной группой, существуют заметные расхождения в субъективной оценке реализованности ценностей, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу о том, что у молодых людей, имеющих опыт добровольческой деятельности, и

молодых людей без подобного опыта, существуют различия в самореализации.

Статистический анализ показал, что наибольшее число различий между группами испытуемых было выявлено именно по показателям реализованности ценностей, прежде всего терминальных. Среднее значение реализованности ценностей значительно выше в группе респондентов-волонтеров, чем в контрольной группе, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу.

Исходя из приведенных данных, полученных в результате исследования, наиболее выраженные различия между группами существуют именно в субъективной оценке реализованности ценностей. В ранжированности инструментальных и терминальных ценностей различия существуют лишь в двух ценностях, указанных в

таблице 6. Можно предположить, что данные результаты обусловлены схожими ценностями для данной возрастной группы. Однако между группой имеющих опыт добровольческой деятельности и контрольной группой существуют заметные расхождения в субъективной оценке реализованности ценностей, что подтверждает выдвинутую нами гипотезу о различиях в самореализации. Судя по полученным данным, молодые люди, участвующие в волонтерском движении, ставят иные цели в своей жизни, чем контрольная группа участников, а также более полно реализует предпочитаемые цели.

Практическая значимость работы состоит в широком круге возможностей применения полученной в ходе исследования информации. Данные о самореализации молодежи в волонтерском движении могут быть использованы в работе различных общественных организаций, занимающихся работой с молодежью, в деятельности по профессиональной ориентации молодежи, для привлечения молодежи к добровольческой деятельности, развития и расширения деятельности молодежных волонтерских организаций, а также в разработке учебных пособий и курсов для студентов образовательных программ, связанных с работой с молодежью.

Литература

1. Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120 – 125.
2. Из истории волонтерства // Кто если не я: сайт. 2010. Режим доступа: <http://ktoeslineya.ru/volonter/history>
3. Ильина И. Волонтерство в России // Интернет советы. Режим доступа: <http://www.isovet.ru/obshestvo/-otnosheniya/volonterstvo-v-rossii.html>
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утв. Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р). Режим доступа: <http://base.garant.ru/194365/>
5. Концепция содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации (одобрена Распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2009 г. № 1054-р). Режим доступа: <http://base.-garant.ru/6726429>
6. Коростылева Л. А. Самореализация личности в профессиональной сфере: генезис затруднений // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 5 / под ред. Г. С. Никифорова, Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2001. С. 90.
7. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992.
8. Мерсиянова И. В. Факторы вовлеченности россиян в добровольческую деятельность // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. № 2. С. 39 – 45.
9. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс; Универсум, 1994.
10. Серый А. В., Яницкий М. С. Формирование ценностно-смысловых ориентаций самоактуализирующейся личности как актуальная задача профессионального обучения // Вопросы общей и дифференциальной психологии: сборник научных трудов. Вып. 3. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1999.
11. Синяткина А. С., Хакимова Н. Р. Особенности построения и функционирования социальных сетей молодежных волонтерских организаций // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12-2(40). С. 29 – 34. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2014/12/8791>
12. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ (ред. от 30.12.2008).
13. Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ – ЛТД, 1998. 664 с.
14. Шекова Е. Добровольческие трудовые отношения: основные определения // Человек и труд. 2003. № 4. С. 37 – 38.
15. Шорохов К. Ю. Роль добровольчества в образовательном и профессиональном становлении молодежи (на примере регионального отделения Красного Креста) // Социология науки и технологий. 2014. Т. 5. № 4. С. 126 – 135.
16. Volunteer Life. Режим доступа: <http://www.vollife.com>

Информация об авторах:

Хакимова Нурия Равильевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, khakimova@kemsu.ru.

Nuriya R. Khakimova – Candidate of Psychology, Associate Professor; Assistant Professor at the Department of General Psychology and Psychology of Development, Kemerovo State University.

Синяткина Александра Сергеевна – магистрант Высшей школы экономики, Санкт-Петербург, ssinyatkina@yandex.ru.

Alexandra S. Sinyatkina – Master's Degree student at the School of Economics and Management, St. Petersburg Higher School of Economics.

(Научный руководитель: **Браун Ольга Артуровна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, oabrun09@rambler.ru).

Academic advisor: Olga A. Braun – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 13.01.2016 г.

УДК 159.947.3:316.752 (316.47)

ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ СО СТУДЕНТАМИ ВУЗА, ОКАЗАВШИМИСЯ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

М. С. Яницкий, Е. В. Аршинова, М. С. Иванов, С. А. Пфетцер, Е. В. Харченко

VALUE-SEMANTIC ASPECTS OF SOCIAL WORK WITH THE HIGHER EDUCATION STUDENTS ENCOUNTERING A CRISIS SITUATION

M. S. Yanitskiy, E. V. Arshinova, M. S. Ivanov, S. A. Pfetser, E. V. Kharchenko

В статье рассматриваются представления о кризисной ситуации в современных психологических исследованиях. Анализируется специфика кризисных ситуаций, переживаемых современной российской молодежью, раскрываются содержание и особенности кризисных ситуаций в период обучения в вузе. Описываются технологии социальной работы по разрешению кризисных ситуаций молодежи, аргументируется значение ценностно-смысловой парадигмы как основы разработки и реализации системы технологий работы со студенческой молодежью, оказавшейся в кризисной ситуации. Эмпирически выделяются актуальные проблемы студентов вуза, раскрывается модель социальной работы со студентами Кемеровского государственного университета, оказавшимися в кризисной ситуации, оценивается ее эффективность, предлагаются рекомендации по ее оптимизации.

The paper discusses the understanding of the crisis in modern psychological studies. The specifics of the crises faced by the modern Russian youth are examined, the contents and features of crisis situations in the period of studying at the University are disclosed. The author describes the technologies of social work to resolve crisis situations of young people and claim the importance of value-semantic paradigm as the basis for the development and implementation of technologies of work with students in a crisis situation. The actual problems of university students are empirically allocated; the paper reveals a model of social work with the students of Kemerovo State University, trapped in a crisis situation, assesses its effectiveness and makes recommendations for its optimization.

Ключевые слова: ценности, личностные смыслы, кризисные ситуации, молодежь, студенты, вуз, социальная помощь, социальная работа, психология социальной работы.

Keywords: values, personality senses, crisis situations, young people, students, higher education institution, university, social help, social work, psychology of social work.

Введение

Основанием обращения за социальной помощью выступают ситуации, имеющие отчетливую выраженность, выделяющую их из повседневной жизни. Такие жизненные ситуации, имеющие проблемный характер, обычно обозначаются как кризисные – так, в теории «кризисного вмешательства» Н. Голан кризисной считается ситуация, когда человек не в состоянии справиться с проблемой привычными способами. С этой точки зрения любой обращающийся за социальной помощью находится в кризисной ситуации [1].

Р. В. Кадыров, понимая ситуации, обозначаемые различными авторами как особые, сложные, трудные, чрезвычайные, экстремальные, кризисные и т. п., как синонимические, определяет их как реальность, «которая выходит за пределы обычного, "нормального человеческого опыта"» [3, с. 16]. Такая широкая интерпретация экстремальных и тем более кризисных ситуаций жизнедеятельности переводит их понимание в контекст личностного развития – человек в процессе своего развития постоянно выходит за рамки имеющегося на данный момент опыта. Жизнь, собственно, и представляет собой цепочку кризисных ситуаций, характер и успешность разрешения которых определяет особенности развития личности. Сказанное становится еще более очевидным применительно к постмодернистскому обществу, главной отличительной особенностью которого является крайнее непостоянство, возрастающая изменчивость, случайность, эпизодичность, приводящие к перманентному присутствию стресса и тревоги. Таким образом, условия, тра-

диционно понимаемые как экстремальные, сегодня становятся нормой, фоном существования.

Соответственно, в постнеклассической психологии при исследовании различных экстремальных и кризисных ситуаций внимание все чаще концентрируется на их ценностно-смысловых аспектах (Ф. Е. Василюк, Д. А. Леонтьев, А. В. Серый и др.). Подобный подход М. Ш. Магомед-Эминов обозначает как «метапсихологический» или онтологический, в котором экстремальная ситуация, феномены кризиса, травмы, утраты, стресс-синдромы соотносительны «не функциональности, аффективности, напряжению (или напряженности), когнициям, поведению, а бытию личности. При данном подходе делается акцент на событии бытия личности в жизненном мире в рамках психологии бытия человека» [6, с. 30].

Особую актуальность проблема переживания кризисных ситуаций приобретает применительно к такой социальной группе, как молодежь. Отличительной особенностью современной российской молодежи является сочетание универсальных проблем, связанных с ее переходным характером от детства к взрослости и проявляющемся в последовательном переживании кризисных периодов развития, а также проблем, обусловленных спецификой ее актуального социального положения в обществе, испытывающем политический, экономический и ценностный кризис [2]. Как справедливо указывает Е. П. Савруцкая, «негативные явления российской социальной реальности оказали наибольшее влияние на молодежь, поставленную перед проблемой выбора ценностных ориен-

таций и жизненных установок, зачастую не имеющую возможности опереться на социокультурный опыт старших поколений» [8, с. 247]. Соответственно, в настоящее время многие молодые люди характеризуются несформированностью системы ценностных ориентаций или ее дезинтеграцией, определенной утратой смысла жизни, что существенно осложняет процесс социализации и затрудняет последующую самореализацию личности. В этой связи к наиболее актуальным для современной российской молодежи можно отнести проблемы, связанные с ее жизненным и профессиональным самоопределением, приобретающие при резком изменении социальной ситуации кризисный характер.

Примером специфичных для молодежи кризисных ситуаций являются кризисы, переживаемые современной студенческой молодежью, обусловленные как закономерностями возрастно-психологической динамики, так и социальной ситуацией развития в период обучения в вузе. Этот период характеризуется закладыванием основ будущего вида деятельности – реализации себя в профессиональном плане, а также стремлением к осмыслению своего будущего – жизнедеятельности в целом, т. е. одновременным протеканием процессов профессионального и личностного самоопределения. Кризисы, возникающие в процессе обучения в вузе, которые по своему содержанию можно обозначить как кризисы профессиональной идентификации, профессионального становления и самоопределения, подробно рассматриваются в трудах достаточно широкого круга авторов, в частности в работах Э. Эриксона, Е. А. Климова, Э. Ф. Зеера, Э. Э. Сыманюк, Л. М. Митиной и др. В. Р. Манукян рассматривает кризисы, возникающие в период обучения в вузе, в контексте возрастного развития, как проявления общего адаптационного процесса вхождения во взрослость. Данные кризисы связываются ей как с началом профессионализации, так и со становлением собственного образа жизни, развитием навыков саморегуляции и планирования жизни, что позволяет осуществить переход во взрослость менее болезненно [7].

Очевидно, что переживание кризисов в период обучения в вузе также связано с определенными закономерностями трансформации ценностно-смысловой сферы личности, которые рассматривались целым рядом известных авторов, в том числе Г. Оллпортом и Дж. Гиллеспи, М. Рокичем и др. Большинство исследователей считают период обучения наиболее важным для человека в плане происходящего в это время реального становления его как личности в процессах профессионального и личностного самоопределения. Образовательная и социальная среда вуза во многих случаях становится основным институтом развития системы ценностей в юношеском возрасте и в период ранней взрослости. Именно вузовская либеральная и творческая среда создает необходимые условия для личностного роста и формирования высшего, автономного уровня системы ценностей.

Ценностно-смысловое содержание кризисов профессиональной идентификации, профессионального становления и самоопределения студентов вуза подробно рассматривается в трудах достаточно широкого круга авторов, в том числе и в наших предыдущих

работах [12; 13]. Общими проявлениями описанных кризисов являются нарушения ценностно-смысловых компонентов процессов личностного и профессионального самоопределения. Закономерно, что в современной психологии детально разработаны как ценностно-смысловые аспекты оказания психологической помощи в различных кризисных ситуациях [9], так и психолого-педагогические технологии становления ценностно-смысловой сферы в период обучения в вузе [10].

Очевидно, что и в практике социальной работы с молодежью, оказавшейся в кризисной ситуации, ценностно-смысловой аспект также занимает одно из ведущих мест. Так, в «кризисинтервентной модели практики социальной работы» основной акцент делается на восстановлении системы устойчивых ценностей, представлений о смысле жизни и справедливости, необходимых для преодоления кризисной ситуации [4]. Таким образом, ценностно-смысловое содержание кризисов, переживаемых в процессе обучения в вузе, закономерно определяют ценностно-смысловую направленность психологических и педагогических технологий и технологий социальной работы по разрешению данных кризисных ситуаций. Соответственно и сама организация работы со студентами по профилактике и успешному разрешению кризисов профессионального самоопределения должна основываться на оценке ценностных предпочтений студентов вуза.

Очевидно, что социальная работа со студентами, переживающими кризисные ситуации, связанные с обучением в вузе, должна также учитывать «фоновые» социальные и личностные проблемы, стоящие перед студенческой молодежью, и, в отличие от собственно психологического сопровождения при выборе приоритетных направлений, ориентироваться на решение проблем социальной адаптации к условиям вузовского обучения, социализации в особой социокультурной вузовской среде, решение проблем социального взаимодействия студентов и т. д.

Как отмечает А. В. Кострикин, особенность социальной работы с молодежью состоит в том, что она направлена на решение специфических молодежных социальных проблем, обусловленных кризисом перехода от детства к взрослой самостоятельной жизни и связанных с обретением полноценного профессионального и социального статуса [5]. В силу этого возникает необходимость разработки и внедрения специальных технологий работы с молодежью, находящейся в кризисной ситуации.

Как полагает Т. В. Корхонен, сегодня при разрешении кризисных ситуаций приоритетными становятся подходы, позволяющие социальному работнику помочь клиенту раскрыть и реализовать свои личностные и социальные ресурсы. К ним, в частности, относится кризисная концепция социальной работы. Разработанная в ее рамках «кризисинтервентная модель практики социальной работы» представляет собой технологию кризисного вмешательства, ориентированного на социальную реабилитацию среды обитания индивида или группы [4]. По словам автора, предлагаемая ей «кризисинтервентная модель практики социальной работы» является адекватной технологией помощи индивидам и группам, находящимся в

состоянии кризиса, так как позволяет восстановить и предотвратить в последующем разрушение основных источников и способов реализации их жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности, а также негативное влияние различных факторов на развитие их жизненного пространства.

По нашему мнению, эффективность социальной работы со студенческой молодежью, оказавшейся в кризисной ситуации, должна оцениваться по следующим параметрам: увеличение количества решенных проблем; степень преодоления, «ликвидации» причин наиболее часто возникающих проблем. Основным критерием эффективности может рассматриваться восстановление качественного социального функционирования студенческой молодежи, оказавшейся в кризисной ситуации. Показателями качественных изменений в данном случае будут являться стабилизация психоэмоционального состояния, сформированность мотивации на самостоятельное достижение позитивных изменений в новых условиях жизни, позитивная профессиональная идентичность, повышение значимости ценностей самореализации, ответственности и т. д., продуктивный характер актуального смыслового состояния.

В целом проведенный нами теоретический анализ проблемы исследования позволяет предположить, что обращение студентов вуза за социальной помощью в кризисной ситуации, выбор субъекта и технологий ее оказания, а также эффективность ее реализации тесно взаимосвязаны с особенностями развития их ценностно-смысловой сферы личности, и в частности – с направленностью на ту или иную систему ценностей.

Организация исследования и его результаты

В соответствии с целью исследования нами изучались: актуальные проблемы, доставляющие наибольшее беспокойство студентам вуза и лежащие в основе возникновения кризисных ситуаций; основные субъекты оказания социальной помощи в кризисной ситуации, к которым они обращались; эффективность их деятельности по разрешению личностных проблем и помощи в кризисных ситуациях. Для этого нами была разработана специальная анкета, включающая названные вопросы, а также сведения о поле, возрасте, факультете и курсе обучения.

Для оценки ценностных детерминант значимости тех или иных личностных проблем, предпочтения тех или иных субъектов оказания социальной помощи в кризисной ситуации, а также эффективности оказанной ими социальной помощи использовалась модифицированная нами методика Р. Инглхарта, позволяющая установить принадлежность исследуемых к тому или иному ценностному типу [13]. В нашей модели выделяются три основных типа ценностных систем: ценности адаптации (связанные с потребностью в выживании и безопасности), социализации (обусловленные зависимостью от социального одобрения) или индивидуализации (отражающие направленность на независимость и саморазвитие). В качестве критерия принадлежности к адаптирующемуся типу рассматривался выбор таких ценностей, как «отсутствие нужды, материальный достаток», «сохранение сил и здо-

ровья» и «сохранение порядка и стабильности в обществе»; к социализирующемуся типу – «семейное благополучие», «хорошая, престижная работа» и «уважение окружающих, общественное признание»; к индивидуализирующемуся типу – «возможность интеллектуальной и творческой самореализации», «возможность пользоваться демократическими правами и свободами» и «строительство более гуманного и терпимого общества».

Исследуемую выборку составили 80 студентов Кемеровского государственного университета следующих факультетов: биологического, социально-психологического, романо-германской филологии, филологии и журналистики, юридического. В исследовании приняли участие респонденты мужского пола – 21 %, женского пола – 79 %. Средний возраст исследуемых составил 20,3 года.

В основе обращения студентов вуза за социальной помощью находятся субъективно значимые личные проблемы, переживаемые ими в настоящее время и могущие рассматриваться в качестве причин возникновения кризисных ситуаций. Как показывают результаты проведенного нами исследования (таблица 1), для студентов Кемеровского университета наиболее актуальны проблемы материального характера, связанные с нехваткой денежных средств (58 % опрошенных), сопутствующие им проблемы поиска работы или подработки (39 %), а также ограниченность возможности для отдыха, проведения свободного времени (26 %). Наименее значимы проблемы криминального характера, личной безопасности (1 %), а также проблемы, обусловленные трудностями во взаимоотношениях с одноклассниками и преподавателями (8 %).

Значимость отдельных проблем оказалась взаимосвязана с ценностными предпочтениями молодежи. По модифицированной нами методике Р. Инглхарта исследуемые студенты на основании большинства сделанных ими выборов были отнесены к одному из трех ценностных типов: «адаптирующиеся» – 19 %; «социализирующиеся» – 34 %; индивидуализирующиеся – 10 %. Остальные 37 % студентов были отнесены к промежуточному типу.

Наше исследование обнаружило ценностную детерминированность ранга проблем, стоящих перед молодежью. Так, проблемы нехватки денег и собственного здоровья наиболее остро стоят для представителей адаптирующегося типа (73 % и 33 %), ценности которого и обусловлены фрустрацией потребностей в экономической и физической безопасности. Представители социализирующегося типа, к приоритетным ценностям которых относится «хорошая работа», закономерно чаще обеспокоены проблемами поиска работы (48 %). Индивидуализирующийся тип, ориентированный на самовыражение и самореализацию, заметно чаще испытывает проблемы во взаимоотношениях с преподавателями и в проведении досуга (25 % и 50 %). Промежуточный тип, характеризующийся несформированностью ценностной системы, обнаруживает наибольшее общее количество актуальных проблем, и, прежде всего, в сфере межличностных отношений и в учебе (24 % и 17 %).

Распределение ответов на вопрос «Проблемы, доставляющие наибольшее беспокойство в настоящее время» в зависимости от принадлежности к отдельным ценностным типам, %

<i>Проблемы</i>	<i>Типы по Инглхарту</i>				<i>Все</i>
	<i>А</i>	<i>С</i>	<i>И</i>	<i>П</i>	
Взаимоотношения с друзьями	7	7	13	24	14
Взаимоотношения с любимым человеком	0	22	13	24	18
Взаимоотношения с родителями, родственниками	20	7	13	17	14
Взаимоотношения с одногруппниками, однокурсниками	13	0	0	14	8
Взаимоотношения с преподавателями	0	4	25	10	8
Проблемы с учебой, успеваемостью	0	11	13	17	11
Жилищная проблема, условия проживания	13	22	25	10	16
Нехватка денег, проблемы материального характера	73	56	25	59	58
Проблема поиска работы (подработки)	33	48	25	34	39
Состояние здоровья	33	19	13	31	25
Проблемы криминального характера, личной безопасности	0	0	0	3	1
Ограниченность возможности для отдыха, проведения свободного времени	33	30	50	14	26

Организацией оказания социальной помощи студентам занимаются соответствующие структурные подразделения университета, в которые при возникновении необходимости и обращаются студенты вуза. При этом, как уже отмечалось, в соответствии с теорией Н. Голан всякий обращающийся за социальной помощью человек находится в кризисной ситуации. Соответственно, субъекты оказания социальной помощи студентам университета одновременно выступают субъектами социальной работы со студентами, оказавшимися в кризисной ситуации. К таким субъектам можно отнести руководство университета в целом и деканаты отдельных факультетов; специализированные структурные подразделения университета, такие как Управление социальной и воспитательной работы и Управление развития карьеры и мониторинга; студенческие объединения и общественные организации. В рамках нашего исследования анализировалась частота обращения студентов к описанным субъектам оказания социальной помощи в тех или иных кризисных ситуациях.

Как видно из таблицы 2, наиболее часто обучающиеся обращаются в профком студентов (40 % опрошенных), Студенческий совет (15 %) и к куратору группы (10 %). Почти половина студентов (44 %) не стала ни к кому обращаться за социальной помощью. При этом ориентация на ту или иную систему ценностей оказывается важным фактором выбора адреса обращения за социальной помощью. Так, студенты, отнесенные к адаптирующемуся типу, отличающемуся, как уже отмечалось, фрустрацией потребности в безопасности, оказываются единственным ценностным типом, обращающимся в Управление безопасности. Среди них также наблюдается наибольший процент обращавшихся в профком студентов (53 %). Ориентирующиеся на ценности социализации чаще других пользовались помощью Управления социальной и воспитательной работы, Студенческого совета, Объединенного совета обучающихся. Представители индивидуализирующегося типа ожидаемо гораздо чаще остальных обращались в творческие объединения, а также к куратору группы и в Службу по содей-

ствию трудоустройству. Отнесенные к промежуточному типу, отличающиеся самым низким уровнем развития ценностной системы, оказались единственными «клиентами» психологической службы, они также чаще всех остальных взаимодействовали с заместителями декана по воспитательной работе.

Как следует из полученных нами результатов, особенности ценностных предпочтений в значительной степени предопределяют выбор конкретных субъектов оказания социальной помощи в кризисной ситуации. Очевидно также, что этот выбор определяется информированностью студентов об основных технологиях оказания социальной помощи, реализуемых рассматриваемыми ее субъектами, и имеющимися представлениями об их эффективности.

Социальная помощь, оказываемая студентам вуза рассматриваемыми подразделениями и сотрудниками, характеризует сложившуюся в Кемеровском университете модель социальной работы со студентами, оказавшимися в кризисной ситуации. Соответственно, оценка эффективности данной модели подразумевает оценку эффективности деятельности ее отдельных субъектов (таблица 3).

Наиболее эффективной, с точки зрения студентов, является помощь со стороны деканов и заместителей деканов по воспитательной работе, а также со стороны Студенческого совета. Самые низкие оценки получают Управление социальной и воспитательной работы и Служба по содействию трудоустройству. Однако даваемые оценки серьезно отличаются в зависимости от направленности студентов на различные системы ценностей. Наиболее высоко оценивают эффективность оказанной социальной помощи представители индивидуализирующегося типа, наиболее низко-ориентирующиеся на ценности социализации. Отнесенные к адаптирующемуся и промежуточному типам дают в большинстве средние оценки эффективности оказанной им помощи. При этом данная закономерность имеет универсальный характер и практически не зависит от оценки конкретного субъекта оказания социальной помощи в кризисной ситуации. Таким образом, самыми «отзывчивыми» к социальной

помощи оказываются студенты, характеризующиеся наиболее высоким уровнем ценностного развития, сопряженного, как это было показано нами ранее, с самостоятельностью, высокой ответственностью, интернальностью, высоким уровнем осмысленности своего прошлого, настоящего и будущего [11]. По-

мощь в кризисной ситуации студентам, ориентирующимся на ценности социализации, и, соответственно, менее самостоятельным, в значительной степени зависимым от мнения и оценок окружающих, менее эффективна.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Обращались ли Вы за помощью в решении Ваших личных проблем к следующим подразделениям или работникам вуза?» в зависимости от принадлежности к отдельным ценностным типам, %

Варианты ответа	Типы по Инглхарту				Все
	А	С	И	П	
Управление социальной и воспитательной работы	0	4	0	0	1
Объединенный совет обучающихся «Лига единомышленников КемГУ»	0	4	0	3	3
Профком студентов	53	44	38	28	40
Студенческий совет	0	22	0	17	15
Творческие объединения	7	4	25	0	5
Куратор группы	13	15	25	0	10
Заместитель декана по воспитательной работе	7	4	0	10	8
Декан факультета	7	7	0	7	8
Ректорат университета	0	0	0	0	0
Управление безопасности	7	0	0	0	1
Служба по содействию трудоустройству	0	4	13	10	6
Психологическая лаборатория (психологическая служба)	0	0	0	7	3
Другое подразделение или работник	0	4	13	0	3
Ни к кому не обращался	40	44	38	48	44

Таблица 3

Средняя оценка эффективности подразделений и работников вуза в оказании помощи в решении личных проблем в зависимости от принадлежности к отдельным ценностным типам, баллов по 5-балльной шкале

Варианты ответа	Типы по Инглхарту								Все	
	А		С		И		П			
	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ	М	σ
Управление социальной и воспитательной работы	2,7	1,6	2,7	2,0	4,0	0,0	3,8	1,1	3,2	1,6
Объединённый совет обучающихся «Лига единомышленников КемГУ»	3,4	1,5	3,3	1,6	3,0	0,0	3,8	0,9	3,5	1,3
Профком студентов	3,8	1,8	3,7	1,5	4,4	0,5	3,6	1,4	3,8	1,4
Студенческий совет	3,5	1,1	4,6	1,1	5,0	0,0	4,5	1,0	4,4	1,1
Творческие объединения	4,1	1,5	3,7	1,6	5,0	0,0	4,0	1,6	4,0	1,5
Куратор группы	3,7	1,5	4,0	1,4	4,4	0,5	4,1	1,1	4,1	1,2
Заместитель декана по воспитательной работе	4,2	1,6	4,3	1,3	4,7	0,6	4,4	1,2	4,4	1,2
Декан факультета	4,9	0,4	4,4	0,8	5,0	0,0	4,7	0,5	4,6	0,6
Ректорат университета	3,7	1,2	3,5	1,4	5,0	0,0	4,5	1,2	4,0	1,3
Управление безопасности	3,8	1,6	2,7	1,9	4,3	1,2	4,3	1,3	3,6	1,7
Служба по содействию трудоустройству	3,2	1,8	2,7	1,6	3,7	0,6	3,7	1,2	3,3	1,4
Психологическая лаборатория (психологическая служба)	3,4	1,8	3,1	1,7	3,7	0,6	3,5	1,3	3,4	1,5

Закономерно, что оценка эффективности оказанной ранее социальной помощи со стороны конкретных субъектов ее осуществления определяет и намерения обратиться за такой помощью в будущем при возникновении кризисной жизненной ситуации (таблица 4). С учетом полученного опыта теперь студенты

скорее бы обратились к заместителю декана по воспитательной работе, декану или же в профком студентов. Также заметно большее число студентов обратилось бы в Психологическую лабораторию.

В целом при возникновении необходимости готовы обратиться за социальной помощью в полтора раза

больше студентов, чем уже получали ее ранее (80 % против 56 %). При анализе зависимости имеющихся намерений получения помощи в сложной, кризисной

жизненной ситуации от направленности на различные системы ценностей, в основном обнаруживаются уже описанные ранее тенденции.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «К кому бы Вы обратились в случае сложной, кризисной жизненной ситуации?» в зависимости от принадлежности к отдельным ценностным типам, %

<i>Варианты ответа</i>	<i>Типы по Инглхарту</i>				<i>Все</i>
	<i>А</i>	<i>С</i>	<i>И</i>	<i>П</i>	
Управление социальной и воспитательной работы	0	7	0	3	4
Объединенный совет обучающихся «Лига единомышленников КемГУ»	0	0	0	3	1
Профком студентов	33	30	25	34	33
Студенческий совет	13	30	13	24	23
Творческие объединения	13	0	38	10	10
Куратор группы	13	15	13	10	13
Заместитель декана по воспитательной работе	20	37	25	45	36
Декан факультета	27	15	13	38	26
Ректорат университета	0	0	0	0	0
Управление безопасности	0	0	0	0	0
Служба по содействию трудоустройству	0	7	0	10	6
Психологическая лаборатория (психологическая служба)	20	15	0	14	14
Другое подразделение или работник	0	0	0	3	1
Ни к кому	27	19	38	14	20

Выводы

Анализ результатов нашего исследования позволяет сделать следующие общие выводы.

1. Для студентов Кемеровского университета наиболее актуальны проблемы материального характера, связанные с нехваткой денежных средств, проблемы поиска работы или подработки, а также ограниченность возможности для отдыха, проведения свободного времени. Актуальность проблем, стоящих перед студенческой молодежью, в значительной степени обусловлена направленностью на ту или иную систему ценностей.

2. Основными субъектами социальной работы со студентами Кемеровского государственного университета, оказавшимися в кризисной ситуации, выступают: деканаты факультетов; специализированные структурные подразделения университета; студенческие объединения и общественные организации. При этом наиболее часто обучающиеся обращаются в профком студентов, Студенческий совет и к куратору группы. Особенности ценностных предпочтений в значительной степени предопределяют выбор конкретных субъектов оказания социальной помощи в кризисной ситуации.

3. Наиболее эффективной, с точки зрения студентов, является помощь со стороны деканов и заместителей деканов по воспитательной работе, а также со стороны Студенческого совета. Самые низкие оценки получают Управление социальной и воспитательной работы и Служба по содействию трудоустройству. Ценностные предпочтения, определяющие значимость проблем, лежащих в основе обращения за социальной помощью, и оказывающие влияние и на выбор субъекта, эту помощь оказывающую, предопределяют и оценку ее эффективности.

4. Оценка эффективности оказанной ранее социальной помощи со стороны конкретных субъектов ее осуществления определяет и намерения обратиться за такой помощью в будущем при возникновении кризисной жизненной ситуации. С учетом полученного опыта теперь студенты скорее бы обратились к заместителю декана по воспитательной работе, декану или же в профком студентов. Также заметно большее число студентов обратились бы в Психологическую лабораторию.

Полученные нами результаты позволяют предложить ряд конкретных рекомендаций по повышению эффективности социальной работы со студентами вуза, оказавшимися в кризисной ситуации, и оптимизации модели ее осуществления. Прежде всего, представляется необходимым придания существующей модели социальной помощи студентам университета проблемно-ориентированного характера, что позволит повысить ее общую эффективность. Это требует, в частности, определенного пересмотра приоритетов деятельности ее основных субъектов в сторону решения проблем, актуальных для студентов, и прежде всего проблем материального характера, связанных с нехваткой денежных средств, сопутствующих им проблемы поиска работы или подработки. Очевидной представляется также целесообразность расширения информированности студентов о направлениях деятельности, формах и технологиях социальной поддержки со стороны потенциальных субъектов оказания социальной помощи в кризисной ситуации.

Поскольку эффективность оказания социальной помощи прямо взаимосвязанна с уровнем ценностного развития студентов, для профилактики негативных последствий кризисных ситуаций, возникающих в период обучения в вузе, важным представляется создание необходимых условий повышения уровня цен-

ностного развития студенческой молодежи и ее самореализации посредством специально организованной системы социальной, педагогической и воспитатель-

ной работы, объединяющей соответствующей общей целью деятельность основных субъектов воспитательно-образовательного процесса вуза.

Литература

1. Голан Н. Вмешательство в кризисную ситуацию // Энциклопедия социальной работы: в 3 т. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1994. Т. 1. С. 110 – 116.
2. Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород, 2009. 52 с.
3. Кадыров Р. В. Посттравматическое стрессовое расстройство (PTSD): состояние проблемы, психодиагностика и психологическая помощь. СПб.: Речь, 2012. 448 с.
4. Корхонен Т. В. Социальная работа в кризисных ситуациях: учебно-методическое пособие. Барнаул: Азбука, 2005. 139 с.
5. Кострикин А. В. Социальная работа с молодежью и повышение социальной активности молодежи // Второй международный психолого-социальный Конгресс: материалы. 14 – 15 мая 2009 г. СПб.: СПбГИПСР, 2010. С. 10 – 13.
6. Магомед-Эминов М. Ш. Феномен экстремальности // Вестник Санкт-Петербургского университета. (Серия 12: Психология. Социология. Педагогика). 2010. № 1. С. 28 – 38.
7. Манукян В. Р. Психологическое содержание и факторы возникновения кризиса профессионального развития у студентов вуза // Психологическая наука и образование. 2011. № 4. С. 109 – 117.
8. Савруцкая Е. П. Политические и нравственные установки в ценностном сознании молодежи // Приволжский научный журнал. 2009. № 3. С. 246 – 251.
9. Серый А. В., Полетаева А. В. Ценностно-смысловые ориентации личности как фактор переживания последствий психической травмы // Социальная работа в Сибири. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. С. 137 – 141.
10. Серый А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов у студентов вуза в процессе обучения: дис. ... д-ра психол. наук. Кемерово, 2005. 411 с.
11. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как фактор обусловливания сложной жизненной ситуации человека // Личность в экстремальных условиях. Вып. 2. Сб. науч. тр.: в 2 ч. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. С. 134 – 141.
12. Яницкий М. С. Состояния психической дезадаптации у студентов и пути оптимизации адаптационного процесса в вузе // Вопросы общей и дифференциальной психологии. Кемерово, 1998. С. 58 – 67.
13. Яницкий М. С. Ценностная структура массового сознания современной России // Политико-психологические проблемы исследования массового сознания. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 7 – 27.

Информация об авторах:

Яницкий Михаил Сергеевич – доктор психологических наук, профессор, декан социально-психологического факультета КемГУ, dekanspf@kemsu.ru.

Mikhail S. Yanitskiy – Doctor of Psychology, Full Professor, Dean of the Socio-Psychological Faculty, Kemerovo State University.

Аршинова Елена Владимировна – ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, arshinova75@mail.ru.

Elena V. Arshinova – Assistant Lecturer at the Department of Social Psychology and Psychological and Social Technologies, Kemerovo State University.

Иванов Михаил Сергеевич – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, psymaster@mail.ru.

Mikhail S. Ivanov – Candidate of Psychology, Associate Professor at the Department of Social Psychology and Psychological and Social Technologies, Kemerovo State University.

Пфетцер Сергей Александрович – кандидат политических наук, заместитель начальника департамента образования и науки Кемеровской области по науке и профессиональному образованию, pfetzer@mail.ru.

Sergey A. Pfetzer – Candidate of Political Sciences, Deputy Chief of the Department for Education and Science of the Administration of Kemerovo Region.

Харченко Евгений Васильевич – специалист отдела организации занятости молодежи Областного центра молодежи и студентов Кемеровской области, centr-ms@yandex.ru.

Evgeny V. Kharchenko – specialist at the Division for the Employment of Youth, Kemerovo Region Center of Youth and Students.

Статья поступила в редколлегию 13.01.2016 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 + 070

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТНОСТИ МЕДИАТЕКСТА

Ю. М. Акиншина

TO THE QUESTION OF CONFLICT IN THE MEDIATEXT

Yu. M. Akinshina

Статья посвящена качеству журналистского текста. Выделяются некоторые факторы возникновения медийных конфликтов. Цитируемые примеры языковых средств, используемых в отдельных СМИ, выстроены в условную типологию причин, способных породить потенциальные конфликтные ситуации. Обозначена роль лингвистической экспертизы как инструмента разрешения конфликта в средствах массовой информации, выделены условия и проблемы ее практического применения.

Приводятся примеры из практики проведения лингвистических экспертиз на судебных процессах с участием средств массовой информации и журналиста. Значимость теоретического и практического исследования данного вопроса в сфере казахстанских средств массовой информации подтверждена статистическими данными Международного фонда свободы слова «Әділ сөз» о судебных преследованиях журналистов. Подчеркивается необходимость повышения коммуникативной, языковой и правовой культуры журналиста.

The paper is devoted to the journalist's text quality. Some factors of media conflicts' origins are exposed. The quoted examples of some expressive means of language, used by certain mass media, are lined up to the typology of relative causes which are able to establish some potential conflict situations. The role of the linguistic examination as a tool of mass media conflict solution is specified. Also, the conditions and the problems of its practical application are listed.

The examples of linguistic inspection, used during litigations with participation of mass media and journalists, are brought. The importance of theoretical and practical investigation of this topic in Kazakhstan's mass media sphere is proved by the statistics of the International fond of liberty of speech «Әділ сөз» about journalists' suit. The necessity of communicative, linguistic and legal culture raise is emphasized.

Ключевые слова: СМИ, медиатекст, нарушения, конфликтная ситуация, лингвистическое исследование.

Keywords: mass media, media text, violation, conflict situation, linguistic examination.

Средства массовой информации сегодня оказывают большое влияние на многие сферы человеческой деятельности, тем самым помогая обществу ориентироваться в постоянно меняющемся мире. При этом взаимодействие СМИ с аудиторией есть не что иное, как взаимодействие субъектов, что отчетливо видно, если рассматривать журналистику как продуктивную деятельность, как производство продукта. Потребитель этого продукта – субъект волеизъявления, и именно он оценивает качество журналистской деятельности.

В журналистском продукте проявляется принципиальное совпадение или несовпадение интересов журналистской профессиональной группы и общества (индивида). Несовпадение этих интересов ведет к конфликту.

Выделим некоторые факторы возникновения медийного конфликта.

Первый фактор связан с экстралингвистическими параметрами, определяющими особенности участников коммуникаций, их речевое поведение, установки, ролевые и статусные характеристики, а также существующие социальные нормы, регулирующие те или иные формы конфликтного поведения.

Второй фактор связан с внешними условиями, определяющими специфику медийной сферы: функциями журналистики как сферы общественной жизни,

предназначенностью журналистского текста для массовой аудитории, коллективным авторством, социальным разнообразием тем, попадающим в поле зрения журналиста, оперативностью при создании и распространении текста, дублированием и варьированием содержания, периодичностью [6, с. 15].

Третий фактор возникновения конфликтов в тексте связан с особенностью функционирования языка в целом – с изначальной вариативностью интерпретации, заложенной в языке, пониманием и толкованием текста: «...реципиент-интерпретатор является активным субъектом восприятия, деятельность которого сводится не только к расшифровке текстового кода, сколько к активному процессу достраивания смысла» [6, с. 86].

Четвертый фактор конфликтов связан с самим автором материала – журналистом. Его субъективизм является неотъемлемой частью этого вида творчества, профессиональный опыт проявляет себя во время работы над материалом: на этапе отбора, интерпретации фактов, предназначенных для публикации, при их описании под определенным углом зрения, в соотношении негативных и позитивных деталей, в выборе специфических лингвистических средств [1, с. 10].

По мнению Т. В. Чернышовой, все эти факторы придают медиатексту такое свойство, как оценочность.

Оценочность зависит от шкалы ценностей и степени ангажированности автора, организующего журналистский текст и отвечающего за качество поставляемой аудитории информации.

Авторская оценка может быть имплицитной, т. е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присутствующей не конкретному слову, а его употреблению [8, с. 154].

Материал исследования составили русскоязычные газеты Республики Казахстан в период 2012 – 2015 гг. Рассмотрены выражения журналистом непрямой (косвенной) оценки описываемых им фактов.

При этом используемые автором языковые средства могут быть квалифицированы как спорные, провоцирующие конфликт между адресантом (журналистом) и адресатом (аудиторией).

Коммуникативные нарушения, обнаруженные в цитируемых текстах, позволяют представить условную типологию причин возникновения медийной конфликтности:

– **излишняя склонность к использованию так называемых прецедентных текстов:**

Заголовок статьи газеты «Время» *«Не в бровь, а в глаз»* (5.02.15) является прецедентным. Значение этого фразеологизма – метко, остроумно сказать о недостатках кого-либо, чего-либо. Журналист же в своем тексте рассказывает о женщине, жизнь которой превратилась в кошмар после неудачного татуажа век и бровей: в 2013 г. ей была установлена вторая группа инвалидности по зрению. Используя прецедентный заголовок, журналист, может быть, даже не осознавая этого, иронизирует над совершенно серьезными вещами, рискует вызвать у читателя другие ассоциации и остаться непонятым им.

К тому же на этой странице размещен анекдот: *«– сделайте лицо попроще, – попросила пластического хирурга уставшая от одиночества доктор филологических наук»*. Эта фраза, на первый взгляд не имеющая отношения к содержанию статьи, является составной частью данного газетного листа, и чем-то вроде иллюстрирующего компонента, поэтому не может считаться автономной и случайной.

– **инвективность или оскорбительность языковых выражений:**

Поводом статьи под заголовком *«О статейке и статье»* (16.08.2012) послужила шутка премьер-министра РК К. Масимова в ходе заседания правительства.

Члены кабинета, вернувшись из отпусков, якобы просили, чтобы, пока они не привыкли к рабочему ритму, отпускать их раньше с работы.

Публикация носит насмешливый, ироничный характер. Ирония автора не может быть предметом судебного разбирательства, так как она связана с восприятием написанного, но выражения *«А х...ли»*, *«Глаза откроешь – мать твою!»* оскорбительны.

– **установка на игровой стиль, ерничество:**

Над статьей *«Сказка про ангела»* («Время» 28.02.2013) о бесполом младенце, оставленном в роддоме, перенесшем операции по восстановлению пола, размещена фраза: *«Уверенный в себе сперматозоид до зачатия знает, что будет директором банка»*.

Речь идет о двухлетней Женечке, воспитаннице дома ребенка в поселке Кара-Костек Алматинской области.

Девочка эта была особенным ребенком. После рождения малышке поставили редкий диагноз тотальной эписпадии, или отсутствия пола. У мамы ее не хватило любви и смелости, чтобы забрать ребенка домой. Прямо в роддоме женщина отказалась от своего необычного малыша. Дав ей имя Женя – мужское и женское одновременно, больше в жизни Жени родная мать не появлялась. Айман Акшалова, волонтер общественного фонда «Сенім Орталық Азия», оформила опеку над Женей и отвезла ее в Научный центр материнства и детства в Астане, где девочке сделали первую операцию. Айман же нашла девочке приемную семью и маму.

Ерничество в данном примере становится самоцелью и идет в ущерб смысловому содержанию.

– **субъективная подача информации:**

В статье *«Соединяй и властвуй»* газеты «Время» (14.02.2013 г.) присутствует следующий фрагмент: *«Вполне вероятно, что уже с апреля нынешнего года нещадно критикуемая дорожная полиция прикажет долго жить»*. Фразеологизм *«приказать долго жить»* поддерживает негативную составляющую смысла высказывания: если речь идет о ГАИ, то только плохо.

Обращаем внимание на словосочетание «вполне вероятно», введением которого автор навязывает читателю свою интерпретацию события.

– **пристрастное отношение к определенным социальным группам:**

В статье газеты «Время» *«И верность флагу линия»* (09.08.2012), где речь идет о серьезной проблеме, каковым является теневой рынок коррупционных услуг, употреблено следующее высказывание: *«Нынче взяток не берут только трусы. А на госслужбу берут преимущественно людей смелых... Поголовье смелых чиновников в Казахстане растет год от года»*.

Эмоциональность автора статьи можно понять, но употребление зоологизма «поголовье» для характеристики людей некорректно.

– **использование цитат-аллюзий:**

Название колонки Интернет-проекта В. Сурганова *«Жесть нашего времени»* является цитатой – аллюзией с изменением лексического компонента «герой» на сленговое слово «жесть». Словарь Ожегова слово «жесть» определяет как «очень тонкая листовая сталь» [7, с. 13]. В нашем же случае слово «жесть» употреблено в другом лексическом значении и придает тексту о политических деятелях некий вольный тон.

– **чрезмерное использование вульгаризмов, т. е. выражений, слов, свойственных фамильярной грубой речи:**

Статья газеты «Время» под заголовком *«Махнул не глядя»* (01.10.14) начинается с выражения: *из следака в зэка превратился бывший «особист» из департамента внутренних дел Южно-Казахстанской области*.

Нередко в прессе употребляются социализованные простонародные единицы: *Водилы умудряются*

не только регулярно общаться по телефону во время езды... («Время» 05.02.15).

Языковая небрежность может стать причиной явно необдуманных высказываний. В статье «Мы в доме, или давайте быстро убирайтесь все» («Время», 5.02.15). Журналистский текст посвящен проблеме порядка в подъездах многоквартирных домов. Говоря о правилах совместного проживания, журналист именует жителей «чернью», «паршивым стадом», «шала» (уничижительный смысл).

Эти и другие примеры – свидетельство того, что слово может стать источником конфликтных ситуаций, поскольку речевой акт – это действие с такими же последствиями, как и другие деяния, попадающие под правовое регулирование.

Кроме того, конфликтные медиатексты могут стать поводом для судебных разбирательств.

Согласно мониторингам Международного фонда защиты свободы слова «Әділ сөз» [5, с. 3 – 4] число исков против казахстанских СМИ в общем числе конфликтных ситуаций возрастает: в 2013 г. обвинения, выдвинутые против СМИ и журналистов, были зафиксированы в 435 сообщениях, в том числе требования о защите чести, достоинства и деловой репутации составили 82 (19 %); в 2014 г. насчитывалось 477 сообщений о конфликтах и обвинениях, направленных против средств массовой информации; требований защиты чести, достоинства и деловой репутации было выдвинуто 97 (20,3 %).

В период с января по апрель 2015 г. требования защиты чести и достоинства были выдвинуты в 34 судебных исках.

В числе ситуаций правового характера, связанных с речевыми конфликтами в журналистике, названы:

- 1) информационные споры в связи с неоднозначным толкованием газетного материала;
- 2) иски по поводу умаления чести и достоинства личности, деловой репутации;
- 3) административное, уголовное преследование за пропаганду антиобщественных и аморальных действий; за разжигание межнациональной, межрасовой или межрелигиозной вражды;
- 4) судебные дела за призывы к экстремистской деятельности.

В разрешении такого рода конфликтов решающую роль может сыграть лингвистическое исследование, или лингвистическая экспертиза.

Предмет лингвистической экспертизы – факт и обстоятельства, которые устанавливаются на основе исследования закономерностей существования и употребления в устной и письменной речи естественного языка.

Объектами лингвистической экспертизы являются речевые произведения в форме письменного текста или устного высказывания, зафиксированные на любом материальном носителе.

Задачи лингвистической экспертизы в широком смысле этого понятия состоят в толковании текстов, интерпретации, переводе, объяснении употребления языкового знака с точки зрения плана содержания и плана выражения, установлении и подтверждении авторства текста, выявлении плагиата и т. д.

Лингвистическая экспертиза как инструмент разрешения конфликтов в средствах массовой информации становится объектом научных исследований российских ученых Н. Д. Голева, А. Н. Баранова, казахстанской исследовательницы В. Т. Абишевой и др.

Анализ практики проведения лингвистических исследований в отношении текстов казахстанских СМИ показал, что особую проблему представляет оценка спорного материала. Эта оценка (как точка зрения специалиста, проводившего исследование) не всегда бывает бесспорной. И это естественно, потому что каждый спорный текст индивидуален. Иногда для выявления истины требуется заключение нескольких экспертов.

Так, например, в апреле 2014 г. объектом судебного разбирательства стало казахстанское издание «Жұлдыздар отбасы – Аңыз адам» (казах. «Звездный дом – Человек-легенда»). Журнал посвятил один из своих номеров 125-летию Адольфа Гитлера. В материале «Гитлер не фашист» автор оправдывает известную личность, сопровождая свой материал ксенофобскими комментариями. Владелец издания Жарылкап Калыбай прокомментировал данный выпуск на своей странице в социальной сети Facebook: «Целью этого издания была не пропаганда Гитлера, а правдивое изложение исторической правды о диктаторе, который стал причиной страданий человечества, и эта правда приведет к неприятию плохого» [4].

По факту была проведена лингвистическая экспертиза. Анализ текстов проводили два специалиста, мнения которых разделились. Филолог Р. Карымсакова не обнаружила в статьях призыва к экстремизму, в то время как политолог Р. Жумалы посчитал, что материалы, «возможно, оправдывают экстремизм».

Вывод второго эксперта был взят за основу судебного разрешения. Судебное разбирательство завершилось привлечением издания к административной ответственности.

Приведем пример другого лингвистического исследования статьи Мираса Нурмуханбетова «Наши на чужой войне», опубликованной в журнале «ADAMbol» от 29.08.2014 г. в связи с иском заявлением управления внутренней политики города Алматы о прекращении выпуска средства массовой информации в Медеуский районный суд г. Алматы от 18 ноября 2014 г.

Специалистам для проведения лингвистической экспертизы было представлено интервью [9, с. 1 – 2] с Айдосом Садыковым, актюбинским оппозиционером, и Дмитрием Ищуком, записавшимся добровольцем в национальную гвардию Украины.

В исследовании Р. Б. Сейсенбаевой, доцента кафедры политологии КазНУ имени аль-Фараби, утверждается, что коммуникативной целью журналистского материала являлось одобрение войны в Украине и скрытое побуждение казахстанцев участвовать в военных действиях в составе интернационального батальона. Указанные сведения, по мнению политолога, могут быть рассмотрены как пропаганда войны.

Иного мнения придерживаются эксперты-журналисты. В заключении Р. Д. Карымсаковой [3, с. 4], кандидата филологических наук, доцента кафедры

журналистики и переводческого дела университета «Туран», утверждается, что, судя по содержанию вопросов, журналист лишь уточнял обстоятельства формируемого в Украине интернационального батальона: национальный, количественный состав, правовой статус лиц. Его задача была довести до читателя идею о том, что есть люди, представители разных национальностей, которые поддерживают украинскую власть.

Несмотря на описательно нейтральную тональность публикации, именно в заголовке статьи «*Наши на чужой войне*» косвенно выражено отношение журналиста к отображаемым фактам. Война, говорит эксперт, характеризуется как чужая, не имеющая отношение к казахстанцам.

В экспертизе [2] президента общественного фонда «Әділ сөз» Т. М. Калеевой делается упор на тот факт, что интервью является проблемным, так как интервьюируемые – не должностные лица и не обществен-

ные деятели. Айдос Садыков и Дмитрий Ищук – частные лица, совершившие нетрадиционный поступок, и в качестве таковых стали объектом внимания журналиста.

Публикация «*Наши на чужой войне*», считает эксперт, является попыткой разнообразить источники информации и обеспечить плюрализм мнений.

Вывод по результатам второго и третьего исследования гласит: признаки пропаганды агрессивной войны в исследуемом тексте отсутствуют.

Конечно, любой текст в СМИ, содержащий те или иные утверждения о каком-либо лице или организации, может быть оспорен в судебном порядке. Это должен понимать всякий ответственный журналист.

Ответственность журналиста предполагает, что он знаком с основными правовыми и этическими нормами, которые помогают ему найти выход из конфликтной ситуации.

Литература

1. Желтухина М. Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегии – функции – стиль: коллективная монография / под ред.: Л. И. Гришаевой, А. Г. Пастухова, Т. В. Чернышовой. Орел, 2010. С. 9 – 23.
2. Калеева Т. Заключение специалиста от 19 декабря 2014 г. // Общественный центр экспертиз по информационным и документационным спорам при ОФ «Әділ сөз». Режим доступа: <http://www.adilsoz.kz/upload/Politcor/full/Professional.pdf>
3. Карымсакова Р. Д. Заключение специалиста № 460 – Э от 27 ноября 2014 г. // Общественный центр экспертиз по информационным и документационным спорам при ОФ «Әділ сөз». Режим доступа: <http://www.adilsoz.kz/upload/Politcor/full/Lingvisticheskaya.pdf>
4. Мамашулы А. Журнал с Гитлером на обложке могут наказать // Интернет издание Радио Азаттык. 18.04.2014. Режим доступа: <http://rus.azattyq.org/content/kazakh-zhurnal-anyz-adam-zharylkap-kalybai/25354749.-html>
5. Международный Фонд защиты свободы слова «Әділ сөз». Мониторинг нарушений свободы слова в Казахстане в 2013 – 2014 гг. Алматы: «Әділ сөз», 2014. 53 с.
6. Обелюнас Н. В. Предпосылки возникновения конфликта интерпретаций в публицистическом тексте // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: История, филология). 2012. Т. 11. № 6. С. 99 – 103.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1993. 944 с.
8. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: МГУ, 2007. С. 216.
9. Экспертизы к иску о закрытии журнала «ADAM bol». 24.12.2014. Режим доступа: <http://www.adilsoz.kz/-politcor/show/id/141/parent/7>

Информация об авторе:

Акиншина Юлия Михайловна – аспирант кафедры семиотики и дискурсного анализа Новосибирского государственного университета, aki_duvet@list.ru.

Yulia M. Akinshina – post-graduate student at the Department of Semiotics and Discourse Analysis, National Research Novosibirsk State University.

(Научный руководитель: Высоцкая Ирина Всеволодовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа Новосибирского национального исследовательского университета (НГУ), vysotskaya@mail.ru, <http://www.nsu.ru/>, <http://fj.nsu.ru/educators/vysotskaya>.

Academic advisor: Irina V. Vysotskaya – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Semiotics and Discourse Analysis, National Research Novosibirsk State University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

К ПРОБЛЕМЕ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Н. С. Бажалкина

TO THE PROBLEM OF DIFFERENT APPROACHES TO THE DISCOURSE ANALYSIS IN MODERN LINGUISTICS

N. S. Bazhalkina

В данной статье методом критического анализа теоретической литературы рассматриваются различные подходы к изучению дискурса в зарубежной и отечественной лингвистике. Исследуется интерпретация дискурса во французской, немецко-австрийской, англо-американской и русской школах дискурсивного анализа. Акцентируется соотношение понятий «текст» и «дискурс» в рамках данных направлений, а также соотношение дискурса с такими понятиями, как «язык», «речь» и «диалог». Указываются сложности в определении дискурса, существующие в современном языкознании и обусловленные различными подходами к его изучению.

The attempt to investigate different approaches to discourse understanding in foreign and Russian linguistics based on the critical analysis of theoretical literature is made in this paper. Different approaches to the discourse analysis in the French, German and Austrian, Anglo-American and Russian schools of discourse are studied. Correlation between the notions of “text” and “discourse” as well as such notions as “language”, “speech”, “dialogue” are emphasized. Difficulties in definitions, caused by different approaches and existing in modern linguistics, are shown.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, текст, коммуникация, подход к изучению.

Keywords: discourse, text, system, communicative unit, communicative function.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что проблема интерпретации дискурса и его соотношения с различными языковыми явлениями, такими как текст, речь, диалог и язык является одной из наиболее важных и спорных в современном языкознании, а дискурсивный анализ, при котором к исследованию предлогания и текста привлекается социокультурная ситуация, – одним из приоритетных направлений. Цель данной работы – методом критического анализа теоретической литературы по данной теме рассмотреть различные подходы к пониманию дискурса в зарубежном и отечественном языкознании, что в свою очередь позволит понять причину сложности и многогранности этого термина. Новизна работы заключается в попытке выделить общие и различные для данных подходов черты и в том, что она вносит определённый вклад в понимание и развитие теории дискурса в отечественном языкознании.

С разграничением Ф. де Соссюром лингвистики на внешнюю и внутреннюю возникла необходимость анализа явлений, выходящих за рамки собственно языкознания. Дальнейшее развитие лингвистики речи и внешней лингвистики послужило причиной интердисциплинарности в научном познании и использования приёмов и методов других наук, что, наряду с синтезом когнитивного и коммуникативного подходов, обусловило широкую парадигму в исследовании дискурса. Появление данного термина на стыке ряда гуманитарных наук стало одной из причин наличия у него столь ярко выраженной многозначности. Более того, различная интерпретация термина «дискурс», за которой стоят разные подходы к его пониманию в зарубежном и отечественном языкознании, также усложнили его изучение и его соотношение с языковыми явлениями, прежде всего с такими как «текст» и «речь». Однако, необходимо отметить, что неодинаковая интерпретация указанных языковых явлений не противоречит и не исключает друг друга, а наоборот, взаимодополняет, внося определённый вклад в поиск такого многознач-

ного и высокоинформативного определения дискурса, которое могло бы использоваться в различных семантических системах.

Теория дискурса появилась как одно из основных направлений философии постмодернизма, объединяющее в себе философию языка, семиотику, современное языкознание (включая структурную лингвистику, психолингвистику и когнитивную лингвистику), прагматику, а также когнитивную социологию и когнитивную антропологию. Её изучение восходит к исследованиям употребления языка в немецкой школе (П. Вундерлих, П. Хартман и др.), социолингвистическому анализу коммуникации американской школы (Г. Закс, Э. Щеглов и др.), логико-семантическому описанию различного вида текстов французскими постструктуралистами (А. Греймас, Ж. Курте и др.), а также в работах М. М. Бахтина.

Французская школа анализа дискурса (П. Серио, М. Пеше, Г. Парре, Э. Бьюиссанс, Э. Бенвенист, А. Греймас, Ж. Курте и др.), чью методологическую основу составляет структурализм, возникла в 60-е гг. XX века и основывается в первую очередь на философском, историческом, социокультурном и политико-идеологическом исследовании дискурса, а не на собственно лингвистическом. Она ориентирована в большей мере на письменный нормативный тип текстов и сопоставляет высказывание (последовательность предложений) и дискурс (высказывание, рассматриваемое с точки зрения определяющего его дискурсивного механизма). В этой связи дискурс используется с переосмыслением дихотомии Ф. де Соссюра «язык – речь», при этом в оппозицию вступают система и индивидуальное творчество, образуя триаду «язык – дискурс – речь». Что касается соотношения понятий «дискурс» и «текст», необходимо отметить, что французская школа противопоставляет указанные явления по следующим критериям: процесс – продукт, диалогичность – статичность, актуальность – виртуальность.

В рамках данного направления дискурс изначально отождествлялся с речью или речевой коммуникацией, а позднее в его интерпретацию добавилось значение определённого типа высказывания, характерного для отдельной социально-исторической общности. По мнению Э. Бенвениста, дискурс – это «речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания» [10, с. 550]. Сравнивая дискурс с обычным повествованием, Э. Бенвенист предпринимает попытку его коммуникативно-прагматического понимания, утверждая, что в дискурсе на первый план выдвигаются говорящий и слушающий, а также «намерение первого определенным образом воздействовать на второго» [3, с. 279]. Такая трактовка французским исследователем позволила понятию «дискурс» распространиться на все виды прагматически и социально обусловленной речи, отличающейся интенциями коммуникантов.

Французская школа традиционно выделяет следующие значения термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь»;
 - 2) единица, по размерам превосходящая фразу;
 - 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации высказывания;
 - 4) беседа как основной тип высказывания;
 - 5) речь с позиций говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции;
 - 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;
 - 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний;
 - 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований условий производства текста [10, с. 26 – 27]. Этот список не является окончательным, что указывает на размытость границ в использовании термина.
- В совместной работе А. Греймаса и Ж. Куртэ «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» представлены одиннадцать употреблений понятия «дискурс». При этом текст противопоставляется дискурсу и выступает как «высказывание, актуализированное в дискурсе, как продукт, как материя, с точки зрения языка, тогда как дискурс, по мнению авторов, есть процесс» [5, с. 389]. Более того, дискурс рассматривается в качестве объекта научной дисциплины «лингвистики дискурса или дискурсивной лингвистики» (*la linguistique discursif*), также отмечается, что в этом случае дискурс является синонимом тексту: «в некоторых европейских языках, не имеющих термина, эквивалентного франко-английскому «дискурсу», его вынуждены были «заменить термином текст и, соответственно, говорить о лингвистике текста (*linguistique textuelle*)» [5, с. 488 – 489]. Важно отметить, что еще одно распространённое во французской школе понимание дискурса как совокупности текстов (К. Арош, П. Анри, М. Пеше) резко коррелирует с пониманием дискурса американским лингвистом З. Харрисом, благодаря которому понятие «дискурс» вошло в терминологию современной лингвистики.

Позднее, под влиянием философских идей М. Фуко, концепция которого основывается на «бессубъектном дискурсе» [12], т. е. когда дискурс не зависит от пользователей языка, а просто существует на уровне материальной субстанции, в понимание дискурса была

добавлена идеологическая составляющая, не связанная с принципами устройства и понимания текстов, а также речепроизводства. С этой точки зрения, дискурс воспринимается как внешнее пространство с включением в него различных характеристик, обуславливающих выход за пределы одного текста и проникновение в другие тексты, что подтверждается трактовкой М. Фуко, согласно которой дискурс представляет собой «сложную и дифференцируемую практику, подчиняющуюся доступным правилам и трансформациям, управляющую поведением тех, кто в него включен, создавая таким образом неразрывную связь с социальной реальностью» [12, с. 448].

Как итог, во французской традиции сложилось толкование дискурса как «интенционально обусловленного гетерогенного единства, реализующегося либо в виде устной речи как результат процесса взаимодействия коммуникантов в некотором социальнокультурном контексте, либо в виде письменного текста в разных его аспектах» [9, с. 166]. Таким образом, можно заметить, что французская школа, считающаяся одной из фундаментальных в исследовании дискурса, изучает его в широком аспекте, совмещая дискурс-анализ с другими направлениями и развивая новые подходы к анализу текста и смежных с дискурсом языковых явлений.

Социолингвистические подходы разработаны немецко-австрийской и американской школами, в которых исследования дискурса с семиотических и социологических позиций ведутся с точки зрения дискурсивных практик с целью выявления онтологии языка. Для немецко-австрийской школы дискурсивного анализа (Р. Водак, П. Вундерлих, З. Егер, У. Маас, Ю. Линк, П. Хартман и др.), основу которой составляет концепция представителя французской школы М. Фуко, приоритетным является языковая сторона процесса, а дискурс понимается как совокупность текстов одной тематики, выдвигая на первый план их качественный (содержание), а не количественный состав, и рассматривается как языковое отображение политико-идеологической и социокультурной практики, «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая, идеологически и национально-исторически обусловленная ментальность» [13, с. 13]. С этой позиции У. Маас определяет дискурс как «соответствующую языковую формацию по отношению к социально и исторически определенной общественной практике» [18, с. 204], таким образом отграничивая дискурс относительно некоторого периода времени, сферы человеческой практики, области знаний, типологии текста и т. д. Позднее Д. Буссе и В. Тойберт приводят похожую дефиницию, рассматривая дискурс как «совокупность текстов, связанных тематически, семантически, хронологически, типологически, относящихся к определенной коммуникативной сфере и включенных в исторический, культурный, социальный, экономический, политический и другие контексты» [14, с. 14].

С другой стороны, в рамках немецкой школы дискурс рассматривается как особое употребление языка, связанное с общественной практикой, «совокупность речевых действий в социокультурном и историческом контексте, в которых производятся и воспроизводятся коллективное знание, мышление, чувства, устремле-

ния, обязательства социальных групп в гетерогенной языковой общности» [17, с. 94], что уводит его от соотношения с текстом.

Еще более социально направленные, а не собственно лингвистические исследования видим в дискурсивном анализе американской школы (Дж. Браун, Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Г. Закс, З. Харрис, Д. Шиффрин и др.), берущей свое начало в антропологии и основанной на методологии интеракционизма, в котором лингвистика, взаимодействуя с социологией и психологией, ставит своей целью выявление коммуникативных намерений отправителя и получателя сообщения. В рамках данного направления дискурс приравнивается к диалогу и понимается как связанная речь («connected speech» по З. Харрису) и как дискурсивная практика, «включающая производство и восприятие текстов и осуществляемая в рамках широкого социального контекста (социальной практики)» [11, с. 110 – 111]. В статье «Дискурс-анализ» (1952) З. Харрис понимает дискурс с чисто формальной точки зрения в рамках структуралистской парадигмы, без учета коммуникативного контекста и социальных факторов, как последовательность предложений, «большого текста, чем предложение» [16, с. 3], таким образом, предпринимая попытку выйти за границы предложения, при этом не ограничивая дискурс в объеме и относя к нему как диалогические, так и монологические высказывания. Необходимо отметить, однако, что в таком понимании дискурс в большей степени соответствует тексту в немецкой лингвистической традиции.

Исследования американской школы, как уже было указано выше, направлены в первую очередь на устную коммуникацию, имеющую вербальные и невербальные составляющие, на интерактивное взаимодействие адресанта и адресата сообщения. В связи с этим М. Стаббс выделяет три основные характеристики дискурса: 1) в формальном отношении это – единица языка, превосходящая по объему предложение; 2) в содержательном плане дискурс связан с использованием языка в социальном контексте; 3) по своей организации дискурс интерактивен, т. е. диалогичен [19, с. 1]. Более того, в отличие от классического понятия «диалог», непосредственный личный контакт собеседников не обязателен.

Т. ван Дейк определяет дискурс в нескольких аспектах: «дискурс в широком смысле (как комплексное коммуникативное событие), дискурс в узком смысле (как текст или разговор), дискурс как конкретный разговор, дискурс как тип разговора, дискурс как жанр и дискурс как социальная фармация» [15, с. 194]. Сам лингвист объясняет такую размытость в определении границ дискурса «как условиями формирования и бытования данного термина, так и неопределенностью места дискурса в системе категорий языка» [15, с. 46], подчёркивая тем самым, что дискурс связан непосредственно с речью, а текст – с системой языка.

Что касается отечественного языкознания, сконцентрированного в отличие от западного преимущественно на вопросах внутренней лингвистики, то, несмотря на то, что само слово «дискурс» было известно в русском языке еще примерно с конца XVIII века, а использование прилагательного «дискурсивный» в научной речи – с конца XIX, непосредственное исследование дискурса началось значительно позже. Одно-

временно с развитием теорий дискурса на западе в России формируется сначала лингвистика текста (как отдельная дисциплина) и как продолжение ее идей во второй половине XX века – дискурсивный анализ, позволивший изучать языковые единицы не в закрытой системе, характерной для системно-структурной парадигмы, а в деятельности, в процессах познания и общения, в системе «язык – речь» с учетом социального взаимодействия людей. Особая роль в развитии теории текста, и впоследствии дискурса, в России принадлежит М. М. Бахтину и Ю. М. Лотману, однако заложенные еще в начале XX века В. Я. Проппом в работе «Морфология волшебной сказки» (1928) основы морфологии текста в дальнейшем вдохновили развитие дискурсивной теории.

Несмотря на то, что варианты словосочетаний с прилагательным «дискурсивный» фигурируют в работах по психолингвистике и лингвопрагматике еще начала XX века, окончательно термин «дискурс» закрепился в отечественном языкознании только в начале 80-х гг. (с выходом восьмого номера журнала «Новое в зарубежной лингвистике») как синоним понятию «текст». До этого периода, в 50 – 60-е гг. XX века задачи лингвистики текста сводились к ограничению текста от других единиц, формальному описанию организации текстового целого и вычленению элементов его структуры. В отличие от западных школ, вопросы противопоставления текста и дискурса в то время, так же, как и коммуникативной функции текста, не были актуальными. Следовательно, на начальном этапе дискурсивного анализа в России исследования дискурса осуществлялись в рамках внутренней лингвистики без учёта социальных и психических факторов.

Так, со структурно-синтаксической точки зрения рассматривает дискурс В. А. Звегинцев, понимая его как «два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи друг с другом (сверхфразовое единство, сложное синтаксическое целое, абзац), при этом связность рассматривается как один из основных признаков дискурса» [7, с. 16]. Похожее определение дискурса видим у Т. М. Николаевой: 1) связный текст; 2) устная разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная [8, с. 467]. Такой структурно-функциональный подход акцентирует соотношение «дискурс» – «недискурс» на основании формальных показателей языковых единиц без учёта внешнего контекста.

М. М. Бахтин, рассматривая диалогичность текста, заложил основы теории дискурса, утверждая, что «речь или дискурс могут быть описаны как диалог – переключка разных голосов» [1, с. 310]. Более того, согласно концепции исследователя, реальной единицей коммуникации является текст как высказывание.

Попытка акцентировать коммуникативную направленность и смысловую целостность дискурса предпринимается в определении В. Г. Борботько, несмотря на указание исследователем равнозначности данных понятий: «Дискурс – тоже текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной внутренней смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование» [2, с. 8]. Исследователь считает дискурс-

сом «текст рассказа, статьи, выступления, стихотворения» [2]. Позднее А. И. Варшавская предлагает трактовку текста как «процесса языкового мышления, а дискурса – как результата или продукта этого процесса» [4, с. 24].

Примерно в начале 90-х гг. в мировом языкознании происходит смена научной парадигмы, которая требует изучения языкового материала с точки зрения прагматики, антропоцентричности и социальности, что привело «к общей тенденции к интеграции гуманитарных исследований» [6, с. 75]. Это обусловило дальнейшее исследование как зарубежными, так и российскими лингвистами коммуникативной функции текста и его связи с речемыслительной деятельностью, а также «интерес к речевому употреблению и субъективному аспекту речи» [6, с. 75]. Дискурсивный анализ занял один из центральных разделов лингвистики, а текст окончательно стал рассматриваться российскими исследователями как форма коммуникации и интерпретироваться как составляющая дискурса, в то время как речь – пониматься как социальное действие.

Анализ теоретической литературы показывает, что традиционно в современной лингвистике в зависимости от исследовательских задач дискурс интерпретируется либо в широком понимании как коммуникативный процесс между говорящим и слушающим с учетом определенного социального контекста, приводящий к возникновению текста; либо в «узком» понимании как текст или совокупность текстов (устных и/или письменных) одной тематики (юридический дискурс, педа-

гогический дискурс, политический дискурс и т. д.), т. е. как продукт коммуникативного процесса. В силу сложности данного термина и его необычайной «популярности», зачастую приводящей к его бездумной эксплуатации, на наш взгляд, изучение дискурса необходимо проводить не только акцентируя его социальную направленность, но и в рамках внутренней лингвистики, в соотношении с такими явлениями, как язык, речь, диалог и текст. На наш взгляд, с точки зрения когнитивной лингвистики и лингвопрагматики, дискурс является саморазвивающейся системой, одним из обязательных компонентов которой является текст как результат социально ориентированной и обусловленной коммуникативной деятельности с учетом его социально-ситуативных и культурно-исторических характеристик; с точки зрения его структуры дискурс представлен совокупностью текстов определенной тематики и коммуникативной общности, при этом смысл каждого конкретного текста, входящего в систему дискурса, не является суммой значений составляющих его языковых единиц, а является более широким образованием, освоенным индивидуальными авторскими интенциями и экстралингвистическим фоном.

Таким образом, различные подходы к пониманию дискурса стали одной из причин, по которой данный термин до сих пор не получил однозначного и четкого определения, обусловив при этом сложности в его соотношении с другими языковыми явлениями. С другой стороны, они же способствовали становлению нового этапа в развитии современной лингвистики.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 310 с.
2. Борботько В. Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1981. 117 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
4. Варшавская А. И. Смысловые отношения в структуре языка (на материале современного английского языка). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1984. 136 с.
5. Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка // Степанов Ю. С. (ред.). Семиотика (сб. переводов). М.: Радуга, 1983. С. 483 – 550.
6. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М.: Издательство московского университета, 1976. 307 с.
8. Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978. Вып. 8. (Серия: Лингвистика текста). С. 467 – 472.
9. Рыжкова Л. П. Французская прагматика. М.: URSS, 2007. 236 с.
10. Серио П. Как читаются тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12 – 53.
11. Филлипс Л. Йоргенсен М. В. Дискурс анализ: теория и метод. Харьков: Изд-во Гуманитарного центра, 2004. 336 с.
12. Фуко М. Археология знания. Киев, 1996. 206 с.
13. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 136 с.
14. Busse D., Teubert W. Ist Diskurs ein sprachwissenschaftliches Objekt? Zur Methodenfrage der historischen Semantik // Begriffsgeschichte und Diskursgeschichte. Methodenfragen und Forschungsergebnisse der historischen Semantik / ed. D. Busse et al. Opladen, 1994. S. 10 – 28.
15. Dijk T. A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. London: Sage, 1998. 365 p.
16. Harris Z. Discourse analysis // Language. 1952. V. 28. № 1. P. 1 – 30.
17. Hermanns F. Sprachgeschichte als Mentalitätsgeschichte. Ueberlegungen zu Sinn und Form und Gegenstand historischer Semantik // Gardt A., Mattheier K. J., Reichmann O. Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen. Gegenstände, Methoden, Theorien. Tübingen: Niemeyer, 1995. S. 69 – 101.
18. Maas U. Als der Geist der Gemeinschaft eine Sprache fand: Sprache im Nationalsozialismus. Versuch einer historischen Argumentationsanalyse. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1984. S. 261.
19. Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language. Chicago: University of Chicago Press, 1983. P. 272.

Информация об авторе:

Бажалкина Наталья Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного областного университета, bazhalkina@bk.ru.

Natalia S. Bazhalkina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, Moscow State Regional University.

Статья поступила в редколлегию 12.10.2015 г.

УДК 81-22

**ЗООФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ЗООЛЕКСЕМЫ КАК ЭКСПЛИКАТОРЫ
ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ**

О. А. Булгакова, О. А. Красноборова

**ZOOPHRASEOLOGISMS AND ZOOLEXEMES AS EXPLICATORS OF THE LINGUISTIC WORLD
PICTURE OF THE RUSSIAN AND THE CHINESE LANGUAGES**

O. A. Bulgakova, O. A. Krasnoborova

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00556, тема «Описание фрагментов языковой картины мира телеутов».

Статья посвящена изучению русских и китайских фразеологизмов, в состав которых входят лексические компоненты с названиями животных. Целью данной статьи является раскрытие особенностей восприятия и функционирования зоофразеологизмов и зоолексем в русском и китайском языках как необходимых составляющих языковой картины мира данных народов. Для сравнения восприятия зоолексем носителями русского и китайского языков был проведён свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого выявлены сходства и различия ассоциативных связей зоонимов с лексемами, характеризующими людей в китайской и русской лингвокультурах. Результаты анализа показали, что далеко не все значения зоолексем определенной лингвокультуры отражены в словарях и справочниках, а восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском и китайском языке имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, а также той тенденцией номинации, которая положена в основу русского и китайского языков. Незнание данных особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

The paper is devoted to the study of the Russian and the Chinese phraseology, which includes lexical components with names of animals. The purpose of this paper is to reveal the peculiarities of perception and functioning of zoophraseologisms and zoolexemes in the Russians and the Chinese languages as necessary components of their linguistic world picture. For comparison of zoolexemes perception by Russian and Chinese native speakers an associative experiment was carried out, during which similarities and differences of associative zoonyms' relations that characterize people in the Chinese and Russian linguistic cultures were revealed. The results showed that not all the meanings of zoolexemes in a certain linguistic culture are reflected in dictionaries and references, and the perception and use of the same zoolexemes in Russian and Chinese have semantic differences due to the specifics of language pictures of the world of these peoples, deterministic natural conditions, cultural and religious traditions, as well as the nomination of the trend, which is the basis for the Russian and Chinese languages. Ignorance of these features of perception and use of phraseology may occur in intercultural communication and obstruct the dialogue.

Ключевые слова: зоофразеологизмы, зоолексемы, языковая картина мира, лингвокультура.

Keywords: zoophraseologisms, zoolexemes, language picture of the world, linguistic culture.

На современном этапе особый интерес исследователей вызывают проблемы, связанные с рассмотрением языковой картины мира, языковой личности, языкового сознания, стиля, национально-культурной составляющей коммуникации. Говоря о диалоге культур, мы поднимаем актуальный вопрос межкультурных сходств и отличий, каким образом пласт культуры, отраженный фразеологизмами, эти сходства и различия выражает.

Фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Фразеологизмы, по Ф. И. Буслаеву, – свое-

образные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [цит. по: 11, с. 81]. Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации [3].

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда антропоцентричны, так как они возникают не столько для того, чтобы описать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение.

Значительную часть фразеологического фонда русского и китайского языков составляют устоявшиеся

единицы с зоонимическим компонентом (в языкознании встречаются также синонимы к этому термину: зоонимические фразеологические единицы, зоосемичные фразеологизмы, зоофразеологизмы, фразеологические единицы с анималистическим компонентом, зоонимы). Данные фразеологизмы образовались в результате длительных наблюдений человека за поведением и внешним видом животных. Зоофразеологизмы, уникальное фразеологическое явление, не раз привлекали внимание исследователей фразеологии разных культур. Под понятием зоофразеологизма имеется в виду «сравнительно четко очерченные семантически и тематически устойчивые языковые образования, в составе которых есть (зоонимы) или их образно-генетические элементы» [9, с. 235]. Зоофразеологизмы (ЗФ) функционируют как воспроизводимые метафорические, преимущественно экспрессивные единицы вторичного наименования, которые составляют значительный пласт фразеологического фонда русского и китайского языков, уступая в количественном отношении только соматическим фразеологическим единицам (ФЕ) [9, с. 216].

Однако взятые из мира животных образы отражают не только отдельные черты человеческого характера (мужество – лев, хитрость – лиса, трусость – заяц), но и бытие, социальные, духовные связи между носителями языка, национальную специфику народа (см. подробнее об этом в [1]). Они наделены выразительной экспрессивной семантикой, поэтому в художественной литературе названия животных часто выступают в образно-символической функции.

Объектом нашего исследования стали русские и китайские фразеологизмы, в состав которых входят лексические компоненты с названиями животных. Зоофразеологизмы, отражая отношение «человек – природа» и являясь необходимыми составляющими языка, помогают понять языковую картину мира того или иного народа. Исследование фразеологизмов позволяет получить информацию об их культурно-информативной, социально-информативной и экспрессивной функциях [4; 7].

Предметом нашего исследования является восприятие носителями языка зоолексем, входящих в состав зоофразеологизмов в русском и китайском языках, и функционирование последних в языковой картине мира.

В ходе исследования было рассмотрено и проанализировано 78 фразеологических единиц русского и 68 фразеологических единиц китайского языков с компонентом-зоонимом, которые зафиксированы в «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [13], «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [12], «Китайско-русском фразеологическом словаре» под редакцией О. М. Готлиба и Му Хуаина [6], а также в ряде других словарей китайского и русского языков [5; 14 – 16].

И в русском, и в китайском языке существуют зоофразеологизмы, которые определённым образом характеризуют человека:

1) зоофразеологизмы с семантикой «черты характера»:

Рус. Заячья душа – трус; львиное сердце – отвага; Лиса Патрикеевна – хитрая девушка/женщина;

Кит. 老黄牛 [lao huang niu] (букв. «старая рыжая корова») – «трудолюбивый человек», 狼心狗行 (букв. «сердце как у волка, а поведение как у собаки») – «алчный, злой, подлый человек», 犟牛劲 [jiang niujin] (букв. «упрямый как бык») – «настойчив, упрям, строптивый», 铁公鸡 [tiēgongji] (букв. «железный петух») – «скупой, прожорливый человек», 老虎屁股摸不得 [laohu pigu mobude] (букв. «нельзя касаться зада тигра») – «злой как тигр, лучше не трогать»;

2) зоофразеологизмы с семантикой «физические особенности», «внешность»:

Рус. Медвежья походка – неуклюжая, косолапая походка; мокрая курица – жалкий вид; стройная, как лань; как корова на льду – неуклюжесть, нелепость; здоров как бык – хорошее здоровье;

Кит. 飞天蜈蚣 [feitian wugong] (букв. «летающая сороконожка») – «живой, моторный человек», 纸老虎 [zhilao hu] (букв. «бумажный тигр») – «только кажется, что сильный»; «воображаемая сила», 沉鱼落雁之容, 闭月羞花之貌 [chenyuluo yan zhirong, biyue xin huazhimao] (букв. «рыба, которая погружается в воду») – «месяц и цветок не имеют такой красоты»; «очень красивая девушка», 可怜虫 [kelianchong] (букв. «жалкое насекомое (червяк)») – «жалкий на вид человек»;

3) зоофразеологизмы с семантикой «умственная, психическая характеристика»:

Рус. Стреляный воробей – умудренный опытом.

Кит. 猪脑壳 [zhunao ke] (букв. «мозг как у свиньи») – «глупый человек».

Как показал проведённый анализ, активность использования того или иного названия животного во фразеологизмах неодинакова. Чаще компонентами фразеологизмов становились существительные, называющие домашних животных, например, *корова*, *овца*, *баран*, *курица*, *петух* и др., что объясняется их тесным контактом с человеком. Именно их поведение, повадки и привычки легли в основу при формировании значения фразеологизмов.

Те дикие животные, с которыми человеку приходилось сталкиваться чаще, также остались как маркеры, характеризующие свойства человека, его поведение. Например, *волк*, *медведь*, *лисица*.

Коннотативный смысл зоолексем во фразеологизмах обоих языков далеко не всегда совпадает. Как показывают результаты проведенного анализа, специфическими смыслами обладают те зоофразеологизмы, в которых отражаются специфические особенности мировосприятия народа, связанные с его историческим прошлым и культурными традициями. Например, в разговорном регистре русского языка номен *корова* может быть использован метафорически для обозначения неразумной, неприятной и неуклюжей женщины. Например, «Я никогда не знал, что Олеся такая корова: она ничего не слышала о геомантии!», «Для такой коровы следует заказывать два места в самолете!», «Где же найти подходящее платье для такой коровы?!» [2, с. 345]. Такие же значения реализуются и в фразеологизмах: как корова на льду – «неуклюжая»; ворочаться как корова – «медленно делать что-либо»; разъелась

как дойная корова – «располнела»; как у коровы хвост – «несдержанный, болтливый».

Совсем другая ситуация в китайском языке: о целенаправленном, непоколебимом человеке, упорно идущем к своей цели, говорят, что он "имеет коровий характер" – 牛脾气 niú píqì; упертого (в лучшем смысле этого слова) человека, который имеет свои убеждения и принципы, сравнивают с быком – 牛劲 niú jìn. Это словосочетание используется для обозначения большой силы и значительных усилий. Несомненную положительную коннотацию имеет также устойчивое словосочетание 牛性 niú xìng – "темперамент как у быка" (бык и корова в китайском языке обозначаются общим соответствием – 牛 niú). Позитивность образно-языкового осмысления коровы (быка) объясняется культурно-исторически [17, с. 136]. Бык издавна выполнял функции главного помощника китайского крестьянина. С помощью быков обрабатывали землю, собирали урожай. Некоторые средневековые китайские императоры даже издавали эдикты, которые запрещали употреблять говядину. Быков хоронили после того, как они умирали своей смертью, верой и правдой отслужив своему хозяину. Даже в наше время многие китайцы (по крайней мере на Тайване) не употребляют говядину, руководствуясь морально-этическими убеждениями, освященными традицией.

Специфическими смыслами обладает и лексема лиса. 狐 (狐狸 húli) в китайском языке приписывается способность к перевоплощению и долголетию. Кроме того, лиса в китайской культуре ассоциируется с женщиной-соблазнительницей. Древние китайские тексты описывают лису как демоническое животное, на спине которой любят передвигаться злые духи. Интересно происхождение бинорма 狐臭 húchòu (букв. "запах лисы") в значении "запах пота из-под подмышек", отражающего мифологическое мышление древних китайцев. Как рассказывают китайские легенды, женщину-лису-оборотня можно отличить от настоящей женщины по тому признаку, что первая никогда не меняет одежды и она у нее не пачкается.

Известное всем выражение «хитрая как лиса» давно закрепилось в русском языке. Хитрость лисы нельзя считать отрицательным качеством. В русской культуре хитрость ассоциируется с находчивостью, смекалкой. Любое добывание пищи лисой происходит при помощи хитрости. В русском языке фразеологизм Лиса Патрикеевна имеет значение «хитрый, ловкий, пронырливый человек; лукавый лстец».

В зависимости от особенностей национального менталитета в основу семантического значения, придаваемого образу животного, могут лечь те или иные повадки животного. Например, образ свиньи как тунеядца и глупца у китайцев и образ свиньи-грязнули у русских. Образно-ассоциативное осмысление **свиньи** в китайском языке (кит. 猪 zhū) не связано с коннотациями нечистоплотности, неблагодарности, эгоистичности и некультурности, что присуще европейскому языковому ареалу. В основном данная лексема имеет значение ограниченности и тупости: 猪猡 zhūluo – восток. диал., руг. "кабан, свинья" (о дурном, тупом человеке); 猪头三 zhūtóusān – диал. руг. "Свинья, идиот". Однако в китайской картине мира свинья как двена-

дцатое зодиакальное животное несет в себе также идею мужества, энергии и половой потенции [17, с. 236].

Отношение славянских народов к свиньям также было противоречиво. С одной стороны, упитанная и плодovitая свинья – воплощение сытости, богатства и благополучия, но несмотря на питательное свиное мясо и сало, склонность этих животных к грязи, неразборчивость в еде, упрямство и жадность, доставшиеся от диких собратьев, принесли им дурную славу. Так, во фразеологизмах с компонентом-зоонимом «свинья» содержится только отрицательная коннотация: свинья в ермолке – «грязный, жадный, с низкими помыслами человек»; как свинья в апельсинах – «человек, абсолютно не понимающий чего-либо»; подложить свинью – «сделать большую неприятность кому-либо» [8, с. 144].

В китайской символической системе гусь – 鹅 e (наряду с уткой и сказочным Фениксом) воплощает идею супружеского счастья. Что касается диких гусей, они часто выступают свидетелями хороших новостей: 千里送鸿毛 qiān lǐ sòng hóng máo – букв. "Живя далеко, послать гусиное перо в знак дружбы и любви", 鸿图 hóng tú – "видение дикой утки", что символизирует благоприятные перспективы для бизнеса [16, с. 137].

В русском языке лексема гусь имеет негативную окраску, что и отражается во фразеологизмах: гусь лапчатый – хитрый, ловкий человек, плут, пройдоха [13, с. 122]; гусей дразнить – вызывать раздражение, злость у кого-либо [13, с. 146].

Для того чтобы сравнить восприятие зоолексем носителями русского и китайского языков, мы провели свободный ассоциативный эксперимент, в анкетировании приняли участие русские (75 человек) и китайские (56 человек) носители языка. Информантами стали носители обоих языков – студенты КемГУ и 中国传媒大学 (Communication University of China) возрастной категории от 18 до 26 лет. Материалом для исследования послужили 15 зоонимических наименований: собака, кошка, крыса, корова, свинья, баран, овца, петух, курица, лиса, волк, медведь, тигр, лев, черепаха.

Эксперимент проводился методом анкетирования. Информантам предлагалось выполнить следующее задание: «Напротив названия каждого животного напишите человеческие качества, с которыми вы ассоциируете это животное».

В ходе анализа полученных результатов анкетирования мы выяснили, что восприятие и употребление одних и тех же зоолексем в русском и китайском языках имеют семантические отличия, обусловленные спецификой языковых картин мира данных народов, детерминированных природными условиями, культурными и религиозными традициями, а также той тенденцией номинации, которая положена в основу русского и китайского языков. Незнание особенностей восприятия и употребления данных фразеологизмов может проявиться в межкультурной коммуникации и затруднить диалог.

Наибольшее сходство ассоциаций у носителей исследуемых лингвокультур было отмечено у зоонимов: собака / 狗, баран / 公羊, волк / 狼, лиса / 狐狸, лев / 狮子. Больше всего отличий оказалось у зоонимов:

корова / 牛, овца / 母羊, черепаха / 龟, свинья / 猪, кошка / 猫. Рассмотрим подробнее данные зоонимы.

Так, по данным, полученным в ходе эксперимента, у русскоязычных информантов номен «черепаха» (рис. 1) репрезентирует в основном негативные коннотативные смыслы. Черепахой называют человека медлительного, нерасторопного. Однако, кроме этого, черепаха в русской лингвокультуре ассоциируется с мудростью. В китайскоязычной группе многие информан-

ты отказались от ответа. Как было выявлено в ходе эксперимента, в современной китайской лингвокультуре номен «черепаха» имеет чаще всего негативную коннотацию, если употребляется по отношению к человеку. Одним из популярных ответов китайскоязычных информантов была лексема 混蛋 (сволочь, мерзавец). Назвать китайца черепахой – значит оскорбить его.

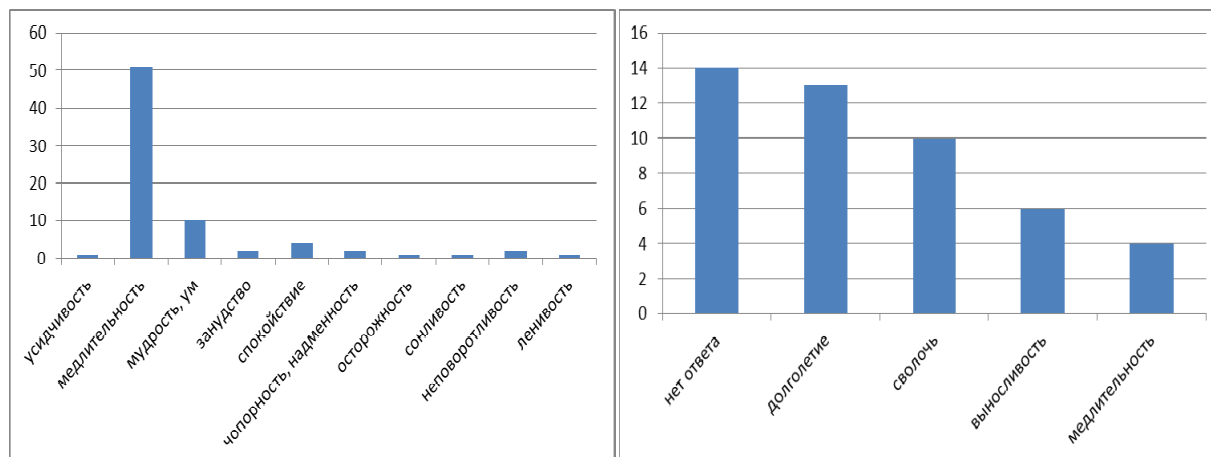

Рис. 1. Реакции на слово-стимул Черепаха (龟): в русском и китайском языках

Ассоциативное осмысление номена «корова» (рис. 2) в русскоязычной и китайскоязычной группах отличается. В русской лингвокультуре номен «корова» имеет негативную смысловую окраску и ассоциируется чаще всего с полной женщиной, что подтверждают такие ответы информантов, как толстая и жирная. Вторым по популярности ответом в русскоязычной группе стала лексема глупость. Совершенно иная ситуация в китайской лингвокультуре. Самый популярный ответ – трудолюбие. Корова для китайцев – символ трудолюбия и упорства. Номен имеет положительную коннотацию. Сказать китайской девушке, что у нее глаза «как у коровы» – значит сделать комплимент. По данному зоониму результаты эксперимента практически полностью совпадают со словарными значениями фразеологизмов.

Как показал эксперимент, зооним овца (рис. 3) также различается по ассоциативному осмыслению. В русской лингвокультуре он имеет негативную коннотацию и чаще всего характеризует человека глупого, а вот в китайской лингвокультуре овца ассоциируется с кротостью и покорностью (温顺).

Зооним свинья (рис. 4) имеет негативную коннотацию в обеих лингвокультурах. По результатам эксперимента в русскоязычной группе свинья ассоциируется с человеком неаккуратным, нечистоплотным. А в китайскоязычной группе свинья чаще всего ассоциируется с таким негативным человеческим качеством, как лень. Кроме того назвать китайца свиньей может означать обзывать его обжорой или глупцом (好吃懒做).

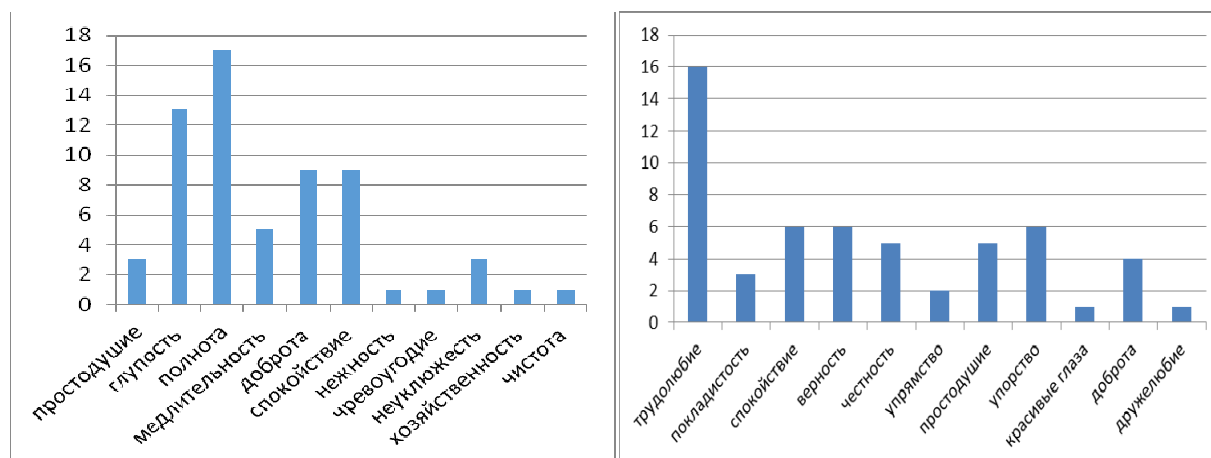

Рис. 2. Ассоциации на слово-стимул Корова (牛): в русском и китайском языках

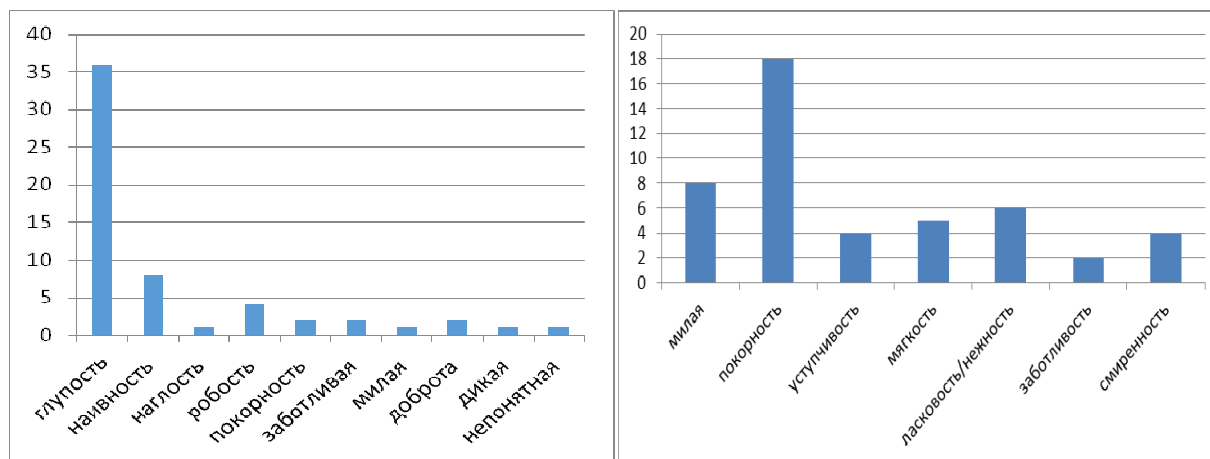

Рис. 3. Реакции на слово-стимул Овца (母羊): в русском и китайском языках

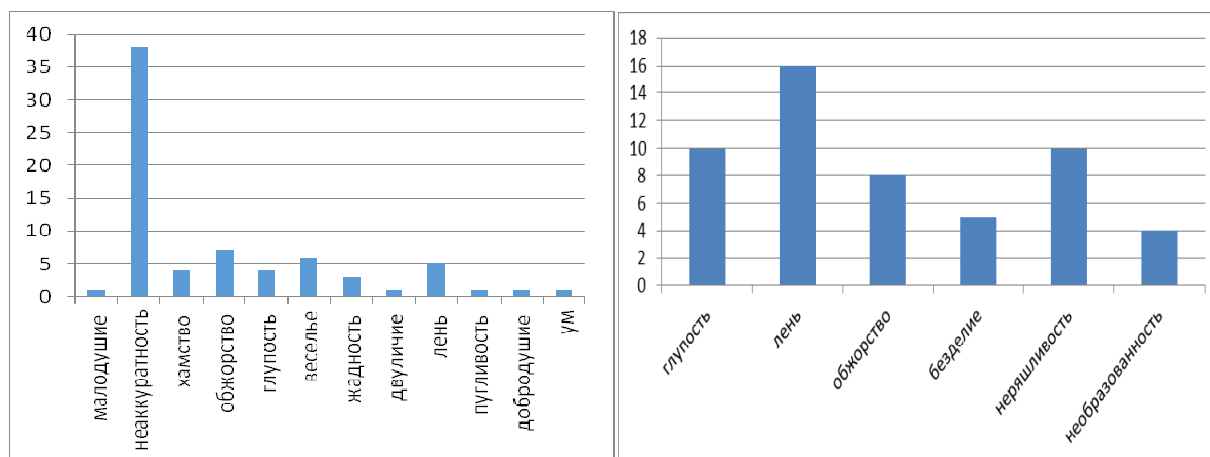

Рис. 4. Реакции на слово-стимул Свинья (猪): в русском и китайском языках

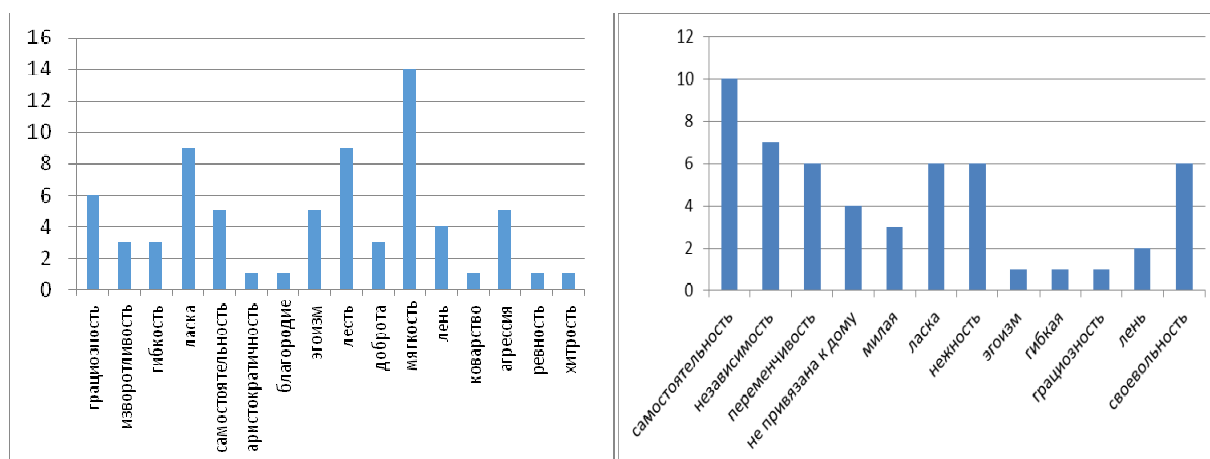

Рис. 5. Реакции на слово-стимул Кошка (猫): в русском и китайском языках

В русскоязычной группе наиболее распространенной реакцией на зооним «кошка» (рис. 5) были ответы мягкость и нежность, в то время как в китайскоязычной группе такими ответами были 矫情 (самоуправность) и 独立 (самостоятельность, независимость). Согласно результатам в русской лингвокультуре номен «кошка» имеет чаще положительную коннотацию, чем негативную, в китайской – либо нега-

тивную (самоуправность в значении неподчинения, своеволия), либо нейтральную.

Зооним крыса (рис. 6) согласно результатам анкетирования имеет самую негативную коннотацию. В обеих группах большинство информантов ассоциируют крысу с подлостью. Однако если в русскоязычной лингвокультуре данное качество связано с предательством, то в китайской – с вороватостью (贼精):

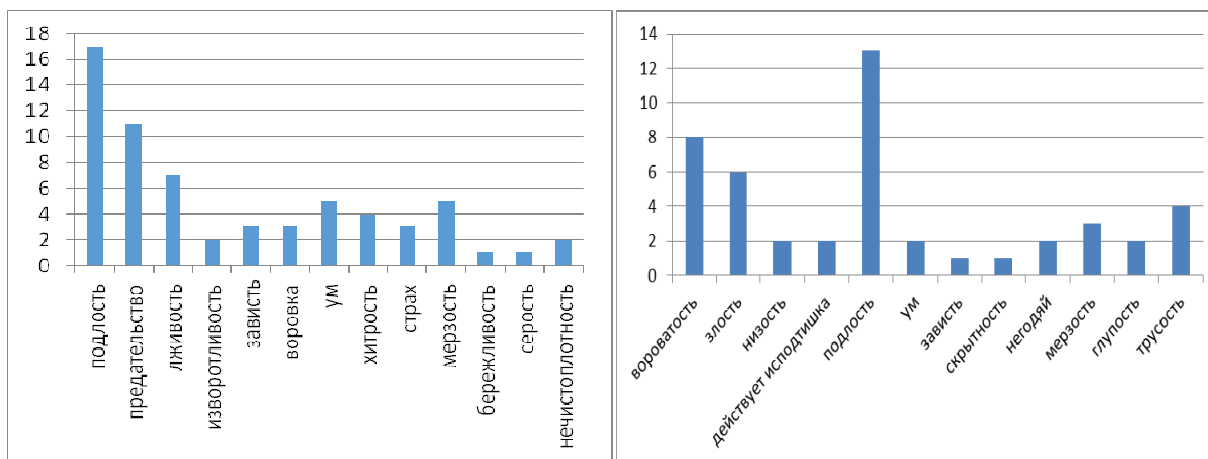

Рис. 6. Реакции на слово-стимул Крыса (鼠): в русском и китайском языках

Проведённый нами анализ позволяет сделать вывод, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом ярко выражают ментальность русского и китайского народа. Люди анализировали поведение животных, их повадки и переносили эти свойства на человека, сравнивали поведение животных с поведением людей. Животные являются мерилем многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. И это не могло не отразиться и во фразеологизмах русского и китайского народов. При использовании названий животных во фразеологизмах народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

В результате сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что не все образы животных несут одинаковую эмоциональную нагрузку в зоофразеологизмах рассматриваемых языков. К примеру, крыса и свинья выступают как «отрицательные герои» как в русском, так и в китайском языках, а вот отрицательный образ коровы характерен только для русской лингвокультуры, тем временем как в китайской лингвокультуре образ коровы положителен. Резко отрицательный образ черепахи характерен только для китайского языка, а в русском языке он скорее нейтрален либо имеет не столь ярко выраженную негативную коннотацию. Ассоциации, связанные с зоолексемами, символизирующими человеческие качества, в русском и китайском языках имеют много совпадений, но есть и различия. Сходство объясняется общими выводами из наблюдений за повадками животных, а различия – особенностями жизни каждого народа. Например, неизменной "частью" жилья издавна были не только собаки и кошки, но и крысы.

В китайском языке лексема **крыса** (кит. 鼠 shu) получила устойчивые негативные коннотации, эмоциональная сема ограниченности и ничтожности в переносных значениях 鼠 shu выражена ярче по сравнению с русским языком и имеет оскорбительную семантику "подлец, негодяй, вор": 鼠目寸光 shumucunguang (букв. "глаза крысы не видят дальше, чем на один цунь"), образно – «ограниченный человек»; 鼠肚鸡肠 shu-du ji-chang (букв. "утроба крысы и куриные кишки"), образно – "ограниченный, низкий человек"; 鼠肝虫臂 shu-gan chong-bi (букв. "печень

крысы, лапки насекомого") в значении "ничтожное существо"; 鼠辈 shu-bei – ругательное слово для обозначения мелочного, подлого человека, 鼠口不出象牙 shukou bu chu xiangyu (букв. "из рта крысы не получишь слоновьего клыка"), образно – "с уст подлого человека не дождешься доброго слова". При всей не любви к крысам по вполне понятным причинам китайские крестьяне относились к ним с уважением. Об этом свидетельствуют как языковые, так и экстралингвистические данные. Так, крыс часто называли 老鼠 lao shu – "старая крыса" в значении "уважаемый" (ср. с подобными наименованиями тигра и орла: 老虎 lao hu, 老鹰 lao ying соответственно). Известные китаеведы В. В. Малявин и В. Эберхард описывают обычай "крысиных свадеб" в крестьянских домах древнего Китая, когда в определенные числа зимних месяцев (3, 7 декабря или 19 января, в зависимости от района Китая) все жители дома шли спать раньше, оставляя на полу блюда для крыс [10, с. 343; 17, с. 246].

В русском языке номен «крыса» в большинстве своем имеет негативную коннотацию. Как правило, сравнение человека с крысой заключает значение человека подлого, предателя: Бежать как крысы с корабля – о том, кто покидает кого-либо (что-либо) в трудную минуту, в беде. Беден как церковная крыса – очень, до крайней степени беден. Канцелярская крыса – чинуша, бюрократ, формалист. Таким образом, исследование фразеологизмов помогает лучше понять быт и культуру народа, его язык.

Сопоставительный анализ, проделанный нами в ходе работы со словарями и проведения психолингвистического эксперимента, помогает раскрыть как совпадения, так и особенности использования зоолексем для характеристики внутреннего и внешнего мира человека, а также наиболее универсальных житейских ситуаций. Результаты работы позволяют сделать вывод о том, что языковая картина мира, при всей ее объективности и целостности, не является зеркальным отображением мира, а представляется его интерпретацией, которая варьируется от языка к языку, подтверждая тем самым мысль о преобладании национально-специфического видения мира.

Литература

1. Абдуллаева Ф. Э. Сопоставительное исследование проявления вторичной номинации в бионимах (на материале русского и азербайджанского языков) // Современные проблемы науки и образования: электронный научный журнал. 2014. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/120-16442> (дата обращения: 17.05.2015).
2. Алиева Т. С. Словарь русского языка. М.: Юнвес, 1999. 478 с.
3. Араева Л. А. Мир во фразеологизмах мира // Słowo. Tekst. Czas XII. «Frazologia w idiolekcie i systemach języków słowiańskich W 200. rocznicę urodzin Tarasa Szewczenki». Szczecin – Greifswald, 2014. Т. 2. С. 15 – 24.
4. Араева Л. А. Мир киргизского народа в пословицах и поговорках (в сравнении с русской фразеологией) // Word – Text – Zeit XI. Die Phraseologie im Idiolekt und im Sistem der slawischen Sprechen. Zum 200. Geburtstag von Taras Grigorievic Sevcenko. Szczecin – Greifswald, 14 – 17/ 11/ 20`13. Greifswald, 2013. С. 6 – 10.
5. Большой китайско-русский словарь. Т. 1 – 4. М.: Наука. Главная ред. вост. лит-ры. 1981 – 1984. Т. 1. 552 с.; Т. 2. 1100 с.; Т. 3. 1062 с.; Т. 4. 1104 с.
6. Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М.: АСТ: Восток-Запад. 2007. 608 с.
7. Денисова Э. С., Гульяева А. В. Соматические фразеологизмы в системе китайского и русского языков: психолингвистический аспект изучения // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4(64). Т. 4. С. 65 – 69.
8. Жуков В. П. Школьный фразеологический словарь русского языка. М., 1980. 386 с.
9. Жуков В. П., Жуков А. В. Русская фразеология: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 408 с.
10. Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Астрель, 2000. 628 с.
11. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2007. 289 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Российская академия наук институт русского языка В. В. Виноградова, 1999. 940 с.
13. Фразеологический словарь русского языка / сост. Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров; под ред. А. И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986. 544 с.
14. Фразеологический словарь китайского языка / гл. ред. Хэ Пин. Дяньцзы кэцзи дасюэ чубаньшэ, 2004. 1258 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и предисл. Б. А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986 – 1987.
16. Яранцев Р. И. Словарь-справочник по русской фразеологии. М., 1985. 304 с.
17. Eberhard W. Times Dictionary of Chinese Symbols. Singapore: Federal Publications, 1997. 332 p.

Информация об авторах:

Булгакова Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, bulgakova.o.a@yandex.ru.

Olga A. Bulgakova – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University.

Красноборова Ольга Алексеевна – бакалавр факультета филологии и журналистики КемГУ, Silaeva93@yandex.ru.

Olga A. Krasnoborova – Bachelor's Degree student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В ОТНОШЕНИИ К ТВОРЧЕСТВУ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА

О. Н. Владимиров

CONTRADICTIONS IN IVAN BUNIN'S ATTITUDE TO CREATIVE WORK (AS EXPRESSED IN THE AUTHOR'S LATE LYRICS)

O. N. Vladimirov

Статья обращена к стихотворениям Бунина 1916 – 1952 гг., остающимся наименее исследованной частью его поэтического наследия. В этот период отношение писателя к художественному творчеству двойственно: утверждение в антиэнтропийной его сущности не отменяет сомнения и разочарования в его возможностях. Поэт пишет с установкой отказаться от всякого рода условностей, говорить о том, что «истинно твое и единственное настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа...». Требования максимального ослабления условности искусства, предельного раскрытия художественной формы, приближения литературы к жизни распространились и на прозу, и на стихи. Жанром, наиболее полно «освобождающим» бунинское слово, явился фрагмент. Лирическое самовыражение поэта закрепляется подобной фрагментарной конструкцией, это отчетливее сказалось в прозе: там фрагмент тяготеет к жанровой устойчивости. Но и в стихах Бунину важно было воспроизвести незавершенность, бесконечность жизни. Слово и реальность в лирике этого периода сближаются на уровне содержания, стиховая же форма, неизбежно связанная с литературой, вызывающая те или иные культурные ассоциации, сопротивляется этому сближению. Поэтому условность стиховой формы даже в самых стилистически и ритмически упрощенных стихах остается непреодоленной.

The paper deals with Ivan Bunin's poems written in 1916 – 1952, which remain still the least examined part of his oeuvre. In this period the author's attitude to creative work might be called ambivalent: at the same time he was certain of the anti-entropic matter of art, but disappointed in its resources. The poet purposed to deny all kinds of conventionalities, to speak about things that are "truly yours and genuine, and justly claim to be expressed, to leave a trace..." Both his prose and lyrics were affected by this claiming to escape the conventionalities of art, to liberate the artistic form, to draw literature closer to the real. The genre of the most liberating potential appeared to be the fragment. The poet's lyrical self-expression assigned to such fragmental construction is even more distinct in prose, where the fragment is more stable in genre respect. It was important for Bunin to represent incompleteness and infinity of life. Word and reality tend to get substantially closer, but the verse form, inevitably bound to literature and cultural associations, resist the approach. That is why the conventionalities of verse could not be overcome even with the maximal simplification of style and rhythm.

Ключевые слова: И. А. Бунин, лирика, условность, литература и жизнь, стихи и проза.

Keywords: I. A. Bunin, lyrics, convention, literature and life, verse and prose.

Стихотворения Бунина 1916 – 1952 гг. остаются наименее исследованной частью его поэтического наследия (см. некоторые наблюдения о них в: [8, с. 76 – 91; 7, с. 160 – 184]).

В бунинской поэзии этого периода усиливаются размышления о тайне и смысле жизни, о путях противостояния смерти, забвению. С одной стороны, поэт ещё больше утверждает в мысли о том, что «лишь слову жизнь дана». В стихотворении «Луна» проводится параллель между солнцем и поэтом, луной, светящей отражённым светом, и творческим наследием: «— Сияй, сияй, Луна, все выше поднимая / Свой, Солнцем данный лик. Да будет миру весть, / Что День мой догорел, но след мой в мире — есть» [2, с. 355]. Эта поэтическая мысль не столь прямо, но продолжена в стихотворении «Где ты, угасшее светило?»: «Но чем ты (солнце. — О. В.) глубже утопаешь / В ее (земли. — О. В.) ночную глубину, / Тем все светлее наливаешь / Сияньем бледную Луну» [2, с. 429].

Об оставленной после себя памяти лирическое «я» говорит и в стихах «Этой краткой жизни вечным измененьем...»: «Будущим поэтам, для меня безвестным, / Бог оставит тайну — память обо мне: / Стану их мечтами, стану бестелесным, / Смерти недоступным, — призраком чудесным <...>» [2, с. 363]. В этих утверждениях узнаются размышления бунинского героя из ранних стихотворений «Огни небес» и «Памяти»: «Та красота, что мир стремится вперед, / Есть тоже след былого <...> И много в мире избранных, чей свет, /

Теперь еще незримый для незрящих, / Дойдет к земле чрез много, много лет... / В безвестном сонме мудрых и творящих / Кто знает их? Быть может, лишь поэт» [2, с. 123], «Ты мысль, ты сон <...> То, что лежит в могиле, разве ты? <...> Кресты / Хранят лишь прах. Теперь ты мысль. Ты вечен» [2, с. 254]. Вечность анонимного адресата, спроецированная героем на себя, подчеркнута в «Памяти» кольцевой композицией — утверждением «ты мысль» в начале и в конце стихотворения.

С другой стороны, «я» признается, что ему не понятен его «жребий творца, / Лишенный гармонии небесной» («Памяти друга») [2, с. 339]: «<...> Зачем ищу ничтожных слов, — не знаю» (там же); «И разве я пойму, / Зачем я должен радость этой муки, / Вот этот небосклон, и этот звон, / И темный смысл, которым полон он, / Вместишь в созвучия и звуки?» («Щеглы, их звон, стеклянный, неживой...») [2, с. 362]. Непонимание смысла творчества позже перерастает в разочарование в возможностях слова: «Познал я, как ничтожно и не ново / Пустое человеческое слово <...>» («В полночный час я встану и взгляну...») [2, с. 372].

Противоречие это отчасти разрешается в стихотворении «Портрет»: «<...> познаешь ты, поэт, / С грядущим другом радость единенья / В стране, где нет ни горестей, ни тленья, / А лишь нерукотворный твой Портрет!» [2, с. 427]. В гипотетической «стране, где нет ни горести, ни тленья», поэта ждёт не только «радость единенья» с другом, то есть с поэтом же, но и

радость разделённой и «утолённой» «встречи» [2, с. 377] с любимой.

Вместе с тем обостряется понимание заведомо неполного, несовершенного выражения себя в слове: «<...> я едва-едва, / Бродя в восторге по саду пустому, / Мою тоску даю понять другому...» [2, с. 362]; слово – «ничтожно» [2, с. 339, 372]. (Ср.: «Как это трудно, почти невозможно – высказывать себя» («Неизвестный друг») [3, с. 90]; «<...> что может выразить слово, даже такое, как Ваше!» – восклицает читательница в письме к писателю (там же) [3, с. 91]). Более того, художник осознаёт зависимость от литературы как отчуждение от себя: «Полжизни прожил в каком-то несуществующем мире, среди людей никогда не бывших, выдуманных <...> Я читал, жил чужими выдумками, а поле, усадьба, деревня, мужики, лошади, мухи, шмели, птицы, облака – все жило своей собственной, настоящей жизнью. И вот я внезапно почувствовал это и очнулся от книжного наваждения, отбросил книгу в солому <...>» («Книга») [3, с. 179]. В «Водах многих» герой признаётся: «Все читаю, читаю, бросаю прочитанное за борт. – Жить бы так без конца!» [3, с. 331].

Напряжённые размышления о смысле, необходимости и судьбе творчества сильнее, чем в его стихах, отражаются в прозе писателя («Неизвестный друг», «Святитель», «Надписи», «Ночь», «Воды многие»). Программа выхода из круга этих противоречий намечается в рассказе «Книга»: «А зачем выдумывать? Зачем героини и герои? Зачем роман, повесть, с завязкой и развязкой? Вечная боязнь показаться недостаточно книжным, недостаточно похожим на тех, что прославлены! И вечная мука – вечно молчать, не говорить о том, что есть истинно твоё и единственно настоящее, требующее наиболее законно выражения, то есть следа, воплощения и сохранения хотя бы в слове!» [3, с. 180]. Известно желание Бунина «начать книгу, о которой мечтал Флобер, „Книгу ни о чем“, без всякой внешней связи, где бы излить свою душу, рассказать свою жизнь, то, что довелось видеть в этом мире, чувствовать, думать, любить, ненавидеть» [6, с. 254]. Здесь после отказа от условности искусства дается установка на выполнение задач и содержательного («...говорить о том; что есть истинно твоё и единственно настоящее...»), и формального плана («...требующее наиболее законно выражения...»). Эти требования – максимальное ослабление условности искусства, предельное укрепление художественной формы, приближение литературы к жизни – распространились и на прозу, и на стихи. Жанром, наиболее полно «освобождающим» бунинское слово, явится у писателя «фрагмент» («осколок», «отрывок», «миниатюра»), трудно поддающийся жанровому определению.

Наиболее заметным в творчестве поэта стал отказ от условности стихосложения: стихи пишутся редко, плодотворными были 1916 – 1918 и 1922 гг., в другое время к стиховой форме поэт обращается эпизодически.

Проза даёт больше возможностей в преодолении «книжности», литературности. Условность же стиховой формы даже в самых упрощённых стихах остаётся непреодоленной. Художник, в первую очередь осознающий себя поэтом, не может отказаться от стихов. Те из них, которые включались в собрания сочинений, видимо, соответствовали авторским представлениям о допустимых вольностях в стихосложении. По этой же причине значительное число стихотворе-

ний, «набросков», «незаконченных произведений», напоминающих о тютчевском жанре отрывка, в собраниях сочинений не вводилось. Стихи лишены чёткой жанровой ориентации, это «просто стихотворения» (Л. Г. Фризман) [14, с. 273]. Наконец, в большинстве своем они несложны с точки зрения версификации. Строфический репертуар составляют четверостишия, астрофические стихотворения и нетождественные строфы. Другие строфы редки: двестишестистишиями написаны «Псалтирь», «Плоты», «Первый соловей», «Ранний, чуть видный рассвет...», «Газелла» (текст создан по канонам газели: бейты, реди́ф, система рифм, чётное (10) количество строк), трёхстишиями – «Луна» и «– Дай мне, бабка, зелий приворотных...», шестистишиями – «Дочь», восьмистишиями – «Маргарита прокралась в светелку...».

В единственном в этот период сонете «Петух на церковном кресте» [2, с. 377] требования к форме выдержаны только в графике самого свободного сонетного варианта – английского. Ни размер (4-х-стопный ямб), ни рифмовка (семь пар смежных рифм, то есть фактически стихотворение написано двестишестистишиями, как и 14-стишия 1906 и 1911 гг. «И скрип и визг над бухтой, наводненной...» и «Зов»), ни слоговой объём рифм (они сплошь мужские) этим требованиям не отвечают.

Следуя установке на упрощение формы, поэт допускает «точные неточности»: «Все тот же зной и дикий запах лука / В телесном запахе твоём, / И та же мучит сладостная мука <...>» («Встреча») [2, с. 378]. «Запах... в запахе» – плеоназм, «мучит... мука» – плеоназм, усиливающий оксюморон «сладостная мука», «дикий запах лука» – эналлага (вместо: запах дикого лука), но вероятнее отношение «дикого», то есть стихийно-первозданного, именно к «запаху».

Примером того, как внешне «облегчается» бунинская поэзия, может служить стихотворение «Порыжели холмы. Зноем выжжены...». В одиннадцати его строках – три тавтологические смежные рифмы: хребтов-хребтов, цветов-цветов, дали-вдали, – причём первые две пары рифмуются между собой, а последняя усилена однокоренным определением «далекой». Стихотворение построено на синтаксической ретардации (цепь уточняющих конструкций), вместе с трёхстопными анапестами и чередующимися дактилическими и мужскими окончаниями вызывающей особую напевную интонацию: «Порыжели холмы. Зноем выжжены / И так близки обрывы хребтов, / Поднебесных скалистых хребтов. / На стене нашей глиняной хижины / Уж не пахнет венки из цветов, / Из заветных засохших цветов. / Море все ещё в блеске теряется, / Тонет в солнечной светлой пыли: / Что ж так горестно парус склоняется, / Белый парус в далекой дали? // Ты меня позабудешь вдали» [2, с. 425].

Стилистическая и ритмическая простота не исключает субъектной сложности. Неопределённость субъекта речи, присущая лирике, доведена здесь до предела: «ты меня» может быть прочитано и как «он – её», и как «она – его». Предшествующие произведения о встрече и разлуке влюблённых и их переживаниях, выраженных в глаголе «забыть», подтверждают эту вариативность. Так, герой стихотворения «Чужая», замечая «нежность любящих глаз» шедшей «от венца» за другим, знает о её «чуждости» мужу, но не ему: «Ты меня не забудешь / Никогда, никогда!» [2, с. 163]. Помнит о любимой и о том, что их связывает, и герой стихотворения «В открытом море», несмотря на своё подчёрк-

нутое утверждение: «А ты забыта, / Ты бесконечно далека! <...> И что-то вольное, живое, / Как эта синяя вода, / Опять, опять напоминает / То, что забыто навсегда!» [2, с. 147]. «Забыла» – последнее слово в стихотворении «Мы встретились случайно, на углу» с иным поворотом сюжета. Случайная мимолётная, ограниченная «её» взглядом и ласковым кивком встреча, забывшая герою о «ней» и об их связи, дала ему понять, что «она меня простила – и забыла» [2, с. 135]. Забыла о нём «она», но не наоборот.

О возможности второго – предпочтительного – прочтения («она – его») напоминает похожее заключительное и принадлежащее женщине восклицание «...Ты забудешь, забудешь меня!» в стихотворении «Мимо острова в полночь фрегат проходил...» [2, с. 187]. То же можно сказать и о «простой девке на баштане», смотрящей на утопающий «белый парус в море» и предполагающей: «Может, не вернется никогда!» («Песня») [2, с. 160]. Кроме того, эти стихи предвосхищают «Порыжели холмы. Зноем выжжены...» другими общими местами: отсутствие или отплытие героя, связанное с морем; выразительная невыразительность, графичность приморского пейзажа, отчётливая щедрость красок в морском, белые паруса.

Неопределённость того, кто говорит (он или она), усилена его непрояснённой (вместо прямого «я» косвенные «нашей» и «меня»). Эта особенность формы высказывания подтверждает сквозной в лирике Бунина мотив «единой души». Устами разных героев писатель подчёркивает: «Поистине только одна, единая есть душа в мире» («Неизвестный друг») [3, с. 91]. «Истинно твое, единственно настоящее» уже не может быть выражено в готовых, привычных формах, в них тесно разомкнутому в мир сознанию. Поэтому нечёткому «я» соответствует хорошо обозримое пространство: «поднебесные скалистые хребты» – «так близко», «белый парус» – «в далекой дали», но море – «тонет», как тонет, растворяется в пространстве «я», – как и вечно пребывающее в мире «легкое дыхание» («встречи» – «разлуки» (названия стихотворений 1922 и 1927 гг.).

Принцип неопределённости распространяется и на взгляд лирического субъекта, сосредоточенный на парусе: неясно, отплывает ли под парусом адресат высказывания, уехал ли он (она) раньше (в том и другом случае это мысленное прощание) или уедет позже (тогда он слышит обращённые к нему слова). Предшествующие стихотворения на эту тему («Одиночество» («И дождик, и ветер, и мгла...»), «Песня» («Я – простая девка на баштане...»), «Мимо острова в полночь фрегат проходил...», «Дядька») сужают выбор развития сюжета до первого или второго варианта. Подступающая осень, увядший венчик, «горестно» склоняющийся парус – все эти приметы уходящей взаимности в любви даны в приглушённом, сдержанном восприятии влюблённой души («Море все еще в блеске теряется»). В отчёркнутом «Ты меня позабудешь вдали» с усиливающей безысходность расставания приставкой «по» узнаётся «Что ж! Камин затоплю, буду пить... / Хорошо бы собаку купить» [2, с. 118], но здесь о сложном эмоциональном состоянии сказано лаконичнее, а потому – горше. Глагол «забыть» в последней строке кристаллизует непроговариваемые мнемотические переживания, как и в ранее написанных стихотворениях «Мимо острова

в полночь фрегат проходил...», «Чужая», «В открытом море», «Мы встретились случайно, на углу».

Принцип неопределённости характерен и для бунинской прозы этого периода. Не названы «он» и «она», «я» и «она» в рассказах «Солнечный удар», «Чистый понедельник». Словосочетание «неизвестный друг» в одноимённом рассказе может быть отнесено и к писателю, к которому обращается читательница, и к ней самой. (О «местоименной игре» и сложном соотношении авторского «я» писателя с женским «я» героини в этом произведении см.: [9, с. 24 – 28].) Безымянны герои-оппоненты в рассказе «В ночном море», условно обозначенные как «пассажир под пледом» и «господин с прямыми плечами»; в них можно увидеть не просто бывших соперников, а две персонализации сознания автора, ведущего с собой нескончаемый диалог. «Размыт» субъект повествования (он? я?) в начале рассказа 1944 г. «В одной знакомой улице»: «Весенней парижской ночью шел по бульвару <...> чувствовал себя легко, молодо и думал <...>» [5, с. 173]. Философичностью и установкой на обобщённость в поздней новеллистике объяснимы отсутствие или условность у героя имени (Ивлев в рассказах «Зимний сон» и «В некотором царстве»). Прямо об этом сказано в «Слепое»: «Десница божия, коснувшаяся его, как бы лишила его имени, времени, пространства. Он теперь просто человек, которому все братья...» [3, с. 148].

Другим примером расширения и усложнения нарративной сферы в поздней бунинской поэзии является стихотворение «Опять холодные седые небеса <...>» – достаточно редкий в русской лирике случай стихов поэта о своих стихах, здесь же цитируемых. В этих произведениях соотношение теперешнего сознания героя с прежней его позицией стирает границу между художественной условностью и реальностью, между «я»-поэтом и лирическим «я», как и границу между художественным и реальным временем. Стихотворение Бунина является вариантом этой формы высказывания: к своим стихам обращается не поэт вместе со своим «я», а только лирическое «я», и только художественной реальности в этом случае принадлежат его строки «Опять холодные седые небеса, / Пустынные поля, набитые дороги. / На рыжие ковры похожие леса, / И тройка у крыльца, и слуги на пороге...». Но можно предположить, что это четверостишие – подлинные строки Бунина из неизвестной читателю рукописи («старой наивной тетради»), учитывая их сходство с опубликованными стихами начинающего поэта. Сравним: «Пустыня, грусть в степных просторах. / Синюют тучи. Скоро снег. / Леса на дальних косогорах / Как желто-красный лисий мех» [2, с. 21]; «Седое небо надо мной / И лес, раскрытый, обнаженный» [1, с. 24]; «И вот опять уж по зарям / В выси, пустынной и привольной...» [2, с. 56]. Здесь приводятся начальные строки стихотворений.

К этому же приёму Бунин прибегнет в «Жизни Арсеньева»: он припишет молодому поэту Алёше Арсеньеву стихи «И вновь, и вновь над вашей головой...» [4, с. 145]. Но в эпическом произведении автор и его представитель более далеки друг от друга, чем в лирическом стихотворении «Опять холодные седые небеса <...>». К тому же неметафорический стиль молодого Бунина не совпадает с подчёркнуто экспрессивным образным строем стихов юного Арсеньева.

Закавыченная цитата приводится и в стихотворении «И снова вечер, степь и четко...»: «„Где кипарис благоуханный / Внимает плещущей волне“» [2, с. 409]. Но это двуступишие нельзя однозначно отнести к стихам лирического субъекта (поэта): оно может быть и автореминисценцией: ср. в стихотворении «У залива» (<1901>): «...И кипарис в полдневный зной / Внимает, погруженный в грезы, / Как говорят волна с волной...» [2, с. 388] или, не столь явно, в стихотворении «Гробница Сафии» (<1903 – 1905>) [2, с. 156]. Не исключено, что оно отсылает и к строкам из стихотворения А. С. Пушкина «Кто знает край, где небо блещет...»: «Где море теплою волной / Вокруг развалин тихо плещет; / Где вечный лавр и кипарис / На воле гордо разрослись...» [12, с. 53], или к стихам из поэмы «Русские женщины» Н. А. Некрасова: «...Полный горя, / С тех пор кипарис сиротою стоял, / Внимая лишь ропоту моря...» [11, с. 168], или к другим стихам русских поэтов.

Заслуживают внимания «незаконченные стихи и наброски», написанные в этот период. Пять таких «набросков» представлено в 1 т. 8-томного собр. соч. на с. 428. Приводимые же здесь, как и большая их часть (18, относящихся к последнему периоду, из 24), опубликованы в разделе «Стихи. Приложения: 1. Незаконченные стихи и наброски» [10, с. 227 – 231]. Их можно рассматривать и как самостоятельные произведения по аналогии с «короткими рассказами» последних десятилетий творчества. Как и у миниатюр в прозе, у них такие же приметы «открытой конструкции» (лаконизм, безначальность и неоконченность, «неотделанность»): «Над скудной северной страной / Пахнула зимняя прохлада. / Полночный ветер под луной / Разносит винный запах сада»; «Многое в мире люблю. Больше всего мне любезен / Дом, где пылает очаг, в зимнюю пору, когда / Сыплет снегами Зевес...»; «Сладкий запах горящей бумаги – / Жгу частицы души» и другие. Первый из приводимых «набросков», если не принимать во внимание его ритми-

ку, напоминает переживания героя Овидия в «Гристингах». Античные ассоциации ощутимы и во втором, ср. его, например, с «Зимой» Алкея: «Дождит отец Зевес с неба ненастного <...> Как быть зимой нам? Слушай: огонь зажги, / Да, не жалея, в кубки глубокие / Лей хмель отрадный, да теплее / По уши в мягкую шерсть укройся» (пер. Вяч. Иванова) [1, с. 51]. Остановить поэта в продолжении этих стихов могли начальные пентаметры с женским – гексаметровым – окончанием в первой строке, которое выдаёт в «наброске» несостоявшийся элегический дистих, которым Бунин владел (см., например, антологические стихотворения «Чашу с темным вином подала мне богиня печали...», 1902), «Надпись на чаше», <1903>, «Черные ели и сосны сквозят в палисаднике темном...», 1905, «Завет Саади», 1913).

Последний из процитированных отрывков похож на фрагмент дальневосточного классического стихотворения: ср., например: «Осени краски в чужом краю / моей головы белей» (Юань Кай. Ночью на западном берегу приграничной реки Хуайхэ. Пер. И. Смирнова) [13, с. 263] – или: «Книгу писал всю жизнь, / не написал и знака» (Ли Паньлун. Песня на закате жизни. Пер. И. Смирнова) [13, с. 289]. В то же время каждые из этих «незаконченных стихов» воспринимаются как вполне завершённые и оригинальные.

Лирическое самовыражение поэта закрепляется подобной фрагментарной конструкцией, это отчётливее сказилось в прозе: там фрагмент тяготеет к жанровой устойчивости. Но и в стихах Бунину важно было преодолеть дистанцию между словом и реальностью, адекватно воспроизвести незавершённость, бесконечность жизни и выразить своё к ней отношение, то есть высказать «истинно» своё и «единственно настоящее». Слово и реальность в лирике этого периода сближаются на уровне содержания. Стиховая же форма (объём, метрика, строфика), неизбежно связанная с литературой, вызывающая те или иные культурные ассоциации, сопротивляется этому сближению.

Литература

1. Античная лирика / Вст. ст. С. Шервинского; сост. и прим. С. Апта и Ю. Шульца. М.: Худож. лит., 1968. 624 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 8 т. М.: Московский рабочий, 1993. Т. 1. Стихотворения 1888 – 1852. Т. 1. 540 с.
3. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 5. 544 с.
4. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худ. литература, 1966. Т. 6. 640 с.
5. Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1966. Т. 7. 398 с.
6. Бунин И. А. Дневники // Собр. соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1988. 720 с.
7. Владимиров О. Н. Жанровое движение в лирике Бунина 1886 – 1952 годов: дис. ... канд. филол. наук. Томск: ТГУ, 1999. 224 с.
8. Двинятина Т. М. Иван Бунин: жизнь и поэзия // Бунин И. А. Стихотворения: в 2 т. Т. 1. / Вступ. статья, сост. подг. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2013. 544 с.
9. Капинос Е. В. Поэзия Приморских Альп: рассказы И. А. Бунина 1920-х годов / Научн. ред. Э. И. Худошина. М.: Языки славянской культуры, 2014. 248 с.
10. Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. 696 с.
11. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1982. 656 с.
12. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 3. Л.: Наука, 1977. 494 с.
13. Светлый источник. Средневековая поэзия Китая, Кореи, Вьетнама / сост. Е. Дьяконовой; послесл. и прим. И. Смирнова. М.: Правда, 1989. 480 с.
14. Фришман Л. Г. Исследуя лирические жанры // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 265 – 273.

Информация об авторе:

Владимиров Олег Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Новокузнецкого филиала (института) КемГУ, vlad-oleg@yandex.ru.

Oleg N. Vladimirov – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Language and Literature, Novokuznetsk Branch Institute of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 02.12.2015 г.

БРАЧНЫЙ МОТИВ В ДРАМАТУРГИИ Н. В. ГОГОЛЯ

М. Ю. Жаворонкова

MARRIAGE MOTIF IN THE DRAMA OF N. V. GOGOL

M. Yu. Zhavoronkova

В статье рассматривается роль традиционного свадебного обряда в развитии конфликта и создании системы персонажей в драматургии Н. В. Гоголя. В комедии "Женитьба" прослеживается ситуация свадебного сговора как предсвадебного этапа. Отмечена последовательность ритуальных действий персонажей – сватовство, смотрины, обручение. Роли действующих лиц пьесы соотносятся с функциями участников свадебного обряда (жених, невеста, сват, дружка), отмечено индивидуализирующее поведение персонажей, создающее комический эффект. В «Ревизоре» брачный мотив представлен эпизодом благословения молодых. Мнимое приготовление к свадьбе является частью «миражной интриги». В обеих пьесах брачный мотив является архетипической основой развития действия в целом («Женитьба») или отдельного значимого эпизода («Ревизор»). Все персонажи, формально следуя обрядовым действиям, не способны соответствовать своим свадебным чинам по своим индивидуальным характеристикам или социальному статусу. В результате исследования делается вывод о роли элементов традиционной свадебной обрядности в раскрытии художественного смысла драматических произведений Гоголя.

The paper deals with the role of the traditional wedding ceremony in the development of the conflict and the creation of the characters system in the drama of N. V. Gogol. In the comedy "Marriage" is traces the situation of wedding collision as a pre-wedding stage. A sequence of ritual acts of characters (matchmaking, bride-show, engagement) is noted. Roles of actors of the play refer to the functions of the participants of the wedding ceremony (groom, bride, matchmaker, groomsman). The individualizing behavior of characters, creating the comic effect, is noted. In the "The Government Inspector" the marriage motif is presented in the episode of blessing of the young. Imaginary preparing for the wedding is the part of the "mirage plot". In both plays the marriage motif is the archetypal basis of the action as a whole ("Marriage") or a single significant episode. All characters formally follow ceremonial actions, but are incapable to conform to their wedding roles because of their individual character or social status.

The study discovers the role of the elements of a traditional wedding ritual in disclosing the artistic sense of the dramatic works of Gogol.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, брачный мотив, обряд, свадьба, «Женитьба», «Ревизор», «миражная интрига», обрядовые роли.

Keywords: N. V. Gogol, marriage motif, ceremony, wedding, "Marriage", "The Government Inspector", "mirage plot", ceremonial roles.

Брачная тема встречается во многих произведениях Гоголя, начиная с первых повестей в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» и до размышлений о семье, браке и их значимости в жизни человека в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в эпистолярной писателя. В ряде произведений брачный мотив составляет основу сюжета. Представляет интерес обратиться к драматургии, в которой насыщенность брачными мотивами в ряде случаев подчеркнута самими названиями («Женихи», «Женитьба»). Неоднократно отмечалось, что гоголевский интерес к фольклору распространялся и на изучение народной свадьбы. В связи с этим целесообразно рассмотреть использование элементов обряда в построении драматургических произведений, художественная форма которых составляет не только содержательную, но и формальную связь с обрядовыми действиями.

В нашу задачу входит: изучение обрядовой традиции в развитии комплекса брачных мотивов в пьесах «Женитьба» и «Ревизор»; соотнесение системы персонажей со свадебными чинами; рассмотрение роли свадебного мотива в развитии конфликта.

Драма как род искусства сохраняет особую внутреннюю связь с обрядом, так как само действие и развитие конфликта генетически восходит к обрядовой культуре древности. О. М. Фрейденберг пишет, что «обрядовое изображение катартики легло в основу античной драмы» [12, с. 347]. Представления были при-

урочены к празднествам, посвященным богам, а внешний вид и поведение как исполнителей, так и слушателей строго регламентировалось «театральной обрядностью».

Связь драматургии с обрядом прослеживается до сих пор в том, что в пьесе события представлены в виде сцен, действие предполагает более подробное воспроизведение диалогов, костюмов, жестов. В. Е. Хализев, характеризуя специфические черты жанра драмы, пишет об этом так: «Если с помощью повествования действие запечатлевается как нечто прошедшее, то цепь диалогов и монологов в драме создает иллюзию настоящего времени. <...> Действие воссоздается в драме с максимальной непосредственностью. Оно протекает будто перед глазами читателя» [14, с. 340]. Эта непосредственность делает возможным более острое переживание происходящего множеством людей одновременно: «Спектакль напрямую воздействует на многих людей, как бы сливающихся воедино в откликах на совершающееся перед ними» [14, с. 342]. Поскольку пьеса изначально пишется для постановки на театральной сцене и роль повествователя в ней ограничена ремарками и авторскими предписаниями, то участники спектакля становятся соавторами драматурга: «Создание спектакля на основе драматического произведения сопряжено с его творческим достраиванием: актеры создают интонационно-пластические рисунки исполняемых ролей, художник оформляет сценическое про-

странство, режиссер разрабатывает мизансцены. В связи с этим концепция пьесы несколько меняется <...>, нередко конкретизируется и обогащается: сценическая постановка вносит в драму новые смысловые оттенки» [14, с. 345].

Свадьба – обряд, знаменующий собой создание новой семьи, смену центральными персонажами – женихом и невестой – семейного и социального статуса. В ходе свадебного действия достигается согласие на брак, происходит установление и закрепление нового родства и социальных связей.

Участники свадебного действия получали определённые роли, которые назывались чинами (жених, невеста, сват, дружка и др.). Каждый чин получал свои отличительные знаки и выполнял в обряде свои функции.

Свадебный «переход» считался опасным, поэтому появилось множество ритуальных действий охранительного характера. Участники обряда пользовались иносказательными словесными формулами, призванными «запутать» нечистую силу. Сватовство совершалось тайно, сваты ехали окольными путями. Повсеместно в славянском мире распространены разнообразные запреты молодым: запрет открывать лицо невесте, запрет говорить, запрет на посещение невесты женихом, воздержание молодых от еды во время свадебного пира и др.

Следует отметить, что наиболее уязвимой для inferнальных сил считалась невеста, которая переходила в семью жениха. Замужество воспринималось как смерть в прежнем статусе и рождение в новом. Невеста часто наделялась чертами inferнального персонажа. Например, считалось, что она способна сглазить, влиять на природу, предвидеть будущее [10, с. 386].

Жених «олицетворяет активную сторону обряда, от которой исходит инициатива брака» [9, с. 202]. Активная позиция жениха в обряде подчёркивается его иносказательными наименованиями, связанными с охотничьей и военной тематикой. Вместе с тем жених чаще всего действует не самостоятельно, а через помощников – свата и дружку.

Сваты сватают невесту, договариваются о расходах, приданом и проведении свадьбы на этапе свадебного сговора. Сват участвовал в обручении, мог благословлять молодых. Сваха помогала девушкам во время девичника. По замечанию А. В. Гуры, «При выборе свата <...> особое значение придавали таким качествам, как красноречие, знание приговоров и прибауток, остроумие и умение веселить, бойкость и удалство, а также зажиточность, солидность, представительность и авторитет среди односельчан» [11, с. 557].

Дружка, в отличие от свата, сверстник жениха. Его функции выполняет холостой друг жениха, его брат или муж сестры. Дружка «выступает активным посредником между родом жениха и родом невесты» [9, с. 140]. Он участвует в свадебном сговоре и смотринах невесты, передаёт невесте подарки от жениха и является свадебным распорядителем. Иногда он может выполнять и функции свата, например, обручать молодых.

Гоголь всегда проявлял интерес к народному свадебному обряду, что подтверждают записи в «Книге всякой всячины». Среди них встречаются речь свата,

приветствие новобрачным, а также подробные описания украинских и русских свадебных обрядов. В первом романтическом сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки» присутствуют различные варианты развития брачного мотива: свадьба с участием inferнального персонажа («Сорочинская ярмарка», «Вечер накануне Ивана Купалы»), инцестуальный мотив («Страшная месть»), есть и несостоявшиеся свадьбы [6]. А. Х. Гольденберг соотносит главных персонажей «Вечеров...» и «Мертвых душ» со свадебными чинами [5].

Первое в гоголевской драматургии обращение к брачной теме мы находим в «Женихах» (1833), наброске к будущей «Женитьбе». Действие комедии происходило в деревне, а основным событием были визиты женихов к невесте.

И. Л. Вишневская обращает внимание на то, что с появлением новых действующих лиц – Подколёсина и Кочкарёва, – а так же перенесением действия в Петербург, комедия получила новое название. По мнению исследователя, это связано с новым уровнем обобщения. «Замысел Гоголя шёл от деревни к городу, от «Женихов» к «Женитьбе» [2, с. 156], – утверждает И. Л. Вишневская. Кроме того, введение в сюжет новых персонажей смещает акценты, в результате чего «на первый план выдвигаются мотивы неудачного свата и нерешительного жениха» [1, с. 466]. В конечном счёте в центре внимания оказывается сама обрядовая ситуация, чем, на наш взгляд, объясняется смена Гоголем названия комедии с «Женихов» на «Женитьбу».

В пьесе «Женитьба» (1835) сохранены действия подготовительного этапа обряда, свадебного сговора: сватовство, смотрины невесты, обручение. Есть и основные участники обряда, но при этом «ставится под сомнение само отношение персонажей к свадьбе, сама целенаправленность и осмысленность их поступков» [7, с. 220]. В первую очередь это относится к жениху, Подколёсину.

В народной свадьбе жених не только был инициатором обряда, но и проходил предсвадебные испытания, призванные доказать его состоятельность и готовность к семейной жизни. Такими были женихи в повестях «Вечеров...» – Грицко, Петро, Вакула.

Но поведение Подколёсина осложнено психологическими причинами. С одной стороны, он стесняется своего холостяцкого положения, так как уже не молод, и понимает, что «наконец точно нужно жениться». С другой стороны, он боится изменить свою привычную жизнь и под разными предлогами отказывается ехать на смотрины [7, с. 220].

Сомнения Подколёсина разрушаются со стороны, так как появляются новые персонажи. Сваха Фекла Ивановна подталкивает его к свадьбе, находит ему невесту, Агафью Тихоновну. Подталкивает Подколёсина к свадьбе и женатый друг Кочкарёв, который расписывает ему прелести жизни женатого человека: «Ну, а как будет у тебя жена, так ты просто ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в клетке, рукоделье... И, вообрази, ты сидишь на диване, и вдруг к тебе подсядет бабеночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя» [3, с. 320].

Кочкарёв берётся «заправить свадьбу», выполняя в обряде функции одновременно дружки и свата. Впервые такой тип персонажа появляется в «Вечере нака-

нуне Ивана купалы», где «клад оказывается напрямую связан со сватовством к невесте как богатство и залог положительного ответа при сватовстве» [15, с. 132]. В качестве свата Кочкарёв участвует в смотринах, обручает молодых. Он помогает Подколёсину, хлопочет о венчании, свадебном угощении. Однако, как справедливо утверждает Ю. В. Манн, у Кочкарёва нет чёткой мотивации [7, с. 221]. Если в черновом варианте пьесы Кочкарёв опасается, что сваха неудачно женит Подколёсина, то в окончательной редакции эта мотивировка снимается. Свадебная ситуация в какой-то момент становится соревнованием Кочкарёва со свахой.

Невеста представлена со слов свахи, которая описывает Подколёсину достоинства Агафьи Тихоновны: «Как рефина! Белая, румяная, как кровь с молоком, сладость такая, что и рассказать нельзя. <...> Купца третьей гильдии дочь. Да уж такая, что и генералу обиды не нанесет. <...> Да, такой великатес! А к воскресному-то как наденет шелковое платье – так вот те Христос, так и шумит. Княгиня просто!» [3, с. 316 – 317]. В этом описании сказывается традиция навеличивания, когда принято было хвалить внешность, речь, наряд молодой [8, с. 306 – 307]. К навеличиванию Фёкла Ивановна прибегает, описывая Агафье Тихоновне других женихов. Комический эффект этих похвал основан на несовпадении с реальностью через овнешнение достоинств персонажей в колоритной наивной игре свахи со словом, нарушение грамматических форм которого должно придать вес восхваляемой невесте.

Большая часть действия пьесы связана со смотринами невесты, обрядом, во время которого происходила первая встреча молодых в присутствии родных. Смотрели и оценивали имущество, внешность, физические качества невесты и умение управляться с домашними делами [12, с. 82]. В пьесе Гоголя на смотрины приходит не только Подколёсин, но и другие женихи. Конфликт разрешает Кочкарёв, который, чтобы отвести соперников Подколёсина, порочит невесту перед другими женихами. Он также оговаривает женихов перед Агафьей Тихоновной. В результате традиция смотрин приобретает дополнительный комический оттенок, создавая двойную игру, в которой навеличивание соседствует с осмеянием.

С поведением невесты связана традиция свадебного причитания, когда она с горечью прощалась с девичьей жизнью, подружками и отчим домом. Дом и семья жениха в свадебных плачах представлялись чужими, а жизнь в замужестве – тяжёлой и безрадостной. При этом в причитаниях всячески подчёркивается, что девушка выходит замуж против своей воли. Монолог Агафьи Тихоновны включает в себя основные мотивы свадебного плача: «И так вот, наконец, ожидает меня перемена состояния! <...> Прощай, прежняя моя девичья жизнь! (Плачет.) Столько лет провела в спокойствии... Вот жила, жила – а теперь приходится выходить замуж! Одних забот сколько: дети, мальчишки, народ драчливый; а там и девочки пойдут; подрастут – выдавай их замуж» [3, с. 359]. Здесь мы сталкиваемся с традиционным противопоставлением девичьей жизни и замужества. Замужняя жизнь изображается полной хлопот о семье, о судьбе детей, и невеста жалеет, что не успела «повеселиться девическим состоянием» [3, с. 359]. Но плач невесты решён в комическом ключе в

связи с тем, что брачный возраст героини не совпадает с традиционной нормой: Агафья Тихоновна причитает, что «и двадцати семи лет не пробывала в девках...» [3, с. 359].

Агафья Тихоновна уже решила на брак и волнуется, что жених «долго мешкается». Она готова к венчанию, подвенечное платье давно сшито. А Подколёсин, хоть и сам говорит, что до решения жениться «был в свете самый препустой и обыкновенный человек», все больше сомневается, боится ответственности, хочет уйти от неё и сбегает, выпрыгнув в окно.

В финале пьесы персонажи констатируют несоответствие Подколёсина обрядовой роли жениха. В роли такой судьи выступает сваха: «Еще если бы в двери выбежал – ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно – уж тут просто мое почтение!» [3, с. 365] – говорит Фёкла Ивановна Кочкарёву. Нерешительный Подколёсин не готов к инициальному событию свадьбы и неспособен принять на себя новый семейный статус и новые обязанности.

Однако несостоятелен не только жених, но и его помощник, который, по словам Фёклы Ивановны, «дела свадебного не знает». Кочкарёв вмешался в естественный ход обряда и пытался женить человека, неготового к свадьбе. В результате, после бегства Подколёсина, невеста оказалась опозорена: «Арина Пантелеймоновна (подступая к Кочкарёву). Что ж вы, батюшка, в издевку-то разве, что ли? <...> Осрамить перед всем миром девушку! Я – мужичка, да не сделаю этого. А еще и дворянин!...» [3, с. 364 – 365]. Кочкарёв много хлопотал, но не позаботился о том, чтобы брачный союз состоялся.

В «Женитьбе» элементы свадебного обряда используются последовательно, не нарушая традиционной их связи в народной культуре, но канонические этапы наполняются конкретным психологическим содержанием и поведением героев, «перезревших» для свадьбы. В связи с этим формируется комический эффект несоответствия персонажей – Подколёсина и Кочкарёва – обрядовым ролям жениха и его помощника. В итоге свадьба срывается, брачный союз не заключается.

В «Ревизоре» (1836) элементы свадебного обряда, предложение и благословение молодых, попадая в контекст «ситуации ревизора», становятся частью «миражной интриги». Принятый напуганными чиновниками за уполномоченное лицо коллежский регистратор Хлестаков становится женихом дочери Городничего, Марьи Антоновны.

Хлестаков, по замечанию автора, «один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими» [4, с. 8], «без царя в голове». Женихом в свадебном обряде он становится случайно в силу своих психологических особенностей – легкомысленности, волокитства, страсти к вранью. «У меня лёгкость необыкновенная в мыслях» [4, с. 42, 44], – признаётся сам Хлестаков. Он несерьёзен, поэтому не подходит на роль жениха, как и на роль ревизора. Обе эти роли он выполняет без умысла, заранее не претендуя на них [7, с. 193 – 194]. Позднее понимание Хлестаковым ситуации дается в его письме Тряпичкину. Однако Анна Андреевна и Марья Антоновна восхищаются Хлестаковым, называют его «милашкой». Действие дополняется комиче-

ским соперничеством матери и дочери, которые спорят о том, кто из них заслужил внимание «столичной шутки».

Хлестаков не проявляет никакой инициативы вступить брак, не собирается жениться на Марье Антоновне, однако же «волочится за женой и дочкой» Городничего, как сам пишет Тряпичкину, «напропалую», предпочитая браку флирт. Он «говорит и действует без особого соображения» [4, с. 8], по ситуации. Событие обручения с Марией Антоновной происходит без какого-либо стремления или умысла со стороны Хлестакова, складываясь, с точки зрения зрителя, как недоразумение. Городничий, узнав о жалобах на него, вбегает в комнату, оправдываясь, и не сразу понимает, что «ревизор» просит руки его дочери. В традиционном отцовском благословении сквозит страх перед ожидаемым наказанием: «Да благословит вас Бог, а я не виноват» [4, с. 68 – 69].

Ситуация мнимого обручения мнимого же ревизора с Марьей Антоновной раскрывает перед зрителем новые грани характеров персонажей. Родители Марьи Антоновны воспринимают все всерьез и хватаются за предложение Хлестакова как за перспективу перемены своего социального положения. Городничий в мечтах о будущей жизни в Петербурге смело примеряет на себя роль тестя и высокий генеральский чин, который оценивает как возможность получить личную выгоду и возвыситься над другими чиновниками: «Ведь почему хочется быть генералом? потому что, случится, поедешь куда-нибудь – фельдгегеря и адъютанты поскачут, везде вперед: "Лошадей!" И там на станциях никому не дадут, все дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обе-

даешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе (заливается и помирает со смеху), вот что, канальство, заманчиво!» [4, с. 72]. «Резкий переход от низости к высокомерию» [4, с. 8], свойственный Городничему, по замечанию Гоголя, здесь наиболее заметен.

Анна Андреевна в ответ на просьбу Коробкина «оказать протекцию на службе» его сыну говорит мужу: «да ведь не всякой же мелюзге оказывать покровительство» [4, с. 78]. После разоблачения Хлестакова иллюзии и планы семьи Городничего рушатся. Анна Андреевна пытается вернуть ситуацию в лоно традиции:

«Анна Андреевна. Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машинькой...

Городничий (в сердцах). Обручился! кукиш с маслом – вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!...» [4, с. 83].

Хлестаков оказывается «сосулькой, тряпкой», а свадебный обряд, благословленный иконой, оборачивается пустышкой.

В обеих пьесах Гоголь использует многие элементы свадебного обряда, наделяя их художественным содержанием. Его герои, формально следуя обрядовым действиям, не могут соответствовать обрядовым ролям, так как не готовы взять на себя ответственность. Не становится женихом Агафьи Тихоновны Подколёсин, не сбываются планы Городничего стать тестем Хлестакова. Обряд, направленный на создание нового брачного союза для продолжения рода, не завершается, тем самым нарушается логика жизни, стремящейся к постоянному обновлению.

Литература

1. Алексеев М. П., Мордовченко Н. И., Назаревский А. А., Слонимский, А. Л. Комментарии // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937 – 1952. Т. 5. Женитьба; Драматические отрывки и отдельные сцены / ред. А. Л. Слонимский. 1949. С. 441 – 509.
2. Вишневская И. Л. Гоголь и его комедии. М.: Наука, 1976. 254 с.
3. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. Т. 3: Повести; Т. 4: Комедии / сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Виноградова, В. А. Воропаева. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 688 с.
4. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 4. / гл. ред. Ю. В. Манн; сост., подгот. текстов и коммент. И. А. Зайцева, Ю. В. Манн. М., Наука, 2003.
5. Гольденберг А. Х. Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография. Волгоград: Перемена, 2007. 261 с.
6. Жаворонкова М. Ю., Ходанен Л. А. Комплекс свадебных мотивов в цикле повестей "Вечера на хуторе близ Диканьки" Н. В. Гоголя // Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей: материалы VIII(XL) Международной научно-практической конференции / Кемеровский госуниверситет. Вып. 14. Кемерово, 2013. С. 298 – 299.
7. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во С-Петерб. ун-та, 2007. 744 с.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М.: Международные отношения, 1995. 584 с.
9. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.
10. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2009.
11. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М.: Международные отношения, 2009. 656 с.
12. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. 736 с.
13. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Восточная литература РАН, 1998. 800 с.
14. Хализев В. Е. Теория литературы: учебник. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 2002. 437 с.
15. Ходанен Л. А. Мифологема клад и мотив кладоискательства в повести Н. В. Гоголя «Вечер накануне Ивана Купалы» // Двести лет Гоголя; сб. научных работ, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. Krakow, 2011. С. 123 – 139.

Информация об авторе:

Жаворонкова Мария Юрьевна – соискатель кафедры истории и теории литературы и фольклора КемГУ, MiuZh91@mail.ru.

Maria Yu. Zhavoronkova – post-graduate student at the Department of History and Theory of Literature and Folklore, Faculty of Philology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Ходанен Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор КемГУ, Hodanen@yandex.ru.

Academic advisor: Lyudmila A. Khodanen – Doctor of Philology, Professor at Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 30.11.2015 г.

УДК 811'16

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ СВЯЗЕЙ

Л. Г. Ким, С. В. Стеванович

THE RUSSIAN LANGUAGE AS A FACTOR IN STRENGTHENING INTERNATIONAL RELATIONS

L. G. Kim, S. V. Stevanovich

В статье освещаются направления международного сотрудничества Кемеровского государственного университета с одним из старейших образовательных учреждений Сербии – Нишским университетом. Доказывается, что в эпоху глобализации невозможно получение высшего образования без тесного сотрудничества вузов разных стран, и получение филологического образования предполагает изучение славянских языков. С целью более эффективного освоения славянских языков, культуры и языкового сознания носителей изучаемых славянских языков в соответствии с заключенным договором о сотрудничестве предусмотрен и реализован целый ряд мероприятий: обмен преподавателями и студентами, реализация востребованных студенческих программ и международных научных проектов, проведение совместных научных конференций. Опыт сотрудничества двух славянских университетов позволяет утверждать, что интерес к русскому языку в Сербии, потребность в его изучении особенно возросли в последние годы в связи с укреплением не только экономических, но и культурных и научных связей. Перспективы развития научно-образовательных связей наших университетов предполагают внедрение в учебный процесс сетевой формы обучения и возможность получения нашими студентами приложения к диплому европейского образца.

The paper highlights the directions of international cooperation between Kemerovo State University and one of the oldest educational institutions in Serbia – Niš University. It is proved that in the era of globalization it is impossible to obtain higher education without close collaboration of universities from different countries, and obtaining a philological education involves the study of Slavic languages. For the purpose of more efficient acquisition of the Slavic languages, culture and the linguistic consciousness of the Slavic languages speakers, the signed agreement on cooperation provides and implements a variety of activities: exchange of teachers and students, implementation of popular student programs and international research projects, organization of joint scientific conferences. The experience of cooperation of the two Slavic universities suggests that the interest in the Russian language in Serbia, the need in its acquisition have particularly increased in recent years resulting from the strengthening of not only economic but also cultural and scientific relations. The prospects of research and educational relations between our universities involve the introduction of network learning in the educational process and the opportunity for our students to obtain the European-style diploma transcripts.

Ключевые слова: высшее образование, международное сотрудничество, русский язык, преподавание русского языка в Сербии.

Keywords: higher education, international cooperation, the Russian language, Russian language teaching in Serbia.

В условиях всемирной глобализации трудно представить развитие высшей школы без сотрудничества с образовательными структурами других стран. Что дают такие связи? Насколько они необходимы для подготовки специалистов филологического профиля? Эти и подобные вопросы обсуждаются сегодня научным сообществом в сфере высшего образования [1; 2; 4].

Студенты, получающие высшее образование по направлению «Филология» (профиль «Отечественная филология»), обязательно изучают один из славянских языков, что позволяет студенту-филологу установить закономерности между системой современного русского языка и процессами, происходившими в истории развития славянских языков, а также объяснить, как

некоторые особенности славянской системы, утраченные в русском языке, продолжают существовать в других славянских языках [5; 10].

Бесспорно, что сравнительно-сопоставительные лингвистические исследования немыслимы без обращения к носителям языка, без консультаций и совместных обсуждений с коллегами из других стран [3; 6 – 8].

В 2013 г. Кемеровский государственный университет заключил договор о международном сотрудничестве с Нишским университетом (Сербия). В рамках данного договора предусмотрен обмен преподавателями и студентами, реализация востребованных студенческих программ и международных научных проектов, проведение совместных научных конференций.

Фото 1. Декан факультета филологии и журналистики Л. Г. Ким, ректор КемГУ В. А. Волчек и зам. декана С. В. Стеванович при обсуждении с представителями Нишского университета условий договора о сотрудничестве

«Несмотря на ускоряющееся год от года взаимодействие самых разных мировых языков и культур, двум нашим славянским народам необходимо наладить самое тесное взаимодействие, чтобы не потеряться в этом потоке и четко обозначить свое место в истории прошлого и реалиях настоящего», – сказал на рабочей встрече с представителями Нишского университета В. А. Волчек.

Научные интересы русских и сербских ученых совпадают в области изучения обыденного метаязыкового сознания носителей языков. Результатом совместной работы станет реализуемый под руководством профессора кафедры русского языка Н. Д. Голевым международный научный проект – «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов». Работа над проектом позволит реконструировать этнокультурное и языковое своеобразие разных, в том числе славянских, народов и выявить базовые общекультурные и общезыковые ценности [3].

В последние десятилетия заметно возрос интерес к изучению языкового сознания носителей различных славянских языков, в том числе в сопоставительном аспекте [9; 11]. Значимость подобных исследований обусловлена тем, что они «дают возможность выявить как системность содержания образа сознания, стоящего за словом в той или иной культуре, так и системность языкового сознания носителей той или иной культуры как целого и показывают уникальность и неповторимость образа мира каждой культуры» [11, с. 295]. При этом актуальность приобретают сопоставительные исследования как межславянского характера, так и исследования, решающие задачи сопоставления славянских языков с языками, относящимися к другим группам.

Собранные международным научным коллективом материалы получили лексикографическую обработку в пробном варианте разноязычного словаря обыденной семантики бионимов, проблемные вопросы стали предметом научных дискуссий в рамках семинаров и международных научных конференций.

Традиционным становится участие преподавателей КемГУ в международной научной конференции «Наука и современный университет», проводимой в Сербии. В 2015 г. конференция объединила коллег из России, Болгарии, Франции, Германии и других стран; на 17 секциях было представлено более 150 докладов. В работе конференции приняли участие и наши ученые: доцент кафедры русского языка С. В. Стеванович и до-

цент кафедры стилистики и риторики И. А. Крым, которые познакомили зарубежных коллег с результатами своих научных изысканий – исследованием в сопоставительном аспекте метаязыкового сознания носителей русского и сербского языков.

В мае 2014 г. студенты факультета филологии и журналистики прослушали цикл лекций сербских профессоров Г. Максимовича «Поэтика сербской литературы» и Д. Марковича «Духовные и культурные связи между Россией и Сербией в диахроническом аспекте на протяжении веков». Для филологов эти лекции представляют не только познавательный интерес, но также дают возможность познакомиться с научной интерпретацией коллегами из Сербии литературных и исторических фактов, отражающих связи наших народов.

Так, для подавляющего большинства наших студентов стало открытием, что город Славянск (Украина) был образован сербами, которые переселились в Россию в 1723 г. Здесь в крепости Тор стоял сербский гусарский полк черногорца майора Ивана Албанеза. Кроме того, многие выходцы с Балкан сыграли в свое время очень важную роль в истории и культуре нашего Отечества. Достаточно вспомнить известного военачальника Отечественной войны 1812 г. генерала М. А. Милорадовича, который был потомком выходцев из Боснии и Герцеговины. Всем известно также, что герои с сербскими фамилиями нередко встречаются в русской классической литературе XVIII – XIX вв.

Фото 2. Заведующий кафедрой русского языка и литературы Нишского университета Д. Маркович читает лекцию русским студентам

Новая научная информация о тесной связи между нашими народами, представленная в цикле лекций сербских ученых, пробудила новый интерес слушателей к произведениям русской и сербской литературы и способствует иному прочтению и толкованию многих известных произведений русской классики.

Во исполнение условий договора о международном сотрудничестве Кемеровский университет командировал кандидата филологических наук О. А. Трапезникову преподавать сербским студентам историю русского языка. По словам декана факультета Г. Максимовича, наш преподаватель не только на высоком уровне ведет занятия, но и пропагандирует русский язык; организуя различные мероприятия, конкурсы, прививает интерес и любовь к языку, литературе и культуре нашего народа.

В мае 2014 г. под руководством О. А. Трапезниковой был проведен «Русский вечер» – мероприятие, посвященное 70-летию победы в Великой Отечественной войне. В центре внимания был образ женщины:

Матери, Жены, Сестры и боевой подруги. «Всех, кого взяла война, каждого солдата, проводила хоть одна женщина когда-то...» (А. Твардовский). Представление называлось по первой строчке стихотворения А. Ахматовой «И та, что сегодня прощается с милым...». Первым сценическим воплощением этого образа стала Ярославна. Образ Матери, провожающей сыновей на войну, был представлен с помощью постановки эпизода из повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Историческую и литературную ретроспективу продолжил образ Наташи Ростовой. Кульминацией вечера стали сцены по мотивам повести Б. Васильева «А зори здесь тихие». Трагическая судьба пятерых девушек растрогала всех зрителей. В завершении представления на сцене появились солдат и медсестра, которые после чтения трогательных строк из стихотворения К. Симонова «Жди меня» исполнили вальс Победы.

Фото 3. Русский вечер никого не оставил равнодушным!

С 2014 г. становятся традиционными стажировки лучших студентов нашего факультета в университете Сербии. Согласно условиям договора лучшие студенты факультета филологии и журналистики КемГУ в течение месяца смогут пройти стажировку в Нишском университете Сербии (проживание и трехразовое питание оплачивает принимающая сторона).

Фото 4. Студенты факультета филологии и журналистики на встрече с деканом философского факультета Нишского университета Г. Максимовичем (ноябрь, 2014 г.)

В мае 2014 г. сербские студенты из Панъевропейского университета «Апеирон», г. Баня-Лука Боснии и Герцеговины, впервые прошли обучение на факультете филологии и журналистики КемГУ. Это стало воз-

можным благодаря организации Международной лингвистической летней школы.

Прощаясь, Нера Рикич и Марко Давидович поблагодарили преподавателей нашего факультета за доступную подачу сложного грамматического материала, доступное объяснение всех нюансов русского языка. Иностранные гости были признательны и своим коллегам по школе за теплый прием, интересную культурную программу. «Мне Россия очень близка, наша культура очень похожа. К слову, моего отца зовут Иван, а бабушка и дедушка во время войны с фашизмом были партизанами. Очень жаль, что курс занятий всего неделю. Однако я настолько погрузилась в языковую среду, что стала думать на русском языке. Если бы не семья, которая живет в Сербии, я бы переехала к вам», – поделилась Нера.

Фото 5. Прощаясь, декан факультета филологии и журналистики Л. Г. Ким и зам. декана С. В. Стеванович вручили сербским студентам сертификаты и памятные подарки

В ноябре 2015 г. факультет филологии и журналистики получил очередное предложение от сербских коллег – декана философского факультета в Восточном Сараево, доц. Драги Мاستиловича, о расширении международного сотрудничества.

Фото 6 (слева направо). Декан философского университета (Ниш) Г. Максимович, преподаватель русского языка из КемГУ О. А. Трапезникова, декан философского факультета (Восточное Сараево) Д. Мاستилович, зам. декана М. Летич, доцент КемГУ С. В. Стеванович, И. А. Крым

Таким образом, русский язык является фактором укрепления международных связей в сфере науки и образования двух славянских университетов. С целью

более эффективного освоения славянских языков, культуры и языкового сознания носителей изучаемых славянских языков на факультете филологии и журналистики реализован целый ряд мероприятий: обмен преподавателями и студентами, реализация востребованных студенческих программ и международных научных проектов, проведение совместных научных конференций. Опыт сотрудничества наших универси-

тетов позволяет утверждать, что интерес к русскому языку в Сербии, потребность в его изучении имеет национально-исторические и научные основания. Перспективы развития этого направления мы связываем с внедрением в учебный процесс сетевой формы обучения и возможностью получения нашими студентами приложения к диплому европейского образца или двойных дипломов.

Литература

1. Владимиров В. Г. Поликультурное образование в современном мире // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 35 – 41.
2. Гашкова Е. М. Мир и язык: русский, евразийский, глобальный // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 41 – 44.
3. Голев Н. Д., Ким Л. Г., Стеванович С. В. «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков // Вестник Новосибирского государственного университета. (Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация). 2015. Т. 13. Вып. 2. С. 29 – 36.
4. Карканова А. Ж. Глобализация в современном мире и ее влияние на культуру, человека и общество // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 81 – 46.
5. Кузнецов Д. И., Симанова Н. В. Евразийство и русская культура в глобальном мире // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 96 – 100.
6. Лысакова И. П. Русский язык как инструмент формирования толерантности в эпоху глобализации // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: материалы V Международной научной конференции. Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 2012. С. 41 – 48.
7. Млечко Т. П. Формирование языковой личности в условиях билингвального образования // Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет: материалы V Международной научной конференции. Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Warszawa, 2012. С. 106 – 116.
8. Порчхидзе Б. Л., Перадзе В. В. Социокультурные аспекты в процессе глобализации // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 135 – 139.
9. Сергеева Л. А. Ценностный аспект языкового сознания (по данным русского и чешского языков) // Славянские языки и культуры в современном мире: Международный научный симпозиум: труды и материалы. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 289 – 290.
10. Смолина К. П. О глобальных и национальных векторах развития образовательного пространства в современном мире // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13 – 20 сентября 2015 г.) / ред. кол. Л. А. Вербицкая, К. А. Рогова, Т. И. Попова. В 15 т. Т. 3. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. С. 139 – 142.
11. Уфимцева Н. В. Образ мира русских: системность и содержание // Язык и культура. 2009. № 4. С. 98 – 111.

Информация об авторах:

Ким Лидия Густовна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и журналистики, заведующая кафедрой русского языка КемГУ, kimli09@mail.ru.

Lidiya G. Kim – Doctor of Philology, dean of the Faculty of Philology and Journalism, Head of the Department of the Russian Language, Kemerovo State University.

Стеванович Светлана Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка КемГУ, stevan2000@rambler.ru.

Svetlana V. Stevanovich – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Language, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2015 г.

ЖАНРОИД «ПОЭТИЧЕСКОЕ ПОСЛАНИЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ НАИВНОГО АВТОРА

(на материале текстов естественной письменной речи)

Е. А. Корюкина

GENROID “POETIC MESSAGE” IN THE WORKS OF THE NAIVE AUTHOR

E. A. Koryukina

В статье описывается письменно-речевая деятельность «наивного автора», проявленного в этой деятельности. Анализируются письменные тексты с точки зрения их принадлежности к жанроиду «Поэтическое послание». Дается характеристика близких к нему литературных жанров, таких как поэтическое послание (и его вариант дружеское послание), дружеское письмо, эпистола (письмо в стихах). Обосновывается положение, что жанровое сознание «наивного автора» не сформировано, так как формы повествования выбираются им интуитивно.

Работа выполнена на стыке трех активно развиваемых направлений современной русистики: речевого жанроведения, лингвоперсонологии и теории естественной письменной речи.

The paper describes the writing-speech activity of the “naïve author”, who is manifested in that activity. Written texts are analyzed from the point of view of their belonging to the genroide of “poetic message”. The characteristics of near-literary genres such as the poetic message (and its variant – the friendly message), friendly letter, epistle (writing in verse) are described here. The author substantiates the position that the genre consciousness of the “naïve author” is not formed, as forms of narration are selected intuitively.

The paper was accomplished at the junction of three rapidly developing areas of modern Russian language studies: speech genre theory, lingvopersonology and the theory of natural writing.

Ключевые слова: лингвоперсонология, языковая личность, жанрология, естественная письменная речь, наивный автор, жанроид, поэтическое послание, жанровое сознание.

Keywords: lingvopersonology, linguistic personality, genre theory, natural writing, naïve author, genroid, poetic message, consciousness of genre.

Данная статья посвящена жанроведческому описанию письменно-речевой деятельности наивного автора, проявленного в этой деятельности, и более конкретно – жанроида «Поэтическое послание». Под наивным автором мы подразумеваем человека, не получившего специального образования в этой области и не занимающегося речевой деятельностью профессионально.

Исследование выполнено в русле ряда **актуальных** направлений: теории естественной письменной речи (ЕПР), являющейся основным объектом изучения Барнаульско-Кемеровской лингвистической школы Н. Б. Лебедевой; лингвоперсонологии (Н. Д. Голев, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, В. П. Нерознак, Е. В. Иванцова), речевого жанроведения (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев, К. Ф. Седов).

Целью данной статьи является **анализ жанроида поэтического послания** в творчестве наивного автора. Мы предполагаем решить лингвоперсонологическую задачу: дать характеристику языковой личности с точки зрения использования ею жанровых структур. **Объектом** исследования являются тексты с тематикой послания. **Предметом** – жанровые характеристики выбранных текстов.

Исследуемый наивный автор – Касаткина Галина Петровна (далее ГПК). В данный момент ей 75 лет. Она имеет среднее образование. Работала крановщицей на заводе, уборщицей, в настоящее время – консьержка в элитном доме города Кемерово. Галина Петровна интересна нам тем, что она создаёт художественные тексты как своеобразный отзыв на многие

события, происходящие в регионе, стране и мире. Причем эти «отзывы» воплощаются в её творчестве в письменной форме в виде рифмованных и прозаических текстов, которые она, соответственно, называет «стихами» и «статьями». В исследовании мы придерживаемся «принципа гносеологической толерантности» [5], то есть не стремимся оценить знание наивным автором орфографических и пунктуационных норм. Он «имеет право писать как может, хочет и понимает» [6, с. 29 – 30]. Поэтому мы не подходим к «стихам» и «статьям» Г. П. Касаткиной со стороны их художественности, эстетической ценности. Мы рассматриваем их как проявление особого вида письменно-речевой деятельности, «предоставляя тексту возможность просто быть» [4].

Творчество наивного автора определяется тем, что жанровые критерии выделены слабо, поскольку ГП не получила специального литературного образования и владеет жанровыми формами на поверхностном уровне, то есть как любитель. Жанровую квалификацию своим текстам она даёт интуитивно (часто по просьбе собирателя-исследователя), опираясь в большей степени на их содержание (тему), нежели на структуру, форму воплощения, языковые средства и проч. Авторская жанровая квалификация условна, поскольку тексты ГП часто совпадают и по тематике, и по форме. Можно назвать такое жанровое сознание «плавающим» [7].

Поскольку перед нами не полноценные жанры художественной литературы, а их наивные воплощения, мы используем два термина: **жанр** и **жанроид**, в

зависимости от степени отдаления от общепринятого определения жанра. Термин «жанроид» был предложен К. Ф. Седовым, который определяет его как **жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров**: «...текучесть, незавершенность норм внутржанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [9, с. 321 – 332]. В нашем исследовании **жанроид** понимается как **жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же признаками – с другим каноном или же вообще не имеющими признаков литературного жанра**. Нами были выделены такие жанроиды, как «мемуарные записки», «путевые заметки», «фантазмагория», «поэтическое послание», «баллада», «диалог», «монолог», «сказка-басня», «рассказ», «наивный рефлексив», «лирические зарисовки» и другие. На сегодняшний день около 10 текстов не имеют жанровой квалификации из-за «размытой» формы и нелогично выстроенного содержания (в том числе, смысловых «перескоков»).

Материалом для нашего исследования послужило свыше 100 текстовых единиц, две из которых квалифицированы нами как **поэтические послания**. Собранные тексты являются разновидностью естественной письменной речи (ЕПР), поскольку они характеризуются присущими ей признаками:

- письменная форма бытования;
- спонтанность (неподготовленность текстов);
- любительское исполнение (непрофессиональность);
- неофициальный характер текстов;
- короткая временная дистанция между замыслом и его воплощением;
- отсутствие посторонних участников и лиц (цензуры, редакции и прочих фильтров) между замыслом и читателем [7].

Методика работы с материалом на данном этапе – соотнести тексты ГП с жанрами художественной литературы, выявить специфические жанровые признаки изучаемых текстов и определить наиболее установившиеся в ее творчестве жанроиды.

В данной статье мы более подробно остановимся на жанроиде «**поэтическое послание**» (ПП), который представлен в творчестве ГП двумя текстами: «*Основположникам воздухоплавания того времени посвящая, Циолковскому, Можайскому, Жуковскому по радиодинамике, Попову и Королеву по космонавтике*» и «*Олигарху Прохорову Михаилу от Прохоровой Галины Петровны. 650070, г. Кемерово, ул. Свободы, д. 11 ФПК, дежурной*».

Поскольку понятие жанроид предполагает синтез нескольких жанров, дадим характеристику близким литературным жанрам: поэтическое послание и его вариант дружеское послание, дружеское письмо, эпистола (письмо в стихах).

Под «**поэтическим посланием**» в литературоведении понимается **древнейший жанр монологической поэзии, большое стихотворение, в котором**

поэт, как бы беседуя с адресатом, высказывает свои суждения по какому-либо важному вопросу [3].

С. Ю. Артёмова определяет поэтическое послание как лирический жанр, в котором воплощается ситуация письменного (реже – устного) диалога с условным или реальным адресатом. Это один из древнейших жанров, в котором, как правило, высказывается суждение по какому-либо важному для пишущего вопросу. Жанровой доминантой послания является коммуникативная ситуация, предполагающая наличие «идеального» собеседника, становящегося alter ego пишущего. Такая ситуация обуславливает особое «сокровенное» содержание и особый код сообщения, понятный пишущему и адресату, «тело письма» как вид контакта и «личностный» контекст послания. «Независимо от жанровой декларации (эпистола, письмо, собственно послание), послание содержит прямую (называние жанра) или косвенную (указание адресата или адреса) авторскую маркировку жанра в заглавии» [1].

В «собственном послании» на первый план выступает сама ситуация общения, рефлексия пишущего по поводу акта коммуникации. Адресат может быть **конкретным** (А. С. Пушкин «К Дельвигу»), **обобщенным** (Я. Смеляков «Письмо к другу-стихотворцу») и даже **фиктивным** (Н. М. Языков «К халату»). Отсюда возникли разновидности поэтического послания – «высокое» (адресат – государственный человек, важное чиновное лицо) и «дружеское» (адресат – частное лицо). Поэты также могли обращаться к богам, героям, историческим деятелям прошлого. Адресатами иногда становились животные («Собаке Качалова» С. А. Есенина) и неодушевленные предметы (например, у Пушкина есть послание «К моей чернильнице»). В этих случаях адресат превращался в условность, становился просто поводом для выражения мыслей и чувств поэта [10].

Выделим основные **черты жанра ПП**:

- 1) эпистолярный стиль речи, характерный для частной переписки;
- 2) дружественный тон;
- 3) обращение к собеседнику;
- 4) торжественность, «высокая» лексика;
- 5) зависимость выбора темы (содержания) от адресата.

Дружеское послание отличается адресатом: обращено к друзьям, что определяет его домашний характер. Исследователь жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века Л. М. Пастушенко пишет: «Как свободный, неканонический жанр, оно легко вмещает различное содержание – от дружеского подтрунивания до серьезных размышлений на общественные или философские темы (например, пушкинские послания к Чаадаеву). Дружеское послание часто становилось жанровой формой для элегии, застольной песни, легкого назидания, шуточного панегирика или иронической притчи» [10]. В эпоху романтизма жанр дружеского послания был близок к **дружескому письму**.

Термин «**дружеское письмо**» закрепился за письмами, относящимися к художественной литературе. В отличие от частных неофициальных (друже-

ских) писем, являющихся средством общения лиц, изначально автором письма предназначались для публикации или чтения в салонах, то есть были ориентированы на полиадресата и выполняли не функцию общения, а прежде всего эстетическую функцию, как и всякое художественное произведение. Н. И. Белунова рассматривает дружеское письмо в качестве разновидности частного неофициального письма, являющегося средством общения и выделяет его основные **черты**, являющиеся жанрообразующими, что позволяют квалифицировать дружеское письмо в качестве эпистолярного жанра:

- 1) полифункциональность,
- 2) политематичность,
- 3) синтез элементов различных функциональных стилей,
- 4) отражение особенностей речевого этикета,
- 5) специфическая структура, формализованная границами, фиксирующими начало и конец письма,
- 6) наличие обязательной реализации коммуникативно-прагматической оси «Я – Ты»,
- 7) диалогизация,
- 8) подготовленность речи,
- 9) отбор языкового материала.

С точки зрения учёного, «политематичность текста дружеского письма, а также преобладание коммуникативной интенции над информативной сближает его с естественным (устным) диалогом. В то же время дружеское письмо существенно отличается от последнего, поскольку представляет собой письменную форму речи, опосредованный характер общения» [2].

Рассмотрим жанр-сосед дружеского письма, **эпистола**.

Эпистола – литературное произведение, обычно стихотворное, в форме письма, где излагаются суждения автора по поводу определенного предмета [3]. Эпистола может содержать описание каких-либо событий, отступление в прошлое, авторские выводы, иногда – шуточные замечания, вопросы или пожелания к адресату. К основными чертами эпistolы относятся:

- 1) наличие композиции:
- а) уважительное «высокое» обращение в начале текста,
- б) основная часть, в которой раскрывается содержание письма,
- в) концовка, где суммируется написанное,
- г) «постскриптум»/приписка;
- 2) доверительная форма изложения;
- 3) диалогичность;
- 4) основная функция – коммуникативная.

Из словарных статей видно, что термины «эпистола» и «дружеское письмо» близки по значению. Исходя из приведённых выше толкований жанров, дадим характеристику исследуемым текстам.

Текст **«Основоположникам воздухоплавания того времени посвящаю...»** написан в столбик, разбит на строфы (части). В первой части мы видим три обращения: к К. Э. Циолковскому, А. Ф. Можайскому, С. П. Королёву. Во второй части – размышления автора и обращение к чиновникам как к властителям ресурсов. Намерение высказывания и его реали-

зация не совпадают: в названии автор перечисляет всех адресатов послания – «больших людей», символов эпохи, к которым хочет обратиться. В итоге категория адресата расширяется от **конкретного** в заголовке послания (Циолковский, Можайский, Жуковский, Попов, Королёв) до **обобщенного** в самом тексте: *«Космонавты! / Вы люди большого полёта»*. Личное обращение к собеседнику, являющееся типичным для жанров послания и дружеского письма (например, у А. С. Пушкина: *«Друг Дельвиг, мой парнасский брат»*, *«Подруга думы праздной, чернильница моя»*, у С. А. Есенина: *«Дай, Джим, на счастье лапу мне»*, *«Ты жива еще, моя старушка?»*), отсутствует. Однако автор считает необходимым прославить героев своего творчества (старая традиция жанра послания), хотя читателю неясно, кого подразумевает автор под словом «предки», т. к. предполагаемый адресат «послания» – А. Ф. Можайский, русский военный деятель, контр-адмирал, изобретатель, пионер авиации. В части «послания», где речь идёт о С. П. Королёве, наивный автор также выделяет учёного (конструктор, главный организатор производства ракетно-космической техники и ракетного оружия СССР) из «толпы» других космонавтов, трижды повторяется в тексте местоимение «Вы», написанное с большой буквы. Автор намеренно не сообщает об открытиях, сделанных К. Д. Циолковским, полагая, что «весь мир» знает он них. Предложение «И удивил!» звучит как некий итог работы: «чудо» совершено.

Вторая часть «послания» – размышления автора и обращение к чиновникам, начинающаяся с вопроса, на первый взгляд риторического, но ГП даёт на него ответ: *«Куда теперь еще стремиться человек? Ответ. В супер-век»*. Есть указание – намёк автора на другие цивилизации (данная тема встречается и в других текстах ГПК, имеющих различную жанровую квалификацию) и призывы, гражданские лозунги. Вторая часть – это своеобразный вывод: XX век – век технологических открытий, которые продолжатся в XXI веке, если чиновники не будут мешать науке и «ужимать ресурсы».

Особого упоминания заслуживает концовка: *«Ну, ладно от дела отвлеклась»*. Этот несколько неожиданный выход автора в реальную действительность является, как мы полагаем, характерным признаком естественной письменной речи: тексты вписаны в повседневное бытие, граница между миром литературы и миром реальной жизни прозрачна, поскольку для ЕПР вообще характерна организация текста по аналогии с организацией мыслительной структуры. Таким образом, наивный автор не всегда контролирует своё ментальное поведение и «выходит в реальность». Подобные «выходы» встречаются и в текстах других жанроидов [7]. Имеют место быть трудно квалифицируемые авторские реплики, не вписывающиеся в общий контекст: *«Машина времени отсчёт ведёт Не пожалеет. Она вам сюрпризы принесёт. Мозг человека работает сполна Вот, где Циолковского слова!»*. Мы называем такие реплики «поток сознания» и скажем о них в выводах.

Таким образом, текст «Основоположникам...» является жанроидом, поскольку в нём наблюдаются черты сходства с жанрами:

а) **эпистолы** – присутствие композиции и уважительное обращение (прославление);

б) **послания** – «высокая лексика»;

в) **дружественного письма** – полифункциональность (синтез художественно-эстетической, коммуникативной и исповедальной функций), политематичность, синтез функциональных стилей (разговорного и художественного), сочетание «высокой» и «низкой» лексики.

Однако жанр «размывается», не удерживается в рамках канонов рассматриваемых нами жанров:

1) намерение обратиться есть в заголовке, а самого обращения в тексте нет;

2) лозунги восторженно-романтического плана и «высокая лексика» перемежаются с «низким» стилем: *«Рождается дело»* / *«Совершат великое чудо»* / *«Да будет память...»* / *«По зову сердца профессия Ваша сложна / Покорили судьбу небеса / Вам выпала честь в это прекрасное время / Обживать, изучать там места»* / *«Как язык вошла»*. Такая черта не допустима для послания, но приемлема для дружеского письма;

3) отсутствие диалогичности: текст не ориентирован на получение ответа и сам не является ответом;

4) морализаторская стилистика обращений к чиновникам «роднит» данный текст с басней;

5) тональность текста скорее почтительная, чем дружественная;

6) форма изложения не является доверительной. Автор не сообщает о себе никаких фактов, «не секретничает» с адресатом, что часто встречается в жанре дружеского письма.

Второе «послание» более конкретно в отношении указания на адресата. Обращением *«Михаил!»* автор ставит себя на одну ступень с собеседником, намекая о возможном родстве (указывает девичью фамилию в заголовке: *от Прохоровой*), говорит об общих «родовых» чертах: *«Древо предков родства, я не знаю. Но нити в Прохорове чувствую есть. Вечно в движении, нет время присесть»*. О себе автор пишет, употребляя 4 раза местоимения *я*, и один раз пишет о себе во множественном числе, подразумевая, видимо, народ русской деревни: *«Зато услышим радостный крик петуха»*.

Текст имеет сходство с жанром **эпистолы**: 1) наличие композиции: а) обращение в начале текста, б) основная часть, в которой автор выражает просьбу-пожелание: *«Я встречи с Вами желаю. О деревни разговор поведу. Дадите финансы. Я их подниму»*, в) отступление в прошлое: *«Я помню, когда-то она процветала. Пели по ночам петухи»*. Однако описание деревенской жизни происходит в жанровой форме, близкой к лирической зарисовке (внутренние переживания автора, создание картины идиллической гармонии деревенской жизни: *«Надеюсь, Вы ответесь. Не оскудеет Ваша рука. Зато услышим радостный крик петуха. Петяка красиво поёт. С ним деревня России живет. Девка с длинной косой в траве обмывает пятаки росой»*); но больше тяготеет к жанру **дру-**

жеского письма. Это подтверждают найденные в тексте **черты**.

1. Полифункциональность: художественно-эстетическая, исповедальная функции.

2. Политематичность: «послание» начинается с обращения и указания на основную – общественную – мысль. Текст написан в лирической тональности, что несколько контрастирует с его темой: ГП просит средства у племянника на «поднятие» русской деревни. Так происходит смешение общественной установки во благо народа и личностно-субъективного плана.

3. Синтез элементов различных функциональных стилей: художественного и разговорного.

4. Отражение особенностей речевого этикета: автор показывает своё уважение собеседнику, используя местоимение **Вы**, написанное с заглавной буквы и его формы: Вас, Вами, Ваша (рука) (встречается в тексте 5 раз).

5. Подготовленность речи.

6. Отбор языкового материала.

Из нехарактерных для жанра дружеского письма можно выделить следующие особенности. Текст имеет расплывчатую структуру, не фиксирующую его смысловые части, отсутствует абзацное деление. Диалогичность отсутствует, поскольку преобладающая функция – исповедальная (функция общения заложена, по нашему мнению, только в интенции автора). Как и в тексте «Основоположникам...» автору важно не то, что её «послание» дойдёт до адресата, конкретного человека (в данном случае до Михаила Прохорова), а сама адресация поэтического текста. Таким образом, можно сделать вывод о жанровой гибридности этого текста.

Отдельного внимания достоин фрагмент послания со словами Ломоносова о завистливом «удивлении европейцев» нашему изобию. Он носит природу, трудно квалифицируемую в жанровом отношении (итог, мораль, постскрипtum, комментарий), что свидетельствует также о жанровой гибридности этого произведения. Помимо этого фрагмента из текста выбивается фраза: *«Вечно в движении, нет время присесть»*. Мы полагаем, что так автор пишет, скорее, о себе, возвращая себя «в реальность», как и в тексте «Основоположникам...» (*«Ну, ладно от дела отвлеклась»*). Такие трудно квалифицируемые в жанровом отношении «выходы в реальность» и «потoki сознания» встречаются и в других текстах ГПК, что позволяет говорить о таких чертах наивного автора, как:

1) расплывчатое жанровое сознание, неспособность автора находиться внутри жанровых и стилевых рамок;

2) «гипертекстовость»: повторение ключевых тем-установок (чаще всего гражданской и мистической тем, пронизывающих всё творчество наивного автора), взгляд «сверху» на общемировые события, «панорамное зрение», установка-мысль о себе как о человеке-медиуме (мессианство), соединяющим, подобно мосту, два полярных мира: реальный и ирреальный (мир сна, мистики), а также человек, входящий в мир известных людей, символов эпохи, некий проводник от простого народа к сильным мира сего. Последняя мысль находит подтверждение в тексте «Основопо-

ложникам...», где ГПК ставит себя на одну ступень с чиновниками – людьми, которые «в средствах обеднели», «ужимают ресурсы», «в карман положили», сам является проводником, связывая их с богами-учёными: Циолковским, Можайским, Королёвым;

3) оппозиционность мышления ГПК, проявленная через текст. В исследуемых в данной статье «посланиях» нами были выделены следующие оппозиции:

а) учёные – чиновники (небо – земля),

б) реальность – мистика,

в) простой народ – олигархи (бедные – богатые).

Г. П. Касаткина – «маленький человек», живущий глобальными идеями. Записывая себя, свою жизнь в мировую «книгу», она выполняет свой гражданский долг, «делает дело». Автор не повествует о событиях, она, гордясь современниками, воспекает их как героев, желая вписать своё видение мира в общемировое бытие, оставить свой след и повлиять на будущее.

Литература

1. Артёмова С. Ю. Поэтическое послание: бытование и смещение жанра // Вестник ТвГУ. (Серия: Филология). Вып. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2008. № 14. Т. 27. С. 164 – 167.
2. Балунова Н. И. Дружеское письмо в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в школе. 2000. № 1. С. 75 – 78.
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. энцикл., 1966. 376 с.
4. Козлова Н. Н., Сандомирская И. И. "Я так хочу назвать кино". "Наивное письмо": опыт лингво-социологического чтения. М.: Гнозис; Русское феноменологическое общество, 1996.
5. Лебедева Н. Б. Толерантность и естественная письменная речь // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. М., 2005. С. 278 – 288.
6. Лебедева Н. Б., Зырянова Е. Г., Плаксина Н. Ю., Тюкаева Н. И. Жанры естественной письменной речи: Студенческие граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка. М.: КРАСАНД, 2011. 256 с.
7. Лебедева Н. Б., Корюкина Е. А. Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект // Вестник Томского государственного университета. (Серия: Филология). 2013. № 3. С. 11 – 23.
8. Лебедева Н. Б. «Естественность» как базовый признак неканонизированной (неофициальной, обыденной, повседневной) письменной речи // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика: сб. материалов II Междунар. науч. конф. Красноярск, 10 – 12 сентября 2007 г. Красноярск, 2007. С. 175 – 181.
9. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: ЛАБИРИНТ, 2011. 336 с.
10. Пастушенко Л. М. Становление жанра дружеского послания в русской поэзии конца XVIII века (М. Н. Муравьев, Н. М. Карамзин) // Вестник КРАУНЦ. (Серия: Гуманитарные науки). 2012. № 2(20). С. 78 – 86.
11. Словарь литературных терминов. Режим доступа: <http://litm.ru/book/export/html/262>

Информация об авторе:

Корюкина Екатерина Александровна – учитель русского языка и литературы МАОУ «Гимназия № 42», соискатель кафедры стилистики и риторики КемГУ, korka89@mail.ru.

Ekaterina A. Koryukina – teacher of the Russian Language and Literature in Gymnasium № 42, post-graduate student at the Department of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель: Лебедева Наталья Борисовна** – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики и риторики КемГУ, член-корреспондент СО МАН ВШ, nlebedevab@yandex.ru).

Academic advisor: Natalya B. Lebedeva – Doctor of Philology, Professor at the Department of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University, corresponding member of International Higher Education Academy of Sciences).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ДИАЛОГ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ:
ФРАНЧЕСКО ФЕРРУЧЧИ В МОНОГРАФИИ В. К. ПИСКОРСКОГО И РОМАНЕ Ф. Д. ГВЕРРАЦЦИ**
А. Ю. Кудрявцева

**DIALOG OF HISTORY AND LITERATURE: FRANCESCO FERRUCCI IN THE STUDY BY
V. K. PISKORSKY AND THE NOVEL BY F. D. GUERRAZZI**
A. Yu. Kudriavtseva

Целью данной статьи является выявление специфики образа итальянского полководца XVI века Франческо Ферруччи как исторической фигуры и литературного персонажа. Используя метод сравнительного анализа, автор привлекает в качестве материалов исследования научную монографию российского историка В. К. Пискорского и исторический роман итальянского писателя-романтика Ф. Д. Гверрацци. В качестве основного периода сравнительного исследования образа Ферруччи выступают последние годы существования и падения Флорентийской республики 1527 – 1530 гг. Рассматриваются важнейшие аспекты личности Франческо Ферруччи и специфика их изображения в научной монографии и историческом романе. Новизна и актуальность данной работы заключаются, прежде всего, в малой степени изученности произведений итальянского писателя эпохи романтизма Ф. Д. Гверрацци в отечественном литературоведении, в частности, центрального романа его творчества «Осада Флоренции», заглавным героем которого по праву считается героический полководец и защитник Флорентийской республики Франческо Ферруччи. Таким образом, в результате данной работы были выявлены основные специфические черты образа Ф. Ферруччи как исторической фигуры и литературного персонажа, обусловленные жанровой спецификой итальянского исторического романа эпохи романтизма.

The paper aims to identify the specifics of the figure of the Italian military leader of the 16th century, Francesco Ferrucci, as a historical figure and a novel character. Using the method of comparative analysis, the author draws as the materials of research a scientific monograph by the Russian historian V. K. Piskorski and a historical novel by the Italian romantic writer F. D. Guerrazzi. The last years and the fall of the Florentine Republic, 1527 – 1530, are considered as the main period of the comparative study of the figure of Ferrucci. The critical aspects of the personality of Francesco Ferrucci and the specifics of their representation in the scientific monograph and the historical novel are considered. The novelty and relevance of this work consist in a lack of study of the works of Italian writer of Romanticism F. D. Guerrazzi in the Russian literary criticism, in particular, of his central novel – "Siege of Florence", the main character of which is considered to be a heroic military leader and defender of the Florentine Republic Francesco Ferrucci. Thus, as a result of this work the main specific features of the figure of F. Ferrucci as a historical personage and a literary character, conditioned by the genre specifics of the Italian historical novel of Romanticism, were identified.

Ключевые слова: Ф. Д. Гверрацци, В. К. Пискорский, Ф. Ферруччи, Ф. Сассетти, осада Флоренции, исторический роман.

Keywords: F. D. Guerrazzi, V. K. Piskorsky, F. Ferrucci, F. Sassetti, the siege of Florence, historical novel.

Фигура Франческо Мариотто Ферруччи (1489 – 1530) занимает значительное место в итальянской истории: величайший военачальник средневековой Италии, борец за свободу Флорентийской республики XVI века, – таков образ, запечатленный в многочисленных исторических памятниках этой эпохи, а также в значительных произведениях итальянской литературы. Имя Франческо Ферруччи упоминается даже в тексте официального гимна Италии, написанного Гоффредо Мамелли. Интересные наблюдения возникают в процессе сравнительного анализа исторической фигуры Франческо Ферруччи, представленной в научной монографии российского историка В. К. Пискорского «Франческо Ферруччи и его время. Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527 – 1530)» (1891), и Ферруччи – персонажа романа «Осада Флоренции» (1836) итальянского писателя-романтика Ф. Д. Гверрацци.

В своей монографии Владимир Константинович Пискорский, привлекая многочисленные исторические документы (свидетельства современников, биографии Франческо Ферруччи итальянских авторов XVI в., в том числе главного биографа Ферруччи – Филиппо Сассетти [6], а также письма самого Ферруччи), рассматривает этапы становления личности будущего ге-

роя Флорентийской республики, начиная с раннего детства. Не вдаваясь в подробное описание родословной, историк лишь упоминает, что Франческо Ферруччи – потомок старинного флорентийского рода, обедневшего в XV в.

Большое внимание автор монографии, опираясь на свидетельства биографов Ферруччи, уделяет прежде всего описанию его личности и характера: «В трудах он обнаруживал выносливость, в обращении был прост и скромен, в отношении к врагам высказывал великодушие»; «он не выносил пустой болтовни и чуждался общества людей, которые не могли ни о чем рассуждать серьезно; если случайно и приходилось ему попадать в такую компанию, он не долго оставался в ней и спешил скрыться оттуда, но так, чтобы никого не оскорбить своим удалением» [3, с. 15]. По свидетельству историков Ф. Сассетти и Д. Джаннотти, «друзья любили его (*Прим. автора: Ф. Ферруччи*), как искреннего человека, у которого что на душе, то и на языке» [6, с. 371; 5, с. 44].

Подобно российскому историку итальянский автор при описании образа полководца Ферруччи обращается к тем же историческим источникам и биографам Франческо Ферруччи: Филиппо Сассетти и Доннато Джаннотти. Однако в романе «Осада Флоренции»

Ф. Д. Гверрацци мало интересует подробный психологический и биографический портрет Франческо Ферруччи. В 17 главе второго тома писатель избирательно описывает героическую родословную персонажа: «Он происходил из древнего рода, выдвинувшегося во время второго народного правления во Флоренции <...> Доблесть была в нем наследственной» [2, с. 38], выделяя в происхождении то, что становится доминирующей чертой характера Ферруччи. Цитируя свидетельства биографа Ферруччи Донато Джаннотти, Гверрацци сжимает до одной фразы одновременно описание жизни и оценку личности героя: «Человек замечательный и достойный быть прославленным всеми, кто ненавидит тиранию и любит родину так же, как и он, понесший ради нее столько трудов и лишений и наконец положивший за нее свою жизнь» [2, с. 38]. Отметив, что общественную деятельность будущий полководец начал лишь в 38 лет, в период восстановления Флорентийской республики, Гверрацци так поясняет скромное положение своего персонажа: «...мы постоянно видим в истории, что в обыкновенные и спокойные времена у власти стоят люди с высоким положением, в смутные же времена к ней призывают доблестных мужей, которых потом по миновании опасности либо свергают, либо убивают» [2, с. 40]. В тексте романа ощутима характерная для творческой позиции Гверрацци дидактическая риторика, морализаторство, склонность к выведению общих исторических закономерностей. В романе герой впервые предстает перед читателем в сцене смерти Никколо Макиавелли, после событий мая 1527 г., когда была вновь свержена тирания Медичи и во Флоренции в последний раз восстановилась республиканская форма правления с конституцией Савонаролы 1494 г. В следующей главе читатель видит Ферруччи уже в период активных боевых действий республики против нашествия армии Карла V в 1529 г., во время осады города Ареццо войсками принца Оранского. Примечательно то, как кропотливо описывает автор изменение состояния героя, когда Ферруччи видит знамя врага, водруженное над городом вражеским всадником: «Кто бы мог теперь узнать Ферруччи? В расширенных глазах горят зрачки, лицо почернело от прилившей крови; вздутые жилы натянулись; схватив могучими руками кулеврину, он поворачивает ее так, как ему нужно, с такой же легкостью, как меч или такое же ручное оружие; сосредоточив во взгляде всю свою душу, он прицеливается с напряженным вниманием, наводит кулеврину и страшным голосом кричит: «Пали!» [1, с. 106], и смертоносное ядро попадает в живот имперского всадника. В вопросах защиты Флорентийской республики Франческо Ферруччи великодушен и беспристрастен, он оправдывает сдавшего Ареццо войску принца Оранского комиссара Альбицци, предоставив ему шанс в дальнейшем оправдаться в глазах родной республики: «...на опыте начинал он (Прим. автора: Альбицци) понимать возвышенность его духа и, сравнивая себя с ним, чувствовал, как в нем поднимаются противоречивые страсти, – преклонения перед Ферруччи, стыда за себя, раскаяния, позора и страха» [1, с. 125]. После кратковременной службы комиссаром в г. Прато совместно с Лоренцо Содерини, в октябре 1529 г. Ферруччи назначают комиссаром в Эмполи. Получив письмо от Совета Десяти с приказанием немедленно отправиться из Прато в Эмполи,

Ферруччи сообщает о срочных сборах своему спутнику и боевому товарищу, сыну покойного Никколо Макиавелли Лодовико Макиавелли. Услышав в ответ от юноши неготовность отправиться тотчас же, Ферруччи в гневе восклицает: «Пусть отец прогонит из дома, как ублюдка, пусть возлюбленная отвернется, как от подлеца, от того, кто в час нужды родины своей думает о чем-то ином, помимо родины...» [1, с. 530].

Мало внимания уделяет автор «Осады Флоренции» статическому описанию внешности Франческо Ферруччи: «Ферруччи был ... хорошо сложен, но не выдержал бы этих тяжких трудов, если бы сила духа не придавала ему необычайной энергии» [2, с. 411]. Напротив, в монографии В. К. Пискорского представлен подробный статический портрет героя, логически завершающий описание его личности: «Наружность Ферруччи вполне гармонировала с его характером. Он был высокого роста, строен и прекрасно сложен; члены его отличались гибкостью и соразмерностью; вся фигура дышала энергией и мощью. Несколько женственные черты овального лица, свежий цвет которого свидетельствовал о здоровье, орлиный нос, блестящие карие глаза, над которыми нависали черные брови, тонкие нервные губы и густые, черные, как смоль, волосы, спадавшие из-под берета на самые плечи, делали наружность Ферруччи и чрезвычайно оригинальной, и привлекательной» [3, с. 16].

Прибыв комиссаром во флорентийский город Эмполи, Ферруччи проводит в городе масштабные фортификационные работы, снабжает город боевыми снарядами и съестными припасами. Благодаря стараниям Франческо Ферруччи Эмполи обеспечивал провиантом и снарядами осажденную Флоренцию и служил для нее мощным тылом. «Из этой, сравнительно ничтожной, военной силы он сделал все то, что было в пределах человеческой возможности. Солдаты были дисциплинированы самым строгим образом, они любили и, в то же время, боялись своего начальника; в сражениях обнаруживали такую самоотверженность, какой трудно было ожидать от наемников. Влияние Ферруччи на солдат было неотразимо; героизм комиссара действовал обаятельно на его сподвижников; они всячески старались вызвать своим поведением одобрение со стороны любимого вождя» [3, с. 159], – заключает В. К. Пискорский. Но несмотря на строгость и требовательность к своим солдатам, «отношения Ферруччи к солдатам, так же как и к местному населению, были в высшей степени гуманны. Раненым он спешил доставить врачебную помощь и сам ухаживал за ними. Население г. Эмполи, которое встретило его с выражениями самой неподдельной радости, было вполне ограждено от насилия и грабежей со стороны солдат Ферруччи, с отеческою заботливостью вникавшего во все нужды и беды подданных Флоренции» [3, с. 161], – добавляет автор монографии. Интересно, как пишет об управлении городом сам Ферруччи в своих «Письмах» [4]: «Мне не верится, что есть еще в республике место, где к жителям относятся с таким же уважением, как в моем городе» [4, с. 87].

Пребывание Франческо Ферруччи в Эмполи отражено и в романе Ф. Д. Гверрацци. Кратко описав деятельность персонажа в управляемом им городе, автор акцентирует внимание читателя на отдельных поступках Ферруччи, выразительно описывающих его жиз-

ненную позицию. Однажды, когда жалование из Флоренции не приходит солдатам в Эмполи, Ферруччи, разорвав драгоценную цепь на шее, отдает ее в уплату жалования со словами, не лишенными тщеславия: «Оттого, что я сильнее, чем вы, люблю свою страну сильнее, справедливость требует, чтобы я был щедрым ради нее. <...> Только мое имя сохранится, быть может; ваше же умрет вместе с вами» [2, с. 44]. Как только Синьория сообщает, что больше не в состоянии посылать деньги на содержание Эмполи, Ферруччи начинает активно заниматься хозяйственной деятельностью, «из полководца превратившись в купца», но не забывая при этом и свои основные обязанности военачальника.

Стремление к военной славе подталкивает Франческо Ферруччи к ответным атакам на врага, нередко помогая отвоевывать целые территории, ранее принадлежавшие Флорентийской республике. При этом автор «Осады Флоренции» идеализирует образ комиссара, наделяя его почти сверхъестественными чертами: «Во всех этих схватках судьба охраняла Ферруччи как бы неведомым щитом: он не получил ни одной раны, ни одной царапины, как будто был божьим избранником»; «самая жизнь Флорентийской республики и свобода всей Италии, казалось, зависели от биения сердца Ферруччи» [2, с. 48]. Убежденность героя в своей избранности и богоподобии подтверждается в романе красноречивым внутренним монологом: «Ликуй, – говорил он душе своей. – Прежде чем бабочка взмахнула крылами, она была червяком; может быть, и тебе дана человеческая оболочка до того, как ты засверкаешь звездой на небосклоне; будь же ею уже на земле, чтобы небо тебе позавидовало» [2, с. 51].

Вслед за Эмполи Ферруччи получает звание комиссара города Вольтерры. Отправляясь в поход на оккупированную имперскими войсками Вольтерру, Франческо Ферруччи обращается к солдатам с пламенной, но лаконичной речью, автор «Осады» выразительно иллюстрирует ораторский талант героя и его качества истинного вождя: «Если из ваших рук выпадет знамя, на вашу шею падет секира тирана. Свобода Флоренции запечатлена на вашей голове – одна не может удержаться без другой» [2, с. 257]. И что также характерно для истинного вождя: «Солдаты любили Ферруччи больше, чем родного отца» [2, с. 259]. Когда Ферруччи удается отвоевать бастионы Вольтерры, он наводит порядок в городе, пресекая солдатские грабежи и разбой. Единственной фразы «Кто я? – Я Ферруччи» хватает, чтобы вызвать ужас в глазах солдат: «Смелость покинула самых дерзких; и они не в силах были выдержать этого вида; воцарилось глубокое молчание» [2, с. 281].

Франческо Ферруччи абсолютно беспристрастен и по отношению к близким родственникам: когда он приказывает собрать богатых людей Вольтерры, чтобы отдать часть имущества на содержание войска, в числе алчных богатеев, прятавших свои деньги, он захватывает в плен также своего родного дядю – папского комиссара Таддео Гвидуччи: «Мессер Таддео, если бы я не боялся сделать неугодное богу, запятив себя родственной кровью, я не задумался бы сейчас же пресечь вам вместе с жизнью всякую возможность совершать дальнейшие злодеяния» [2, с. 291]. В ответ на меркантильный упрек дяди в бессмысленности его действий Ферруччи гордо заявляет: «Одобрение моей собствен-

ной совести я предпочитаю похвале тысячи поколений» [2, с. 292], тем самым подчеркивая свою богоизбранность и оторванность от мира простых смертных. Однако военные успехи героя не дают покоя завистливым врагам: военачальник Фабрицио Марамальдо, возглавляющий императорское войско, решает осадить крепость Вольтерры. Описывая сцену осады, Гверрацци придает образу Франческо Ферруччи сакральное звучание: «Ферруччи среди дыма и пороха командовал невозмутимо, – ... весь исчезал в дыму и только голос его гремел, как голос бога, когда он давал Моисею на горе Синай свои законы» [2, с. 301]. Тяжело раненный в ногу и истекающий кровью Ферруччи оказывается от какой-либо врачебной помощи, восклицая: «Не стоит ... у меня хватит еще крови, чтобы спасти республику» [2, с. 307].

Менее патетично и вдохновенно описывает этот эпизод в своей монографии В. К. Пискорский: «В облаках дыма, весь покрытый потом и пылью, Ферруччи словом и примером воодушевлял своих людей к защите; сам сражаясь, как простой солдат, он смело отражал врагов, силившихся проникнуть в город через брешь. Вдруг метко пущенная пуля ударила ему в ногу. Ферруччи не в силах был удержаться на ногах и грохнулся оземь. Но он не потерял присутствия духа и тотчас же велел посадить себя на носилки; отсюда отдавая различные распоряжения сражающимся, он приказывал переносить себя с одного места на другое – туда, именно, где дело было особенно жарко» [3, с. 172]. Приступ города был героически отражен.

Наладив положение дел в Вольтерре, раненый Ферруччи решает направиться в сторону Флоренции. Игра случая задерживает полководца в Пизе: оттуда он получает срочное послание Совета Десяти о резком ухудшении положения Флоренции, осажденной войском принца Оранского, и произносит судьбоносную фразу, задействованную в сочинениях обоих авторов: «Идем умирать!» [6, с. 467]. Тем временем в городах, оставленных Ферруччи под командование других комиссаров, согласившихся предать родную республику в интересах личной безопасности, власть захватывает отряд военачальника Марамальдо.

Развязка истории близка. Подойдя вплотную к окрестностям осажденной Флоренции, войско Франческо Ферруччи вступает в последнюю решающую битву при Гавинане. Обращение Ферруччи к своему отряду перед боем напоминает разговор Христа с апостолами: «Солдаты, не оставьте меня в сей день» [2, с. 480]. По мнению Гверрацци, посвятившего описанию кровопролитной битвы при Гавинане отдельную главу, «эта битва была достойна Гомера» [2, с. 498]. Тяжело раненный в бою, в числе последних оставшихся в живых, Франческо Ферруччи продолжает сопротивляться, в нем не угасает боевой дух: «Тяжелая рука смерти уже ложилась на веки умирающего Ферруччи, но, сильный духом, он старался сбросить с себя эту тяжесть и устремлял к окну сверкающий как молния взор» [2, с. 502 – 503]. Когда умирающего Ферруччи приносят к главе победившего отряда Фабрицио Марамальдо, в ответ на требование последнего просить прощения и повиноваться императору Ферруччи остается непреклонным. Сознание собственного превосходства над врагом не покидает его даже в минуты смерти: «Жалкий человек, ты дрожишь... Вот... ты убиваешь мертвого» [2, с. 508].

Умирая, Ферруччи удается уронить имперское знамя и, торжествуя, завернуться в него, подобно савану. «Из кого же составил бы всевышний венец своих святых, если бы душе Ферруччи не было места на небе?» [2, с. 509], – этой фразой завершает автор портрет «идеального» военачальника Франческо Ферруччи.

Описание поведения Ферруччи в битве при Гавинане и ее финала, представленные автором исторической монографии, во многом созвучны роману «Осада Флоренции» Ф. Д. Гверрацци. Однако, в отличие от писателя-романтика, склонного видеть в образе флорентийского героя идеализированного персонажа-патриота, лишенного характерных черт конкретной эпохи, В. К. Пискорский вводит образ Франческо Ферруччи в общеполитический и исторический фон, менталитет XVI столетия: ссылаясь на монографию итальянского историка Паскуале Виллари [7], он пишет, что «в военном и политическом искусстве этого времени недоставало той нравственной силы, которая одна состояла бы в сообщении человечески душам устойчивость. Франческо Ферруччи, как военный деятель, а Франческо Кардуччи, как политический, обладали этой устойчивостью и величием своих моральных сил несколько смягчают мрачный колорит XVI в., озаменованного повсюду кровавыми ужасами и извращенными понятиями о нравственном долге и назначении человеческой личности». По мнению автора монографии, именно фигура Франческо Ферруччи является ярким выразителем новаторской философии Возрождения: «Свободная и самоопределяющая личность его не отделила собственных интересов от общественных; напротив, она подчинила их последним и освятила чувством долга и чести. Из людей, которых дала истории эпоха Воз-

рождения, мы можем назвать одного только Савонаролу, который, по цельности своей натуры, по полному отсутствию внутренних противоречий, занял бы место рядом с Ферруччи; оба они <...> обнаружили в своей деятельности одинаково страстное и героическое самоотречение в пользу общего дела» [3, с. 16].

Таким образом, в результате сравнительного анализа образа Франческо Ферруччи как исторической фигуры, рассмотренной на материале монографии В. К. Пискорского, и литературного персонажа романа «Осада Флоренции» Ф. Д. Гверрацци обнаруживаются как сходства, так и значительные различия. Очевидно внимание обоих авторов к общим историческим закономерностям при описании характера и поступков Ф. Ферруччи, попытка логически обосновать особенности становления личности итальянского полководца – героя Флорентийской республики. В то же время, обращаясь к одним и тем же историческим источникам, историк и писатель по-разному их используют: в то время как первый стремится к научной точности, подробности и объективности, второй нередко жертвует достоверным описанием в пользу художественной выразительности, концентрированности, что во многом обусловлено спецификой итальянского исторического романа эпохи романтизма. Созданный в годы борьбы итальянского народа за национальную независимость, роман «Осада Флоренции» был призван пробудить патриотический дух итальянцев, воспевая важнейшие события героического прошлого Италии. А идеализированный, наделенный сакральными чертами образ итальянского полководца должен был послужить ярким примером индивидуального героизма и преданности родной республике.

Литература

1. Гверрацци Ф. Д. Осада Флоренции: в 2-х т. / пер. С. В. Герье. М.-Л.: Academia, 1934. Т. 1. 629 с.
2. Гверрацци Ф. Д. Осада Флоренции: в 2-х т. / пер. С. В. Герье. М.-Л.: Academia, 1935. Т. 2. 677 с.
3. Пискорский В. К. Франческо Ферруччи и его время. Очерк последней борьбы Флоренции за политическую свободу (1527 – 1530). Ленанд, 2014. 208 с.
4. Ferrucci F. Lettere di Francesco Ferrucci // Vita di Francesco Ferrucci scritta da Filippo Sassetti coll'aggiunta della lettera di Donato Giannotti a Benedetto Varchi sulla vita e sulle azioni di esso Ferrucci e con un saggio delle sue lettere ai Dieci della guerra. Milano: G. Daelli, 1863. 98 p.
5. Giannotti D. Opere politiche e letterarie. Firenze: Le Monnier, 1850. Vol. 1. 415 p.
6. Grassini I. "La tradizione cinquecentesca dell' "Assedio di Firenze" // Il romanzo della storia. Pisa: Nistri-Lischi, 1986. 342 p.
7. Mazzini G. Frammento di lettera di G. Mazzini sull' "Assedio di Firenze" // Scritti letterari editi e inediti. Imola, Galeati, 1906. 409 p.
8. Rosa G. Il romanzo melodrammatico. F. D. Guerrazzi e la narrativa democratico-risorgimentale. Firenze, La Nuova Italia, 1990. 279 p.
9. Sassetti F. Vita di Francesco Ferrucci // Vite di uomini d'arme e d'affari del secolo XVI. G. Barbera, Firenze, 1866. 601 p.
10. Villari P. Niccolo Machiavelli e i suoi tempi. Successori le Monnier, Firenze, 1877. Vol. 1. 574 p.

Информация об авторе:

Кудрявцева Аминат Юсуповна – аспирант кафедры истории зарубежной литературы Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, aminamag@yandex.ru.

Aminat Yu. Kudriavtseva – post-graduate student at the Department of the History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Пахсарьян Наталья Тиграновна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы МГУ им. М. В. Ломоносова, natapa@mail.ru.

Academic advisor: Nataliya T. Pahsaryan – Doctor of Philology, Professor at the Department of the History of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 25.01.2016 г.

**ДИСКУРСИВНАЯ ОБРАБОТКА КУЛЬТУРНОЙ ЧУЖЕРОДНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРНОМ НАРРАТИВЕ (на материале романа I. Brezna “Die undankbare Fremde” (2012))
Е. Ю. Микалаускайте**

**DISCURSIVE TREATMENT OF CULTURAL OTHERNESS IN THE LITERARY NARRATIVE
(the material of the novel “die undankbare fremde” (2012) by I. Brezna)
E. Yu. Mikalauskayte**

В статье анализируются способы дискурсивной обработки культурной чужеродности, рассматриваемые в работе в качестве основной функции литературно-нарративной коммуникации в фокусе межкультурного взаимодействия. Исследование проводится на материале немецкоязычного романа чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde» (2012). В рамках работы выделено несколько функций литературно-нарративной коммуникации в условиях ситуации межкультурного взаимодействия. Основной функцией названа дискурсивная обработка культурной чужеродности, включающая комплекс языковых и культурно-конвенциональных средств для рефлексии процесса адаптации. В тексте эта функция реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. Вторая функция литературного нарратива – минимизация стресса адаптации и его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира. Третья функция – трансфер ментального опыта реального автора или повествователя. Четвертая функция заключается в преодолении стереотипного представления о культуре мигрантов у культурно-языковых носителей.

The paper investigates the methods of discourse treatment of cultural otherness stipulated to be the main function of literary and narrative communication, with respect to intercultural interaction. The study is based on I. Brezna's masterpiece «Die undankbare Fremde» (2012) written in German. Several literary and narrative multicultural communication functions are identified in this text. Discourse representation of otherness is supposed to be the key function of the communication. That latter comprises a set of linguistic and cultural means for the representation of a reflex of adaptation process. The text exhibits this function at the lexical level through the implementation of a few semantic oppositions, pronoun deixis and description of some specific topics. The syntax level manifests in peculiarities of the formal text pattern, as well as in chronology. The second function of a literature narrative is minimization of adaptation stress due to its interiorisation through the development of secondary concept linguistics universe. The third function is a transfer of mental experience of a real author or narrator to a reader. The fourth function is overcoming the stereotypization towards migrants' culture among the native speakers of a language.

Ключевые слова: нарратив, литературно-нарративная коммуникация, культурная чужеродность, дискурсивная обработка, межкультурная адаптация.

Keywords: narrative and literary narrative communication, cultural otherness, discursive process, intercultural adaptation.

Целью данной статьи является изучение способов дискурсивной обработки культурной чужеродности в рамках литературного нарратива. В качестве материала для исследования был выбран роман чехословацкой писательницы И. Брежна «Die undankbare Fremde» (2012) [7]. Писательница пережила опыт эмиграции, в детстве переехав с семьей из Чехословакии в Швейцарию вместе с многочисленными беженцами. Пережитый опыт писательница выразила в художественном тексте, пытаясь понять и осмыслить процесс адаптации в чужой культуре. Концептуально мы рассматриваем данный художественный текст как литературно-нарративную коммуникацию, контекст которой обусловлен межкультурным взаимодействием.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют труды в области нарратологии В. Шмида, Й. Брокмейера, Р. Харре, М. Б. Бергельсон, В. А. Андреевой, коммуникативные исследования в межкультурном контексте Т. А. ван Дейка, А. П. Садохина, Л. В. Куликовой, О. А. Леонтович.

Литературная коммуникация, как и всякая коммуникация, предполагает взаимодействие Я и Другого. Такая связь в художественном тексте проявляется на нескольких уровнях: на внешнетекстовом как диалог между автором и читателем, на внутритекстовом – между повествователем и персонажами или между самими персонажами. При этом под повествователем понимается, по терминологии В. Шмида, рассказчик, или, в западной традиции, нарратор – адресант фиктивной нарраторской коммуникации. Нарратор не тождественен конкретному автору – реальной исторической личности, создателю произведения. Читатель, согласно Шмиду, – это адресат фиктивного нарратора, наррататор. Он также не тождественен реальной личности, читающей текст в определенный временной отрезок. Это, скорее, образ идеального читателя [1].

Термин «нарратив» в настоящей статье определяется как тип формирования дискурса, стратегия текстопорождения. Литературный нарратив как текст

является продуктом этой стратегии и осмысливается в категориях нарративности и литературности.

Вслед за В. А. Андреевой, обобщившей накопленные знания в нарратологических исследованиях, нарративность мы рассматриваем как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [2, с. 65]. Нарративность представляет собой широкоупотребительный способ текстообразования, однако в нарративных текстах практически всегда можно обнаружить следы других стратегий, например, дескриптивности, перформативности и др. Такое предположение создает представление о полидискурсивных текстах, однако не отменяет преобладания одной стратегии. Тексты, в которых основной стратегией является нарративность, обладают рядом критериев. К ним относятся степень и форма выявленности повествователя (от 1-го или 3-го лица), повествовательная перспектива, предполагающая «всеведущего» автора или же повествователя с ограниченной «точкой зрения», а также критерий модуса. Центральной категорией нарратива является понятие события, объединяющее как «рассказываемое событие», так и «событие рассказывания».

Литературно-нарративная коммуникация – сложный феномен, обеспечивающий разные функции, в частности на данном материале, позволяющие автору – как повествователю и как реальному человеку – достичь определенных целей в соответствии с его основной интенцией – преодолеть культурную чужеродность.

Проведенное исследование позволяет выделить несколько функций литературного нарратива, реализующиеся в ситуациях межкультурного взаимодействия.

В качестве основной мы рассматриваем дискурсивную обработку культурной чужеродности, под которой понимается комплекс коммуникативно-языковых средств для рефлексии процесса адаптации и вербального трансфера пережитого опыта с целью преодоления негативной аккультурации. Понятие дискурсивной обработки было введено в работах Л. В. Куликовой, С. Б. Белецкого (2011), Я. В. Поповой (2014) [5].

Вторая функция литературного нарратива – минимизация стресса адаптации, а также его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира. Картина мира повествователя – сначала маленькой девочки, затем взрослой женщины – формируется в условиях адаптации к новой культуре. Вербализация этого опыта позволяет и повествователю/реальному автору, и читателю осознать этот процесс.

Третья функция выражается в том, что литературный нарратив способствует трансферу ментального опыта реального автора/повествователя. Текст ориентирован на идеального читателя, нуждающегося в понимании или готового понять сложности процесса

адаптации, осмыслить проблемы, пережитые героями, и перенести чужой опыт на собственную жизнь.

Четвертая функция заключается в преодолении стереотипного представления о культуре мигрантов у культурно-языковых носителей (*nativespeakers*). Текст, описывающий бытовые ситуации ежедневного взаимодействия с представителями иной культуры, предлагает читателю объяснительный ресурс, расширяет фоновые знания о привычках и особенностях другой культуры, которые вызвали непонимание, неприязнь, жалость со стороны носителей культуры.

Настоящая статья посвящена изучению особенностей реализации первой функции исследуемой нарративной коммуникации – а именно способам дискурсивной обработки межкультурного опыта разными средствами языка, текста и дискурса. Автор, создавая литературный текст, пытается осознать пережитый процесс адаптации в новой культуре, конфликт в оппозиции «свой-чужой».

Исследуемое художественное произведение представляет собой нарратив, состоящий из ряда небольших историй, расположенных в хронологическом порядке. Истории отделены друг от друга дополнительными повествовательными структурами, описывающими случаи из переводческой практики уже взрослой героини. Включенные нарративные блоки в тексте выделены курсивом.

Основной текстовый ряд может быть представлен в виде повторяющейся модели: ситуация взаимодействия героини с представителем/явлением/артефактом чужой культуры + рефлексия героини. Вторая часть модели отражает процесс осмысления ею реальности в оппозиции «свой-чужой»: любую ситуацию столкновения с другой культурой героиня категоризует, сравнивая две культуры и противопоставляя родную лингвокультуру неродной.

Эта рефлексия дискурсивно обрабатывается в тексте на нескольких уровнях: языковом (лексическом, синтаксическом) и культурно-конвенциональном.

На лексическом уровне чаще всего представлена семантическая оппозиция, выражаемая через местоименный дейксис. Эта оппозиция является трехчастной, поскольку героиня противопоставляет себя как своей родной культуре, так и чужой. Поэтому она часто употребляет личные местоимения „*ich*“, „*wir*“, „*sie*“. Родину героиня называет „*Heimatland*“ («*Родина*»), „*mein Land*“ («*моя страна*»), для чужой страны выбирает слово „*fremd*“ («*чужой*»), а также использует метафору «старый муж» – „*mein Mann*“: „*Die Welt war in „Ich“ und „Das fremde Land“ zerbrochen. Ich nannte es „mein Mann“.* Wenn ich meinen Mann anschaute, sah ich, was er nicht sah“ [3, s. 18]. («Мир раскололся на «я» и «чужой край». Я называла его «мужем». Взглянув на «мужа», я видела то, чего не видел он» [4, с. 24 – 25]). Две политические системы также получают различные номинации, находящиеся в оппозиции: «*Diktatur*», „*autoritärer Staat* vs „*Demokratie*“, „*freie Bürger*“. Про себя она говорит: „*Zu jung war ich für dieses erwachsene, vernünftige Land*“ [3, s. 33]. («Я была слишком юной для этой взрослой и рассудительной страны» [4, с. 47]). Не

только антонимическая лексика выражает отношения противопоставления, это можно наблюдать также на уровне высказываний в микроконтекстах. Продолжая описывать оппозицию «я» – «чужое», героиня рассказывает о занятиях по немецкому языку: „Doch sicher war nur die Langweile, die mich befiel. Der Lehrer machte es vor, er erklärte langatmig, was er in der Unterrichtsstunde durchnehmen würde, und verwirklichte Punkt für Punkt seinen Vorsatz. Ich sehnte mich nach Überraschungen, mochte so sehr dieses Wort, in dem es überrasch zuing, und störte den Unterricht mit Einfällen“ [3, s. 28]. («Но с уверенностью можно было утверждать лишь одно: мне было невыносимо скучно. Учитель следовал образцу, неторопливо рассказывая о том, что будет на уроке, и шаг за шагом выполняя свой план. А мне так хотелось неожиданностей, так нравилось это слово, которым отрицалась томительная данность, что я прерывала урок внезапными предложениями» [4, с. 39]). В приведенной цитате манера ведения урока у учителя названа „langatmig“ – долгой, скучной, а также использован оборот „Punkt für Punkt“, иллюстрирующий стремление учителя неукоснительно следовать плану занятия. В противопоставление существительному „die Langweile“ («скука») автор подбирает слово „die Überraschung“ («неожиданность») для описания собственного отношения к урокам.

Героиня, познавая новый язык, остро чувствует разницу в значениях слов и в их употреблении: „Ich konnte mich an diese Grobheit nicht gewöhnen, versuchte das Nein in ein feines Vielleicht oder ein begeistertes Ja umzuwandeln“ [3, s. 53]. («Мне было трудно привыкнуть к такой грубости, я старалась превратить «нет» в утонченное «может быть» или в воодушевленное «да» [4, с. 76]). Она подчеркивает непривычный для неё подбор слов в чужой культуре: „Die Radikalität des „Ich liebe dich“ mochten die Dialekte nicht. Das höchste aller Gefühle: „I ha di gärn“ benutzte man auch für das Müesli“ [3, S.30] («Говорящие на диалектах избегали грубого «я люблю тебя». Выражением высшего чувства оказывалась фраза «мне с тобой легко», употреблявшаяся и по отношению к мюсли» [4, с. 43]). Нормальное для её культуры прямое выражение любви в чужой культуре передается через лексему „die Radikalität“ («радикальность»).

Сформировать представление о разности культур автору помогают многочисленные образные сравнения: „Sie hielten die Zeit an kurzer Leine, und meine Zeit war ein steiler Schwalbenflug. Kaum holte ich weit aus, schon öffneten sie den Terminkalender. Nicht nur am Bankschalter, auch auf der Parkbank trugen sie den engen Zeitanzug, legten das Jackett nicht ab. Die Uhr war das Urbild, nach dem der Mensch geschaffen wurde“ [3, s. 54]. («Они держали время на коротком поводке, а мое время ласточкой взмывало вверх. Стоило мне размахнуться о будущем, как они раскрывали ежедневник. Не только у окошка в банке, но и на скамейке в парке они не снимали узкого временно го костюма, не оставались в рубашке. Часы служили образом, по которому был создан человек» [4, с. 77]). Немецкий фразеологизм „an kurzer Leine halten“ и метафора

„ein steiler Schwalbenflug“ позволяют героине описать различное отношение ко времени в двух культурах.

Еще одно образное описание выражает чувствительность героини к чужому языку: „Und meine Sprechweise in der neuen Sprache war verdächtig zerklüftet. Ein Fehler geschah, ein Loch tat sich auf. Die Einheimischen mochten geglättete Verhältnisse, zubetonierte Löcher“ [3, s. 22]. («Моя манера изъясняться на новом языке тоже была подозрительно обрывиста. Каждая ошибка походила на разверстную дыру. А здесь ценили гладкие отношения, любые дыры тщательно бетонировались» [4, с. 30]). В противопоставлении именной части составного сказуемого „zerklüftet“ («разорванный, обрывистый») и определения „geglättete“ («выглаженный») снова подчеркивается уже названное стремление героини к неожиданности, непредсказуемости.

На синтаксическом уровне организация нарратива позволяет автору осмыслить опыт через использование формальных параметров. Например, особое внимание может быть уделено хронологии текста.

Хронологический порядок выстраивается таким образом, чтобы отдельный фрагмент нарратива, в котором героиня рассказывает о трудностях переезда, адаптации или коммуникации, был связан с дополнительной включенной историей. Героиня взаимодействует с представителями своей этнической группы, которые испытывают те же самые трудности, что и она в детстве. Работая с ними, она пытается передать им свой опыт, а также с помощью своей внутренней речи осмысливает его.

Кроме хронологической организации текста большую роль для дискурсивной обработки опыта играет выбор тематических блоков для повествования. Героиня описывает свою первую работу в качестве разносчицы газет, первый неудачный поход в кино с подружкой, покупку мебели для нового дома.

Когнитивное освоение нового мира и культуры происходит через познание повседневных бытовых конвенций, их оценку и релевантность для неё и её культурных визави. Например, когда героиня с мамой выбирают подержанную мебель для нового дома. Хозяин мебели дарит девочке коврик, который ей понравился. Она замечает: „Er tat es, ohne zu seufzen und ohne mir ein entriegelnden Kuss auf die Stirn zu drücken. So lernte ich, dass gute Gefühle hier getarnt und geräuschlos wie Partisanen unterwegs waren“ [3, s. 17]. («Не последовало ни вздоха, ни смачного поцелуя в лоб. Так я поняла, что добрые чувства здесь скрываются и маскируются, как партизаны» [4, с. 23]). В этой маленькой, казалось бы, незначительной истории автор вербализует важное культурное противопоставление: материальный мир против духовного. Она дальше рассуждает: „In einer dieser Nächte fand ich heraus, dass ich reich war, ich besaß etwas, was dem sich schämenden Mann fehlte: Ich hatte ein tragisches Schicksal. Ich musste mich weder sorgen, es zu verlieren, noch um seine Wertsteigerung bemüht sein. Ein tragisches Schicksal war ein stabiler Besitz“ [3, s. 17]. («В одну из таких ночей я поняла, что богата. У меня было кое-что, чего не было у стыдливого хозяина дома: трагическая судьба. С ней не было хлопот по продаже, по

набиванию цены. *Трагическая судьба – незыблемое имущество*» [4, с. 23]). Позже героиня решила прикормить бездомную кошку во дворе. Соседи запрещали ей это делать, поставили табличку „*Katzen füttern verboten*“ («*Кормить кошек запрещено*»). Бытовая ситуация вызвала в сознании героини мысли о новом противопоставлении и разности пониманий: ограниченность и свобода: „*Wie ich in mitten der umzäunten Welt ins Rasenkam! <...> Und sie schoren mir kahl und verpackten mich in sterile Döschen. Nein. Ihrer Zwangsneurose stellte ich meine Hysterie entgegen, rannte schreiend davon. Die wilde Natur auf zugeben-hieße, nicht mehr zu sein*“ [3, с. 41]. («*Как же ярилась я посреди этого огражденного со всех сторон мира! <...> Они подстригли меня наголо и расфасовали по стерильным баночкам. Нет. Их принудительному неврозу я противопоставляла свою истерию, с воплем бежала от них. Уступить им дикую природу значило перестать быть*» [4, с. 58]). Все эти истории сопровождаются ситуациями общения с представителями чужой культуры, в качестве кульминации имеют культурно-коммуникативный конфликт, а финал каждого фрагмента – рассуждение героини, вербализация её опыта.

Непонимание между героиней и «чужаком» основывается на разных причинах: языковая некомпетентность героини в первые годы эмиграции, стереотипно-настороженное отношение со стороны местных жителей, сопровождающееся, с одной стороны, жалостью или состраданием к героине, а с другой – откры-

той агрессией и ненавистью: „*Manche kannten ganze Zug- und Busfahrpläne auswendig. Bald galt ich als unzuverlässig, als unfähig, mir die Öffnungszeiten der Fremdenpolizei zu merken*“ [3, с. 28]. («*Некоторые наизусть знали график движения поездов и автобусов. Вскоре я прослыла неблагонадежной, неспособной запомнить часы работы иммиграционной полиции*» [4, с. 39]).

Итак, в рамках данной статьи делается попытка выделить функции литературно-нарративной коммуникации в контексте межкультурного взаимодействия и способы дискурсивной обработки культурной чужеродности. Основной функцией названа дискурсивная обработка культурной чужеродности, включающая комплекс языковых и культурно-конвенциональных средств для рефлексии процесса адаптации. В тексте эта функция реализуется на лексическом уровне через использование ряда семантических оппозиций, местоименного дейксиса, описание определенного круга тем. На синтаксическом уровне это выражено в особенностях формального устройства текста, а также хронологического порядка. В качестве функций также выделяется минимизация стресса адаптации и его осмысление через формирование вторичной концептуально-языковой картины мира; передача ментального опыта, как реального автора, так и повествователя, преодоление стереотипной оценки носителей языка и культуры о мигрантах как представителях чужой культуры.

Литература

1. Андреева В. А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 46. С. 61 – 71.
2. Брежна И. Неблагодарная чужестранка. М.: Эксмо, 2014. 192 с.
3. Белецкий С. Б., Куликова Л. В. Патернализм в институциональной коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 182 с.
4. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении: монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 288 с.
5. Попова Я. В. Коммуникативная обработка табуированных речесмыслов в институциональном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2014.
6. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
7. Brezna I. Die undankbare Fremde. Verlag Galiani Berlin, 2012. 140 s.

Информация об авторе:

Микалаускайте Елизавета Юлипоновна – магистрант отделения иностранных языков Института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета по программе «Лингвистика и межкультурная коммуникация», emikalauskaite@yandex.ru.

Elizaveta Yu. Mikalauskaite – Master's Degree student at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University.

(Научный руководитель: Куликова Людмила Викторовна – доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, kulikova_l@list.ru.

Academic advisor: Ludmila V. Kulikova – Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ЖАНРА БИЗНЕС-ПРЕЗЕНТАЦИИ
В СВЕТЕ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ БИЗНЕС-ЛИНГВИСТИКИ**

С. В. Оленев, Н. А. Ширкина

**ON RESEARCHING THE GENRE OF BUSINESS PRESENTATION
IN THE LIGHT OF ACTUAL PROBLEMS OF BUSINESS LINGUISTICS**

S. V. Olenev, N. A. Shirkina

В работе обсуждаются проблемы исследования бизнес-презентации как нового жанра делового общения. Изучение данного жанра соотносится с проблематикой бизнес-лингвистики – актуального междисциплинарного направления современного языкознания, ориентированного на изучение различных форматов коммуникации в сфере бизнеса. Рассматривается актуальная проблематика бизнес-лингвистики. Дается характеристика жанра бизнес-презентации с точки зрения особенностей коммуникативной ситуации, целей и средств речевого воздействия, оказываемого предпринимателем на потенциального инвестора. На основе обзора научной литературы по теме исследования делаются выводы о необходимости дальнейшего изучения бизнес-презентаций.

The paper discusses the problems of researching business presentation as new genre of business communication. Studying of this genre corresponds to the business linguistics perspective – the actual interdisciplinary direction of modern linguistics focused on studying of various formats of communication in the sphere of business. The actual perspective of business linguistics is considered. The characteristic of the genre of business presentation from the point of view of features of the communicative situation, the purposes and means of the speech impact made by the businessman on the potential investor are exposed. On the basis of the review of scientific literature on the subject of the research, conclusions about the need for further studying of business presentations are drawn.

Ключевые слова: бизнес-презентация, бизнес-дискурс, деловое общение, презентация, речевое воздействие, речевая коммуникация.

Keywords: business presentation, business discourse, business communication, presentation, speech influence, speech communication.

Развитие предпринимательства в постсоветской России привело к увеличению числа форм деловой коммуникации, обслуживающей процессы сотрудничества между фирмами, предприятиями, взаимодействие органов государственной власти с народом и предпринимательским сообществом, с зарубежными партнерами, а также между предпринимателями и их потенциальными инвесторами. Отвечая на запрос коммуникативной практики, в кругу гуманитарных дисциплин не так давно появилась отрасль науки о языке и коммуникации, происходящей в сфере бизнеса. Об относительной молодости данной отрасли лингвистики «свидетельствует хотя бы тот факт, что среди ученых не сложилось общепринятого обозначения данной области научно-лингвистического знания, а отдельные её аспекты (теория и практика рекламы, административно-коммерческого подстиля официально-делового стиля, языковой личности лидера и предпринимателя, управляющей коммуникации, делового общения и переговоров и т. д.) до сих пор находятся в ведении других (и не только лингвистических) дисциплин» [4, с. 16]. До сих пор не сложилось общепринятое обозначение данного научного направления дисциплины, поэтому имеет смысл кратко рассмотреть несколько вариантов предполагаемой терминологии.

В работах отечественных ученых мы можем встретить такое понятие, как «бизнес-лингвистика». В англоязычных научных работах существует направление, связанное с описанием взаимодействия индивидов, преследующих внеязыковые цели получения финансовой выгоды, имеет наименование «business discourse research» (букв. «исследования бизнес-дискурса»). К 1990-м гг. начинается активное исследование языка де-

лового общения западноевропейскими и американскими учеными, которые обнаруживают недостаточную изученность коммуникации в сфере бизнеса и приходят к необходимости создания специальной отрасли языкознания и коммуникативистики – бизнес-лингвистики. В начале XXI века «актуальными становятся работы, затрагивающие традиции ведения бизнеса, которые сложились или складываются у восточных партнеров (например, в России) и особенно в азиатских лингвокультурах – в Японии, Китае, Южной Корее, Малайзии, Таиланде, Вьетнаме» [4, с. 17].

Ю. В. Данюшина предлагает следующее определение: «бизнес лингвистика – наука, изучающая функционирование языка и использование языковых ресурсов в бизнес-деятельности, исследующая языковые составляющие делового общения» [3, с. 7]. Из данного определения можно сделать вывод, что «бизнес-лингвистика», являясь только развивающимся направлением, уже является научной дисциплиной в рамках прикладной лингвистики.

Бизнес-лингвистика имеет огромную практическую значимость, которая заключается в том, что она может послужить инструментом в изучении таких дисциплин, как теория и практика рекламы и PR-технологии, менеджмент, экономика и т. д., которые непосредственно связаны с деловым дискурсом и речевым воздействием. Кроме того, переход к информационному обществу предопределил развитие бизнес-сферы, в которой ежедневно человек является потребителем товаров и услуг, поэтому знания бизнес-лингвистики помогут осознать подлинный смысл социально-экономической и рекламной политики. Из сказанного следует ряд задач «бизнес-лингвистики»:

1) сотрудничество с отечественными компаниями для повышения имиджа, воздействуя на общественное мнение с помощью речевых приемов и коммуникативных механизмов; 2) повышение коммуникативной эффективности в сфере бизнеса; 3) развитие лингвистической компетенции отечественных специалистов в сфере управления, бизнеса и экономики.

Бизнес-лингвистика является междисциплинарной наукой, соединяя в себе, с одной стороны, методы и понятия лингвистики и, с другой стороны, знания об устройстве и функционировании экономической системы. Отсюда и вытекает важность данной дисциплины в различных сферах (экономика, реклама, менеджмент и т. д.). Ю. В. Данюшина выделяет основные объекты, исследуемые бизнес-лингвистикой: бизнес-дискурс; организационная, корпоративная и управленческая коммуникация; устное, письменное и технически-опосредованное деловое общение (вербальное, паравербальное и невербальное), его типология и жанровая классификация; профессиональные подязыки бизнес-сферы; учебно-академический язык бизнеса, экономики, менеджмента, применяемый в учебных пособиях, академических и научно-популярных публикациях, лекциях и тренингах деловой тематики, языковом консалтинге и коучинге; язык бизнес-медиа (печатных и электронных СМИ по бизнес-проблематике); язык PR, рекламы и маркетинга, специальные языковых техники продаж и телемаркетинга (включая методики нейро-лингвистического программирования и психо-вербального манипулирования); лингвопрагматика в бизнес-контексте (аргументационно-персуазивные техники проведения презентаций, совещаний и переговоров; коммуникативные стратегии и применение языковых ресурсов в мотивации, отборе и оценке персонала и иных управленческих задач); бизнес-риторика; бизнес-лексикография (лексикографирование бизнес-терминологии, составление тезаурусов бизнес-лексики); тексты документов (документная лингвистика); межкультурная бизнес-коммуникация (в т. ч. на иностранных языках) [3, с. 7].

Исследование бизнес-презентации как особой формы общения в сфере бизнеса предполагает обращение к таким проблемным областям бизнес-лингвистики, как бизнес-риторика и лингвопрагматика в бизнес-контексте, поскольку именно они предполагают изучение механизмов речевого воздействия, используемых бизнес-оратором для убеждения потенциального инвестора в необходимости предоставления средств или партнёра – в необходимости заключения контракта на тех или иных условиях.

Жанр привлек наше внимание, так как в последние годы получил развитие новый формат бизнес-коммуникации под названием «фандрайзинг» – «процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и т. д.), которые организация не может обеспечить самостоятельно и которые являются необходимыми для реализации определенного проекта или своей деятельности в целом» [11]. Главной формой проявления фандрайзинга является презентация предпринимателями своих проектов. Под презентацией (от лат. *praesentatio* – представление, предъявление) обычно понимают официальное, торжественное представле-

ние вновь созданной компании, фирмы, проекта, программы, продукции, товара СМИ, общественности, потенциальным потребителям. Как считают исследователи данного жанра (С. Б. Ребрик и др.), презентация проводится «с целью оказать на слушателей убеждающее воздействие и побудить их к действиям, которые прямо или косвенно выгодны выступающему или тем, кто его представляет» [10, с. 8].

В сфере делового общения бизнес-презентация является оригинальным жанром, функционирующим для того, чтобы отобразить индивидуальный имидж, новизну, перспективы его развития. Цель бизнес-презентации – изменить взгляды, личностные установки работодателей, инвесторов. Бизнес-презентацию следует относить к информативно-императивному речевому жанру, поскольку оратор должен воздействовать на аудиторию, установив коммуникативный контакт с помощью вербальных и невербальных средств. Выгода, которую преследует оратор, обуславливает использование различных форм воздействия на публику, в том числе и речевого. Под речевым воздействием понимается «использование особенностей естественного языка с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на адресата» [9].

Бизнес-презентация – публичный жанр. В качестве адресата речи может фигурировать как коллектив специалистов определённой области (инвесторы, коллеги, партнёры), так и широкая аудитория смешанного типа. В зависимости от ситуации может изменяться степень осведомлённости аудитории и степень её заинтересованности в содержании речи автора.

Жанр бизнес-презентации возник в российской коммуникации относительно недавно, поэтому еще не получил полного теоретического описания в парадигме других речевых жанров, однако необходимость обучения данному формату бизнес-коммуникации уже осознана со всей определенностью [5; 6]. На данный момент существует дефицит литературы, в которой были бы представлены научные труды об исследуемом жанре. Рассмотрим несколько работ, в которых есть лишь некоторые аспекты исследований жанра бизнес-презентации.

Монография Ю. В. Данюшиной «Бизнес-лингвистика» [3] посвящена методологии исследования бизнес-лингвистики и деловому общению в Интернете. Бизнес-лингвистика рассматривается как новое направление прикладной лингвистики, представлена многоаспектность данной науки, введены термины для понимания основного содержания дисциплины. З. И. Гурьева в книге «Речевая коммуникация в сфере бизнеса» [2] обращает внимание на проблему коммуникативной компетенции, которая является крайне важной для современной деловой личности, считает, что в информационном обществе обмен информацией должен проходить эффективно, и для этого существуют определенные способы и приемы. Таким образом, данные книги дают общие представления о бизнес-дискурсе, основных методах изучения, понятиях, а также в них обращено внимание на проблематику изучения данного направления.

Рассмотрим ряд исследовательских работ отечественных ученых. Например, исследование Тхи Занг

Нгуен [7] выполнено в русле жанроведческих работ. С точки зрения автора, «Бизнес-презентация представляет собой такое рациональное деловое общение, которое преследует цель сформировать у делового партнера (руководства, сотрудников, потребителей и т. п.) новые ценностные ориентации (изменение личностных установок, взглядов, убеждений, переориентация целей) в профессиональной деятельности» [7, с. 65]. Особое внимание в работе уделено общим закономерностям функционирования текста бизнес-презентации в деловом общении. Автором предложены теоретические и методологические основы изучения жанров в современном русском языке, поднимается проблема определения жанра «бизнес-презентация». Развивая положения концепции речевого жанра М. М. Бахтина и жанровой модели Т. В. Шмелёвой, автор выделяет конкретные жанрообразующие признаки бизнес-презентации и рассматривает разнородные языковые и паралингвистические средства, функционирующие в бизнес-презентациях. Осуществленный анализ позволяет сделать важный вывод о том, что «жанр бизнес-презентации обладает широким диапазоном языковых возможностей. Речевая специфика жанра бизнес-презентации определяется персуазивностью, задачей оказать на слушателей убеждающее воздействие и побудить их к действиям, которые прямо или косвенно выгодны выступающему или тому, кого он представляет. Для достижения этой цели жанр бизнес-презентации предполагает наличие полного спектра языковых и неязыковых средств, умелое владение которыми обеспечивает реализацию прагматических целей презентации» [7, с. 70].

В статье «О некоторых способах речевого воздействия в тексте бизнес-презентации» [8] этого же авто-

ра выделены вербальные средства воздействия, отдельно названы средства, способствующие вовлечению публики в процесс презентации товара, услуги или компании: 1) экспрессивные возможности синтагматики, 2) широкая адъективация, 3) использование личных местоимений 1 и 2 лица, 4) когизивные средства, 5) инверсия, 6) градация, 7) диалогизация, 8) авансирование, 9) прием создания проблемной ситуации, 10) прием личной истории, 11) прием языковой игры [8, с. 127].

Работа Т. В. Артемовой «Функционирование нарратива в бизнес дискурсе (на материале презентаций бизнес-идей кемеровских предпринимателей на проекте «Стань предпринимателем за 60 дней»)» [1] представляет исследование особенностей риторических стратегий, которые использует оратор в презентации бизнес-идеи. Автор рассматривает реализацию нарратива в жанре бизнес-презентации, который способен преобразовывать факт в событие, обладающее рядом характеристик, обеспечивающих влияние нарратива, в результате чего бизнес-идея преподносится в наиболее наглядном, зримом виде, что усиливает положительное впечатление потенциальных инвесторов.

Таким образом, обзор научной литературы по теме исследования позволяет сделать вывод, что отечественная бизнес-лингвистика нуждается в дальнейшем, более глубоком теоретическом и прикладном изучении бизнес-презентации как особого жанра деловой коммуникации, в результате чего будет более точно установлено место данного жанра в системе делового дискурса, а также разработана оптимизирующая модель исследования жанра, позволяющая повысить эффективность используемых средств речевого и невербального воздействия на аудиторию.

Литература

1. Артёмова Т. В. Функционирование нарратива в бизнес дискурсе (на материале презентаций бизнес-идей кемеровских предпринимателей на проекте «Стань предпринимателем за 60 дней») // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник научных статей. Вып. 3 / отв. ред. У. М. Трофимова; Алтайск. гос. акад. образ. им. В. М. Шукшина. Бийск: АГАО, 2014. С. 162 – 167.*
2. Гурьева З. И. Речевая коммуникация в сфере бизнеса: жанроведческий аспект. Ростов н/Д.: СКНЦВШ, 2003. 92 с.
3. Данюшина Ю. В. Бизнес-лингвистика и деловое общение в интернете: монография. М.: ГУУ, 2010. 275 с.
4. Катышев П. А. Бизнес-дискурс как объект теоретической лингвистики // *Общетеоретические и типологические проблемы языкознания / сб. науч. ст.; отв. ред. У. М. Трофимова; Алтайская государственная академия образования имени В. М. Шукшина. Бийск, 2014. С. 15 – 19.*
5. Коренева А. Обучение публичным выступлениям студентов-нефилологов // *Высшее образование в России. 2008. № 1. С. 101 – 105.*
6. Малетова М. И., Пантюхина Е. Л. Бизнес-презентация как вид интерактивной деятельности в обучении студентов-экономистов // *Вестник Удмуртского университета. 2012. № 2-1. С. 41 – 46.*
7. Нгуен Т. З. Бизнес-презентация как речевой жанр // *Вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. (Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования). 2012. № 1. С. 64 – 71.*
8. Нгуен Т. З. О некоторых способах речевого воздействия в тексте бизнес-презентации // *Вестник Российского университета дружбы народов. (Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания). 2012. № 2. С. 125 – 129.*
9. Паршин П. Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности // *Рекламный текст: Семиотика и лингвистика. М., 2000.*
10. Ребрик С. Б. Презентация: 10 уроков. М.: ЭКСМО, 2004. 195 с.
11. Фандрайзинг // *Википедия: свободная энциклопедия. Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Сбор денег](https://ru.wikipedia.org/wiki/Сбор_денег) (дата обращения: 21.03.2015).*

Информация об авторах:

Оленев Станислав Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики и риторики КемГУ, stanislav.olenev@gmail.com.

Stanislav V. Olenov – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Stylistics and Rhetorics, Kemerovo State University.

Ширкина Наталья Анатольевна – студент факультета филологии и журналистики КемГУ, shirkinanata@mail.ru.

Natalia A. Shirkina – student at the Faculty of Philology and Journalism, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **С. В. Оленев**). (Academic advisor – **S. V. Olenov**).

Статья поступила в редколлегию 18.09.2015 г.

УДК 81:378

**ИННОВАЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (РКИ)
СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ИРАНА
(на примерах семантики и средств выражения вежливости в русском и персидском языках)**

Д. Н. Шейхи, И. Замани

NEW METHODS OF TEACHING THE RUSSIAN LANGUAGE TO IRANIAN STUDENTS

J. N. Sheikhi, I. Zamani

В статье рассматривается актуальность внедрения инновационных методов в процесс обучения русскому языку иранских филологов-русистов. Учитывая тот факт, что главным в обучении иностранного языка становится функциональный принцип обучения, а также в центре внимания ставится коммуникативная компетенция учащихся, то в современной методике преподавания иностранных языков ведется интенсивный поиск новых подходов, форм и методов преподавания. Инновационные методы обучения предполагают взаимодействие субъектов образовательного процесса на уровне «равный – равному», другими словами директивная модель обучения, заменяется интерактивной моделью, являющейся более продуктивной и ориентированной на личность студента.

The study explores the application of innovative methods of teaching the Russian language to Iranian students. When teaching a foreign language the practical principles of teaching are more important than anything else; and particular attention should be paid to the ability of the language learner to communicate. All these have sought to bring about a growing trend toward the need for new methods and approaches to language teaching. New methods focus on equal interaction among learners during the language learning process. In other words, the directive model has been replaced by interactive model which is far more efficient and productive, and conforms to the learner's personality.

Ключевые слова: РКИ (русский язык как иностранный), инновационные методы, коммуникативная компетенция, методика преподавания, функциональный принцип обучения.

Keywords: Russian as a foreign language, innovative methods, communicative skills, teaching methods, teaching strategies, teaching practical principles.

Мечтой и желанием каждого иранского студента, а также любого человека, изучающего иностранный язык, является умение правильно говорить и выражать свои мысли на интересующем его языке. Обучение любой дисциплине требует от обучающего и обучаемого ряда обязанностей и усилий. В обязанности обучающего входит выбор определенной методики и подходящего метода преподавания, отбор заданий для каждого вида учебной деятельности, учебных пособий с учетом уровня знаний обучаемых и многое другое. От обучаемых требуются усилие, серьезность и ответственность. Отличие обучению иностранным языкам от других дисциплин заключается в том, что благодаря языку мы выражаем свои мысли и чувства. Наши мысли и чувства не ограничиваются в кабинете, в лаборатории, в исследованиях, они всегда и везде при нас. Это говорит также и о том, что следует не только правильно изучать иностранные языки, но и правильно выражать свои мысли на родном языке. И как верно отметил французский лингвист А. Мартине,

каждый индивид представляет собой не только поле сражения различных, противоречащих друг другу языковых типов и речевых навыков, но и постоянный источник языковой интерференции [3, с. 19]. А. Мартине имел в виду внутриязыковую интерференцию, имеющую место в речи человека, говорящего на родном языке, но владеющего целым рядом различных языковых кодов и способного переключать их в процессе общения с разными партнерами, выступая в разных социальных ролях. Можно себе представить, насколько расширяется это «поле сражения», когда человек общается на чужом для себя языке. Его речь в этом случае становится богатым источником межъязыковой интерференции, в ней выявляется акцент, характер которого продиктован в первую очередь разницей в устройстве и функционировании механизмов, в принципе свойственных речевой деятельности человека [9, с. 23].

«Если развитие родного языка начинается со свободного спонтанного пользования речью и заверша-

ется сознанием речевых форм и овладения ими, то развитие иностранного языка начинается с осознания языка и произвольного овладения им и завершается спонтанной речью» [1, с. 58]. Родной язык усваивается одновременно с присвоением общественного опыта. Огромное значение в овладении родным языком играет и тот факт, что оно протекает в сензитивный к речи период, когда существуют благоприятные физиологические условия для речевого развития ребенка. Усвоение иностранного языка совершается совсем другим путем и в другие возрастные периоды.

Процесс обучения русскому языку как иностранному – это процесс совместной деятельности учителя и учеников, это передача учителем своих знаний, навыков, умений в области изучаемого языка и усвоения учениками речевого опыта и приобретение способности владеть языком. Обучение иностранному языку, в частности русскому языку как иностранному, очень сложный и многоаспектный процесс, и, упуская из виду какие-то его компоненты, мы тем самым обрекаем обучение на неуспех, особенно в искусственной языковой среде [7, с. 7].

В процессе обучения преподаватель и учащиеся имеют дела с тремя группами явлений: самим языком как средством общения, хранения и передачи информации, речью (способами общения, реализуемым в виде текстов и являющимся результатом общения) и речевой деятельностью (процессом общения в виде системы речевых действий) [8, с. 127].

В иранских вузах в программу изучения русского языка, как и других иностранных языков, входит углубленное изучение грамматики, фонетики и лексического состава языка, все больше акцент делается на обучение системе языка и в основном на грамматику. По-прежнему основными трудностями являются недостаток активной устной практики в расчете на каждого ученика группы, изучение иностранного языка должно основываться на развитии речевых навыков у учащихся в результате выполнения устных упражнений, и теоретическое изучение должно уступать свое место выработке практических навыков.

Как отмечает А. Н. Щукин, овладение навыками и умениями речевого общения является ведущей целью обучения языку, составляет основу формируемой в процессе занятий коммуникативной компетенции. Участие в речевом общении предусматривает владение *средствами общения* (фонетические, лексические, грамматические, переводческие и т. п.) и *деятельностью общения* (слушание, говорение, чтение, письмо), которые рассматриваются в качестве структурных компонентов общения, являются объектами. Необходимо научить студентов не только основам иностранного языка, но и научить их с интересом и правильно общаться на другом языке как в рамках профессиональной тематики, так и в ситуациях повседневной жизни.

Преподавание русского языка как иностранного осуществляется сейчас в условиях глобальных изменений по всей системе образования – изменились цели изучения языка, потребности учащихся, условия обучения; нельзя не признать, что произошёл и переход количественных изменений в качественные – работа с массами изучающих трансформировалась в

работу более индивидуализированную, когда учащиеся сами стали определять не только языковую, но и культурную составляющую процесса обучения [4, с. 115].

Главная цель обучения иностранному языку – не столько обучение системе языка (лингвистической компетенции), сколько овладение коммуникативной компетенцией, т. е. способность человека средствами изучаемого языка осуществлять речевое общение в той или иной сфере деятельности. В основе коммуникативной компетенции лежит комплекс языковых знаний и речевых навыков и умений, которые формируются и усваиваются в ходе занятий [6, с. 154]. И параллельное развитие всех этих способностей – основная задача каждого преподавателя. Обучение должно быть направлено на одновременное формирование нескольких видов речевой деятельности в рамках их определенного последовательно-временного соотношения на основе общего языкового материала с использованием языковых и речевых упражнений. Ведь развитие одного вида способствует развитию других, облегчает овладение ими. Важно, чтобы материал языковых упражнений, направленных на формирование навыков и овладение способами формирования и формулирования мыслей, был представлен и в речевых упражнениях, где усвоенный материал вводится в ситуациях общения и обеспечивает формирование речевых умений [6 с. 154].

Инновационный подход к обучению, опираясь на методы и приемы, направленные на практическое овладение языком в различных сферах общения, обеспечивает формирование коммуникативной компетенции учащихся и способствует эффективному обучению данному языку. Основная идея данных методов – создать условия для активной совместной учебной деятельности учащихся и преподавателей в разных учебных ситуациях. Методы направлены на то, чтобы найти способы, пути развития самостоятельного мышления студентов, чтобы научить их не просто запоминать и воспроизводить знания, а уметь применить полученные знания на практике и оптимальный результат достигается через сотрудничество, сотворчество, самостоятельность.

При всей сложности процесса обучения иностранному языку опытный педагог, учитывая особенности усвоения языка, индивидуально-психологические особенности учащихся, особенности родного языка учащихся и ряд других факторов, должен искать такие пути, способы, при которых обучение языка стало эффективным и полезным для каждого.

Многое в этой сфере зависит и от преподавателя, наряду с традиционными методами обучения он должен применять и инновационные методики, в соответствии с которыми обучение русскому языку должно осуществляться на основе развития речевой деятельности. Кроме того, он должен владеть искусством придания уроку живость и увлекательность. Ведь несомненно, что то, что пережито, эмоционально запоминается дольше (радости открытия, радости познания, интеллектуальных эмоций обучаемых студентов) [7, с. 7].

Инновационные методы обучения предполагают взаимодействие субъектов образовательного процесса

на уровне «равный – равному», где учитель и ученик – часть одной команды, они работают для достижения одной цели, способствуют организации комфортных условий обучения, при которых все ученики активно взаимодействуют между собой. Использование этих приёмов предполагает моделирование жизненных ситуаций, ролевых игр, общее решение вопросов на основании анализа обстоятельств и ситуации [2, с. 36].

В таком обучении учитываются потребности ученика, привлекается его личностный опыт, осуществляется адресная корректировка знаний, оптимальный результат достигается через сотрудничество, сотворчество, самостоятельность и свободу выбора, ученик анализирует собственную деятельность. Принципиально изменяется схема взаимосвязи между участниками образовательного процесса, в контакте с учителем и сверстником ученик чувствует себя комфортнее [2, с. 36].

Что касается обучения русскому языку иранских учащихся вне языковой среды, то является обязательным с целью ускоренного и более глубокого изучения языка наряду с традиционными и общепринятыми методиками внедрять в систему обучения инновационные методы, способствующие приобретению навыков грамотного общения на русском языке. Инновационные методы обучения на уровне иранской (или любой другой) аудитории являются весьма актуальными в условиях отсутствия языковой среды, в особенности на протяжении начальных этапов обучения, когда студенты отличаются застенчивостью в выражении своих мыслей, проявляют страх перед разговорной деятельностью, так как являются уязвимыми в отношении насмешек со стороны своих сокурсников. Следовательно, применение этих методов поможет активизации эмоциональной сферы учащихся, позволяющую включить всех учащихся в процесс познания на максимальном для каждого обучающегося уровне успешности и перевести учебную деятельность на продуктивно-творческий уровень.

Для того чтобы в очередной раз доказать эффективность инновационных методов в повышении коммуникативной компетенции иранских учащихся, нами были выбраны два метода и два приема на тему «Семантика и средства выражения вежливости в русском и персидском языках». Что касается вежливости, то стоит отметить, что вежливость и этикет являются важными составляющими каждого общества. В иранской культуре, как и во многих других культурах, вежливости отводится особое значение. Следовательно, иранским учащимся интересно с основ постижения русского языка усвоить этикетные коммуникемы, а также способы и средства выражения категории вежливости. Несмотря на то, что функционально-семантическое поле вежливости русского и персидского языков во многом схожи друг с другом, однако структуры и способы выражения семантического содержания вежливости в русском языке являются наиболее разнообразными, чем в персидском.

Проводя урок на тему «Семантика вежливости и средства ее выражения в русском и персидском языках», прежде всего, следует ознакомить студентов с функционально-семантическим полем вежливости и

ее оттенками. К числу семантического содержания вежливости следует отнести побудительность, просьбу, приглашение, предложение, отказ, согласие, совет, приветствие, прощание, извинение, поздравление, благодарность, комплимент, утешение, соболезнование, знакомство. Важно также предоставить студентам лаконичную и четко разработанную схему в отношении каждого составляющего функционально-семантического поля вежливости ввиду их разнообразия и разноструктурности.

Исходя из того, что в подавляющем большинстве предложений смысловая нагрузка накладывается на глагол, которого в русском языке невозможно представить без категории вида, следовательно, при выражении вежливости и этикета следует обратить внимание иранских студентов на глагольный вид, передающий разнообразные смысловые оттенки. В персидском языке, так же как и в русском, существует категория вида, однако эта категория не несет той смысловой и грамматической нагрузки, которая свойственна русскому аспекту.

С целью подведения итогов и проверки уровня и качества освоенного материала на уроках грамматики и разговорной речи, а также для повышения эффективности обучения и развития речи учащихся мы решили апробировать ряд методов и приемов, предложенных Е. М. Решетниковой [5, с. 43]. Для того чтобы вовлечь всех студентов к активной групповой работе, мы выбрали следующие методы: «Защита темы», «А теперь шумим!», прием увеличения числа действующих лиц и прием увеличения числа ограничительных условий. Заимствованные методы и приемы были модифицированы нами в соответствии с выбранной темой, а также согласно уровню и знаниям студентов и внедрены на протяжении четырех занятий. Важно отметить о действенности и положительных результатах этих методов, а также заряд и удовлетворенность студентов и преподавателя результатами каждого урока.

1. Метод «Защита темы»

Данный метод был применен на уроке грамматики. В конце изучения темы была проведена ее защита. Студенты были разделены на две команды. С помощью преподавателя каждая команда заранее подготовила по два проблемных вопроса по изученной теме (средства выражения вежливости, роль глагольного вида при выражении семантики вежливости) для другой команды. Вопросы задавали оппоненты, выбранные членами каждой команды. Особое внимание уделялось тонкостям глагольного вида при передаче разных оттенков вежливости, к примеру, отличить значения глаголов *просить* и *попросить*: из разговора инспектора дорожно-патрульной службы водителю автомобиля: *Попрошу предъявить ваши документы* (повышенная степень категоричности и официально-сти) и участник заседания присутствующим: *Прошу слова* (вежливое выражение просьбы выступить в официальной обстановке); *садиться* и *сесть*: врач пациенту: *Садитесь, пожалуйста*, на что вы жалуетесь? (вежливое) и отец сыну: *Будь добр сядь и помолчи!* (резкое, категоричное побуждение). При ответах участвовали все члены команды. Каждый участ-

ник зарабатывал очки для своей команды. Свободный обмен мнениями позволил глубже и шире осветить все вопросы.

2. Метод «А теперь шумим!»

Каждый студент группы мог выступить как в роли студента, так и в роли преподавателя. Два игрока вставали в роли преподавателя лицом к аудитории. При команде преподавателя «А теперь шумим!» группа начинала в пределах дозволенного громко говорить. Цель игроков, выступающих в роли преподавателя, заключалась в том, чтобы применяя разные семантические содержания вежливости (*побудительность, просьба, совет*), успокоить и призвать аудиторию к тишине. Студенту, справившемуся лучше других с поставленной задачей, зачислялось три балла.

3. Прием увеличения числа действующих лиц

Кроме выступления основных представителей группы, в игровой процесс урока были включены эксперты и переводчики. На экспертов возлагалась ответственность за выдачу заключения и суждения в отношении действий каждой команды. Включив всех учащихся в процесс урока-игры, увеличивалось число позиций, стимулирующих ответственность за ситуацию. Важная роль помимо основных представителей команд была отведена переводчикам каждой команды, которые должны были переводить на персидский язык и находить аналоги этикетных коммуникативных персидского языка, и определить составляющие семантического содержания вежливости.

4. Прием увеличения числа ограничительных условий

Данный прием подразумевает короткие сценические импровизации на тему семантического содержания вежливости. Студенты без подготовки изображали заданные стратегии поведения: побудительность, приглашение, приветствие, соболезнование, знакомство и т. п. на определенный короткий сюжет из знаменитого персидского рассказа или пословицы. Излагать свою мысль студенты соответственно должны были на русском языке. Каждый студент должен был уложиться за три минуты.

Приемы «увеличение числа ограничительных условий» и «увеличение числа действующих лиц» были записаны на видеокамеру, благодаря последующему просмотру студенты смогли анализировать свои ошибки и сохранить на память хорошие впечатления об уроке.

Русский язык в Иране преподается в крупнейших учебных заведениях страны, таких как Тегеранский государственный университет, университет Бехешти, Тарбият Модаррес, Аль-Захра, Алламе Табатабаи, университет им. Фирдоуси (г. Мешхед), Гилянский университет, университет Азад и пр. Следует указать также на очень важный момент, и это не что иное, как количество обучающихся студентов в каждой группе. Обычно их число превышает 20 человек. Следовательно, какими бы методиками не обладал преподаватель, в течение полутора часов занятий ему физически является сложным разделить свою энергию и передать знания на количество обучаемых студентов, при-

нимая во внимание тот факт, что каждый урок начинается с повтора пройденного материала. Каждый педагог, преподающий в указанных вузах, наряду с традиционными методами обучения русскому языку обладает рядом самостоятельно разработанных методов, проверенных в учебной практике. Наряду с двусторонним сотрудничеством преподавателя и студента не следует также забывать о развитии телекоммуникационных и информационных технологий, способствующих сетевому взаимодействию. Для того чтобы повысить уровень мотивации студентов, их навыков и умений, наряду с работой преподавателей, является целесообразным для повышения здоровой конкуренции среди учащихся указанных вузов сформировать при помощи преподавателей и студентов сетевое профессиональное сообщество студентов-русистов. В данном сообществе студенты под патронажем преподавателей смогут обмениваться идеями, совместными исследованиями и проектами, высказывать свои мнения, делиться приобретёнными навыками, учебными пособиями. Также наряду с сетевым сообществом с целью демонстрации знаний и навыков является важным проводить национальные межвузовские мини-олимпиады по русскому языку. Учитывая тот факт, что подавляющее большинство выпускников этих вузов в будущем будут заниматься переводческой деятельностью, является важным наряду с преподаваемыми дисциплинами, такими как перевод публицистических, художественных, религиозных (исламских) текстов, проводить на уровне языковых факультетов мастер-классы по устному и письменному переводу. Не стоит недооценивать важную роль подобных мастер-классов, так как они позволяют: познакомиться с особенностями каждого вида переводческой деятельности, выполнить ряд упражнений на память, продемонстрировать общую эрудицию, быстроту реакции и прочие навыки, необходимые переводчику, позволяют студентам проверить себя в разных видах перевода, получить индивидуальные рекомендации для дальнейшего совершенствования в устном переводе и пр. Другим важным моментом при обучении русскому языку иранской аудитории является понятие и постижение русского менталитета и менталитета русской культуры в целом.

Также является важным в рамках иранской аудитории и в условиях отсутствия языковой среды наряду с разрабатываемыми инновационными методами на подготовительных курсах и начальных этапах обучения сконцентрироваться на следующем.

1. Уделять особое внимание такой важной дисциплине, как фонетика, слушанию и развитию слухомоторной памяти. У большинства иранских студентов возникают проблемы при произношении звуков «ы» и «щ». Студент не только должен правильно излагать свои мысли, но и правильно выговаривать слова и воспринимать устную речь на слух; следует сказать, что самым важным и самым полезным способом в разговорной речи и устной коммуникации является слушание. Слух повышает скорость обучения. Как же следует слушать записи на русском языке:

а) не следует обращаться к текстам до прослушивания их звуковой версии. Так как чтение текстов без их предварительного прослушивания может иметь

негативные последствия, заключающиеся в неправильном произнесении прочтенного слова. В результате неправильное произношение, сформировавшееся в памяти студента может на долго остаться с ним. Следовательно, необходимо в первую очередь прослушивать звуковую версию текста, а только потом его печатную версию;

б) порою студенты задают вопрос о том, сколько раз следует прослушивать урок или запись? 5 раз? Или 10? Не пять и не десять, а сто и более раз. Студент, стремящийся достичь уверенности в разговорной речи и в устной коммуникации, должен прослушивать урок до того времени, пока не выучит его чуть ли не наизусть. Можно утверждать, что один из ключевых вопросов повышения умений и навыков разговорной речи заключается в подобных повторах. Студент сперва должен выучить текст урока, затем, выключив запись, постараться воспроизвести услышанное на уровне дикции диктора, прочитавшего текст. Проверено, что студент достигает вершины радости тогда, когда ему удастся выучить и воспроизвести наизусть самый длинный абзац текста;

в) как следует прослушивать записи? Только в наушниках. По двум причинам, во-первых, способность обучению человека разделяется в соотношении 40 % и 60 % между зрением и слухом. Для того чтобы проверить способность нашего зрения с помощью слуха, мы должны закрыть глаза. Представьте себе, что вы сидите в определенном пространстве и беседуете с человеком. К вам подходит человек (работник офиса, сотрудник, друг) и объясняет (шепчет) вам в ухо что-то. Вспомните куда и на что вы смотрели, когда слушали его? Несмотря на то, что ваши глаза были открыты, однако в действительности вы не на что не смотрели, так как все ваше внимание было сосредоточено на его словах. Аналогична в какой-то степени и роль наушников, шепчущих вам в ухо какие-то слова, сосредотачивающих ваше внимание к себе. Во-вторых, другим плюсом наушников является то, что звук, исходящий из наушников, приближенных к ушной барабанной перепонке на протяжении долгого времени, остается в наружном слуховом проходе уха и постоянно повторяется;

г) пройдя вышеперечисленные этапы, а именно неоднократное прослушивание звуковой версии текста и его выучивание, следует самостоятельно прочесть текст на диктофоне. Важно неоднократно записывать свой голос, читая выученные наизусть тексты, при этом не обращаться к их письменной версии. Если студент забудет выученный наизусть текст, он сможет заново прослушать его оригинал и записать свой голос во второй раз. Если постоянно обращаться к этому методу, то спустя некоторое время студент сможет ощутить свой прогресс в акценте и произношении, близкому к носителю языка. Следует напоминать студентам, в особенности тем, кто изучает русский язык в неязыковой среде, если они хотят достичь прогресса в устной коммуникации, то в течении дня им следует посвятить прослушиванию звуковой версии текстов не менее двух часов. Причем это следует внедрять в их учебную практику в качестве обязательных занятий, начиная с подготовительных курсов.

Итак, подытоживая совет под номером один наряду с обучением в вузе, в качестве домашнего задания для того, чтобы достичь желаемых результатов, студенты должны много слушать, заучивать и воспроизводить услышанное, чтобы приблизить свой акцент к акценту носителя языка и правильно и с соответствующей скоростью выговаривать слова.

2. Активно внедрять в процесс обучения такой вид вспомогательного аудиосредства, как MP3 player: слушая в свободное время текст, прочитанный преподавателем на уроке, имеет два положительных момента, во-первых, MP3 player весьма мобильный аппарат, во-вторых, студент, слушая и повторяя правильную дикцию преподавателя, научится правильно произносить слова и ставить в них ударение. Учитывая подвижную природу русского ударения, у учащихся при самостоятельном чтении текстов зачастую возникают ошибки и сложности в связи с определением правильного местоположения ударения в слове. В устранении этой проблемы могут помочь MP3-player или диктофон мобильного телефона учащегося.

3. Выучивание студентами скороговорок и речевых разминок типа: Лара играла на лире; Но подсолнухов много у солнышка, А солнышко одно у подсолнушка; Ткёт ткач ткани на платки Тане – сможет помочь развитию и улучшению моторной и слухомоторной памяти студента, повысить качество его артикуляционных умений.

4. Следует также с самых истоков обучения языку внедрять в обучение фразеологизмы: существуют пособия, предусматривающие уровень знаний учащихся, начиная с подготовительных курсов, т. е. элементарного уровня, и заканчивая продвинутыми этапами обучения.

5. Важным на подготовительных и начальных курсах является заучивание студентом наизусть не менее 2-х слов за урок вместе с их антонимами и синонимами, что способно помочь развитию словарного запаса студента. В этом студенту сможет помочь система Лейтнера. Учитывая число студентов в группе (максимальное число студентов составляет от 25 – 30 человек) с целью вовлечения всех обучающихся в образовательный процесс, следует поднимать по 2-е студентов, спрашивая у одного значение и перевод на персидский язык выученного слова, а у другого – его синоним и антоним. Подобный парный вид ответов на заданный вопрос имеет большой плюс, заключающийся в том, что большая аудитория из 25 – 30 студентов может быть вовлечена в урок и каждый в нем может проявить активность. Это будет хорошей закалкой для начинающих студентов, основная часть которых намерена продвигаться по карьере переводчика.

6. Мини диктанты: могут быть на тему пройденного материала, или же выученных слов, благодаря им повышается уровень грамотности студентов, который в последнее время у подавляющего большинства учащихся зависит в большей мере от программы проверки правописания и орфографии, установленной в компьютере каждого.

7. Ролевые игры, мини-диалоги, открытые обсуждения: за/против, приемы театрализации, пресс-конференции, кластеры и т. д.

Сложно изучать иностранный язык вне языковой среды, хотя и на академическом уровне. Как было отмечено ранее при изучении русского языка вне языковой среды в большинстве случаев мы становимся свидетелями грамматического опережения. И это порою правомерно по отношению к русскому языку, являющемуся по своему морфологическому строю флексивным, синтетическим, где каждая флексия способна выражать одновременно по несколько значений в отличие от персидского, морфологический строй которого является флексивно-аналитическим с элементами агглютинации. Следовательно, начиная с подготовительных курсов наряду с грамматикой в равных пропорциях, следует внедрять в урок фонетику и в большинстве случаев иметь устное опережение. Для того чтобы повысить коммуникативную компетенцию иранских учащихся и помочь им свободно общаться на русском языке, с легкостью понимать и переосмысливать речь носителей языка и стать наконец хорошим собеседником, следует в первую очередь придать уроку живость и эмоциональность, возбудить у учащихся любовь к языку. И это достигается благодаря инновационному обучению и богатому ар-

сеналу приемов и методик, заложенных в этом обучении. Свидетельством сказанному являются представленные методики и приемы к материалу на тему «Семантика и средства выражения вежливости в русском и персидском языках», давшие положительные результаты. В этом и заключаются тот 50 % вклад преподавателя в передаче знаний студентам.

Что касается остальных 50 %, зависящих от учащихся, то следует отметить, что какой бы новый инновационный метод не выбрал бы для студента преподаватель с целью повышения его практического овладения языком, многое зависит от самого студента, от его усердий, стараний и сообразительности. Ибо самый содержательный и вдохновительный урок не сможет продолжаться более полутора часов. По окончании урока за дверями аудитории и вуза остается студент наедине со своим старанием и фантазией. Исходя из сказанного, студентам можно посоветовать следовать знаменитой поговорке «Повторенье – мать ученья». Чем больше они будут повторять пройденный материал, углубившись в нем, тем лучше они его смогут запомнить.

Литература

1. Выготский Л. С. Мышление и речь // Избр. психол. исслед. М., 1956. 517 с.
2. Кашлев С. С. Технология интерактивного обучения. Минск: Белорусский верасень, 2005. 196 с.
3. Мартине А. Предисловие // Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. М., 1979. С. 18 – 21.
4. Митусова О. А. Лингвистический компонент модели современного специалиста // Строительство-2001: материалы Междунар. научно-практической конф. Ростов н/Д.: РГСУ, 2003. С. 114 – 118.
5. Решетникова Е. М. Игровая деятельность как средство развития речевой компетенции будущих преподавателей профессионального обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2007.
6. Щукин Н. А. Методика обучения речевому общению на иностранном языке. М.: Икар, 2011. С. 154 – 157.
7. Щукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М. Русский язык, 1990. 117 с.
8. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / под ред. А. Н. Щукина. М. Русский язык, 2003. 305 с.
9. Шатохина Г. Н. Перцептивный аспект русско-японской фонетической интерференции (экспериментальное исследование на материале бифонемных консонансов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 234 с.

Информация об авторах:

Шейхи Джоландан Нахид – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета, Иран, sheikhinahid@ut.ac.ir.

Jolandan N. Sheikhi – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the Russian Language and Literature, University of Tehran.

Ирана Замани – аспирант кафедры русского языка и литературы факультета иностранных языков Тегеранского университета, Иран, z_irana@mail.ru.

Irana Zamani – 2nd year PhD student at the Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Foreign Languages and Literatures, University of Tehran.

(Научный руководитель – **Шейхи Джоландан Нахид**. Academic advisor – **Jolandan N. Sheikhi**).

Статья поступила в редколлегию 24.11.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований. Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) – до 1 февраля текущего года;
- в № 2 (июнь) – до 1 мая текущего года;
- в № 3 (сентябрь) – до 1 августа текущего года;
- в № 4 (декабрь) – до 1 ноября текущего года.

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

Порядок предоставления материала в редакцию

1. Текст статьи представляется в редакцию на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210x297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

4. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Все поступившие в редакцию статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат», представленные материалы должны быть оригинальными – с уникальностью текста не менее 75 %.

5. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

6. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

7. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

8. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

9. Статьи обучающихся (аспиранты, магистранты, студенты) вузов и научных организаций России, а также сотрудников КемГУ, работающих над диссертационными исследованиями, темы которых утверждены ученым советом университета, публикуются при наличии рекомендации научного руководителя (научного консультанта) и (или) решения кафедры. Статьи студентов при этом принимаются для публикации по рекомендации кафедры только в соавторстве с научным руководителем или учеными, являющимися специалистами в соответствующей области науки.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала. Статьи публикуются в порядке очередности: прием к публикации не предполагает опубликования в ближайшем номере журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Структура статьи

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.

5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.
7. Список литературы.
8. Сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; контактные данные (телефон, адрес электронной почты).

Требования к оформлению статей

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.
2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.
3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.
4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.
5. Статья должна быть снабжена аннотацией на русском и английском языках. Аннотация к статье должна быть: информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи: предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.
6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).
7. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров.
8. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках.
9. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

Примеры описания цитируемых публикаций:

Описание книги:

- Румянцев М. К. Фонетика и фонология китайского языка. М.: АСТ, 2007. 302 с.
- Трофимова Е. Б., Трофимова У. М., Сергеева М. Э., Власов М. С., Филиппова Е. Ю., Одончимэг Т. Узуальное и окказиональное семиотическое пространство эмоций. Улан-Батор; Бийск: Соембо принтинг, 2011. 292 с.
- Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека / общ. ред. А. А. Деркач // Акмеологические технологии диагностики и актуализации личностно-профессионального роста. М.: РАГС, 2001. Кн. 1 – 5. Кн. 5. 2001. 541 с.

Описание статьи из журнала:

- Евдокимова Г. А., Мозгова Н. Г., Михайлова И. В. Способы биоремедиации почв Кольского севера при загрязнении дизельным топливом // Агрохимия. 2009. № 6. С. 61 – 66.

Описание статьи из электронного журнала:

- Сартикова Е. В. Деятельность местных комитетов профсоюзов по заключению коллективных договоров в 1963 – 1973 гг. (на материалах Калмыкии) // Научный журнал КубГАУ. 2015. № 113(09). Режим доступа: <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/37.pdf> (дата обращения: 22.05.2012).

Описание статьи с DOI:

- Zhang Z., Zhu D. Experimental research on the localized electrochemical micromachining. Russian Journal of Electrochemistry, 2008, vol. 44, no. 8, pp. 926-930. doi: 10.1134/S1023193508080077

Описание материалов конференций:

- Санникова А. А. Чураевка как идеал русской общины (культурно-просветительская деятельность Г. Д. Гребенщикова) // Алтайский текст в русской культуре: материалы третьей региональной научно-практической конференции. Барнаул, 2006. Вып. 3. С. 18 – 28.

Описание Интернет-ресурса:

- Обзор методов изучения китайского языка и запоминания иероглифов. Режим доступа: <http://magazeta.com/2013/01/methods-review/> (дата обращения: 01.04.2015).

Описание диссертации:

- Исламов Р. С. Лексическая амбивалентность естественного языка в среде систем машинного перевода (на материале английской официально-деловой документации): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 220 с.

Зарубежные источники:

- Kampfer P., Neef A., Schacht B. *Mikrobiologische Charakterisierung von unterschiedlich landwirtschaftlich genutzten Boeden*. Band, 1999, no. 89, p. 305.

10. На последней странице статьи указываются сведения об авторах на русском и английском языках: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

11. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 1.02.2016 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 25.03.2016 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 25,5. Уч.- изд. л. – 24.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО "АИ Кузбассвуиздат". 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, оф. 101